

ФЕДЕРАЛЬНАЯ СЛУЖБА ИСПОЛНЕНИЯ НАКАЗАНИЙ
АКАДЕМИЯ ПРАВА И УПРАВЛЕНИЯ
Научное пенитенциарное общество

ЧЕЛОВЕК: ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ

Научный журнал

№ 2 (85). 2014

E-mail: editor62@yandex.ru

ЧЕЛОВЕК: ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ

Научный журнал

Журнал зарегистрирован
Министерством печати
и информации
Российской Федерации.
Свидетельство о регистрации
СМИ № 01891
от 14 декабря 1992 г.
Выходит 4 раза в год.

Распространяется
на территории
Российской Федерации.

Все права защищены.
Перепечатка материалов только
с разрешения
редакции журнала.

*Авторские материалы
рецензируются
и не возвращаются.*

*За содержание рекламных
материалов редакция
ответственности
не несет.*

Подписка:
Объединенный каталог
«Пресса России» – 73800
Internet-каталог
«Российская периодика» – 73800
www.arpk.org

Представлен в системе
Российского индекса
научного цитирования:
www.elibrary.ru.

Включен в Перечень ведущих
рецензируемых научных
журналов и изданий,
в которых должны быть
опубликованы основные
научные результаты
диссертаций на соискание
ученой степени доктора
и кандидата наук
(№ 1584, решение Президиума
ВАК Минобрнауки России
от 19 февраля 2010 г. № 6/6)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

КРЫМОВ Александр Александрович – кандидат юридических наук, доцент
(председатель);

АНТОНЯН Юрий Миранович – доктор юридических наук, профессор;
заслуженный деятель науки Российской Федерации;

ГИРЬКО Сергей Иванович – доктор юридических наук, профессор;

ЗАРИПОВ Зарип Саидович – доктор юридических наук, профессор;

ЛЕБЕДЕВ Семен Яковлевич – доктор юридических наук, профессор;
заслуженный юрист Российской Федерации;

МУЗЮКИН Анатолий Павлович – кандидат юридических наук;
заслуженный юрист Российской Федерации;

НАУМОВ Анатолий Валентинович – доктор юридических наук, профессор;

ПЛЕШАКОВ Владимир Алексеевич – доктор юридических наук, профессор;

ПОБЕГАЙЛО Эдуард Филиппович – доктор юридических наук,
профессор; заслуженный деятель науки Российской Федерации;

СТАРОСТИН Сергей Алексеевич – доктор юридических наук, профессор;

УШАКОВ Сергей Анатольевич – начальник УФСИН России по Рязанской обл.;

ШАТАЛОВ Александр Семенович – доктор юридических наук, профессор

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

ГРИШКО Александр Яковлевич – главный редактор – доктор юридичес-
ких наук, профессор;

РЫЖОВ Роман Сергеевич – заместитель главного редактора – кандидат
юридических наук, доцент;

АКСЕНОВА Галина Ивановна – доктор психологических наук, профессор;

БАРАБАНОВ Николай Петрович – доктор юридических наук, профессор;
заслуженный работник высшей школы Российской Федерации;

БЛИНКОВ Олег Евгеньевич – доктор юридических наук, профессор;

ГАВРИЛОВ Борис Яковлевич – доктор юридических наук, профессор;

ИГНАТЕНКО Виктор Иванович – доктор юридических наук, профессор;
заслуженный работник высшей школы Российской Федерации;

КАШУБА Юрий Анатольевич – доктор юридических наук, профессор;

КОРЯЧКО Алексей Вячеславович – кандидат технических наук, доцент;

ЛИТВИШКОВ Владимир Михайлович – доктор педагогических наук, профессор;

МАКАРОВА Ольга Владимировна – доктор экономических наук, профессор;

ПОЗДНЯКОВ Вячеслав Михайлович – доктор психологических наук, профессор;

ПОЛИЩУК Николай Иванович – доктор юридических наук, профессор;

ПОНИКАРОВ Владимир Анатольевич – доктор юридических наук, доцент;

СУХОВ Анатолий Николаевич – доктор психологических наук, профессор;

СЫЧ Константин Антонович – доктор юридических наук, профессор;

ТЮГАЕВА Нина Алексеевна – доктор педагогических наук, профессор,
заслуженный работник высшей школы Российской Федерации;

ЧИСТЯКОВ Алексей Алексеевич – доктор юридических наук, профессор;

ШУРУХНОВ Николай Григорьевич – доктор юридических наук, профессор;

ЮНУСОВ Абдулжабар Агабалаевич – доктор юридических наук, профессор;

НЕСТЕРОВ Павел Николаевич – ответственный секретарь;

THE ACADEMY OF THE FEDERAL PENAL SERVICE OF RUSSIA

Scientific Penal Society

MAN: CRIME AND PUNISHMENT

Academic Journal

№ 2 (85). 2014

E-mail: editor62@yandex.ru

**MAN:
CRIME
AND
PUNISHMENT**

Academic Journal

Журнал зарегистрирован
Министерством печати
и информации
Российской Федерации.
Свидетельство о регистрации
СМИ № 01891
от 14 декабря 1992 г.
Выходит 4 раза в год.

Распространяется
на территории
Российской Федерации.

Все права защищены.
Перепечатка материалов только
с разрешения
редакции журнала.

*Авторские материалы
рецензируются
и не возвращаются.*

*За содержание рекламных
материалов редакция
ответственности
не несет.*

Подписка:
Объединенный каталог
«Пресса России» – 73800
Internet-каталог
«Российская периодика» – 73800
www.arpk.org.

Представлен в системе
Российского индекса
научного цитирования:
www.elibrary.ru.

**Включен в Перечень ведущих
рецензируемых научных
журналов и изданий,
в которых должны быть
опубликованы основные
научные результаты диссертаций
на соискание ученой
степени доктора
и кандидата наук
(№ 1584, решение Президиума
ВАК Минобрнауки России
от 19 февраля 2010 г. № 6/6)**

EDITORIAL COUNCIL:

KRYMOV Alexandr Alexandrovich – Candidate of Jurisprudence, Associate Professor (chairman);
ANTONYAN Yury Miranovich – Doctor of Jurisprudence, Professor; Honoured worker of a science of the Russian Federation;
GYRKO Sergey Ivanovich – Doctor of Jurisprudence, Professor;
ZARIPOV Zarip Saidovich – Doctor of Jurisprudence, Professor;
LEBEDEV Semion Jakovlevich – Doctor of Jurisprudence, Professor; Honoured lawyer of the Russian Federation;
MUZYUKIN Anatoly Pavlovich – Candidate of Jurisprudence;
NAUMOV Anatoly Valentinovich – Doctor of Jurisprudence, Professor;
PLESHAKOV Vladimir Alexeevich – Doctor of Jurisprudence, Professor.
POBEGAJLO Eduard Filippovich – Doctor of Jurisprudence, Professor; Honoured scientist of the Russian Federation;
STAROSTIN Sergey Alekseyevich – Doctor of Jurisprudence, Professor;
USHAKOV Sergey Anatolyevich – The chief of UFSIN of Russia across the Ryazan region;
SHATALOV Alexandr Semenovich – Doctor of Jurisprudence, Professor.

EDITORIAL BOARD:

GRISHKO Alexandr Yakovlevich – the editor-in-chief – Doctor of Jurisprudence, Professor;
RYZHOV Roman Sergeyevich – the assistant of the editor-in-chief – Candidate of Jurisprudence, Associate Professor;
AKSYENOVA Galina Ivanovna – Doctor of Psychology, Professor;
BARABANOV Nikolay Petrovich – Doctor of Jurisprudence, Professor; Honoured worker of the higher school of the Russian Federation;
BLINKOV Oleg Yevgenyevich – Doctor of Jurisprudence, Professor;
GAVRILOV Boris Yakovlevich – Doctor of Jurisprudence, Professor;
IGNATENKO Viktor Ivanovich – Doctor of Jurisprudence, Professor; Honoured worker of the higher school of the Russian Federation;
KASHUBA Yury Anatolyevich – Doctor of Jurisprudence, Professor;
KORYACHKO Alexey Vyacheslavovich – Candidate of Technical Sciences, Associate Professor;
LITVISHKOV Vladimir Mikhaylovich – Doctor of pedagogical sciences, Professor;
MAKAROVA Olga Vladimirovna – Doctor of Economics, Professor;
POZDNYAKOV Vyacheslav Mikhaylovich – Doctor of psychological sciences, Professor;
POLISCHUK Nikolay Ivanovich – Doctor of Jurisprudence, Professor;
PONIKAROV Vladimir Anatolyevich – Doctor of Jurisprudence, Associate Professor;
SUKHOV Anatoly Nikolaevich – Doctor of psychological sciences, Professor;
SYCH Konstantin Antonovich – Doctor of Jurisprudence, Professor;
TYUGAYEVA Nina Alekseevna – Doctor of pedagogical sciences, Professor; honored worker of the higher school of the Russian Federation;
CHISTYAKOV Alexey Alekseevich – Doctor of jurisprudence, Professor;
SHURUKHNOV Nikolay Grigoryevich – Doctor of jurisprudence, Professor;
JUNUSOV Abdulzhabar Agabalayevich – Doctor of Jurisprudence, Professor;
NESTEROV Pavel Nikolayevich – the responsible secretary.

СОДЕРЖАНИЕ

НАУЧНЫЙ ФОРУМ

- 9 **АНТОНЯН Ю. М.** Преступники и отношение к ним
- 13 **АРТЕМЬЕВ Н. С., ПОНКРАТОВ В. А.** Осуществление предупредительной функции административного надзора
- 17 **КАШУБА Ю. А.** Принятие актов амнистии в Российской Федерации (обращение к недавнему опыту)
- 22 **ЛЕБЕДЕВ А. В.** О классификации социальных систем и их сравнении
- 29 **СПАСЕННИКОВ Б. А., ЦАТУРОВ А. В.** Проблемы противодействия распространению религиозно-экстремистской идеологии в местах лишения свободы
- 33 **УХОВ В. Ю.** Институт чрезвычайного положения с позиции норм международного права
- 38 **ШАМСУНОВ С. Х., ГАЙ Е. В.** Меры осуществления контроля за условно осужденными
- 43 **ЮЖАНИН В. Е.** Процесс обеспечения реализации наказания в виде лишения свободы и его методы
- 46 **ГРУШИН Ф. В.** К вопросу о юридической ответственности в современном российском праве
- 50 **МАЛЫШЕВА О. А.** Совершенствование правового регулирования домашнего ареста – условия оптимизации сферы уголовно-процессуального принуждения
- 56 **ХОХРИН С. А.** К вопросу о понятии пенитенциарной преступности

АДМИНИСТРАТИВНАЯ ПРАКТИКА

- 59 **КАПЛУНОВ А. И., БУТОРИНА Л. С.** Меры административного принуждения, применяемые в отношении несовершеннолетних, совершивших уголовно наказуемые деяния и не подлежащих уголовной ответственности

ЗА РУБЕЖОМ

- 65 **ОРБАН Ф.** Терроризм в Норвегии: адаптация к новым реальностям
- 74 **РОМАНЮК В. В.** Сравнительно-правовая характеристика регламентации уголовного судопроизводства в отношении несовершеннолетних: опыт стран СНГ

ЛИНЗА ВРЕМЕНИ

- 79 **АЛЕКСЕЕВ В. И.** Историко-правовые аспекты российской пенитенциарной политики (1872–1917 гг.)
- 83 **ВОЛОШИН Д. В.** Ретроспективный анализ подготовки тюремного персонала за рубежом и использование этого опыта в царской России
- 87 **КУЗЬМИНЫХ А. Л.** Организация переписки военнопленных и интернированных в СССР (1939–1956)
- 91 **МИХЕЕНКОВ Е. Г.** Воспитательная работа с заключенными в пенитенциарной системе на территории Западной Сибири в эпоху нэпа

ВЕКТОР УПРАВЛЕНИЯ

- 95 **ПАВЛОВ П. А.** Система функций следственного изолятора

ПРЕСТУПЛЕНИЕ – НАКАЗАНИЕ – ИСПРАВЛЕНИЕ

- 98 **БЛИНОВ А. Г.** Уголовно-правовой механизм предупреждения преступных посягательств на права и свободы пациента и его реализация
- 102 **БУРЧИХИН А. Н.** Обеспечение прав осужденных при условно-досрочном освобождении
- 105 **БУГАЕВСКАЯ Н. В.** Коррупционные преступления, образующие виды злоупотребления служебным положением
- 109 **ГРИШИН Д. А.** Институт стадии возбуждения уголовного дела и его реализация в условиях исправительного учреждения
- 113 **ЗЕЗЮЛИНА Т. А.** Особенности квалификации уклонения от отбывания лишения свободы (ч. 2 ст. 314 УК РФ)
- 117 **КОБЗЕВА Е. В.** Незаконные поиск и (или) изъятие археологических предметов из мест залегания – новое преступное посягательство на нравственные основы культурной памяти
- 122 **НАЗАРКИН Е. В.** О роли судебных экспертиз в деятельности органов расследования преступлений, совершаемых в учреждениях УИС
- 125 **СУЛЕЙМАНОВ Т. А.** Структура и содержание уголовно-процессуальной деятельности в УИС
- 129 **ЯВОРСКИЙ М. А.** Интерпретация гендерного (полового) экстремизма
- 134 **БАЛАНДЮК О. В.** Исполнение домашнего ареста как меры пресечения
- 138 **ИРИСХАНОВ С. А.** Предупреждение наркопреступности: гражданско-правовой аспект

- 142** *КЕМОВА Н. Н.* Отграничение преступлений, совершаемых из хулиганских побуждений, от смежных составов преступлений
- 146** *ЛОПАШЕНКО Д. В.* Частное в уголовном праве через призму теории правоотношений
- 150** *СУВОРОВА Р. В.* Средства, используемые при проведении контроля за совершением преступления
- 154** *СУХАРЕВ С. Н.* Проблемы квалификации ст. 321 УК РФ в отношении несовершеннолетних
- 158** *ЮНУСОВ С. А.* Современные проблемы привлечения осужденных к труду в контексте реализации принципа справедливости в деятельности УИС

СТРАНИЧКА УПОЛНОМОЧЕННОГО ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА

- 162** *СЕРЕДА Е. В.* Право на получение медицинской помощи лицами, содержащимися в пенитенциарных учреждениях
- 165** *БЕЛИК В. Н., СЕМЕНОВСКИЙ И. Д.* Особенности защиты прав и свобод лиц, обладающих специальным правовым статусом, в деятельности Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации
- 170** *ЕФРЕМОВА О. С.* К вопросу о защите прав осужденных региональным Уполномоченным по правам человека
- 173** *ПЕРРОН Ю. В.* История становления международного контроля за соблюдением прав и свобод человека в местах лишения свободы в Российской Федерации

ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ПОИСК

- 176** *КОЛЕСНИКОВА Н. Е., ШИПИЛОВ А. И.* К вопросу об оценке, критериях и показателях эффективности психологического сопровождения осужденных в уголовно-исполнительных инспекциях
- 180** *ДОНСКОВ Д. А., ПУЗЫРЕВСКИЙ Р. В.* Педагогический потенциал учебной дисциплины «Физическая культура» в формировании потребностей в физическом совершенствовании у курсантов вузов ФСИН России
- 184** *ЛАВРЕНТЬЕВА И. В., САВЕЛЬЕВА Т. И.* Психокоррекционная работа с осужденными за преступления против половой неприкосновенности и половой свободы личности
- 188** *ЛЕВЕНЕЦ А. Е.* Психологические особенности базовых моделей копинг-поведения сотрудников УИС
- 193** *СТУКАНОВ В. Г.* Правосознание как предмет психологического исследования
- 198** *ТАВТИЛОВА Н. Н.* Психодинамическая типология сотрудников УИС, состоящих в резерве кадров на выдвижение

202 ТРЕБОВАНИЯ К СТАТЬЯМ

CONTENTS

SCIENTIFIC FORUM

- 9 **ANTONYAN Yu. M.** Criminals and attitudes towards them
13 **ARTEMYEV N.S., PONKRATOV V.A.** Preventive function of administrative supervision
17 **KASHUBA Yu.A.** Adoption of acts of amnesty in the Russian Federation (the recent experience)
22 **LEBEDEV A.V.** Classification of social systems and their comparison
29 **SPASENNIKOV B.A., TSATUROVA V.** Counteraction to the spread of religious extremist ideology in imprisonment places
33 **UKHOV V.Yu.** State of emergency from a position of norms of international law
38 **SHAMSUNOV S.Kh., GAYE V.** Measures of control over conditional sentenced persons
43 **YUZHANIN V.Ye.** Realization of imprisonment and its methods
46 **GRUSHIN F.V.** Legal responsibility in the modern Russian law
50 **MALYSHEVA O.A.** Improvement of legal regulation of house arrest as a condition of optimization of criminal coercion
56 **KHOKHRIN S.A.** The concept of penal criminality

ADMINISTRATIVE PRACTICE

- 59 **KAPLUNOV A.I., BUTORINA L.S.** Measures of administrative coercion applied against the juvenile offenders which aren't the subjects to criminal responsibility

ABROAD

- 65 **ORBAN F.** Terrorism in Norway: adaptation to new realities
74 **ROMANYUK V.V.** Comparative and legal characteristics of regulation of criminal proceedings concerning minors: experience of CIS countries

TIME LENS

- 79 **ALEKSEEV V.I.** Historical and legal aspects of the Russian penal policy (1872–1917)
83 **VOLOSHIN D.V.** Retrospective analysis of prison staff training abroad and use of this experience in Imperial Russia
87 **KUZMINYKH A.L.** Correspondence of prisoners of war and interned persons in the USSR (1939–1956)
91 **MIKHEENKOV E.G.** Educational work with prisoners in Western Siberia during the New Economic Policy period

MANAGEMENT VECTOR

- 95 **PAVLOV P.A.** The system of functions of detention centers

CRIME – PUNISHMENT – CORRECTION

- 98 **BLINOV A.G.** Legal mechanism of prevention of criminal infringement of the rights and freedoms of a patient, its realization
102 **BURCHIKHIN A.N.** Ensuring prisoners' rights at conditional early release
105 **BUGAEVSKAYA N.V.** Corruption crimes forming types of abuse of the official position
109 **GRISHIN D.A.** Institute of initiation of a criminal case and its realization in the correctional establishments
113 **ZEZYULINA T.A.** Peculiarities of classification of evasion from imprisonment (Part 2 of Art. 314 of the Criminal Code of the Russian Federation)
117 **KOBZEVA E.V.** Illegal search and (or) withdrawal of archaeological subjects from bedding places – new criminal infringement of moral bases of cultural memory
122 **NAZARKIN E.V.** Forensic examinations in activities of bodies investigating crimes committed in the penal establishments
125 **SULEYMANOV T.A.** Structure and content of criminal procedure activity in the penal system
129 **YAVORSKIY M.A.** Interpretation of sexual extremism
134 **BALANDYUK O.V.** House arrest as a measure of restraint
138 **IRISKHANOV S.A.** Prevention of drug-related crimes: civil and legal aspects
142 **KEMOVA N.N.** Delimitation of crimes committed from hooligan motives from adjacent elements of crimes
146 **LOPASHENKO D.V.** The particular in criminal law in the light of the theory of legal relationship

- 150** *SUVOROVA R.V.* Means used by controlling over committing a crime
154 *SUKHAREV S.N.* Qualification of Art. 321 of the Criminal Code of the Russian Federation to minors
158 *YUNUSOV S.A.* Current problems of involvement of convicted persons in labour in the context of realization of the principle of justice in the penal activity

COLUMN OF THE COMMISSIONER FOR HUMAN RIGHTS

- 162** *SEREDA E.V.* Prisoners' right to medical care
165 *BELIK V.N., SEMENOVSKIY I.D.* Peculiarities of protection of rights and freedoms of persons with the special legal status in the activities of the Commissioner for Human Rights in the Russian Federation
170 *EFREMOVA O.S.* Protection of prisoners' rights by the regional Commissioner for Human Rights
173 *PERRON Yu.V.* Foundation of international control over ensuring of prisoners' rights and freedoms in the Russian Federation

PSYCHOLOGICAL AND PEDAGOGICAL SEARCH

- 176** *KOLESNIKOVA N.E., SHIPILOVA A.I.* Evaluation, criteria and indexes of efficiency of psychological support of prisoners in penal inspections
180 *DONSKOV D.A., PUZYREVSKIY R.V.* Pedagogical potential of «Physical training» by development of needs for physical improvement at cadets of higher education institutions of the FPS of Russia
184 *LAVRENTYEVA I.V., SAVELYEVA T.I.* Psycho-corrective work with persons sentenced for sex crimes
188 *LEVENETS A.E.* Psychological peculiarities of main models of coping behavior of penal staff
193 *STUKANOV V.G.* Legal sense as a subject of psychological research
198 *TAVTILOVA N.N.* Psychodynamic typology of penal officers which form the personal reserve

202 ARTICLE REQUIREMENTS

CRIMINALS AND ATTITUDES TOWARDS THEM

Аннотация: в статье рассматриваются личность преступника и условия появления преступного поведения, отношение осужденного и государства.

Ключевые слова: преступник, преступление, криминальная активность, осужденные.

Annotation: in the article the author considers the personality of a criminal, causes of criminal behavior, relationship between a convicted person and the state.

Key words: criminal, crime, criminal activity, convicted persons.

У каждого общества было свое представление о преступниках, свое понимание того, что является собой преступник и почему он стал им. Такое видение было у непосредственного социального окружения того, кто преступил уголовно-правовой запрет умышленно или по неосторожности. Причем так было и в глубокой древности, даже в первобытном обществе, когда не было писаных законов, но все руководствовались (точнее, должны были руководствоваться) всеми известными правилами.

Современное научное видение личности преступника наиболее сложное, но именно потому, что оно научное. Наука видит в преступнике продукт общества, а это означает, что никто не рождается преступником, но становится им в результате неблагоприятных воздействий на него в детстве и юности. Именно тогда возникают и формируются мотивы будущей криминальной активности, связанной, например, с ощущением незащищенности, боязнью и страхами перед действительностью, мнимой и вымышленной, виртуальной. Такой человек постоянно опасается не состояться, оказаться «внизу», и наряду с этим он воспринимает антиобщественные способы решения жизненных проблем, соответствующий стиль поведения и образ жизни, всю культуру окружающей среды или ее важнейшие фрагменты.

Наряду с этим именно общение с миром людей и вступление с ними в многочисленные и сложные (порой противоречивые) связи делают главное – его мозг мозгом человека. Он научается речи, деятельности, способам общения, возможности выбора, критическому отношению к действительности, у него появляются чувства и т. д.

Таким образом, преступник, с одной стороны, является продуктом общества, своей мик-

**ЮРИЙ
МИРАНОВИЧ
АНТОНЯН***

**ПРЕСТУПНИКИ
И ОТНОШЕНИЕ К НИМ**

* Доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки Российской Федерации, главный научный сотрудник
(ВНИИ МВД России)
E-mail: editor62@yandex.ru.

просреды, а с другой – собственным производением, которое ни в коем случае нельзя отрывать от среды. Это означает, что он должен нести ответственность за свои противоречивые поступки, хотя мог и не знать, в силу каких побудительных стимулов личностного им они совершены, поскольку не мог не знать, что они запрещены законом.

Многолетние эмпирические изыскания приводят к выводу о том, что отличительными признаками личности преступника являются:

- ригидность, то есть «застреваемость» эмоций, которые способны существовать как бы самостоятельно, независимо от человека, который может и не подозревать об их существовании;

- импульсивность, то есть стремление действовать по первому побуждению, без раздумий и даже подготовки;

- влечение к игре, то есть желание участвовать в острых, эмоционально насыщенных ситуациях, даже связанных с риском для жизни, иными словами, играть со смертью;

- размытый, диффузный страх не состояться, быть сброшенным на социальное дно, а также страх смерти, принимающий самые различные формы; страх этот обычно носит неопределенный характер и логика его переживания состоит в поисках его источника;

- постоянное желание защититься с помощью своей физической силы, оружия или предметов, приспособленных в качестве оружия, денег, социального положения, связей и т. д.;

- потребность в защите, утверждении, самоутверждении и в глазах ближайшего окружения.

Разумеется, все эти особенности могут быть у очень многих весьма законопослушных людей; они могут стимулировать преступное поведение в том случае, если конкретный человек получит соответствующее (неблагоприятное) воспитание. Их криминальному проявлению могут способствовать присущие преступникам (больше, чем не преступникам) такие черты, как отчуждение от нормальных связей и отношений, от семьи и трудовых коллективов, поэтому среди преступников меньше тех, у кого есть семья, высокая производственная квалификация, значительный стаж трудовой деятельности. Уровень общей культуры среди преступников очень низок. Их представления о мире, природе и обществе сильно искажены, они, особенно рецидивисты, весьма суеверны и очень верят в магическую силу различных действий, слов или цифр. К этому следует добавить, что среди осужденных в мес-

тах лишения свободы больше, чем среди свободных людей, тех, кто страдает различными расстройствами психической деятельности. Причем, чем дольше срок, проведенный в исправительных учреждениях, тем выше удельный вес среди осужденных лиц с аномальной психикой.

Таким образом, сотрудники исправительных учреждений сталкиваются с весьма неоднородной, противоречивой, нравственно защищенной, проще говоря, преступно аморальной массой людей. Эти люди обычно не знают, в силу каких личностных причин они преступили уголовный закон, почему это случилось с ними, более того, почему это с ними случается неоднократно, как стать другими и т. д. Но самое плохое в том, что всего этого не знают те должностные лица, которые согласно уголовному закону призваны восстанавливать социальную справедливость, исправлять и не допускать с их стороны совершения новых преступлений. Совершенно очевидно, что, не зная тех, кого сотрудники исправительных учреждений призваны перевоспитывать, они не способны выполнять поставленные перед ними задачи.

Чтобы восполнить этот пробел (причем более чем существенный), сотрудникам исправительных учреждений надо знать следующее.

1. В силу каких мотивов данный человек совершил преступление, за что сейчас отбывает уголовное наказание? Причем нужны не те мотивировки, которые лежат на поверхности и в действительности не являются мотивами, а глубинные, бессознательные, о которых и сам их носитель не подозревает.

2. Какие мотивы детерминируют поведение осужденного в исправительном учреждении? Возможно, они те же самые, которые еще раньше толкнули человека совершить преступление, но они могут быть и новыми – ведь он сейчас живет в совершенно иных условиях, чем на свободе.

3. Какие мотивы способны еще раз, уже после освобождения, вновь стать причиной совершения нового преступления? Конечно, мотивы могут быть прежними, но не исключено, что они каким-то образом обновились. Такое характерно для лиц, отбывших длительные сроки лишения свободы и в силу этого оказавшихся не приспособленными к новым условиям жизни свободного человека.

Обладают ли знаниями об этом сотрудники пенитенциарных органов, отвечающие за исправление осужденных и предупреждение с их стороны новых преступлений? Ответ может быть только отрицательным. Не знают они об

этом по той причине, что их этому не учат. В связи с этим очень важная составляющая часть отношения к преступникам остается без какого-либо решения.

Конечно, некоторое психологическое образование пенитенциарные работники имеют, но лишь весьма приблизительное. В каждой колонии, однако, имеются психологи и психиатры, но их работа ограничивается тем, что они главным образом путем тестирования составляют перечень психологических особенностей тех или иных осужденных. Но такие особенности могут быть у любых людей, в том числе никогда не приближавшихся к уголовному кодексу. Иными словами, названный перечень, даже если его назвать психологическим портретом или профилем, не дает представления о том, почему данный человек совершил преступление или совершит ли он его в будущем.

Итак, страна остро нуждается в специалистах, которые могли бы проникнуть в глубины человеческой психики, умели бы выявлять подлинные мотивы, индивидуальные причины преступного поведения. Этому надо специально учить, существенно изменив программы психологической подготовки пенитенциарных работников. Последние должны быть уподоблены врачу, который, если он уважает себя и свою профессию, не станет лечить больного, не зная, чем тот болен. У нас же десятилетиями, если не столетиями, складывается так, что основная воспитательная нагрузка ложится на кару, возмездие, в основном на страх быть лишенным свободы.

Здесь, однако, возникает другой, не менее сложный вопрос: для чего нужно знание о подлинных, в том числе бессознательных, мотивах преступного поведения, как использовать это знание? Оно необходимо для психотерапевтического воздействия на осужденных, то есть для блокирования антиобщественных устремлений, придания им законопослушных форм, переориентации ценностных акцентов, другими словами, для формирования иного внутреннего личностного мира. Все это нужно для того, чтобы преступник вел себя должным образом и во время отбывания наказания, и после освобождения.

Многие могут возразить, что нужно уважать права личности, и если осужденный не желает, чтобы на него оказывали психотерапевтическое воздействие, то мы не имеем права принудительно навязать ему такое исправление. Однако нет оснований так думать. Во-первых, осужденный в местах лишения свободы принуждается к целому ряду действий, которые он

ни в коем случае не совершил, если бы был свободен. Такое обязательное поведение имеет своей целью и его исправление. Во-вторых, психотерапевтическое «лечение» осужденного не преследует корыстных (в материальном плане) целей со стороны администрации. Напротив, оно идет на пользу преступнику, поскольку его смыслом выступает удержание последнего от преступного поведения. Следовательно, такое воспитательное влияние в его же интересах. В-третьих, оно в интересах других людей и общества, правопорядка в целом. В-четвертых, психотерапевтическое влияние можно рассматривать как разновидность принудительных мер медицинского характера, однако, если такое влияние оказывать принудительно, оно вряд ли сможет иметь желаемый эффект, поэтому возникает задача убедить осужденного добровольно принять предлагаемую помощь, сотрудничать с психотерапевтом.

Естественно, психотерапевтов для работы в местах лишения свободы надо специально готовить. Это будут специалисты для глубокого психологического анализа конкретных преступников.

Предлагаемые нововведения нужно рассматривать как важную часть отношения государства и общества к тем, кто преступил уголовный закон и наказан за это. Это еще и существенный шаг вперед по гуманизации уголовного наказания, особенно в части его исправления.

Стоит отметить, что общество и государство относятся к преступнику двояко. Государство – строго официально, принимая те или иные процессуальные решения, из которых главным является приговор. В этих процессуальных решениях нет места моральным рассуждениям, а тем более эмоциям. В отличие от государственного отношения отношение общества (людей) наполнено эмоциями и нравственными оценками, порой весьма бурными: люди негодуют относительно некоторых преступлений и требуют сурового наказания, порой даже расправы над теми, кого они считают виновными. Все это нельзя игнорировать в практической деятельности, тем более в исправительных учреждениях, где с осужденным могут расправиться в любую минуту.

К таким людям нельзя относиться равнодушно и объективно – этому препятствуют эмоции, которые они вызывают. А эмоции эти – самые отрицательные, поскольку ими были совершены страшные преступления, самые, казалось бы, выходящие за пределы всего мыслимого: массовые убийства, убийства детей,

убийства с особой жестокостью. Мы можем их презирать и ненавидеть самой лютой ненавистью, более того, я, будучи сторонником смертной казни, лишал бы их жизни. Но, если закон рассудил иначе, они тоже должны быть объектом анализа и психопатологического изучения с тем, чтобы подвергнуться психотерапевтическому воздействию.

Отношение других осужденных к подобным монстрам показывает, насколько несовершенен наш людской закон. Проявляя жестокость к таким преступникам, они тем самым как бы дополняют приговор, вынесенный с точки зрения права вполне безукоризненно. Закон не позволяет проявить большую суровость, это делают другие осужденные.

Статья рекомендована к опубликованию научно-экспертным советом академии, протокол от 25 апреля 2014 г. № 4.

PREVENTIVE FUNCTION OF ADMINISTRATIVE SUPERVISION

Аннотация: в статье рассматриваются проблемы осуществления предупредительной функции административного надзора и организации контроля за образом жизни поднадзорных.

Ключевые слова: административный надзор, рецидивная преступность.

Annotation: in the article the author considers the problematic issues of realization of preventive function of administrative supervision and organization of control over the persons under surveillance.

Key words: administrative supervision, recidivism.

**НИКОЛАЙ
СЕМЕНОВИЧ
АРТЕМЬЕВ*,
ВАСИЛИЙ
АЛЕКСАНДРОВИЧ
ПОНКРАТОВ****

ОСУЩЕСТВЛЕНИЕ ПРЕДУПРЕДИТЕЛЬНОЙ ФУНКЦИИ АДМИНИСТРАТИВНОГО НАДЗОРА

В последние годы отмечается тенденция к росту рецидивной преступности, общественная опасность которой заключается в том, что рецидивисты стремятся продолжить преступную деятельность и оказывают негативное влияние неустойчивых лиц, особенно на несовершеннолетних и молодежь, втягивая их в преступную деятельность, поэтому не случайно проблема предупреждения рецидивной преступности обсуждалась на заседании Совета безопасности, и в марте 2011 г. принят Государственной Думой и одобрен Советом Федерации Федеральный закон «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы», который 5 апреля 2011 г. был утвержден Президентом Российской Федерации. Вступил в силу также Федеральный закон «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона "Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы"».

В Законе об административном надзоре определяется понятие такого надзора, а также административные ограничения поднадзорным; задачи административного надзора, порядок его установления за лицами, в отношении которых он применяется, его проведение и прекращение; ограничения, устанавливаемые при административном надзоре; права и обязанности поднадзорного лица; полномочия органов внутренних дел (полиции) при осуществлении административного надзора.

* Доктор юридических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, профессор кафедры криминологии и организации профилактики преступлений (Академия ФСИН России);

** кандидат юридических наук, доцент,

начальник Кировского института повышения квалификации работников ФСИН России

E-mail: editor62@yandex.ru.

Предупреждение преступлений со стороны поднадзорных в значительной степени зависит от квалифицированного осуществления надзора сотрудниками полиции и в первую очередь участковыми уполномоченными полиции, на территорию обслуживания которых прибывают лица, освобожденные из мест лишения свободы.

Осуществление надзора является творческим процессом, основанным на постоянном применении норм педагогики и психологии с обладанием методов убеждения.

Эффективность административного надзора во многом основывается на принципе строго индивидуального подхода к каждому поднадзорному. В целом по контингенту поднадзорных в зависимости от их поведения, глубины сложившихся антиобщественных установок, черт характера, особенностей совершения прежних преступлений и других факторов это достигается на основе применения конкретного режима надзора.

В свою очередь, режим надзора определяется объемом установленных ограничений, периодичностью осуществления контроля за их соблюдением и образом жизни поднадзорного в целом, интенсивностью мер воспитательного характера и, наконец, кругом должностных лиц и общественности, исполняющих контрольные и воспитательные функции в отношении каждого поднадзорного.

В отношении каждого поднадзорного может быть установлен один из следующих видов режима надзора.

1. Нормальный режим – первая стадия надзора, устанавливается за поднадзорными, личность которых в достаточной степени не изучена. Нормальный надзор является, по существу, переходным видом режима. Для него характерно применение до 80 % предусмотренных законом надзорных ограничений, акцент делается на изучение личности поднадзорного, избирательное воспитательное воздействие в зависимости от поведения конкретного лица. Не позднее чем через 3 месяца после установления данного вида надзора орган внутренних дел (полиции) по докладу участкового уполномоченного полиции рассматривает вопрос о переводе поднадзорного на другой вид режима.

2. Минимальный надзор применяется к лицам, вставшим на путь исправления. Он характеризуется уменьшением числа надзорных ограничений в пределах 50 %, установленных законом. Контроль за поведением указанного контингента поднадзорных осуществляется преимущественно через шефов и внештатных сотрудни-

ков участковых уполномоченных полиции и внештатных сотрудников оперативных аппаратов органов внутренних дел (полиции). Периодичность проверок не должна превышать трех раз в месяц, в том числе сотрудниками полиции не чаще одного раза в месяц. Минимальный надзор, как правило, завершается досрочным прекращением надзора. Вопрос об этом рассматривается руководителями органов внутренних дел (полиции) не позднее 9 месяцев после установления надзора, в том числе трех месяцев после применения минимального режима надзора.

3. Идеальный надзор применяется к лицам, которые исходя из поведения и образа жизни не склонны к совершению преступлений, но допускают отдельные факты антиобщественного поведения. К этой категории поднадзорных, в частности, относятся лица, употребляющие спиртные напитки, нарушающие трудовую дисциплину, имеющие неотрегулированные системные отношения.

Для идеального надзора характерно осуществление контроля по преимуществу опытными сотрудниками полиции из числа участковых уполномоченных полиции и оперативных работников с периодичностью целевых проверок и чередованием их по месту жительства и работы поднадзорных. Соблюдение установленных надзорных ограничений контролируется, как правило, еженедельно. Контрольные функции сочетаются с индивидуальными профилактическими мероприятиями, которые должны проводиться систематически.

4. Интенсивный надзор устанавливается в отношении поднадзорных, ведущих антиобщественный образ жизни, употребляющих наркотические препараты и в силу этого склонных к совершению преступлений. К ним применяются надзорные ограничения в полном объеме. Контроль за их поведением осуществляется сотрудниками полиции, в том числе оперативными сотрудниками полиции и участковым уполномоченным полиции, на территории обслуживания которого проживает такой поднадзорный.

Проверка образа жизни этой категории поднадзорных, состоящих на интенсивном режиме, проверяется еженедельно, а соблюдение ими установленных надзорных ограничений – не менее трех раз в неделю. Усиленный режим контроля сопровождается интенсивным характером средств воспитательного воздействия. Это выражается в еженедельном обмене информацией с администрацией предприятий, где работают поднадзорные и руководители общественных организаций, максимальном пользо-

вании воспитательного влияния родственников и других лиц и т. д. Профилактические беседы с состоящими под интенсивным надзором лицами проводятся: участковыми уполномоченными полиции и оперативными сотрудниками – еженедельно, заместителем начальника горрайоргана внутренних дел (полиции) – ежемесячно, начальником – не менее одного раза в квартал.

В целях более глубокого изучения личности поднадзорного и оказания на него максимального воспитательного воздействия время действия административного надзора целесообразно установить, как правило, на один год.

Для более умелого использования в воспитательных целях режимов административного надзора необходимо варьирование ими в зависимости от изменений в поведении поднадзорных. Участковый уполномоченный полиции, на территории обслуживания которого проживает поднадзорный, по истечении каждого квартала со дня установления надзора обязан составить индивидуальную характеристику на поднадзорного с мотивировкой наиболее целесообразного режима.

После утверждения характеристики руководителя горрайоргана внутренних дел (полиции) решается вопрос в соответствии с Федеральным законом «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы», об оставлении в силе ранее действующего режима надзора или об его изменении.

Отметка о виде режима делается на обложке дела административного надзора в правом верхнем углу следующими обозначениями: нормальный режим – «Н», минимальный – «М», идеальный – «ИД», интенсивный – «ИНТ».

Крайне важная задача оказать помощь в трудоустройстве поднадзорных. Контроль за трудовым устройством каждого поднадзорного должен осуществляться систематически путем:

- личных бесед с ним во время посещения его места жительства, регистрации или проведения профилактических мероприятий;
- бесед с внештатными сотрудниками полиции, родственниками и другими лицами;
- посещение сотрудниками полиции места его работы;
- ежемесячного выяснения соответствующих сведений по телефону у администрации по месту работы;
- ежеквартального истребования характеристик на лиц, состоящих на идеальном и интенсивном надзоре.

По каждому факту увольнения поднадзорного с работы должно проводиться индивидуальное разбирательство его мотивов. В ходе про-

верки истребуется объяснение поднадзорного, запрашиваются соответствующие сведения об администрации. Во время разбирательства письменно фиксируются намерения поднадзорного о новом трудоустройстве и одновременно должна проводиться проверка их реальности. Все материальные разбирательства приобщаются к делу административного надзора.

Последующий контроль за трудоустройством поднадзорных ведется по учащенному графику. Поднадзорные, не занятые общественно полезным трудом и не принимающие реальных мер по трудоустройству, берутся под интенсивный надзор.

Сотрудники исправительных учреждений также должны принимать участие в предупреждении рецидивной преступности среди поднадзорных, используя при этом следующие формы профилактического влияния на поднадзорных:

- выступления на собраниях поднадзорных в горрайорганах внутренних дел (полиции);
- индивидуальные беседы при регистрации поднадзорных в полиции;
- беседы с поднадзорными и членами их семей при посещении по месту их жительства и т. д.

Эффективность предупредительной работы во многом зависит от наличия исчерпывающих сведений по поведению каждого поднадзорного. Персональную ответственность за сбор этих сведений несет участковый уполномоченный полиции. В его обязанности входит:

- осуществление периодических (в соответствии с видом режима) целевых проверок, образа жизни поднадзорных;
- разовые проверки соблюдения правил и ограничений надзора, частота которых также определяется видом режима;
- получение сведений о поведении поднадзорных с помощью внештатных сотрудников и других представителей общественности.

По каждому факту привлечения поднадзорного к административной ответственности за нарушение правил надзора участковый уполномоченный полиции должен принимать меры воспитательно-профилактического характера.

Для повышения эффективности административного надзора в предупреждении рецидивной преступности, по нашему мнению, целесообразно:

- в каждом регионе регулярно проводить совещания-семинары участковых уполномоченных полиции, на которых глубоко изучать Федеральный закон «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы», так как проведенные опросы участковых уполномоченных полиции свиде-

тельствуют о том, что они крайне слабо знают положения данного Закона. На совещаниях-семинарах заслушивать отчеты каждого участкового уполномоченного полиции о взятии освобожденных из мест лишения свободы под административный надзор и о результатах предупредительно-профилактической работы с данной категорией лиц;

– подчинить службу участковых уполномоченных полиции уголовному розыску, как это было ранее, что значительно повысит эффективность административного надзора и улучшит раскрываемость преступлений, которая в настоящее время является крайне низкой;

– предусмотреть ведение информационно-профилактических дел на каждого судимого, в

которых должна быть сосредоточена необходимая информация о совершенном (совершенных) преступлениях, образе жизни и поведении судимых как на свободе, так и в местах лишения свободы;

– ввести уголовную ответственность за неоднократное нарушение надзорных ограничений поднадзорным, как это было в старой редакции Закона «Об административном надзоре...»;

– для повышения профессиональной подготовки будущих сотрудников правоохранительных органов и их ответственности за выполнение государственного служебного долга прием в профильные учебные заведения осуществлять только из лиц, отслуживших в Вооруженных Силах РФ.

Статья рекомендована к опубликованию научно-экспертным советом академии, протокол от 25 апреля 2014 г. № 4.

ADOPTION OF ACTS OF AMNESTY IN THE RUSSIAN FEDERATION (THE RECENT EXPERIENCE)

Аннотация: в статье анализируются проблемы теории, практики и нормативного регулирования порядка принятия и исполнения актов об амнистии в Российской Федерации, обосновывается необходимость принятия закона об амнистии.

Ключевые слова: амнистия, Государственная Дума Российской Федерации, Конституционный Суд Российской Федерации, постановление об амнистии, принятие акта об амнистии, закон об амнистии.

Annotation: in the article the author analyses the problems of theory, practice and standard regulation of adoption and realization of acts of amnesty in the Russian Federation, explains the necessity of adoption of amnesty law.

Key words: amnesty, the State Duma of the Russian Federation, the Constitutional Court of the Russian Federation, resolution on amnesty, adoption of act of amnesty, amnesty law.

В настоящее время амнистия находится в исключительном ведении РФ и объявляется Государственной Думой РФ. Согласно Регламенту Государственной Думы амнистия объявляется с помощью постановлений об объявлении амнистии и о порядке применения амнистии. Первые определяют категории лиц и преступлений, на которые распространяется амнистия, а вторые – органы, на которые возлагается применение амнистии к конкретным лицам.

За годы существования российского парламента принято около двух десятков актов об амнистии и порядке их исполнения. В ходе их подготовки и применения возникали проблемы. Рассмотрим некоторые из них. Речь идет о принятии Государственной Думой известных постановлений «Об объявлении амнистии в связи с 55-летием Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов» и «О порядке применения Постановления Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации “Об объявлении амнистии в связи с 55-летием Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов”». Беспрецедентность принятого нижней палатой решения очевидна. Такого российское общество не помнило с 1953 г., когда под амнистию попало большое число осужденных.

Но как быть с осужденными, совершившими, например, убийство либо другое тяжкое или особо тяжкое преступление против личности? Может ли в этом случае государство быть «гуманным» (за счет потерпевших), мотивируя свое решение невозможностью обеспечить нор-

**ЮРИЙ
АНАТОЛЬЕВИЧ
КАШУБА***

ПРИНЯТИЕ АКТОВ АМНИСТИИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ (ОБРАЩЕНИЕ К НЕДАВНЕМУ ОПЫТУ)

* Доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры уголовно-исполнительного права
(Академия ФСИН России)
E-mail: ykash@yandex.ru.

мальные условия содержания осужденных? Думается, что нет.

Благодаря быстрому реагированию правоприменительных органов ситуацию удалось удержать под контролем. Внесение поправок в постановление об амнистии было инициировано Генеральной прокуратурой после мощной компании в СМИ, утверждавшими, что по амнистии выйдут на свободу опасные преступники, когда-то награжденные орденами и медалями. Государственная Дума внесла изменения в ранее принятый акт¹. Вряд ли такие действия способствовали укреплению авторитета нижней палаты представительного органа. Скоропалительность принятия амнистии, а затем внесение в нее изменений обозначили проблему, требующую скорейшего законодательного решения. В противном случае нет гарантий от подобных «ошибок» нижней палаты парламента и в будущем, ведь амнистия затрагивает конституционные права широкого круга граждан, которым трудно понять, почему недавно они подлежали освобождению от наказания по амнистии, а сегодня решение отменено той же Государственной Думой.

Конституционный Суд РФ дал следующую оценку подобным действиям законодателей: «... Государственная Дума в силу определенных упущений в ходе работы над актом об объявлении амнистии, по существу, допустила явные искажения целей и задач института амнистии и ориентированной на них общей концепции этого акта. В результате лица, награжденные орденами и медалями СССР и Российской Федерации, инвалиды I или II группы и отнесенные к I или II группе диспансерного учета больные туберкулезом подлежали освобождению от уголовного преследования и наказания независимо от тяжести содеянного, то есть и в случаях совершения ими тяжких и особо тяжких преступлений, что для других категорий амнистируемых исключалось.

При принятии Постановления Государственной Думой такой подход не получил каких-либо объяснений и обоснований, позволявших бы признать его согласующимся с конституционной ответственностью государства за обеспечение общественной безопасности, прав и законных интересов граждан и недопущение произвола при решении вопросов, связанных с уголовной ответственностью. Напротив, впоследствии сама Государственная Дума, обсуждая необходимость внесения изменений в первоначальный акт об амнистии, отмечала, что его реализация без соответствующих коррективов

привела бы к нарушению баланса конституционно защищаемых ценностей в области противодействия преступности, искажению общих правовых представлений о целях установления уголовной наказуемости и соответственно исключения безнаказанности в случае совершения деяний, признаваемых уголовным законом преступными².

Безусловно, амнистии проводятся для «разгрузки» мест лишения свободы, при этом под их действие подпадают и осужденные к наказаниям, не связанным с лишением свободы. Освобождаются они и от дополнительных наказаний. В результате некоторые лица, систематически совершающие преступления, подпадают под амнистии несколько раз.

Иногда сам акт амнистии изложен не совсем точно и юридически неграмотно³. Ввиду этого после издания текст приходится дополнять⁴ и разъяснять его положения⁵, в том числе путем издания постановлений Пленумов Верховного Суда РФ⁶; о таких проблемах говорится и в постановлениях самой Государственной Думы⁷. Несмотря на то что в отношении каждого отдельного лица решение о применении акта об амнистии принимается индивидуально⁸, расплывчатость и непродуманность многих формулировок актов об амнистии нередко не позволяет тщательно оценивать личность амнистируемого.

Постановление об объявлении амнистии структурно состоит из двух частей. В первой части документа определяются категории лиц, к которым может быть применена амнистия, и условия ее применения; во второй – категории лиц, к которым амнистия не может быть применена.

Порядок применения постановления об амнистии, как правило, устанавливается Государственной Думой отдельным постановлением. Им определяются органы (учреждения), осуществляющие применение постановления; порядок принятия и оформления решения о применении акта об амнистии; уточняются категории лиц, подпадающих под нее, и др. Так, в Постановлении Государственной Думы от 20 апреля 2005 г. «О порядке применения Постановления Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации “Об объявлении амнистии в связи с 60-летием Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов”» указываются следующие субъекты его применения: исправительные учреждения и следственные изоляторы; органы дознания и органы предварительного следствия; суды; органы внутренних дел; уголовно-исполнительные инспекции.

В литературе поднимался вопрос о правомерности продления сроков действия амнистии⁹. Представляется, что если Государственная Дума Федерального Собрания РФ приняла соответствующее решение, в том числе по срокам проведения амнистии, то продление срока ее действия, по сути, превращает акт амнистии в продленное время «прощения». Например, для сугубо политического Постановления Государственной Думы «Об объявлении амнистии в отношении лиц, совершивших общественно опасные деяния в ходе проведения антитеррористической операции на Северном Кавказе» было издано соответствующее постановление о порядке применения этой амнистии, которое было продлено с 1 февраля 2000 г. до 15 мая того же года в соответствии с дополнительным Постановлением Госдумы РФ от 25 февраля 2000 г. № 125-III ГД.

Чтобы разобраться в причинах, приведших к таким результатам, проанализируем процедуру принятия Государственной Думой актов об амнистии и порядке их исполнения. Конституционная схема осуществления законодательного процесса весьма сжата и оставляет неясным целый круг вопросов¹⁰.

Рассматриваемое право для Государственной Думы предусмотрено в ст. 103 Конституции РФ. В соответствии с ч. 2 и 3 указанной статьи Государственная Дума по вопросам своего ведения, включая принятие амнистии, принимает постановления большинством голосов, если иное не предусмотрено Конституцией РФ.

Некоторые исследователи право по внесению проектов постановлений о принятии акта об амнистии и порядке его исполнения ошибочно включают в право законодательной инициативы. Такой подход представляется неверным, поскольку упрощенный порядок принятия амнистии, не требующий издания для этого специального закона, предусмотрен самой Конституцией РФ. Вместе с тем она не исключает возможности принятия федерального закона, регламентирующего процедуру принятия Государственной Думой акта об амнистии и о порядке его исполнения¹¹. Предложение о принятии Закона РФ об амнистии по аналогии с Законом Украины «О применении амнистии в Украине» выдвигалось ранее и нами¹².

Указанные нормы Конституции РФ находят свое развитие в Регламенте Государственной Думы, в частности в гл. 23. В соответствии со ст. 181 и 182 указанной главы постановления об объявлении амнистии и порядке применения амнистии вносятся в Государственную Думу и

рассматриваются ею в порядке, установленном Регламентом для внесения и рассмотрения законопроектов. После принятия постановлений об амнистии и порядке применения амнистии они подписываются Председателем Государственной Думы и подлежат официальному опубликованию в течение трех дней.

Несомненно, порядок принятия этих актов упрощен, если еще при этом учесть, что Регламентом для отдельных видов федеральных законов предусмотрена возможность принятия их окончательных редакций сразу в первом чтении, то есть минуя стадии второго и третьего чтений. В отличие от законов постановления Государственной Думы по предметам ее ведения подписываются Председателем этой палаты, который не наделен правом вето, как Президент РФ, и в любом случае обязан выполнить коллективную волю депутатов.

Наглядно скептическое мнение относительно действующей процедуры принятия акта об амнистии выразил Конституционный Суд РФ. «Согласно ст. 116 и ч. 1 ст. 182 Регламента Государственной Думы рассмотрение Государственной Думой проектов постановлений об амнистии, как и законопроектов, осуществляется в трех чтениях, если иное не предусмотрено действующим законодательством или настоящим Регламентом»¹³. Нарушение требований к чтениям в законодательной процедуре, приводящее к искажению изначального волеизъявления и тем самым влияющее на судьбу акта в целом, тем более если сам законодатель подтверждает неадекватность выражения собственной воли в принятых впоследствии нормах, свидетельствует о неконституционности такого акта не только по порядку принятия, но и по его содержанию.

Применительно к акту, влияющему на конституционно-правовой статус субъектов права, концептуальным является определение круга субъектов, на которых он распространяется. Следовательно, по этому вопросу во втором чтении не должно приниматься иное, чем в первом, решение без возвращения к новому рассмотрению концепции акта. Именно такое нарушение имело место при принятии Постановления от 26 мая 2000 г. во втором чтении, когда условия распространения амнистии на лиц, награжденных орденами и медалями, в противоречие общей концепции акта не были увязаны с тяжестью преступлений.

В процессе принятия Постановления от 28 июня 2000 г. при обсуждении вопроса о соответствии его проекта Конституции РФ возник спор, нали-

чие которого при отрицательном официальном заключении правовой экспертизы (как и в его отсутствие) предполагает по смыслу ч. 8 ст. 119 Регламента Государственной Думы использование процедур второго и третьего чтений, что, как следует из стенограммы заседаний Государственной Думы, в данном случае не имело места. Тем самым были нарушены требования ст. 15 (ч. 2) Конституции РФ, из которых вытекает обязанность органов государственной власти использовать в своей нормотворческой деятельности все необходимые меры, обеспечивающие соблюдение Конституции РФ и законов.

Представляется, что амнистия должна приниматься по более сложной процедуре, например, когда акт об амнистии имел бы форму закона либо совместного решения палат, но для этого необходимо изменение Конституции РФ. К тому же в случае принятия амнистии в форме закона в процесс должен включаться и Президент РФ, который и так в противовес праву Государственной Думы принимать амнистию наделен Конституцией РФ правом помилования.

Возможен вариант решения проблемы и без конституционных изменений. Конституция РФ не содержит запрета и на принятие федерального закона, регламентирующего процедуру принятия акта об амнистии, порядок его исполнения, а также процедуру внесения изменений и дополнений в такие акты. В законе можно было бы предусмотреть, что Государственная Дума в обязательном порядке принимает такие акты в трех чтениях, а после рассмотрения проекта постановления об амнистии и о порядке исполнения акта об амнистии в первом чтении направляет их в Генеральную прокуратуру РФ для получения соответствующего заключения. В этом случае представитель прокуратуры также должен приглашаться на заседания Государственной Думы при рассмотрении постановлений об амнистии. Безусловно, это потребует внесения соответствующих изменений в Федеральный закон «О прокуратуре РФ».

В результате подготовка постановлений Государственной Думы об амнистии носила бы более прозрачный, демократичный и объективный характер, а процедуры проведения амнистии и сроки ее исполнения определялись бы «рамочным» законом.

При разработке закона об общих условиях осуществления амнистии необходимо также учесть мнение Конституционного Суда РФ, который, в частности, указал, что при этом Государственная Дума должна взвешивать конкурирующие конституционные ценности и, исходя из обеспечения их баланса, не может допускать, чтобы права других лиц были поставлены под угрозу нарушения.

Четкая процедура принятия актов об амнистии нужна для того, чтобы в случае несоблюдения процедурных правил, имеющих существенное значение и влияющих на принятие решения, констатировать противоречие этого решения Конституции (аналогичная позиция была изложена в упоминавшемся постановлении Конституционного Суда РФ от 24 апреля 2003 г.).

Представляется необходимым широкое общественное обсуждение текста амнистии, а не только в комитетах Государственной Думы. Нередко принятие текста амнистии готовится в строжайшем секрете¹⁴, как и ее исполнение. Вероятно, это позволит избежать ошибок, которые Госдума РФ совершала ранее при принятии актов об амнистии.

Вряд ли издание дополнительного постановления о порядке применения амнистии будет существенно, если само постановление будет издано с учетом указанных выше ошибок. Возможно, следует согласиться с мнением о том, что практика одновременного принятия Госдумой РФ постановления об амнистии и постановления о порядке применения амнистии вряд ли является верной¹⁵.

Исследование порядка принятия актов об амнистии показывает, что амнистия находится в исключительном ведении РФ и объявляется только Государственной Думой РФ по-прежнему без привлечения других государственных органов. Нередко тексты амнистии изложены не совсем точно и юридически небезупречны, а последствия их принятия криминологически не просчитываются. Сама же амнистия, являясь важной частью механизма развития демократии, имеет большое политическое и социальное значение, поэтому актуальной остается разработка более качественной процедуры принятия актов об амнистии.

Список использованной литературы

¹ См.: О внесении изменений в Постановление Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации «Об объявлении амнистии в связи с 55-летием Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов»: Постановление Государственной Думы от 28 июня 2000 г. № 492-III ГД.

² См., напр.: По делу проверке конституционности Постановления Государственной Думы от 28 июня 2000 г. № 492-III ГД «О внесении изменений в Постановление Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации “Об объявлении амнистии в связи с 55-летием Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов” в связи с запросом Советского районного суда города Челябинска и жалобами ряда граждан»: постановление Конституционного Суда Рос. Федерации от 5 июля 2001 г. № 11-П.

³ См.: Курганов С. И., Кукушкина О. Ю. Амнистии в РФ // Закон и право. 2003. № 9. С. 12.

⁴ См., напр.: О распространении действия Постановления Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации от 12 марта 1997 г. № 1199-II ГД «Об объявлении амнистии в отношении лиц, совершивших общественно опасные деяния в связи с вооруженным конфликтом в Чеченской Республике» на лиц, уклонившихся от военной службы»: Постановление Государственной Думы Федерального Собрания Рос. Федерации от 10 июня 1998 г. № 2580-II ГД.

⁵ См.: Бабаян С. Долгожданная амнистия // Преступление и наказание. 2000. № 8. С. 45.

⁶ См., напр.: постановления Пленума Верховного Суда Рос. Федерации от 12 ноября 2001 г. № 14, от 11 июня 1999 г. № 40.

⁷ См.: О некоторых вопросах применения постановлений Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации «Об объявлении амнистии в связи с принятием Конституции РФ» и «Об объявлении политической и экономической амнистии»: Постановление Государственной Думы Рос. Федерации от 25 марта 1994 г. № 76-1 ГД.

⁸ См.: Российское уголовное право: курс лекций / под ред. А. А. Коробеева. Владивосток, 1999. Т. 2. Наказание. С. 368.

⁹ См.: Шерматова С. Амнистия под грифом «секретно» // Московские новости. 2003. № 15.

¹⁰ См.: Волкова Н. С., Хабриева Т. Я. Правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации и парламент. М., 2005. С. 81.

¹¹ См., напр.: По делу о проверке конституционного положения пункта 8 Постановления Государственной Думы от 26 мая 2000 г. «Об объявлении амнистии в связи с 55-летием Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов» в связи с жалобой гражданки Л. М. Запорожец: постановление Конституционного Суда Рос. Федерации от 24 апреля 2003 г.

¹² См.: Кашуба Ю. А. О юридической природе и содержании помилования как институте права // Указ Президента Российской Федерации от 28 декабря 2001 г. № 1500 «О комиссиях по вопросам помилования на территориях субъектов Российской Федерации» (теоретические и практические аспекты реализации): материалы Всерос. науч.-практ. конф. (Брянск, 24–25 октября 2002 г.) / под ред. Р. М. Цивилева, А. Я. Гришко. М., 2002. С. 67; Закон Украины о применении амнистии в Украине // Исправительно-трудовой кодекс Украины. Харьков, 1997. С. 85–87.

¹³ См.: Внесение изменений в Постановление Государственной от 26 мая 2000 г. «Об объявлении амнистии в связи с 55-летием Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов» (через месяц после принятия данного акта).

¹⁴ См.: Шерматова С. Указ. соч.

¹⁵ См., напр.: Осяк А. Н. История зарождения и развития института амнистии в России // Науч. тр. ученых-юристов Северо-Кавказского региона. Краснодар, 2005. Вып. 8. С. 137.

Статья рекомендована к опубликованию научно-экспертным советом академии, протокол от 25 апреля 2014 г. № 4.

УДК 343.8
ББК 67.409
ЛЗЗ

A.V. LEBEDEV*

CLASSIFICATION OF SOCIAL SYSTEMS AND THEIR COMPARISON

Аннотация: в статье рассматривается классификация социальных систем, в частности уголовно-исполнительная система, министерство внутренних дел, преступность, проводится их сравнение по различным параметрам.

Ключевые слова: социальная система, управление, информация.

Annotation: in the article the author considers the classification of social systems, in particular penal system, the Ministry of Internal Affairs, criminality, and compares them on a different set of parameters.

Key words: social system, management, information.

*Мыслие – всегда инакомыслие, это ясно.
Ибо повторение чужой мысли означает
отсутствие собственной.*

М. Веллер

**АЛЕКСЕЙ
ВИКТОРОВИЧ
ЛЕБЕДЕВ***

О КЛАССИФИКАЦИИ СОЦИАЛЬНЫХ СИСТЕМ И ИХ СРАВНЕНИИ

Преступные сообщества (по отдельности и в целом), уголовно-исполнительная система (УИС) и другие системы могут быть рассмотрены как социальные системы, представляющие собой сложноорганизованное упорядоченное целое, включающее в себя отдельных лиц и их объединения, связанные разнообразными отношениями, которые являются социальными по своей природе¹. Разновидностью социальных систем является государство, его различные подсистемы, министерства и ведомства, в частности уголовно-исполнительная система, Министерство внутренних дел РФ (далее – МВД).

Управление системой подразумевает непрерывное и целенаправленное воздействие на управляемый объект. *Управление* есть процесс, а система управления – механизм, который обеспечивает этот процесс². Любой динамический процесс состоит из отдельных процедур, операций и взаимосвязанных этапов. Их последовательность и взаимосвязь составляют технологию управленческого (в нашем случае) процесса. Технология управления – это приемы, порядок, регламент выполнения процесса управления. *Процесс управления* – это непрерывный, целенаправленный социально-экономический и организационно-технический процесс, осуществляемый с помощью различных методов и технических средств, используемых для достижения поставленных задач³.

* Доктор технических наук, кандидат физико-математических наук, начальник отдела ведения баз данных ЦОИ ГИЦ НИИИТ ФСИН России (г. Тверь), E-mail: LebedevAVic@rambler.ru.

Системный подход является основным методом исследования функций управления. Он обеспечивает учет всего комплекса внутренних и внешних факторов, а также различных воздействий на успешное функционирование системы, обуславливает признание важности подсистем и их функций, надсистемы, состоящей из больших и сложных систем, с учетом обстоятельств взаимодействия с которыми должен действовать управляющий аппарат системы. Концепция систем развивает образ мышления, помогающий уяснить сложные ситуации процесса управления и помочь понять природу возникающих сложных проблем.

Правильному выбору управляющих параметров системы помогает последовательное применение принципа классификации, который утверждает, что для построения формальной схемы и модели исследуемой системы необходимо классифицировать состояние системы и ее элементов с учетом выбранных уровней обобщения.

Проведенная нами классификация УИС оказалась нам недостаточной в плане широты освещения проблемы, поэтому постараемся осуществить всестороннюю классификацию таких систем, как преступные сообщества (по отдельности и в целом), уголовно-исполнительная система и МВД, с целью их сравнения и определения способов управления ими.

Если говорить о характеристиках системы без указания и учета ее типа, то может возникнуть путаница. В работе С. А. Саркисяна⁴ с целью повышения качества управления системами было предложено классифицировать их. В основе работы лежит идея о возможности сопоставления с объектом некоторой области в n -мерном пространстве и интерпретации определенной области в указанном пространстве как класса. Если каждой такой области поставить в соответствие один или несколько методов подготовки и принятия управленческих решений, то проблема их отбора сведется к установлению класса объекта по набору значений его признаков.

В качестве классификационных признаков можно использовать: природу объекта управления, его масштабность, сложность объекта управления, степень его детерминированности, характер его развития во времени, степень информационной обеспеченности.

1. По *природе* объекты управления подразделяют на следующие классы: научно-технические, технико-экономические, социально-экономические, военно-политические, естественно-природные.

Уголовно-исполнительная система по своей природе находится на стыке социально-экономических и военно-политических объектов, как и министерство внутренних дел. Преступность (или сообщество (множество) преступников), по нашему мнению, следует отнести к социально-экономическим объектам.

Отметим, что природа объекта управления при выборе методов подготовки и принятия управленческих решений определяет в основном его специфическую часть, то есть специальные приемы и методы, которые характерны для области, соответствующей природе объекта.

2. По *масштабности* объекты управления можно классифицировать в зависимости от числа переменных, входящих в полное описание объекта на стадии анализа: сублокальные, локальные, субглобальные, глобальные, суперглобальные.

По степени масштабности уголовно-исполнительная система, на наш взгляд, должна быть отнесена к суперглобальным объектам, поскольку число ее значащих переменных многократно превышает 10 000 единиц. И министерство внутренних дел, и преступность также могут быть отнесены к суперглобальным объектам.

Масштабность объекта самостоятельного значения для выбора методов поддержки принятия управленческих решений не имеет. Ее следует учитывать в этом плане лишь в совокупности с классификацией объектов по принципу сложности. Характеристику масштабности следует, скорее, учитывать при определении трудоемкости подготовки и принятия управленческих решений.

3. По *признаку «сложность объекта управления»* объекты можно классифицировать по степени взаимосвязанности значащих переменных в их описании: сверхпростые (до 10 элементов), простые (от 10 до 10 000 элементов), сложные (от 10 000 до 100 000 элементов), сверхсложные (более 100 000 элементов).

Уголовно-исполнительная система по своей сложности находится на стыке между сложными и сверхсложными объектами, ибо к сложным относятся объекты, для адекватного описания которых необходимо учитывать взаимосвязи и совместные влияния нескольких значащих переменных (трех и более), однако имеется возможность выделения главных и влияющих на них групп переменных описания. Для анализа такого рода объектов используют методы ступенчатых регрессионных зависимостей, множественного регрессионного и корреляционного анализа; экспертные таблицы оценок взаимного влияния и предпочтения.

Министерство внутренних дел мы отнесли бы также к сложным и сверхсложным объектам, а вот преступность – определенно к сверхсложным объектам. Отличия здесь в первую очередь будут связаны с изменчивостью состава и структуры преступных сообществ.

Сверхсложные объекты предусматривают необходимость учета в описании взаимосвязей между всеми переменными. Основными инструментами анализа в этом случае являются множественный корреляционный анализ, факторный и дисперсионный анализ.

Относительно данного аспекта классификации отметим его зависимость от целей и задач анализа, а также от требуемой степени точности, так как один и тот же объект в зависимости от характера исследования может быть отнесен к различным классам сложности.

4. По *степени детерминированности* можно выделить следующие объекты: детерминированные, стохастические, смешанные.

Уголовно-исполнительная система, скорее всего, может быть отнесена к смешанным (по степени детерминированности) объектам, так как в ней имеются характеристики как детерминированного, так и стохастического характера (необходим учет случайной составляющей).

Министерство внутренних дел считаем возможным отнести к смешанным (по степени детерминированности) объектам, а вот преступность – к стохастическим объектам (в первую очередь в силу самой стохастичности совершения преступления, что особенно характерно для совершающих преступления впервые).

5. По *характеру развития во времени* объекты управления можно подразделить на дискретные, апериодические, циклические.

Заключение о данном виде классификации формируется из потоков информации, циркулирующих в УИС. Вследствие недостаточности изученности проблемы провести классификацию непросто, но осмелимся предположить, что УИС может быть отнесена к апериодическим системам.

Затруднительно провести классификацию преступности, но существуют определенные аргументы за ее апериодичность, что, в свою очередь, позволит однозначно отнести МВД и УИС также к апериодическим системам.

Можно поделить системы на стабильные и нестабильные. Стабильной системой является такая система, свойства и функции которой существенным образом не изменяются или изменяются по заранее заданному закону в форме повторяющихся циклов. В соответствии с изложенным все три системы следует отнести к нестабильным.

По степени изменений и времени существования системы подразделяются на постоянные и временные. Временные системы создаются на определенный промежуток времени для решения конкретных задач. Постоянные системы встречаются достаточно редко, строго говоря, они практически не существуют. Однако берем на себя смелость отнести все три рассматриваемые системы к постоянным (несмотря на то, что функции УИС многократно были закреплены за МВД и УИС долгое время не существовала в виде самостоятельной системы).

6. По *степени информационной обеспеченности* объекты управления можно подразделить на объекты с полным обеспечением количественной информацией, объекты с неполным обеспечением количественной информацией, объекты с наличием качественной ретроспективной информации, объекты с полным отсутствием ретроспективной информации.

По данному признаку УИС может быть отнесена к объектам с неполным обеспечением количественной информацией, ибо имеющаяся в наличии ретроспективная информация (за крайне малый промежуток времени) допускает использование статистических и экстраполяционных методов, однако не обеспечивает на заданном времени упреждения высокую точность прогноза.

МВД также может быть отнесено к объектам с неполным обеспечением количественной информацией, тогда как преступность – к объектам с наличием качественной ретроспективной информации.

7. По *степени взаимодействия с окружающей средой* системы классифицируются на изолированные, закрытые и открытые.

По данному признаку уголовно-исполнительная система и МВД могут быть отнесены к закрытым или полузакрытым системам, которые испытывают влияние внешней среды (например, органов государственного управления), но обратного влияния не оказывают. Степень закрытости системы еще предстоит оценить, как в целом, так и для отдельных ее подсистем.

Преступность считаем необходимым отнести к классу закрытых систем.

Можно выделить неадаптивные (пассивные) и адаптивные (активные) системы. На неадаптивные системы окружающая среда оказывает пассивное воздействие, адаптивные системы приспосабливаются к изменениям в окружающей среде.

По этому признаку УИС и МВД, по нашему мнению, находятся на стыке неадаптивных и

адаптивных систем. Преступность следует отнести к активным системам, однако отдельные ее составляющие в то же время имеют черты пассивной системы.

Возможна классификация систем и по признаку их построения. Они могут быть разделены на искусственные (созданные для решения определенных задач) и естественные (возникшие в процессе эволюции самостоятельно).

По этому признаку уголовно-исполнительная система и МВД относятся к искусственным системам, а преступность – к естественным.

8. По *степени ограничений*, накладываемых на подготовку и принятие управленческого решения, системы классифицируются на целеориентированные и ценностноориентированные.

МВД и УИС можно отнести к целеориентированным системам с наложением определенных ограничений на управление (соблюдение законодательства при ведении оперативно-розыскной деятельности и следствия, прав и свобод человека). В этом случае системы могут быть подразделены на одноцелевые и многоцелевые. Считаем возможным отнести УИС к многоцелевым системам с наложением определенных ограничений на управление, тогда как МВД находится ближе к одноцелевым системам. Преступность, не имея перед собой цели, должна быть отнесена только к ценностноориентированным системам, хотя она может быть рассмотрена как система с неопределенным, но бесконечно большим количеством целей.

Из теории управления⁵ известно, что для целеориентированной системы окружающая среда рассматривается в качестве управляемой системы, где возможны практически любые допустимые управленческие воздействия. Для ценностноориентированной системы окружающая среда находится в равновесии с управляющей системой и, следовательно, допустимы только те воздействия, которые не приводят к нарушению равновесия и, более того, способствуют его поддержанию. Таким образом, для этой системы перечень управленческих воздействий существенно ограничен по сравнению с целеориентированной системой.

Особенностью всех трех систем является их принадлежность к разряду социальных систем, где в отличие от систем технических любое управленческое воздействие воспринимается управляемой системой не непосредственно, а с некоторым (иногда значительным) расхождением и даже запаздыванием, что также затрудняет формирование целей системы.

9. По *виду организации* системы можно классифицировать на концептуальные и эмпирические. Концептуальные системы имеют дело с теоретическими структурами (в принципе они могут и не иметь какого-либо аналога в реальном мире). Типичными концептуальными системами являются системы наук, такие как система математических знаний, теория организации или правоповедение. Концептуальные системы объясняют и обеспечивают классификацию, в практической деятельности они могут проявляться в форме планов, систем классификации и т. д.

Эмпирические системы представляют собой конкретные системы, состоящие из физических объектов (людей, ресурсов и т. д.), базируются на концептуальных системах и представляют отражение концепции на практике, хотя информационные системы могут быть также отнесены к эмпирическим системам.

МВД и УИС можно отнести к эмпирическим системам, тогда как преступность во многом несет в себе черты концептуальной системы.

Однако предложенные 9 параметров классификации далеко не исчерпывают набор признаков, по которым она может быть проведена. Так, применительно к задаче изменения системы возможна классификация по ее исполнению (составу, структуре) и взаимодействию со средой функционирования (характер поведения, предсказуемость поведения).

По *составу* система может быть отнесена к гомогенной или гетерогенной. По нашему мнению, все три исследуемые системы должны быть отнесены к гетерогенным системам.

По *структуре* МВД и УИС могут быть отнесены к системам с иерархической структурой, а преступность – к системам с матричной структурой (или же к системам с очень слабой иерархической структурой).

Целесообразно также учесть наличие целей у изучаемых систем (многоцелевые, одноцелевые, не имеющие цели (саморегулируемые) системы). В этом случае УИС можно отнести к многоуровневым иерархическим многоцелевым системам, МВД – к многоуровневым иерархическим одноцелевым системам, а преступность – к одноуровневой системе, не имеющей цели.

К существенным характеристикам иерархической многоуровневой системы относятся:

- вертикальная декомпозиция, то есть последовательное вертикальное расположение подсистем, образующих данную систему;
- приоритет действий (для систем более вы-

сокого уровня – право вмешательства в действия нижестоящей подсистемы);

– зависимость действий подсистем верхнего уровня от фактического выполнения своих функций подсистемами нижнего уровня;

– некоторая свобода подсистем нижних уровней в выборе их собственных решений исходя из рационального распределения усилий по принятию решений между подсистемами различных уровней.

Перечисленные особенности обусловлены потребностями оперативного принятия целесообразных решений и уменьшения их неопределенности для сложных систем управления. Учет указанных особенностей важен для формирования систем управления на этапе их реформирования, оптимальных по уровню их новизны, детерминированности и адаптивности.

Недостатком многоуровневой системы является сложность ее поведения и управления ею, поскольку усложняется анализ процессов ее функционирования и выбор средств воздействия на нее извне.

В то же время при многоцелевом управлении реальными процессами иерархическая система управления позволяет при определенной ее декомпозиции максимально снять неопределенность принятия управленческих решений и повысить эффективность управления.

По характеру поведения выделяют статические, гомостатические и динамические системы. Предлагаем следующее деление УИС – статическая система, МВД – гомостатическая, преступность – динамическая система.

Классификация по характеру поведения в определенных вопросах связана с классификацией по степени информационной обеспеченности и по предсказуемости поведения системы, хотя следует отметить, что предсказуемость поведения далеко не всегда однозначно определяется исторической ретроспективой.

Классификация по предсказуемости поведения позволяет отнести все три системы к функционально сложным. Сложность заключается в их уникальности и слабопредсказуемости. Уникальность функционально сложной системы состоит в том, что система данного вида не имеет полных аналогов поведения. Слабопредсказуемость функционально сложной системы выражается в невозможности достаточно полного ее поведения на временном интервале (T, t) , если известно ее поведение на интервале $(0, T)$, и $T > t$. Такая система может в определенных пределах управлять своей энтропией и поведением, преследующим достижение опре-

деленной цели. В частности, она способна уменьшать свою энтропию или сдерживать ее рост при неблагоприятном воздействии окружающей среды (даже примерный расчет энтропии УИС представляет значительную сложность, поэтому станет темой дальнейшего самостоятельного исследования).

По предсказуемости поведения УИС можно отнести к слабопредсказуемым малодетерминированным системам, преступность – к стохастическим, а МВД расположить на стыке этих двух систем.

Помимо этого, можно рассмотреть структуру указанных систем. По структуре УИС и МВД могут быть отнесены к системам с переменной структурой, а преступность – к бесструктурной или слабоструктурированной системе.

Приведенная классификация является открытой и может быть расширена по новым признакам классификации или углублена по дополнительным признакам, определяемым потребностями более детального изучения и представления системных свойств классифицируемых объектов.

Не следует забывать, что в состав УИС входит значительное количество подсистем, организованных как по функциональному, так и по территориальному принципу, которые, в свою очередь, также могут быть классифицированы. Проведение подобного вида классификаций представляет собой интересную в творческом плане задачу, хотя требует привлечения значительного количества информации и пристального изучения всего спектра ведомственных нормативно-правовых актов. Однако без проведения этой важной предварительной работы построение прикладных математических методов, облегчающих процессы построения организации и выбора ее эффективной структуры вряд ли представляется возможным.

Таким образом, проведенный нами морфологический анализ имел своей целью отбор характерных, сущностных признаков исследуемого объекта. Морфологическая классификация носит описательный характер, ибо в ней рассмотрены лишь внешние (описательные) признаки систем, при этом мы не вникали в сущность строения систем и особенности их функционирования. В дальнейшем возможен переход к классификации с объяснением, то есть от познания объекта к познанию его сущности.

При выборе методов подготовки и принятия управленческих решений в УИС характер, степень неопределенности, число учитываемых факторов, конкретный вид критериев выбора альтернатив, процедура решения будут суще-

ственно зависеть от содержания, масштаба и временного интервала решаемой задачи и опираться на предложенную автором классификацию.

Проведенная нами классификация не является единственной и однозначной. Так, Г. Минцберг выделяет механизмы, при помощи которых организация координирует свою деятельность⁶. Кроме того, он выделил пять принципиальных составляющих организационной структуры (организационное ядро, стратегический апекс, срединная линия, техноструктура и вспомогательный персонал). Таким образом, в зависимости от количественного преобладания той или иной составляющей будет зависеть и поведение системы в целом.

Приведенная Г. Минцбергом классификация предусматривает следующие виды структур по типу управления и организации: простая структура, механистическая бюрократия, профессиональная бюрократия, дивизиональная форма и адхократия.

На наш взгляд, УИС и МВД имеют черты и механистической бюрократии, и профессиональной бюрократии, и дивизиональной формы.

Механистическая бюрократия представляет собой хорошо отлаженную структуру, функционирующую как комплексный управляемый организм, ей присуще решение высокоспециализированных, однообразных, повторяющихся задач, а также множество правил, формализованная коммуникативная система, крупные подразделения, группирование задач по функциональному признаку, сравнительно высокая централизация власти при принятии решений, развитая административная структура с четким разграничением линейных и аппаратных функций. Ключевым параметром системы является формализация ее поведения.

Идеальные условия существования механистической бюрократии – простая и стабильная внешняя среда. Деятельность такой организации в сложных и меняющихся условиях не может быть разложена на простые составляющие, а работу в динамическом окружении трудно прогнозировать, сделать ее повторяющейся и, следовательно, стандартизировать.

Основные проблемы для механистической бюрократии – трудность мотивации персонала, а также надежная и своевременная обработка и трансляция информации по вертикальным каналам.

Кроме того, механистическая бюрократия затруднена в средствах решения внутренних конфликтов, ибо внутреннее согласование практически не применимо из-за накладываемых ограничений.

Профессиональная бюрократия отличается от механистической бюрократии большей сложностью описания функциональных и управленческих процессов. В большинстве своем эти процессы не формализуемы и не унифицированы, результаты деятельности трудно измерить и стандартизировать. Подготовка специалистов требует значительного времени. Управленческая иерархия менее развита, а руководство осуществляется путем экспертных советов. Профессиональная бюрократия в высшей степени децентрализована как по вертикали, так и по горизонтали. Преобладающую роль играют вопросы согласования функций. Формирование стратегии чрезвычайно сложно. Данная форма управления трудно реализуема для больших и сложных систем.

Дивизиональная форма управления характеризуется ярко выраженной децентрализацией, когда каждый дивизион наделен полномочиями, необходимыми для принятия решений относительно осуществляемых им операций. Внутри подразделений дивизиональная форма лучше всего накладывается на механистическую бюрократию.

Что касается преступности, то для нее характерны такие способы управления, как дивизиональная форма и адхократия.

Относительно *адхократии* отметим, что она представляет собой объединение некоторого числа высококлассных профессионалов, способных творчески мыслить. Задачи, стоящие перед ними, в большинстве своем не имеют аналогов, а также четкого определения, меняются по ходу реализации. Планирование практически невозможно. Стратегия и тактика формируются и переформируются по мере реализации. Организация нестабильна, в процессе функционирования меняется до неузнаваемости, стремясь наиболее адекватно встроиться в требования окружающей среды. Адхократия наиболее приспособлена к динамическим изменениям.

Таким образом, нам удалось провести классификацию трех взаимодействующих систем (МВД, УИС и преступности). Однако как хорошо формализованные, так и слабо структурированные системы должны быть приведены к виду, при котором они становятся относительно несложно решаемыми (в математическом плане) задачами выбора подходящих средств для достижения заданных целей. Завершающим этапом формирования целей системы является формирование критериев как количественной модели качественной цели. И здесь мы прихо-

дим к проблеме многокритериальности реальных задач, которая связана с тем, что одной цели, как правило, соответствуют сразу несколько критериев.

Многокритериальность является одним из способов повышения адекватности описания модели достижения цели. И вопрос здесь не в том, сколько критериев используется, а в том, чтобы они достаточно полно отражали модели достижения цели. Это означает, что критерии должны описывать по возможности все важные аспекты модели достижения цели, но при этом желательно минимизировать число необходимых критериев⁷. Последнего можно достигнуть только в том случае, если все рассматриваемые кри-

терии будут независимы (например, нежелательно использовать в различных составных критериях одинаковые измеряемые величины или величины, выводимые друг из друга).

Кроме того, при разработке таких критериев нужно в обязательном плане учитывать влияние взаимодействующих и связанных систем (окружающая среда), а также формы управления в них. Исходя из изложенного можно сделать вывод о необходимости нахождения наиболее слабых сторон адхократии как способа управления преступностью и выстраивания противодействия ей со стороны МВД и УИС на основании существующих в них систем управления.

Список использованной литературы

- ¹ См.: Философский энциклопедический словарь. М., 1983. С. 611.
- ² См.: Виханский О. С., Наумов А. И. Менеджмент. М., 1996. С. 35.
- ³ См.: Ларичев О. И. Наука и искусство принятия решений. М., 1979. С. 25.
- ⁴ См.: Теория прогнозирования и принятия решений // под ред. С. А. Саркисяна. М., 1977. С. 47.
- ⁵ См.: Бобрышев Д. Н., Семенов С. П. История управленческой мысли. М., 1987. С. 23.
- ⁶ См.: Минцберг Г. Структура в кулаке. Создание эффективной организации. СПб., 2003.
- ⁷ См.: Моисеев Н. Н. Математические задачи системного анализа. М., 1981. С. 105.

Статья рекомендована к опубликованию научно-экспертным советом академии, протокол от 25 апреля 2014 г. № 4.

COUNTERACTION TO THE SPREAD OF RELIGIOUS EXTREMIST IDEOLOGY IN IMPRISONMENT PLACES

Аннотация: в статье дан анализ особенностей противодействия распространению религиозно-экстремистской идеологии в местах лишения свободы.

Ключевые слова: правовое регламентирование, оперативно-розыскная деятельность, экстремистская идеология, места лишения свободы.

Annotation: in the article the particular features of counteraction to the spread of religious extremist ideology in imprisonment places are analyzed.

Key words: legal regulation, operational-search activity, extremist ideology, imprisonment places.

**БОРИС
АРИСТАРХОВИЧ
СПАСЕННИКОВ*,
А. В. ЦАТУРОВ****

ПРОБЛЕМЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ РАСПРОСТРАНЕНИЮ РЕЛИГИОЗНО- ЭКСТРЕМИСТСКОЙ ИДЕОЛОГИИ В МЕСТАХ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ

На современном этапе одна из ключевых задач правоохранительных органов – противодействие национальному и религиозному экстремизму. Важность решения данной задачи обусловлена рядом негативных процессов, связанных с активным распространением в обществе религиозно-экстремистской идеологии. Проповедники из нетрадиционных для России течений зарубежного радикал-исламизма, таких как Партия исламского освобождения «Хизб-ут-Тахрир-Аль-Ислами», «Таблиги Джамаат», других религиозных экстремистских организаций, откровенно призывают своих адептов к организации «джихада» против Российского государства. Деятельность подобных радикал-исламистских организаций представляет реальную угрозу безопасности и суверенитету Российской Федерации.

В утвержденной Президентом Российской Федерации 14 ноября 2013 г. Концепции общественной безопасности в Российской Федерации одним из основных источников угроз общественной безопасности определена экстремистская деятельность националистических, религиозных, этнических и иных организаций и структур, направленная на нарушение единства и территориальной целостности Российской Федерации, дестабилизацию внутривнутриполитической и социальной ситуации в стране. Необходимо с полной ответственностью и объективностью осознать масштабы и последствия данной угрозы, в основе которой – проведение террористических актов, гибель десятков и сотен невинных людей. Среди них убийство в августе 2013 г. в Махачкале имама Ильяса Ильясова за его ре-

* Доктор юридических наук, доктор медицинских наук, профессор, главный научный сотрудник НИИ ФСИН России, профессор ВИПЭ ФСИН России;

** соискатель

(НИИ ФСИН России)

E-mail: editor62@yandex.ru.

лигиозную деятельность, убийство в июле 2012 г. в Республике Татарстан богослова Валиуллы Якупова, трагические события в октябре 2013 г. в Волгоградской области, когда террористка произвела самоподрыв в рейсовом автобусе, в результате которого погибли 7 человек и более 40 получили тяжелые ранения.

Ярые проповедники радикал-исламистской идеологии не только занимаются организацией террористических актов устрашения, но и активно вербуют в свои ряды все новых адептов, при этом имеют место факты, когда последователями исламского фундаментализма становятся этнические русские граждане. Например, гражданским мужем террористки Асияловой был подрывник «махачкалинской» диверсионно-террористической группы Д. Соколов, ставший последователем радикального ислама.

На наш взгляд, благоприятным источником вербовки в свои ряды «новых воинов джихада» может стать уголовная среда.

Ряд осужденных, отбывающих наказание в местах лишения свободы, становятся адептами радикального ислама еще и потому, что видят в его постулатах сходство с идеологией криминального мира. Уголовная субкультура предполагает презрение по отношению не только к правоохранительным органам, но и к государству в целом. Данное обстоятельство напоминает мировоззренческие установки радикал-исламистов, для которых Российское государство является «кяфирским», то есть государством неверных. В связи с этим нежелание последователей радикального ислама жить по «кяфирским» законам точно коррелируется с нежеланием уголовников жить по законам государства.

Привлекает преступников-рецидивистов в радикал-исламистской идеологии и то обстоятельство, что предыдущие грехи, то есть преступления до активного принятия ислама, списываются. Возможность их совершать в дальнейшем трактуется уже как часть «джихада».

По мнению ряда экспертов, осужденный, находящийся в исправительном учреждении (ИУ) и активно проповедующий идеологию радикального ислама, способен за короткий срок привлечь в ряды своих сторонников 5–7 и более человек. По образному выражению мусульманского теолога-традиционалиста Фариды Салмана «сел один ваххабит, а на свободу выходит уже 10».

Мы согласны с позицией, что в среде радикал-исламистов имеет место теория «тюремного джихада», автором которой, вероятно, является Марат Кудакаев, который с 2002 по 2010 год возглавлял отдел по связям с силовыми струк-

турами Духовного управления мусульман Татарстана. Посещая исправительные учреждения в качестве сотрудника Духовного управления мусульман, М. Кудакаев занимался проповедью вооруженного «джихада против» «кяфирского государства».

Находясь в местах лишения свободы, последователи радикальной исламской идеологии стремятся к объединению в организованные экстремистские ячейки, установлению связей с местными национальными диаспорами. Лидеры подобных ячеек активно используют идеологию радикального ислама для укрепления своего положения в неформальной тюремной иерархии, пропаганды экстремистских взглядов среди осужденных с целью их вербовки в свои ряды. Для привлечения новых адептов ими предпринимаются попытки к установлению каналов доставки в места лишения свободы экстремистских агитационных изданий.

С начала 2014 г. зафиксировано 97 случаев изъятия в исправительных колониях (ИК) и следственных изоляторах (СИЗО) ФСИН России запрещенной на территории Российской Федерации религиозной литературы. С целью установления и перекрытия каналов поступления экстремистских изданий в учреждения пенитенциарной системы (во взаимодействии с другими правоохранительными органами) проводятся соответствующие оперативно-розыскные мероприятия.

Наибольшее количество фактов изъятия религиозной литературы экстремистской направленности зарегистрировано в ИК и СИЗО Челябинской области – 15 случаев, Удмуртской Республике – 13, Иркутской, Тверской, Ульяновской и Рязанской областях – по 4 случая.

Имеют место факты, когда попытки доставить в исправительные учреждения литературу, включенную в федеральный список экстремистских материалов, предпринимаются представителями мусульманского духовенства. Так, в январе 2014 г. в комнате ожидания для родственников осужденных ИК-14 ГУФСИН России по Иркутской области у имама г. Ангарска Р. Ф. Мингалеева сотрудниками учреждения была изъята книга Абу Аль-Аля Аль-Маудуди «Основы ислама», внесенная в федеральный список как запрещенная. В феврале 2014 г. была пресечена попытка передачи одному из осужденных ИК-1 УФСИН России по Республике Северная Осетия – Алания CD-диска с видеофильмом «Чудеса Корана», также являющегося экстремистским материалом, а предпринял такую попытку начальник юридического отдела Духовного управления мусульман Республики Северная Осетия – Алания З. Х. Гацалов.

Наиболее распространенными каналами доставки в ИУ экстремистских материалов являются почтовые отправления, в том числе из-за рубежа.

Следует признать, что, несмотря на активные меры, принимаемые администрациями ИУ, по перекрытию каналов поступления запрещенной религиозной литературы радикал-исламистского толка, отдельными осужденными и лицами, содержащимися под стражей, предпринимаются попытки ее незаконной доставки в учреждения. Так, в феврале 2014 г. при проведении мероприятий по досмотру вновь прибывших осужденных сотрудниками ИК-10 ГУФСИН России по Челябинской области среди личных вещей осужденного Н. Р. Сапаева была обнаружена запрещенная книга Шейха Али Аль-Тантауи «Общее представление об исламе», изъятая из гражданского оборота по решению суда как экстремистская литература.

ФСИН России предпринимаются превентивные меры по противодействию распространения среди лиц, содержащихся в следственных изоляторах и осужденных к лишению свободы, идеологии религиозного экстремизма. Разработаны и широко используются во всех учреждениях программа по организации индивидуальной воспитательной, социальной и психологической работы с осужденными за преступления против государственной власти, военной службы, мира и безопасности человечества, коррекционные программы по работе с осужденными за преступления террористической и экстремистской направленности. Используются методические рекомендации по работе в местах лишения свободы с различными этническими группами осужденных, в территориальные органы ФСИН России направлен аналитический обзор Антитеррористического центра Содружества Независимых Государств «Использование современных методов вовлечения лиц в террористическую деятельность».

Во взаимодействии с ФСБ России и МВД России проверяются различные религиозные организации, которые обращаются во ФСИН России с предложениями о сотрудничестве. В 2012–2013 гг. пяти таким организациям было отказано в сотрудничестве по причине их деструктивного толка.

Осужденные, изучающие, пропагандирующие, исповедующие или распространяющие экстремистскую идеологию, ставятся на профилактический учет, за ними закрепляются наиболее опытные сотрудники оперативно-режимных и воспитательных служб. В настоящее время на профилакти-

ческом учете состоит 426 человек. По сравнению с аналогичным периодом прошлого года количество подучетных лиц названной категории возросло более чем на 40 %. Увеличение их числа обусловлено не только возрастанием общего количества лиц, осужденных за преступления террористического характера и экстремистской направленности, но и внесением изменений в ведомственную нормативную базу.

В последние годы шесть так называемых «неофитов», ранее отбывавших наказание в местах лишения свободы, принимали непосредственное участие в террористических акциях на Северном Кавказе. В 2013 г. в Новосибирске было ликвидировано сообщество «Новосибирский джамаат», промышленявшее вооруженными ограблениями. Часть вырученных средств от этого преступного промысла направлялась на Северный Кавказ членам бандподполья. Около половины членов преступной группировки – это лица, ранее судимые и принявшие радикальный ислам в исправительных колониях.

В сфере особого внимания правоохранительных органов находится территория Северо-Кавказского федерального округа. Именно этот регион является наиболее комфортной средой для развития экстремистской идеологии. Известны факторы, дестабилизирующие ситуацию на территории Северо-Кавказского региона. Одним из определяющих среди них является распространение идеологий нетрадиционного ислама.

Полагаем, что в борьбе с идеологами радикал-исламизма свою ведущую роль должно сыграть духовенство традиционных религиозных конфессий. Для этого в учреждениях ФСИН России созданы благоприятные условия: в ИК организовано 279 исламских общин, объединяющих около 10 600 осужденных-мусульман, функционирует 51 исламская мечеть, в стадии строительства – еще 3, имеются 228 мусульманских молельных комнат; организовано свыше 85 мусульманских курсов по обучению осужденных основам традиционного ислама, в которых проходит обучение более 7800 человек.

ФСИН России налажено конструктивное сотрудничество с Советом муфтиев России. В рамках подписанного Соглашения о сотрудничестве реализуются различные проекты в сфере духовно-нравственного воспитания осужденных. Представители мусульманского духовенства привлекаются к проведению проверок по фактам нарушения прав осужденных-мусульман на свободу совести и свободу вероисповедания.

Важность роли священника в работе с осужденными подтверждает и опыт взаимодействия

с представителями Русской православной церкви. Проведенный анализ свидетельствует о том, что там, где священник, окормляющий тюремную паству, осознает важность и необходимость своей деятельности, оперативная обстановка стабильная и дисциплина среди осужденных удовлетворительная. Например, в ИК-8 УФСИН России по Пензенской области функционирует православная община численностью 428 человек, что составляет 51 % от общего количества осужденных, отбывающих наказание в этом учреждении. Доля нарушений, допущенных осужденными, состоящими в общине, составляет всего 0,3 % от всех правонарушений, а злостных нарушений установленного порядка отбывания наказания верующими осужденными в текущем году вообще не допущено.

Очевидно, что эффективная миссионерская деятельность невозможна без ее ресурсного обеспечения, поэтому мы предлагаем разработать систему грантовой поддержки для религиозных организаций, зарекомендовавших себя противниками нетрадиционного ислама.

Однако даже самая продуктивная деятельность священнослужителей не будет успешной в противодействии распространению религиозно-экстремистской идеологии без консолидации усилий в этом направлении заинтересованных государственных структур и общественных организаций. В связи с этим представляется целесообразным создание межведомственного, межконфессионального постоянно действующего органа, наделенного полномочиями проведения непрерывного мониторинга ИУ, с целью объективной оценки ситуации с распространением радикализма и религиозного экстремизма в местах лишения свободы и выработки адекватных мер по противодействию этим процессам.

Законодательством Российской Федерации определено около 30 составов преступлений, отнесенных к противоправным деяниям экстремистской направленности, если они совершены по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти. И только санкции двух статей Уголовного кодекса Российской Федерации (ст. 105 «Убийство» и ст. 357 «Геноцид») предусматривают наказание в виде лишения свободы на срок от 12 до 20 лет с ограничением свободы на срок до 2 лет либо пожизненным лишением свободы. Санкции статей за остальные преступления такого характера предусматривают наказание от штрафа до 2–5 лет лишения свободы. Более того, около 250 человек, совершивших преступления экстремистской направленности,

не были осуждены к реальным срокам лишения свободы, в настоящее время они состоят на учетах уголовно-исполнительных инспекций.

Считаем, что ответственность за преступления, связанные с терроризмом, религиозным экстремизмом, необходимо ужесточать.

Эффективная деятельность по пресечению распространения идей религиозного экстремизма в учреждениях уголовно-исполнительной системы невозможна без активной контрпропагандистской работы, поэтому социальные, воспитательные аппараты ориентируют свою деятельность на мотивацию и включение осужденных – приверженцев радикального ислама, в культурную, спортивную, духовную сферу жизни учреждения. При этом очень важным в организации этой работы является привлечение родственников осужденных, использование авторитета их старейшин.

Однако любая работа будет обречена на провал, если заниматься ею будут непрофессионалы, люди, не ориентирующиеся в особенностях религиозно-радикальных идеологий, не знающие их догматов, не способные осознать угрозу от их последствий. В связи с этим необходимо, используя потенциал ведомственных вузов, содействие и помощь исламских университетов, организовать обучение персонала УИС формам и методам работы с осужденными названных категорий.

Лица, содержащиеся в местах лишения свободы и исповедующие идеологию радикального ислама, рано или поздно освободятся, выйдут на свободу. Осуществляя работу в ИУ по подготовке осужденных к освобождению, необходимо понимать особую важность постепенной реабилитации таких лиц. Определенной системы реабилитации осужденных в целом, в том числе названных категорий, в стране не создано. В результате бывшие осужденные, выйдя на свободу, столкнувшись с проблемами трудоустройства, жилья, вновь оказываются в привычном криминальном социуме. Бывшие экстремисты, террористы входят в радикал-исламистские «джамааты». В связи с этим интересным представляется опыт работы по социальной реабилитации исламских фундаменталистов в ряде арабских стран. В Саудовской Аравии, Йемене, Египте, Ираке разработаны долгосрочные программы, в которые вовлечены религиозные деятели, психологи, социальные работники. Предусматривается строительство центров реабилитации радикалов. После выхода из них бывшим боевикам оказывается помощь в получении образования, решении жилищных проблем.

**STATE OF EMERGENCY FROM A POSITION
OF NORMS OF INTERNATIONAL LAW**

Аннотация: в статье идет речь о формировании института чрезвычайного положения в международном праве. Рассматриваются международные стандарты норм об основных правах человека при чрезвычайном положении.

Ключевые слова: чрезвычайное положение, международное право, права человека.

Annotation: this article deals with development of institute of state of emergency in the international law. The international standards of norms on fundamental human rights at the state of emergency are considered.

Key words: state of emergency, international law, human rights.

Возникновение чрезвычайных ситуаций, необходимость применения экстренных мер противодействия, серьезно ограничивающих права и свободы граждан, требование правового характера таких мер определили становление института чрезвычайного положения.

Формирование данного института происходило на национальном и на международном уровнях. При этом его развитие в масштабе отдельных государств почти на сто лет опередило международную практику. Первые парламентские акты, посвященные чрезвычайному положению, были приняты во Франции в 1848 г., в Пруссии – в 1857, в Австро-Венгрии – в 1869, в Испании – в 1870, в России – в 1880 г.

Первый шаг в создании института чрезвычайного положения на международном уровне был сделан с принятием Конвенции о защите прав человека и основных свобод (заключена в г. Риме в ноябре 1950 г.)¹. Статья 15 Конвенции устанавливала: «... в случае войны или при иных чрезвычайных обстоятельствах, угрожающих жизни нации, любая из Высоких Договаривающихся Сторон может принимать меры в отступление от ее обязательств по настоящей Конвенции только в той степени, в какой это обусловлено чрезвычайностью обстоятельств, при условии, что такие меры не противоречат другим ее обязательствам по международному праву».

Конвенция назвала ряд прав, не подлежащих ограничению: право на жизнь (за исключением случаев гибели людей в результате правомерных военных действий), запрет пыток, запрет рабства и принудительного труда (за исключением службы, обязательной в случае чрезвычайного положения или бедствия, угрожающего жизни или благополучию населения), право

**ВЛАДИМИР
ЮРЬЕВИЧ
УХОВ***

**ИНСТИТУТ
ЧРЕЗВЫЧАЙНОГО
ПОЛОЖЕНИЯ
С ПОЗИЦИИ НОРМ
МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА**

* Доктор юридических наук, доцент, начальник кафедры административного права (Санкт-Петербургский университет МВД России)
E-mail: spb-u-mvd.kaf-ap@yandex.ru.

на наказание исключительно на основе закона. Кроме того, Конвенция ввела необходимое условие об информировании Генерального секретаря Совета Европы Договаривающейся Стороной об отступлении от своих обязательств, о вводимых ею мерах, о причинах их принятия, а также о дате прекращения действия таких мер и возобновлении осуществления положений Конвенции в полном объеме.

Спустя полтора десятка лет нормы подобного содержания были закреплены также в Международном пакте о гражданских и политических правах (принят 16 декабря 1966 г. Генеральной Ассамблеей ООН)². Отличие состояло в ряде требований. Пакт прямо называл чрезвычайное положение условием для отступления стороной от принятых ею обязательств. Чрезвычайное положение должно быть объявлено официально. Определена степень отступления от обязательств – «как это требуется остротой положения». Расширен перечень прав и свобод, не подлежащих ограничению: недопустимость дискриминации, право на личную свободу, право на признание правосубъектности, свобода мысли, совести и религии.

В международных нормативных правовых актах институт чрезвычайного положения изложен весьма лаконично. Большую роль в раскрытии его содержания играют иные документы, хотя и не имеющие официального статуса, но пользующиеся авторитетом в мировом сообществе. К таким документам относятся Минимальные стандарты норм об основных правах человека при исключительном положении (приняты в 1984 г. на Парижской конференции Международной ассоциации юристов)³, Принципы защиты прав и свобод граждан в условиях действия чрезвычайного законодательства (сформулированные в 1982 г. на заседании Экономического и Социального Совета ООН)⁴, Сиракузские принципы о положениях, касающихся ограничения и умаления прав в Международном пакте о гражданских и политических правах (приняты по итогам конференции, проведенной ООН в 1984 г. в г. Сиракузы)⁵.

Наиболее полными и не нуждающимися в комментариях являются, на наш взгляд, Минимальные стандарты норм об основных правах человека при исключительном положении. Они отражают практически все стороны института чрезвычайного положения в его современном понимании и сводятся к следующему:

провозглашение чрезвычайного положения, которое официально объявляется и в зависимости от обстановки распространяется на всю

территорию государства или ее часть, может быть оправдано лишь действительным наличием критической ситуации для государства или общества, угрожающей жизни нации;

все нормы, регулирующие чрезвычайное положение, должны быть закреплены в национальном законодательстве заранее, до объявления чрезвычайного положения;

в конституции каждого государства должна быть определена процедура объявления чрезвычайного положения. В случае если исполнительная власть имеет возможность компетентно объявлять о введении чрезвычайного положения, подтверждение об этом законодательной властью должно быть осуществлено в возможно короткие сроки;

заявление о сроках чрезвычайного положения никогда не должно переходить границы того периода, строго требуемого для восстановления нормальной обстановки, причем максимальный срок действия чрезвычайного положения (исключая случаи военной агрессии) узаконивается конституцией;

законодательная власть должна в равной степени иметь право аннулировать как решение о введении чрезвычайного положения, так и возможность изменить срок его действия. Каждое продление срока чрезвычайного положения должно утверждаться органом законодательной власти и декларироваться до момента истечения первоначально определенного срока;

в период чрезвычайного положения законодательные функции должны оставаться нетронутыми, независимо от применения ограничительных мер. Если подошел срок перевыборов, то он переносится до нормализации обстановки и возможности организации выборов, согласно конституции;

чрезвычайное положение не может служить основанием для отступления государства от положений ст. 6–8 (пп. 1, 2), 11, 15, 16 и 18 Международного пакта о гражданских и политических правах (принцип недопустимости посягательств на «абсолютные права и свободы»);

высшие судебные органы (органы конституционного контроля) должны обладать соответствующими полномочиями для того, чтобы решить: соответствует ли законодательство о чрезвычайном положении конституции государства; соответствует ли акт о введении чрезвычайного положения и принимаемых мерах национальному законодательству. Названные органы должны обеспечить недопустимость вторжения в сферу «абсолютных прав» граждан и соблюдение прин-

ципа пропорциональности в отношении мер, ущемляющих права и свободы;

у органа конституционного контроля должны быть широкие полномочия по объявлению какой-либо чрезвычайной меры (законодательного или исполнительного характера) или какого-либо акта по их применению потерявшим законную силу, если они не отвечают требованиям конституции или законодательству о чрезвычайном положении;

акты, принятые для обеспечения режима чрезвычайного положения, должны утрачивать силу одновременно с его прекращением без специального о том уведомления;

отмена чрезвычайного положения влечет за собой автоматическое восстановление всех прав и свобод, которые были отменены (ограничены), и никакие чрезвычайные меры не должны сохраняться⁶.

Детальная проработка института чрезвычайного положения на международном уровне не позволила, однако, избежать ряда коллизий. Одна из них связана с позицией, что любое ограничение прав и свобод граждан в ответ на возникшую чрезвычайную ситуацию должно соответствовать требованиям Минимальных стандартов и иных подобного рода документов. На наш взгляд, это заблуждение, которое не учитывает установленную как Конвенцией о защите прав человека и основных свобод, так и Международным пактом о гражданских и политических правах возможность ограничения законом ряда прав и свобод в целях национальной безопасности, общественного порядка, здоровья или нравственности населения либо прав и свобод других граждан.

Между тем практика применения исключительных мер без введения режима чрезвычайного положения имеет достаточно распространенный характер за рубежом и рассматривается не как противоречащая тем или иным международным институтам, а, напротив, как эффективное и оправданное средство реагирования на текущие угрозы и стабилизации обстановки. На наш взгляд, очень показательным является пример Великобритании в отношении принимаемых мер борьбы с терроризмом. В 1984 г. в этой стране в связи с обострившейся ситуацией в Северной Ирландии был принят Закон о предотвращении терроризма (временные меры), который предусматривал ряд ограничений прав граждан, носивших чрезвычайный характер, то есть введенных с отступлением от обычно применяемых норм. Эти ограничения допускали, в частности, задержание лиц, подозреваемых в причастности к совершению террористических актов, их

подготовке и подстрекательству к ним, не только с целью предания суду за конкретное правонарушение, но и в интересах получения информации, то есть без предъявления обвинения. Юридически допустимый 48-часовой срок задержания в отношении таких лиц мог быть продлен до пяти дней. Решение об этом, в отличие от обычного судебного порядка рассмотрения подобных вопросов, принималось Государственным секретарем по делам Северной Ирландии.

До 23 декабря 1988 г. закон действовал без объявления Великобританией об отступлении от своих международных обязательств в порядке ст. 15 Конвенции о защите прав человека и основных свобод. Европейский суд по правам человека (ЕСПЧ), рассматривая 29 ноября 1988 г. дело «Броуган и другие против Соединенного Королевства»⁷, признал законной меру по продлению срока задержания, приняв во внимание чрезвычайность ситуации в Северной Ирландии, а также сложность расследования преступлений террористической направленности. Суд также указал, что задержание без предъявления обвинения в сложившейся ситуации не является нарушением п. 1 «с» ст. 5 Конвенции, если такое задержание проводилось добросовестно, то есть с целью получить достаточные доказательства и продвинуть расследование.

В постановлении по делу «Мюррей против Соединенного Королевства»⁸ ЕСПЧ подчеркнул, что п. 1 «с» ст. 5 Конвенции не должен применяться таким образом, чтобы создавать несоразмерные трудности на пути полицейских органов государств-участников к осуществлению эффективных мер по противодействию организованному терроризму. В этом же решении, оценивая правомерность мер в виде обыска и сбора личных сведений, применяемых в Великобритании согласно Закону о Северной Ирландии (чрезвычайные меры) 1978 г. по отношению к лицам, подозреваемым в причастности к терроризму, ЕСПЧ напомнил об ответственности правительства в сфере защиты граждан и институтов от угрозы организованного терроризма, а также о сложностях организации противодействия терроризму. Эти два фактора, как отметил суд, влияют на справедливое равновесие, которое должно быть между осуществлением отдельной личностью прав, связанных с неприкосновенностью личной и семейной жизни, и возможностью для государства принимать эффективные меры в целях предотвращения террористических преступлений.

Таким образом, в международном пространстве существуют два правовых института, свя-

занных с применением чрезвычайных мер: институт чрезвычайного положения и институт обеспечения национальной безопасности. Границу здесь определить достаточно сложно. Практика принятия зарубежными государствами, в том числе с «развитой» демократией, чрезвычайных мер с отступлением от международных стандартов обеспечения прав человека достаточно богата, и последнее слово о законности таких мер в каждой конкретной ситуации принадлежит прежде всего органам международной юрисдикции. Для понимания их различий стоит проанализировать цели института чрезвычайного положения.

Как представляется, толчком к разработке международных стандартов в области прав человека, которые, как упоминалось, образуют основу института чрезвычайного положения, стала достаточно сомнительная политика в этой области отдельных государств. Предполагалось, что отступление государства от своих международных обязательств в сфере прав и свобод человека и вводимый в связи с этим режим чрезвычайного положения являются исключительными мерами непродолжительного характера. Однако на практике чрезвычайное положение могло длиться годами. Например, чрезвычайное положение в Зимбабве было установлено с 1965 по 1990 год, в Шри-Ланке сначала с 1971 по 1977 год, затем в период 1977–1983 гг. оно вводилось еще пять раз, а объявленное в 1983 г. оставалось в силе по 1991 г. Население Марокко жило в условиях чрезвычайного положения с 1965 по 1970 год, Сьерра-Леоне – с 1970 по 1978 год. В 80-е годы чрезвычайное положение было установлено более чем в 30 из 170 провинций Перу. Народ Чили жил в условиях чрезвычайного положения 15 лет (с сентября 1973 по август 1988 года), Парагвая – 33 года (с мая 1954 по апрель 1987 года с перерывами на один день раз в четыре года для проведения формальных выборов). В Колумбии чрезвычайное положение в действовало 23 года – с 1958 по 1981 год⁹.

Растянувшееся на годы чрезвычайное положение стало означать установление диктаторского режима правления со всеми вытекающими из этого правоограничениями, а нормы ст. 15 Конвенции о защите прав человека и основных свобод и ст. 4 Международного пакта о гражданских и политических правах создавали для этого легальную основу.

В таких условиях потребовалось выработать более четкие критерии режима чрезвычайного положения. Это, в частности, подразумевало

определение ситуации, в которой применение исключительных мер и введение режима чрезвычайного положения считалось оправданным. Подобная ситуация должна иметь исключительный характер, представлять явную угрозу для жизни нации. Сиракузские принципы определяют такую угрозу как касающуюся всего населения и всей или части территории государства и угрожающую физической целостности населения, политической независимости или территориальной целостности государства либо существованию или нормальному функционированию институтов, необходимых для обеспечения и защиты политических и гражданских прав. Внутренние конфликты и беспорядки, которые не представляют серьезной и неизбежной угрозы жизни нации, а также экономические трудности не могут считаться основанием для отступлений, предусмотренных ст. 4 Пакта.

В решении Европейского суда по правам человека по делу «Лоулесс против Ирландии»¹⁰ понятие явной угрозы для жизни нации определено как положение кризиса или неминуемой исключительной опасности, которая затрагивает население в целом и представляет угрозу для организованной жизни сообщества, формирующего государство.

Необходимо подчеркнуть, что масштабность чрезвычайной ситуации в данном случае не означает ее распространения на всю территорию государства. Основанием для введения чрезвычайного положения может стать происшествие локального характера, главный критерий – возникшая в результате него опасность, которая должна иметь общенациональный характер.

Угроза жизни нации требует принятия мер, кардинально изменяющих обычный порядок управления и осуществления власти в государстве. С этим связано еще одно отличие института чрезвычайного положения от обеспечения национальной безопасности.

Адекватная реакция на возникновение чрезвычайной ситуации подразумевает возможность для главы государства (главы исполнительной власти) принятия срочных мер, направленных на восстановление порядка. Ограничение этой власти может привести к тому, что необходимая оперативность реагирования на чрезвычайную ситуацию не будет достигнута, и это позволит ей перейти в неуправляемое состояние, повлечет за собой достаточно серьезные и даже катастрофические последствия.

Полнота власти главы государства должна быть достаточной, чтобы вводить ограничения, затрагивающие основные права и свободы че-

ловека, как-то: свобода передвижения, свобода выбора места жительства, личная и семейная неприкосновенность, свобода выражения личного мнения, право на свободный труд, свобода экономической деятельности и т. п.

Для обеспечения вводимых мер, общественной безопасности и порядка, помимо участия правоохранительных органов, необходимо привлечение военной силы, а для руководства привлеченными силами, контроля над обстановкой, обеспечения централизованного управления требуется ограничение полномочий местных органов власти и введение временных органов управления. Решение этих вопросов должно осуществляться оперативно, в силу чего они также должны быть отнесены к числу чрезвычайных полномочий главы государства.

Введение чрезвычайного положения осуществляется главой государства единолично, и основным критерием при принятии такого решения является его мнение о существовании и неизбежности чрезвычайной ситуации. Перечень конкретных мер, предпринимаемых в данной ситуации, также определяется главой государства.

Таким образом, чрезвычайное положение – это совокупность мер, ограничивающих личные, социальные, экономические и политические права, вводимых главой государства единолично и по собственному усмотрению в целях предотвращения или устранения чрезвычайной ситуации.

Расширение полномочий главы государства, с одной стороны, объективно необходимо, а с другой – представляет опасность злоупотребления ими. Если вернуться к Минимальным стандартам норм об основных правах человека при исключительном положении, можно обратить внимание на то, что большинство приведенных положений содержат инструменты, которые позволяют минимизировать произвол исполнительной власти при чрезвычайном положении или его возможность. Это и требование о подтверждении решения о введении чрезвычайного положения со стороны законодательного органа и законодательном закреплении перечня чрезвычайных мер, подлежащих применению, и запрет на прекращение полномочий законодательного органа в силу истечения срока его созыва.

Список использованной литературы

- ¹ См.: Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. № 2. Ст. 163.
- ² См.: Международная защита прав и свобод человека : сб. док. М., 1990. С. 32–53.
- ³ Цит. по: Соловьев А. И. Конституционно-правовое регулирование режима чрезвычайного положения в Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2001.
- ⁴ Qnestiaux N. Study of the Implications for Human rights of Recent Developments Concerning Known as State of Siege of Emergency. N.Y., 1982. P. 15–19.
- ⁵ См.: Вестник Московского государственного университета. Сер. 11: Право. 1992. № 4. С. 59–69.
- ⁶ Цит. по: Соловьев А. И. Указ. соч.
- ⁷ См.: Броуган и другие против Соединенного Королевства (Страсбург, 29 ноября 1988 г.) // СПС «КонсультантПлюс».
- ⁸ См.: Мюррей против Соединенного Королевства (Страсбург, 28 октября 1994 г.) // СПС «КонсультантПлюс».
- ⁹ См.: Домрин А. Н. Государственно-правовой институт чрезвычайного положения. Постановка проблемы // Конституционный вестник. 1992. № 13.
- ¹⁰ Case of Lawless v. Ireland (Strasbourg, 1 July 1961 y.) // <http://hudoc.echr.coe.int/sites/eng/pages/search.aspx?i=001-103914>.

Статья публикуется по решению редакционной коллегии.

MEASURES OF CONTROL OVER CONDITIONAL SENTENCED PERSONS

Аннотация: в статье рассмотрены меры осуществления контроля за условно осужденными, освещены возникающие при этом проблемы, предложены пути их решения.

Ключевые слова: осужденный, наказание, условное осуждение, свобода, надзор, контроль.

Annotation: in the article some measures of control over conditional sentenced persons and problems arising in this case are considered, ways of their solutions are offered.

Key words: sentenced person, punishment, conditional sentence, freedom, supervision, control.

**САЛИХ
ХАБИБОВИЧ
ШАМСУНОВ*,
ЕВГЕНИЯ
ВИКТОРОВНА
ГАЙ****

МЕРЫ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ КОНТРОЛЯ ЗА УСЛОВНО ОСУЖДЕННЫМИ

Условное осуждение, избавляя осужденного от необходимости претерпевать ограничения, сопутствующие наказанию, не означает оправдания виновного и не избавляет его от ответственности перед обществом за содеянное. Условное осуждение является освобождением от наказания при определенных условиях, поэтому по своей тяжести оно не может сравниваться с реальными мерами наказания. Элементы принуждения, свойственные условному осуждению, заключаются в возможности наложения судом на осужденного обязанностей (ч. 5 ст. 73 УК РФ) и в осуществлении за ним контроля в течение испытательного срока (ст. 188 УИК РФ).

Возложение обязанностей является правом, а не обязанностью суда. Исходя из этого можно выделить две разновидности условного осуждения – с возложением обязанностей и без такового. Естественно, возложение судом обязанностей сопряжено с определенными правоограничениями, усиливающими карательное содержание условного осуждения, но уровень их несоизмеримо меньше уровня правоограничений, присущих наказанию, и применяются они во благо и обществу, и осужденному.

Несмотря на то что ученые и практики единодушно рекомендуют налагать на условно осужденных предусмотренные законом обязанности, суды часто игнорируют предоставленное им право. В приговорах на условно осужденных не всегда возлагаются дополнительные обязанности, однако данные об их личности позволяют практикам относить их к группе риска. В связи с этим такие осужденные нужда-

* Доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник (НИИ ФСИН России)

E-mail: shamsunov46@mail.ru;

** старший инспектор УИИ

(УФСИН России по Белгородской области)

E-mail: evgegaj@mail.ru.

ются в более пристальном внимании со стороны контролирующего органа.

При современной законодательной регламентации условного осуждения отсутствие у осужденного обязанностей должно стать исключением, а не правилом.

Согласно ч. 5 ст. 73 УК РФ суд, назначая условное осуждение, может возложить на условно осужденного исполнение следующих обязанностей: не менять постоянного места жительства, работы, учебы без уведомления специализированного государственного органа, осуществляющего контроль за его поведением, не посещать определенные места, пройти курс лечения от алкоголизма, наркомании, токсикомании или венерического заболевания, трудиться (трудоустроиться) либо продолжить обучение в общеобразовательном учреждении. Суд может возложить на условно осужденного исполнение и других обязанностей, способствующих его исправлению. В течение испытательного срока суд по представлению органа, осуществляющего контроль за поведением условно осужденного (уголовно-исполнительной инспекции (УИИ), а в отношении военнослужащих – командованием воинских частей и учреждений), может отменить полностью или частично либо дополнить ранее установленные для условно осужденного обязанности.

Практика свидетельствует о том, что при возложении дополнительных обязанностей суд, как правило, не учитывает личность осужденного, в связи с этим обязанности идентичны у различных категорий осужденных. Для исключения подобной практики судов при возложении не обозначенных в законе обязанностей на условно осужденного и возможного нарушения его прав и свобод возлагаемые обязанности должны отвечать определенным требованиям, а именно:

- основываться на учете особенностей совершенного деяния и личности виновного;
- быть рациональными (реально исполнимыми);
- быть четко сформулированными (с указанием в необходимых случаях срока исполнения)¹.

Иные, не предусмотренные в УК РФ обязанности должны соответствовать тем же требованиям и основываться на законе. Например, обязанность не совершать административных правонарушений не может накладываться на условно осужденного, потому что воздержание от совершения административных правонарушений (как и преступлений) является нормой поведения любого человека. Для условно осужденного, кроме того, последствием нарушения общественного порядка, за которое налагалось

административное наказание, может стать отмена условного осуждения. В качестве уголовно-правового стимула данное положение также нельзя рассматривать: чтобы являться таковым, несвершение административных правонарушений следовало закрепить в норме закона как, например, условие досрочной отмены условного осуждения. Тогда при выполнении этого условия осужденный был бы поощрен досрочным снятием обременения, присущего примененной к нему мере, но обязанностью это требование быть никак не может.

В качестве не предусмотренных в УК РФ, но не противоречащих закону обязанностей осужденных можно отметить: возмещение причиненного преступлением вреда, запрещение общаться с определенными лицами; обязательное предварительное уведомление органа, осуществляющего контроль, об оставлении места жительства на срок свыше 30 суток; необходимость пребывания дома в установленное время и некоторые другие.

Предусмотреть в УК РФ исчерпывающий перечень обязанностей также не рационально, так как может сложиться ситуация, когда лицо не сможет выполнить ни одну из предусмотренных законом обязанностей². При этом общество может лишиться действенного средства – контроля за поведением условно осужденного.

Поскольку ограничение прав и свобод человека допускается только уполномоченным на это органом, а применительно к осужденным таким органом является суд, недопустимо наложение каких бы то ни было обязанностей и запретов иными государственными органами и учреждениями, за исключением входящих в их компетенцию и закрепленных в законе. К такого рода обязанностям следует отнести указания, которые может давать условно осужденным специализированный государственный орган, уполномоченный осуществлять контроль за их поведением в течение испытательного срока, – уголовно-исполнительная инспекция³.

Возложенная на УИИ функция контроля за поведением условно осужденного заключается в осуществлении ряда мер, преследующих цели оказания позитивного воздействия на него путем наблюдения за его поведением, коррекции негативных черт его личности, устранения или локализации действия обстоятельств, которые могут отрицательно повлиять на процесс исправления. Для выполнения поставленных задач уголовно-исполнительные инспекции наделены соответствующими полномочиями. На основании принимаемых ими решений опреде-

ляется «судьба» условно осужденного в течение испытательного срока, но они сами не наделены правом самостоятельно устранять выявленные нарушения и могут лишь давать компетентным органам рекомендации о возможных путях коррекции деятельности подконтрольного объекта. По представлению инспекции суд может: постановить об отмене условного осуждения и снятии с осужденного судимости; продлить испытательный срок; отменить полностью или частично либо дополнить ранее установленные для условно осужденного обязанности; постановить об отмене условного осуждения и исполнении наказания, назначенного приговором суда.

Таким образом, если бы УИИ осуществляли свою деятельность по указанному выше принципу, то результатом их деятельности должна была стать систематическая реализация полномочия по направлению в суд представления о возможности досрочной отмены условного осуждения и снятия с исправившегося осужденного судимости. Согласно статистическим данным, отмена условного осуждения по основанию исправления осужденного составляет всего лишь несколько процентов от общего числа состоящих на учете в УИИ условно осужденных. Это объясняется тем, что УИИ не в состоянии обеспечить столь плотную «опеку» условно осужденным по различным причинам, в том числе из-за недостаточной штатной численности при довольно большом объеме работы, поскольку на данный орган законом возложено также исполнение ряда иных мер уголовно-правового характера⁴.

Опыт исполнения наказаний без изоляции от общества в зарубежных странах показывает, что наибольшей эффективности можно добиться, если в ведении одного сотрудника соответствующего государственного органа находится не более 50 осужденных⁵. В России количество состоящих на учете лиц в расчете на одного инспектора УИИ часто значительно превышает показатели зарубежных стран⁶. В связи с этим сотрудники УИИ не в состоянии выполнять в достаточном объеме функции по контролю и надзору за поведением условно осужденных.

Законодательство Российской Федерации не препятствует условно осужденному обращаться в суд с ходатайством об отмене условного осуждения и снятии судимости и предполагает обязанность суда рассмотреть это ходатайство по существу, независимо от наличия представления органа, осуществляющего контроль за поведением условно осужденного, по данному

вопросу. Это положение следует закрепить в уголовно-исполнительном законодательстве, так же как и норму о порядке внесения УИИ представления о применении к условно осужденному досрочной отмены назначенной меры в случае достижения им определенной степени исправления.

Решение о досрочной отмене условного осуждения возможно не ранее истечения половины испытательного срока. Однако суд не обязан соглашаться с представлением УИИ или с ходатайством осужденного, даже если в них будут представлены свидетельства позитивных изменений в поведении осужденного, позволяющие признать его исправившимся. В противоречия входят мнения двух органов – судов, которые принимают соответствующее решение, и УИИ, призванных наблюдать за поведением осужденного и контролировать его. Увеличению вероятности применения этой нормы послужило бы изменение редакции ч. 1 ст. 74 УК РФ с заменой слов «может постановить» на слово «постановляет».

Другая мера, связанная со степенью оценки поведения условно осужденного, но ухудшающая его положение, также нечасто встречается в практике деятельности УИИ. Речь идет об отмене условного осуждения за систематическое или злостное неисполнение условно осужденным возложенных на него судом обязанностей либо сокрытие от контроля инспекции. По данным статистики, в последние годы доля таких лиц от общего числа состоящих на учете условно осужденных составляла примерно 44 %.

Помимо трудностей организационного и правоприменительного характера, осложняющих процесс оказания на условно осужденного необходимого воспитательного и профилактического воздействия, существуют пробелы в законодательстве. В УК РФ установлено, что систематическое или злостное неисполнение условно осужденным возложенных на него обязанностей может привести к отмене примененной меры. Уголовный закон не раскрывает значения понятий систематичности и злостности, и для их единообразного понимания следует обращаться к судебному толкованию. Определенные систематичности содержится и в ч. 5 ст. 190 УИК РФ⁷, а в ч. 6 ст. 190 УИК РФ указано, какие условно осужденные признаются скрывающимися от контроля.

Проявив один раз гуманность к виновному лицу и предоставив суду возможность назначить ему вместо реального отбывания наказа-

ния условное, законодатель и в дальнейшем не спешит при малейшем отклонении в поведении условно осужденного от законодательных предписаний кардинальным образом менять его правовой статус. Меньшая степень «нежелания» условно осужденного следовать установленным для него в законе правилам ведет к применению менее строгих санкций в отношении такого лица. Уклонение от исполнения возложенных судом обязанностей или совершение нарушения общественного порядка, за которое налагалось административное взыскание, может повлечь за собой продление испытательного срока условно осужденному (ч. 2 ст. 74 УК РФ). При всей ясности и лаконичности законодательной формулировки, не оставляющей, казалось бы, сомнений для ее единообразного применения, они все-таки возникают.

Во-первых, налицо противоречие между предписанием ч. 2 ст. 74 УК РФ и ч. 1 ст. 190 УИК РФ. Если перечисленные выше обстоятельства согласно УК РФ являются основаниями для продления испытательного срока, то по УИК РФ они служат основанием для вынесения УИИ предупреждения в письменной форме о возможности отмены условного осуждения. Как в рассмотренном выше случае, здесь должны применяться нормы УК РФ, а УИК РФ следовало бы привести в соответствие с уголовным законом.

Во-вторых, необходимо уточнить, что представляет собой уклонение от исполнения возложенных судом обязанностей (ч. 2 ст. 74 УК РФ). Если сравнивать его с систематическим или злостным неисполнением обязанностей (ч. 3 ст. 74 УК РФ), то разграничение можно проводить по качественной или количественной стороне. Под уклонением от исполнения возложенных обязанностей следует понимать хотя бы однократное невыполнение условно осужденным любой конкретной обязанности, возложенной на него судом. Следует добавить, что правовое значение невыполнение условно осужденным возложенной на него обязанности приобретает при отсутствии у него уважительных причин для подобного поведения. Кроме того, к аспекту систематичности можно отнести продолжительное (более 30 дней) неисполнение обязанностей. В данном случае разовое, но продолжительное неисполнение является сразу же систематическим, а не уклонением.

Продление испытательного срока в связи с уклонением осужденного от возложенных на него судом обязанностей или совершением нарушения общественного порядка, за которое на

него налагалось административное взыскание, в последние годы стало применяться гораздо активнее. Если из-за своей загруженности инспекции сложно бывает выявить и документировать уклонение осужденного от исполнения им обязанностей, то получить сведения о количестве совершаемых условно осужденными нарушений порядка и примененных к ним мер воздействия намного проще. В соответствии с подп. 4 п. 7 Регламента взаимодействия ФСИН России и МВД России по предупреждению совершения лицами, состоящими на учете УИИ, преступлений и других правонарушений, утвержденного приказом Минюста России и МВД России от 4 октября 2012 г. № 190/912, при совершении осужденным административного правонарушения или преступления, а также при выявлении фактов неисполнения возложенных обязанностей и установленных ограничений в течение трех рабочих дней сотрудники органов внутренних дел направляют в УИИ информацию о данных фактах. Улучшение взаимодействия между инспекциями и органами внутренних дел, отмечаемое практическими работниками УИС, служит гарантией действенности контроля за условно осужденными.

Следующим основанием продления испытательного срока является совершение условно осужденным нарушения общественного порядка, за которое на него налагалось административное взыскание. В КоАП РФ посягательства на общественный порядок не объединены в одну главу с посягательствами против общественной безопасности. Необходимо также предусмотреть в качестве основания продления испытательного срока совершение условно осужденным, помимо нарушений общественного порядка, нарушений общественной безопасности, за которые на него налагались административные наказания.

Еще одной причиной редкого применения нормы о продлении испытательного срока следует назвать то, что в законе нет конкретных сроков рассмотрения судом направляемых УИИ представлений о применении этой меры.

Как и при досрочной отмене условного осуждения в связи с исправлением лица, принятие решения об отмене условного осуждения и исполнении назначенного наказания возлагается на суд. Анализ данных решений свидетельствует о том, что суды нередко отказывают в удовлетворении представления. Безусловно, инспекции могут ошибаться в оценке действий условно осужденных. Основанием для отказа суда в отмене условного осуждения может служить

отсутствие подтверждения фактов уклонения лица от исполнения возложенных обязанностей или нарушения общественного порядка. При наличии достаточного числа доказательств суд обязан соглашаться с доводами инспекции. Основанием для отмены условного осуждения могут являться такие нарушения, характер которых свидетельствует о том, что осужденный своим поведением, отношением к труду не оправдал оказанного ему доверия.

Гуманизм уголовного права в отношении условно осужденных проявляется и в порядке отмены условного осуждения при совершении таким лицом нового преступления. Так, в ч. 4. ст. 74 УК РФ говорится о том, что в случае совершения условно осужденным в

течение испытательного срока преступления по неосторожности либо умышленного преступления небольшой тяжести вопрос об отмене или о сохранении условного осуждения решается судом.

В целях усиления контроля за соблюдением условно осужденными установленных судом обязанностей с учетом их особенностей можно предложить закрепить на законодательном уровне возможность применения сотрудниками УИИ к ним аудиовизуальных, электронных и иных технических средств надзора и контроля в виде стационарного контрольного устройства, мобильного контрольного устройства, электронного браслета системы электронного мониторинга подконтрольных лиц.

Список использованной литературы

¹ См.: Лядов Э. В. Условное осуждение к лишению свободы как институт уголовного и уголовно-исполнительного права : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Рязань, 2001. С. 18.

² См.: Тарасов А. Н. Условное осуждение по законодательству России : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2003. С. 10.

³ См.: Ольховик Н. В. Альтернативы лишению свободы в вопросах и ответах. М., 2002. С. 36–37.

⁴ См.: Кашеева Л. Исправление осужденных без изоляции от общества // Рос. юстиция. 2001. № 10.

⁵ См.: Яровой А. Уголовно-исполнительные инспекции: проблемы и задачи в процессе реформирования // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2002. № 1. С. 15.

⁶ См.: Новиков В. Взаимодействие УИН и РОВД в работе с осужденными без изоляции от общества // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2001. № 3. С. 33.

⁷ См., напр.: Жевлаков Э. Условная свобода // Уголовное право. 2002. № 3. С. 19.

Статья публикуется по решению редакционной коллегии.

REALIZATION OF IMPRISONMENT AND ITS METHODS

Аннотация: в статье рассматриваются проблемы процесса обеспечения реализации наказания в виде лишения свободы и его методы, специфика возникающих при этом правоотношений.

Ключевые слова: наказание в виде лишения свободы, осужденный, уголовно-исполнительные правоотношения.

Annotation: in the article the author considers some problems of realization of imprisonment, its methods, specifics of legal relationship arising in this case.

Key words: imprisonment, convicted person, penal relationship.

**ВЯЧЕСЛАВ
ЕФИМОВИЧ
ЮЖАНИН***

ПРОЦЕСС ОБЕСПЕЧЕНИЯ РЕАЛИЗАЦИИ НАКАЗАНИЯ В ВИДЕ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ И ЕГО МЕТОДЫ

При обеспечении реализации наказания между государством в лице администрации исправительного учреждения (ИУ) и осужденным устанавливаются правоотношения второго порядка, так как они возникают по поводу ведущих уголовно-правовых отношений, основанных на праве-притязании государства за совершенное преступление. Удовлетворение права-притязания связано с действием наказания (кары) на осужденного и его отношением к нему. Обеспечение реализации наказания связано с осуществлением права-требования администрации ИУ по соблюдению осужденным ограничений (карательных элементов), исполнению обязанностей и достижению целей наказания.

Осуществление права-притязания государства к осужденному основано на признании общественной опасности совершенного преступления и личности. В этом проявляется императивный метод регулирования отношений, в соответствии с которым осужденный обязан отбыть наказание. Данный метод взаимодействует с диспозитивным методом, на основе которого осужденному предоставляются права с возможностью воспользоваться ими по своему усмотрению.

Обеспечение отбывания наказания основано на реализации государством регулятивного права-требования к правомерному поведению осужденного в рамках уголовно-исполнительных правоотношений. Часть 3 ст. 11 УИК РФ определяет осужденному обязанность выполнять законные требования администрации учреждения. Как отмечает С. С. Алексеев, право-требование – это правомочие на чужие действия, вспомогательное юридическое средство,

* Доктор юридических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, профессор кафедры уголовно-исполнительного права (Академия ФСИН России)
E-mail: editor62@yandex.ru.

призванное обеспечивать исполнение юридической обязанности другим лицом. Управомоченному предоставляется возможность с помощью этого средства проявить волю и инициативу с тем, чтобы добиться выполнения обязанности, возложенной на другое лицо. С привидением в действие этого средства начинает работать весь механизм юридического обеспечения¹.

Наказание, вызванное к жизни преступлением, должно отрицать в самом себе это преступление, предполагая страдания осужденного, которые неизбежны при его реализации. Кара – первоочередная функция наказания, вытекающая из его сути. Наказывается осужденный, отбывая наказание. Администрация ИУ не карает, а лишь обеспечивает процесс наказания, выраженный в отбывании его осужденным, путем создания для этого надлежащих условий и выполнения различных функций: контрольной, надзорной, предупредительной, воспитательной и т. п. В связи с этим следует различать наказание (кару)-принуждение и принуждение, обеспечивающее его реализацию. Наказание (кара), выраженное в ограничительных условиях его отбывания, – это принуждение осужденного к непроступному поведению, возбуждающее мотив страха, который, вступая в борьбу с иными негативными мотивами, должен преодолеть их и склонить человека к требуемому поведению.

Принуждение, обеспечивающее реализацию наказания-принуждения, наделяется некарательным свойством, оно выступает как внешнее средство по отношению к наказанию-принуждению, способствуя достижению его целей. На основе принуждения-обеспечения строятся вторичные уголовно-исполнительные правоотношения по сравнению с основными уголовно-правовыми отношениями, возникающими на основе реализации наказания-принуждения.

При обеспечении отбывания наказания отношения государства с осужденным также регулируются с помощью метода принуждения, но во взаимосвязи с иными методами уголовно-исполнительного права: организационно-процедурным, разъяснительно-обязывающим (убеждением), стимулирующим, диспозитивным и предупредительным.

Уголовное право-притязание осуществляется через правовое состояние отбывания осужденным наказания и предполагает выполнение осужденным ретроспективных обязанностей, следование правоограничениям и целям наказания. Право-требование в отличие от права-притязания означает подчинение осужденных администрации учреждения по поводу со-

блюдения право-ограничений и исполнения вытекающих из них обязанностей. Все это зафиксировано в ст. 11 УИК РФ в виде разграничения обязанностей по соблюдению осужденными требований федеральных законов, определяющих порядок и условия отбывания наказания (ч. 2 ст. 11) от обязанностей выполнять основанные на законах требования администрации учреждения (ч. 3 ст. 11).

Право-требование в отличие от права-притязания означает подчинение осужденных администрации учреждения по поводу соблюдения правоограничений и исполнения вытекающих из них обязанностей, а не просто подверженность им. В связи с этим механизм его реализации основан не на покаянии, как это часто представляется в научной литературе, а на обеспечении отбывания осужденными наказания и достижении его целей.

Специфика субъективного права-требования в уголовно-исполнительном праве заключается в том, что управомоченный субъект (персонал учреждения) может обеспечивать реализацию наказания вплоть до достижения его целей (ст. 1 УИК РФ), но эта его деятельность во многом зависит от другого субъекта (осужденного), от того, как он соблюдает правоограничения, как исполняет свои обязанности, следует целям наказания. Наличие права-требования означает, что на активной стороне управомоченного субъекта имеется интерес, который может быть удовлетворен исключительно благодаря поведению другой стороны.

Если осужденный соблюдает правоограничения, исполняет обязанности, не совершает правонарушений, то интерес управомоченного субъекта (администрации учреждения) будет удовлетворен полностью и ему не нужно прибегать к уголовно-исполнительному принуждению. Если осужденный не соблюдает правоограничения, не исполняет обязанности, совершает правонарушения, то интерес управомоченного субъекта может быть удовлетворен путем реализации его права на принуждение (постановка на профилактический учет, применение взыскания или меры безопасности и пр.). В связи с этим главным в деятельности администрации ИУ должно быть не властное, а организационное правоприменение и убеждение в необходимости выполнять требования законов. Принуждение здесь должно выступать в качестве второстепенного способа обеспечения правореализации. В этом и проявляется специфика взаимодействия императивного метода реализации норм уголовно-исполнительного права с

иными методами: организационно-процедурным, разъяснительно-обязывающим (убеждением), стимулирующим, диспозитивным и предупредительным.

Организационно-процедурный метод предполагает создание надлежащих условий саморегуляции поведения осужденных, проведение организационных мер и определение процедур реализации осужденными их прав и обязанностей, например производственное обеспечение ИУ, правильное размещение осужденных, создание для них нормальных жилищно-бытовых условий, обеспечение питанием.

Разъяснительно-обязывающий (убеждение) метод обеспечения реализации наказания является универсальным способом воздействия на осужденных. Убеждение всегда направлено на разъяснение необходимости выполнения осужденными правоограничений и обязанностей, поэтому этот метод и получил название «разъяснительно-обязывающий». Администрация учреждения, используя этот метод, воздействует на правосознание осужденного, позволяет добиться внутреннего согласия с правовыми нормами, необходимостью их соблюдать. Убеждение – нравственно-воспитательное средство воздействия на интеллектуальную и эмоциональную сферы сознания осужденных. Это воздействие на уровне правовой психологии: от требований, закрепленных в законе, к внутреннему убеждению, а от него – к положительным поступкам.

Стимулирующий метод обеспечения реализации наказания заключается в побуждении с помощью материальных, моральных и льготных средств к добровольному соблюдению установленных в ИУ правил отбывания наказания. Этот способ способствует саморегуляции поведения осужденных с помощью стимулирующих средств. Данные средства могут служить лишь дополнительным способом достижения правомерного поведения осужденного, так как они не способны глубоко повлиять на его правосознание и изменить мировоззрение. Стимулирование – пассивное средство активизации правомерного поведения осужденного.

С помощью предупредительного способа обеспечения реализации наказания достигается предупреждение рецидива преступлений как во время отбывания наказания, так и после освобождения от него. Во время отбывания наказания применяются такие профилактические средства, как охрана осужденных, надзор за ними, постановка на профилактический учет, меры безопасности и т. п. К мерам, направленным в постпенитенциарную сферу, можно отнести подготовку осужденных к освобождению, оказание помощи в их социальной адаптации после освобождения, различного рода иной помощи, например в восстановлении социально полезных связей.

Диспозитивный метод обеспечения реализации наказания основан на предоставлении осужденным субъективных прав, реализация которых в значительной мере обеспечивает самореализацию поведения осужденных. Со стороны государства предполагается создание процедур реализации этих прав, например определение порядка проведения свиданий, получение посылок и передач, приобретение продуктов питания и предметов первой необходимости.

Указанные методы реализации наказания взаимодействуют с принудительным (императивным) методом, который применяется или параллельно, или последовательно, или в порядке их дополнения. Параллельно осуществляются меры социального контроля за поведением осужденных (охрана, надзор, обыски и пр.), последовательно-превентивные профилактические меры, меры взыскания и пр., дополнительно – установление административного надзора и т. д.

Принуждение – второстепенный метод обеспечения реализации наказания, так как путем его применения происходит его вторичное обеспечение, когда безрезультатной оказалась реализация непринудительных способов при новом проявлении общественной опасности личности и неправомерном поведении осужденного. Принуждение подстраховывает основные непринудительные методы обеспечения реализации наказания, находится как бы в боевой готовности и таким способом выполняет свою социально полезную функцию.

Список использованной литературы

¹ См.: Алексеев С. С. Общая теория права: в 2 т. М., 1982. Т. 2. С. 118–119.

Статья рекомендована к опубликованию научно-экспертным советом академии, протокол от 28 марта 2014 г. № 3.

УДК 340
ББК 67.072
Г90

F.V. GRUSHIN*

LEGAL RESPONSIBILITY IN THE MODERN RUSSIAN LAW

Аннотация: в статье рассматриваются проблемы административной и уголовной ответственности в современном российском праве и ее правового регулирования.

Ключевые слова: ответственность, правовое регулирование, санкции, законодательство.

Annotation: in the article the author considers the problems of administrative and criminal responsibility in the modern Russian law and its legal regulation.

Key words: responsibility, legal regulation, sanctions, legislation.

За последнее время в Российской Федерации был принят ряд законов, внесших существенные изменения в правовое регулирование административной и уголовной ответственности.

В частности, Федеральный закон от 8 июня 2012 г. № 65-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях и Федеральный закон “О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях”»¹ ввел новый вид административного наказания в виде обязательных работ.

Данное наказание в качестве санкции изначально было предусмотрено лишь в трех составах Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (КоАП РФ): нарушение установленного порядка организации либо проведения собрания, митинга, демонстрации, шествия или пикетирования (ст. 20.2); организация массового одновременного пребывания и (или) передвижения граждан в общественных местах, повлекших за собой нарушение общественного порядка (ст. 20.2.2); блокирование транспортных коммуникаций (ст. 20.18).

За истекший год добавилось еще три состава: нарушение законодательства о свободе совести, свободе вероисповедания и религиозных объединениях (ст. 5.26); управлять транспортным средством водителем, не имеющим права управления транспортным средством (ст. 12.7) и уклонение от исполнения административного наказания (ст. 20.25). Таким образом, данное наказание встречается в санкциях всего лишь шести статей из более чем четырехсот составов правонарушений, предусмотренных КоАП РФ, что составляет примерно 1,3 %.

Такое узкое применение обязательных работ в качестве административного наказания,

**ФЕДОР
ВЛАДИМИРОВИЧ
ГРУШИН***

К ВОПРОСУ О ЮРИДИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ПРАВЕ

* Кандидат юридических наук,
заместитель начальника кафедры уголовно-исполнительного права
(Академия ФСИН России)
E-mail: editor62@yandex.ru.

на наш взгляд, свидетельствует либо о недостаточном анализе ситуации со стороны законодателя при введении в действие данного наказания, либо о поспешности принятого решения в угоду сиюминутным обстоятельствам.

Помимо указанного аспекта, весьма парадоксальная ситуация сложилась и с ответственностью за уклонение от исполнения административного наказания в виде обязательных работ. Как указано в ч. 4 ст. 20.25 КоАП РФ, уклонение от отбывания обязательных работ, помимо прочего, влечет за собой наложение административного штрафа в размере от 150 тыс. до 300 тыс. рублей. В свою очередь, неуплата административного штрафа влечет за собой обязательные работы на срок до пятидесяти часов. Получается, возможен своеобразный замкнутый круг. Кроме того, с точки зрения теории права вызывает озабоченность предусмотренная законодателем возможность замены более строгого наказания (обязательные работы) менее строгим (штраф).

Система российского права основывается на принципе, согласно которому административная ответственность не должна быть строже уголовной. Однако после введения в КоАП РФ обязательных работ в качестве административного наказания данный принцип частично нарушен. Уголовным кодексом РФ предусмотрено и достаточно эффективно применяется одноименное наказание в виде обязательных работ². По сути, это два практически идентичных вида наказания. Вся разница между ними сводится к тому, что обязательные работы как административное наказание могут быть назначены на срок от 20 до 200 часов, а в качестве уголовного наказания – на срок от 60 до 480 часов³. В случае если за административное правонарушение будет применено наказание в виде обязательных работ на срок, например, 200 часов, а за преступление – на срок 60 часов, то административное наказание будет более жестким, чем уголовное, что, мягко говоря, не совсем правильно с позиций теории российского и международного права.

Аналогичная ситуация после принятия Федерального закона от 8 июня 2012 г. № 65-ФЗ сложилась и с наказаниями в виде штрафа (уголовного и административного). До его принятия максимальная сумма административного штрафа для физических лиц составляла 5 тыс. рублей. В свою очередь, минимальный размер штрафа как уголовного наказания как раз и начинается с этой суммы. Федеральный закон № 65-ФЗ увеличил максимальный размер ад-

министративного штрафа с 5 тыс. сразу до 300 тыс. рублей.

Следовательно, в настоящее время штраф, как и обязательные работы, в административном плане может быть более строгим наказанием, чем аналогичные уголовные наказания. Таким образом, данный Закон нарушил один из критериев разделения уголовной и административной ответственности. Очевидно, что произошло смешение штрафа как вида административного и уголовного наказаний. Размер установленного административного штрафа является несоразмерным и необоснованным, не обусловленным экономическими, социальными или иными мотивами⁴.

На наш взгляд, необходимо внести изменения в Уголовный кодекс (УК) РФ и (или) КоАП РФ, которые установили бы, что максимальный размер административного наказания не должен превышать минимальный размер уголовного. Например, если максимальный размер административного штрафа будет установлен в размере 100 тыс. рублей, то штраф как уголовное наказание должен начинаться от 100 тыс. рублей. Аналогичные изменения должны быть осуществлены и в отношении обязательных работ.

Помимо внесения изменений в правовое регулирование административной ответственности, законодатель не оставляет без внимания и систему уголовных наказаний. Так, Федеральный закон от 7 декабря 2011 г. № 420-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» ввел новое наказание – принудительные работы. Реализация данного Закона, которым было предусмотрено введение с 1 января 2013 г. (а затем и с 1 января 2017 г.) уголовного наказания в виде принудительных работ, на настоящий момент не проведена. Связано это с рядом проблем экономического, организационного и правового характера. Согласно официальным данным к 1 января 2013 г. планировалось создать 8–9 из 30 исправительных центров по всей России, при этом только в отношении трех исправительных центров согласовано их месторасположение⁵. По расчетам Е. В. Пчелкиной, всего на создание 30 исправительных центров с учетом необходимой штатной численности потребуется от 2,325 до 2,463 млрд рублей⁶. К неутешительным выводам пришел и И. Трунов, считающий, что виртуальные арестные дома дополняются виртуальными исправительными центрами⁷.

Следует отметить, что в России уже был замысел строительства исправительных цент-

ров для осужденных к ограничению свободы в соответствии с первоначальной редакцией УК РФ. Большая вероятность, что мы можем столкнуться с очередной проблемой отсутствия средств для их строительства, и часть исправительных центров в случае введения в действие принудительных работ будет функционировать как изолированные участки при исправительных учреждениях, что, думается, не в полной мере будет способствовать достижению целей исправления.

Сравнительный анализ гл. 8.1 и ст. 129 УИК РФ позволяет констатировать отсутствие значимых отличий в порядке исполнения наказания в виде принудительных работ в исправительных центрах и условиях отбывания наказания в виде лишения свободы в колониях-поселениях. По мнению профессора В. И. Селиверстова, само содержание принудительных работ вызывает большие сомнения, так как получилось, что это не альтернатива лишению свободы, а самостоятельный вид лишения свободы в полном атрибуте, только с гражданской одеждой и гражданскими деньгами⁸. Единственным отличием станет то, что к принудительным работам могут быть приговорены и те, кто совершил тяжкие преступления, а сегодня в колонию-поселение направляют лишь тех, кто был осужден за преступления небольшой и средней степени тяжести⁹. Если принудительные работы все же будут введены в действие, то на стадии их исполнения, скорее всего, возникнут следующие проблемы.

Во-первых, это поиск объектов работы для осужденных к принудительным работам. Существенной проблемой при исполнении наказания в виде исправительных работ (данное наказание также предусматривает принудительный оплачиваемый труд осужденных) для УИИ является трудоустройство осужденных, то же самое ожидает администрацию исправительных центров.

Если рассматривать эту проблему в историческом аспекте, то в СССР в условиях плановой экономики и централизованного обеспечения ее

трудовыми ресурсами (в частности, из числа осужденных) рассматриваемый институт был в известной мере эффективным и нес в одном случае профилактические, а в другом, говоря современным языком, – ресоциализирующие начала, поэтому он занимал подходящее место в системе наказаний, не связанных с лишением свободы. Вместе с тем даже в Советском Союзе с его плановой экономикой и государственными предприятиями возникали проблемы с трудоустройством и низкой заработной платой условно осужденных и условно освобожденных с обязательным привлечением к труду¹⁰.

В том случае если этих осужденных все же удастся обеспечить работой, то согласно ч. 1 ст. 60.7 УИК РФ лица, приговоренные к принудительным работам, привлекаются к труду в организациях любой организационно-правовой формы и соответственно могут быть трудоустроены на многочисленные предприятия, где есть потребность в рабочих кадрах. Здесь можно согласиться с Э. В. Лядовым, который предполагает, что большое количество предприятий, на которых будут задействованы осужденные к принудительным работам, в итоге может привести к снижению или даже выходу из-под контроля таких лиц, что в конечном счете приведет к рецидиву¹¹.

К правовым проблемам исполнения принудительных работ следует отнести отсутствие необходимого нормативного регулирования осуществления надзора и контроля за поведением осужденных к принудительным работам.

Следовательно, существует ряд проблем экономического, организационного и правового характера, без разрешения которых нормальное функционирование данного института не представляется возможным.

На основании изложенного можно прийти к неутешительному выводу о том, что в последнее время в сфере юридической ответственности законодатель нередко принимает поспешные решения, без серьезного анализа организационных, экономических и правовых вопросов.

Список использованной литературы

¹ См.: Собрание законодательства Российской Федерации. 2012. № 24. Ст. 3082.

² Количество лиц, осужденных к уголовному наказанию в виде обязательных работ и состоящих на учете в уголовно-исполнительных инспекциях (УИИ) Российской Федерации, постоянно возрастает. В 2005 г. в УИИ состояли на учете 17 382 осужденных, 2006 – 41 550, 2007 – 54 592, 2008 – 64 167, 2009 – 79 277, 2010 – 96 483, в 2011 г. уже 112 523 осужденных.

³ Более подробно о сравнении данных наказаний см.: Кудрявцева В. П. Что такое «обязательные работы» в административном праве и как может быть организовано их исполнение? // Исполнительное право. 2012. № 4. С. 10–18.

⁴ См.: Шугрина Е. С. О проверке конституционности правил организации и проведения публичных мероприятий // Актуальные проблемы рос. права. 2013. № 4.

⁵ См.: Зозуля В. В. Внедрение инновационных способов надзора за осужденными, отбывающими наказание в виде принудительных работ // Организация исполнения уголовного наказания в виде принудительных работ : сб. материалов науч.-практ. конф. (Москва, 20 сент. 2012 г.). М.; Рязань, 2012. С. 15.

⁶ См.: Пчелкина Е. В. Принцип гуманизма и проблемы его реализации при исполнении наказания в виде лишения свободы : монография. Астрахань, 2012. С. 124.

⁷ См.: Гуманизация российского УК – фикция [Электронный ресурс] // Официальный сайт Forbes. URL: <http://www.forbes.ru/sobytiya-column/vlast/76113-gumanizatsiya-rossiiskogouk-fiktsiya>.

⁸ См.: Группа экспертов Центра на парламентских слушаниях [Электронный ресурс]. URL: <http://www.lecs-center.org/ru/duma-hearings-171011> (дата обращения: 18.07.2012).

⁹ Негуманная гуманизация [Электронный ресурс]. URL: <http://www.profile.ru/article/negumannaya-gumanizatsiya-60776> (дата обращения: 18.07.2012).

¹⁰ См.: Иванова А. Т., Артюх А. Г. Характеристика условно осужденных и условно освобожденных, состоящих на учете спецкомендатур. М., 1982. С. 21; Советское исправительно-трудовое право. Особенная часть. Рязань, 1987. С. 475.

¹¹ См.: Лядов Э. В. Принудительные работы: отдельные вопросы законодательной регламентации // Организация исполнения уголовного наказания в виде принудительных работ : сб. материалов науч.-практ. конф. С. 52.

Статья рекомендована к опубликованию научно-экспертным советом академии, протокол от 28 марта 2014 г. № 3.

УДК 343.1
ББК 67.410.207
М20

O.A. MALYSHEVA*

IMPROVEMENT OF LEGAL REGULATION OF HOUSE ARREST AS A CONDITION OF OPTIMIZATION OF CRIMINAL COERCION

Аннотация: в статье рассматривается содержание меры пресечения в виде домашнего ареста, а также тенденция его избрания, предложены направления оптимизации применения указанной меры пресечения в уголовном судопроизводстве.

Ключевые слова: мера пресечения, домашний арест, уголовное судопроизводство, уголовно-исполнительная инспекция.

Аннотация: in the article the author considers the measure of restraint in the form of house arrest and tendency of its assignment, offers directions of optimization of its use in the criminal proceedings.

Key words: measure of restraint, house arrest, criminal proceedings, penal inspection.

**ОЛЬГА
АНАТОЛЬЕВНА
МАЛЫШЕВА***

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ДОМАШНЕГО АРЕСТА – УСЛОВИЕ ОПТИМИЗАЦИИ СФЕРЫ УГОЛОВНО- ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРИНУЖДЕНИЯ

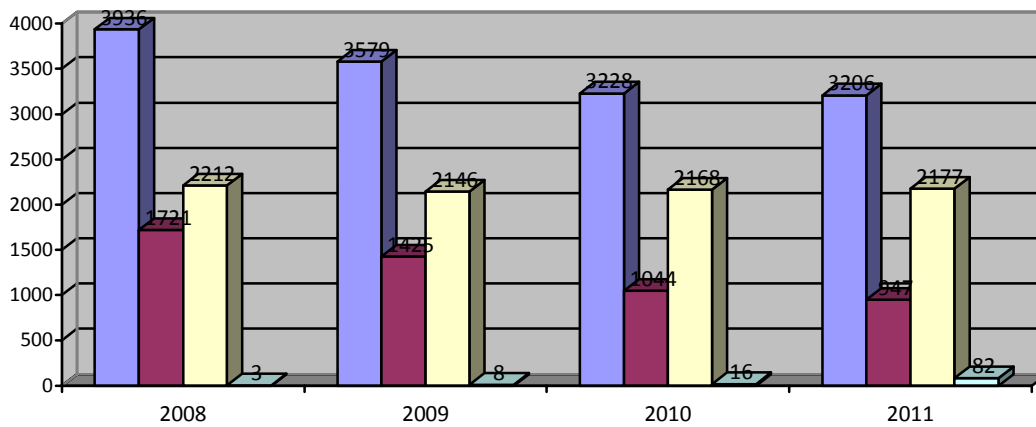
Концепция развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года, утвержденная распоряжением Правительства Российской Федерации от 14 октября 2010 г. № 1772-р, обозначила проблему переполняемости следственных изоляторов за счет подследственных. Это влечет за собой ухудшение условий пребывания подозреваемых, обвиняемых в следственных изоляторах, что нередко служит предметом жалоб, с которыми российские граждане обращаются в Европейский суд по правам человека¹. Кроме того, актуальной по-прежнему остается необходимость воспрепятствования приобщению подследственных, прежде не попадавших в изоляцию от общества, к криминальной субкультуре, характерной для следственных изоляторов.

Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (УПК РФ) закрепляет несколько видов мер пресечения. Но, как показывает анализ следственной и судебной практики, наиболее распространены две меры пресечения: заключение под стражу и подписка о невыезде и надлежащем поведении (рис. 1).

Несмотря на общее снижение количества лиц, в отношении которых избирается мера пресечения в виде заключения под стражу, принципиально указанная выше тенденция с годами не меняется. Аналогичная тенденция применения мер пресечения была установлена и автором в ходе исследования им проблем досудебного производства².

Определенные позитивные изменения в тенденции избрания мер пресечения связываются с совершенствованием правового регулирования избрания и применения меры пресечения в

* Кандидат юридических наук, доцент,
профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики
(Академия ФСИН России)
E-mail: moa_0510@mail.ru.

■ Всего обвиняемых

■ Количество обвиняемых, в отношении которых избрано заключение под стражу

■ Количество обвиняемых, в отношении которых избрана подписка о невыезде и надлежащем поведении

■ Количество обвиняемых, в отношении которых избраны иные меры пресечения

Рис. 1. Тенденция избрания мер пресечения

виде домашнего ареста (ст. 107 УПК РФ). Однако следует отметить, что редакция указанной статьи длительный период оставалась неизменной по ряду причин.

Первое. Домашний арест как мера пресечения применялся достаточно редко, следовательно, отсутствовала стабильная, прочная практика, позволявшая определить слабые стороны правового регулирования назначения и применения домашнего ареста. Обобщение практики применения УПК РФ в 47 субъектах РФ за второе полугодие 2002 г. – первый квартал 2003 г. показало, что за указанный период отмечается только 11 случаев избрания домашнего ареста³.

Второе. Наличие приказа Генерального прокурора РФ от 5 июля 2002 г. № 39 «Об организации прокурорского надзора за законностью уголовного преследования в стадии досудебного производства»⁴, который фактически ограничивал избрание домашнего ареста. В частности, прокурор вправе давать согласие на применение к подозреваемому или обвиняемому в качестве меры пресечения домашнего ареста только при наличии условий для реального исполнения этой меры (п. 6.2).

Изменение редакции ст. 107 УПК РФ Федеральным законом № 420-ФЗ в 2011 г.⁵ несколько активизировало рассматриваемую судебную практику (рис. 2, 3). Тем не менее по-прежнему домашний арест избирается в крайне редких случаях по сравнению с заключением под стражу. Согласно ч. 1 ст. 107 УПК РФ домашний

арест заключается в нахождении подозреваемого или обвиняемого в полной либо частичной изоляции от общества в жилом помещении, в котором он проживает в качестве собственника, нанимателя либо на иных законных основаниях, с возложением ограничений и (или) запретов и осуществлением за ним контроля. С учетом состояния здоровья подозреваемого или обвиняемого местом его содержания под домашним арестом может быть определено лечебное учреждение. Правоприменителю при этом необходимо учитывать правовую позицию Верховного Суда Российской Федерации о том, что отсутствие у подозреваемого или обвиняемого регистрации на территории Российской Федерации не должно отождествляться с отсутствием у него постоянного места жительства⁶.

Следует подчеркнуть, что домашний арест Конституционным Судом Российской Федерации фактически отождествляется с лишением свободы, поскольку домашний арест связан с принудительным пребыванием подозреваемого, обвиняемого в ограниченном пространстве, с изоляцией от общества, прекращением выполнения служебных или иных трудовых обязанностей, невозможностью свободного передвижения и общения с неопределенным кругом лиц, то есть с непосредственным ограничением самого права на физическую свободу и личную неприкосновенность, а не только условий его осуществления⁷. В данном случае важным представляется обеспечение качественного правового регулирования порядка избрания и применения данной

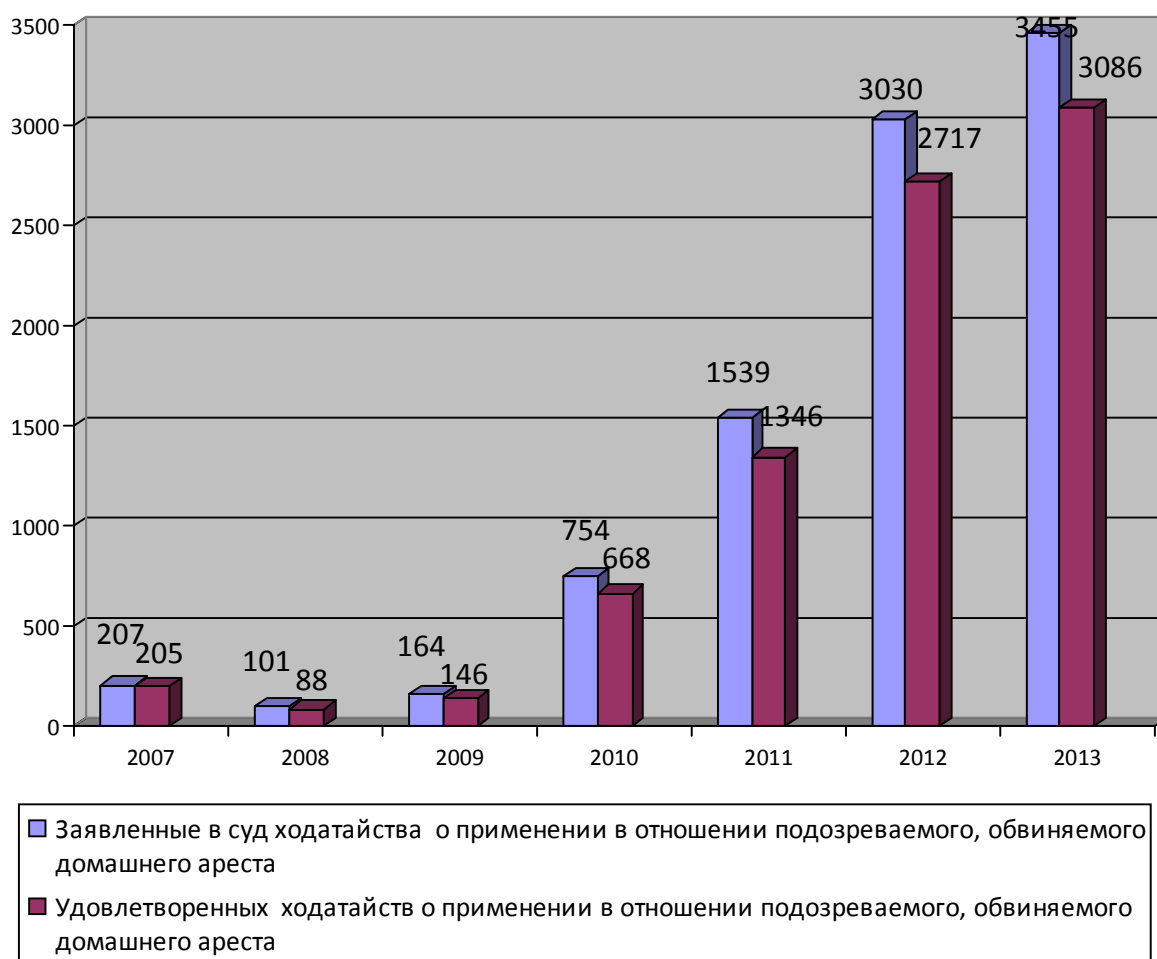

Рис. 2. Тенденция избрания домашнего ареста*

меры пресечения, что позволит оптимизировать практику применения мер уголовно-процессуального принуждения.

Несмотря на внесение законодателем ряда уточнений в ст. 107 УПК РФ, до сих пор активно дискутируются вопросы, связанные как с избранием, так и с применением меры пресечения в виде домашнего ареста. Так, отдельные авторы предлагают такой способ детерминации эффективности домашнего ареста, как установление уголовной ответственности за нарушение условий данной меры пресечения. В развитие отмеченного и по аналогии с последствиями нарушения меры пресечения в виде заключения под стражу ими предлагается дополнить диспозицию ч. 1 ст. 313 УК РФ указанием на нарушение условий домашнего ареста⁸.

Мы расцениваем данное предложение как нецелесообразное, поскольку достаточным потенциалом в предупреждении нарушения условий исполнения домашнего ареста обладает возможность ужесточения указанной меры пре-

сечения путем изменения ее на заключение под стражу. Аналогичное изменение меры пресечения применительно к заключению под стражу в случае ее нарушения невозможно. Ввиду того что в последнем случае уголовно-процессуальные гарантии обеспечения надлежащего поведения подозреваемого, обвиняемого, подсудимого в уголовном судопроизводстве исчерпаны, правоприменитель вынужден обратиться к уголовно-правовым средствам воздействия в отношении данного участника уголовного судопроизводства.

Анализируя процессуальный порядок избрания домашнего ареста, Е. Т. Демидова, Н. В. Грязева в целях обеспечения действия принципа состязательности сторон в досудебном производстве (ст. 13 УПК РФ) предлагают наделить подозреваемого, обвиняемого, защитника правом заявлять ходатайство об избрании домашнего ареста, с которым следователь, дознаватель должен обратиться в суд. Если же о применении домашнего ареста ходатайствует орган

* См.: Сводные статистические сведения о деятельности судов общей юрисдикции и мировых судей за 2008–2013 гг. URL: <http://www.cdep.ru>.

предварительного расследования, то подозреваемый, обвиняемый должен выразить свое согласие на его применение, поставив подпись в соответствующем постановлении⁹.

Сложно согласиться и с этим предложением указанных авторов, поскольку они не учитывают юридическую природу уголовно-процессуальной деятельности – публичность, определяющую особенности оснований для применения меры пресечения в виде домашнего ареста. В данном случае только уполномоченное от имени государства должностное лицо вправе решать вопрос о необходимости, а не о целесообразности избрания меры пресечения именно в виде домашнего ареста, если отсутствуют основания для избрания более мягкой меры пресечения. Кроме того, в силу публичности уголовного преследования заявление ходатайства подозреваемым, обвиняемым, защитником о применении домашнего ареста влечет за собой обязанность следователя, дознавателя разрешить данное ходатайство, хотя совсем необязательно его удовлетворять, с дальнейшим обращением в суд для принятия по нему процессуального решения.

Между тем российскому законодателю целесообразно имплементировать опыт Молдовы по избранию и применению домашнего ареста. В частности, отечественный законодатель не определил юридическую ответственность лица, самовольно снявшего электронное устройство в целях уклонения от запретов и ограничений, наложенных судом в связи с применением домашнего ареста. Согласно ч. 14 ст. 107 УПК РФ в случае нарушения подозреваемым или обвиняемым, в отношении которого в качестве меры пресечения избран домашний арест, условий исполнения этой меры пресечения следователь, дознаватель вправе подать ходатайство об изменении меры пресечения. По УПК Республики Молдова на лицо, находящееся под домашним арестом, могут быть возложены следующие обязанности: 1) поддерживать в рабочем состоянии электронные средства контроля и постоянно носить их при себе; 2) отвечать на сигналы контроля или подавать контрольные телефонные сигналы, лично являться в назначенное время в орган уголовного преследования или в судебную инстанцию (ч. 4 ст. 188 УПК Республики Молдова).

С учетом изложенного в ст. 107 УПК РФ целесообразно закрепить, что суду в своем постановлении об избрании мерой пресечения домашнего ареста целесообразно указать обязанность по сохранению средств электронного

контроля, а в случае приведения их в нерабочее состояние – нести расходы, связанные с их ремонтом. Ознакомление с такой обязанностью следует удостоверить подписью подозреваемого, обвиняемого, в отношении которого избран домашний арест. Реализация указанного позволит более оптимально расходовать бюджетные средства, направляемые на эксплуатацию электронных средств контроля, что актуально для любого государства.

В научной литературе¹⁰ обсуждается необходимость по аналогии с законодательным регулированием заключения под стражу разработать и принять федеральный закон о домашнем аресте, который устанавливал бы правила и порядок исполнения данной меры пресечения (условия и допустимый период оставления подозреваемым, обвиняемым, подсудимым места постоянного или временного жительства, по которому исполняется домашний арест; условия посещения им работы, больницы, поликлиники, детских воспитательных учреждений (если, например, человек один воспитывает нуждающегося в уходе ребенка или ухаживает за больным родственником) и т. п.).

Правовую основу для указанной дискуссии формирует тот факт, что УПК РФ не предусматривает необходимость при наложении ограничений судом учитывать индивидуальную характеристику личности подозреваемого, обвиняемого, к которым применен домашний арест, обстоятельств, при которых совершено вменяемое преступление, отношение лица к совершенному преступлению, данные о его семейном положении и др. Между тем анализ постановлений судей об избрании домашнего ареста позволяет заключить, что ограничения, накладываемые судом, более разнообразны, чем закрепляемые в УПК РФ. В качестве примеров можно указать такие запреты, как выезд за пределы деревни, смена места жительства, появление в общественных местах после 23 часов, употребление спиртных напитков, наркотических средств и др.

Некоторую правовую определенность в данный вопрос мог бы внести Верховный Суд РФ, дав разъяснения судам общей юрисдикции о применении ст. 107 УПК РФ. В принятом Верховным Судом РФ 29 октября 2009 г. постановлении № 22¹¹ хотя и сделан акцент на применение меры пресечения в виде домашнего ареста, но ясности в порядок и условия применения возможных ограничений в указанном случае Верховный Суд РФ не внес. В п. 28 данного Постановления лишь отмечается, что в зави-

симости от тяжести предъявленного обвинения подозреваемый или обвиняемый может быть подвергнут судом либо всем ограничениям и запретам, перечисленным в части первой указанной статьи, либо отдельным из них. При этом особое внимание надлежит обращать на лиц, подозреваемых или обвиняемых в совершении преступлений, не достигших 18 лет. Это обуславливает необходимость конкретизации порядка избрания ограничений и соблюдения всех запретов, изложенных в законе.

В связи с изложенным практический интерес для российской практики избрания и применения домашнего ареста как меры пресечения представляет опыт нормативного правового регулирования в рассматриваемой сфере Республики Казахстан, разработавшей Инструкцию о применении домашнего ареста в качестве меры пресечения¹². Она детализирует процедуру применения домашнего ареста как меры пресечения: порядок и условия осуществления домашнего ареста в отношении подозреваемых и обвиняемых в совершении преступления, перечень субъектов надзора за надлежащим поведением лица, подвергнутого домашнему аресту, а также формы указанного надзора. Согласно п. 22 указанной Инструкции за ненадлежащее осуществление надзора за подозреваемым, обвиняемым, подсудимым должностные лица соответствующего органа дознания несут дисциплинарную и иную ответственность, предусмотренную законодательными актами Республики Казахстан.

Учитывая положительный опыт зарубежных стран, полагаем, что для эффективного исполнения домашнего ареста в Российской Федерации достаточно разработать инструкцию по его применению, а не отдельный федеральный закон, что предлагает В. Ю. Мельников, тем более что определенный отечественный опыт нормативного правового регулирования в аналогичной сфере деятельности имеется. Так, Министерством юстиции Российской Федерации издан приказ от 20 мая 2009 г. № 142, утверждающий Инструкцию по организации исполнения наказаний и мер уголовно-правового характера без изоляции от общества. Данной Инструкцией конкретизируются направления деятельности уголовно-исполнительных инспекций, а именно: 1) рассмотрение заявлений, жалоб и других обращений осужденных и граждан по вопросам, отнесенным к их компетенции; 2) формирование и ведение автоматизированной базы данных осужденных, в которую

вносятся сведения об осужденных, порядке и условиях отбывания ими наказаний, а также результаты контроля за их поведением; 3) взаимодействие с органами местного самоуправления и социальными службами в решении вопросов оказания осужденным помощи в социальной адаптации и создание условий для участия общественных объединений в исправлении осужденных и др.

Наибольший практический интерес для эффективного применения меры пресечения в виде домашнего ареста представляет, по нашему мнению, приказ Министерства юстиции Российской Федерации от 11 октября 2010 г. № 258, утвердивший Инструкцию по организации исполнения наказания в виде ограничения свободы. Инструкция детализирует: 1) порядок принятия к исполнению приговора суда (определения, постановления) и постановления осужденного на персональный учет; 2) порядок исполнения наказания; 3) осуществление надзора за отбыванием осужденными наказания в виде ограничения свободы; 4) ответственность за нарушение порядка и условий отбывания наказания в виде ограничения свободы и уклонение от его отбывания; 5) порядок проведения первоначальных мероприятий по установлению местонахождения осужденных и др.

Кроме того, Инструкция по организации исполнения наказания в виде ограничения свободы содержит образцы документов: извещения, официального уведомления, уведомления о явке в уголовно-исполнительную инспекцию, постановления о приводе, подписки осужденного, памятку осужденному к ограничению свободы и других документов, организационно сопровождающих исполнение уголовного наказания.

Приведенные примеры нормативного правового регулирования отдельных видов деятельности учреждений уголовно-исполнительной системы, безусловно, оптимизируют деятельность уголовно-исполнительной системы в части, касающейся исполнения судебного решения по уголовному делу.

В заключение следует подчеркнуть, что обеспечение качественного правового регулирования порядка избрания и применения домашнего ареста, в том числе осуществления контроля за соблюдением ограничений, наложенных судом, позволит эффективно применять меру пресечения в виде домашнего ареста и тем самым оптимизировать сферу уголовно-процессуального принуждения.

Список использованной литературы

- ¹ См.: Европейский суд по правам человека и Российская Федерация: обзор избранных постановлений. Калининград, 2007. С. 28–34.
- ² См.: Малышева О. А. Предварительное расследование: концепция повышения эффективности. М., 2010. С. 152–162.
- ³ См.: Мельников В. Ю. Проблемы применения домашнего ареста как меры пресечения // Журн. рос. права. 2007. № 3. С. 17–19.
- ⁴ В настоящее время приказ действует в редакции от 16 марта 2006 г. № 13 // СПС «КонсультантПлюс».
- ⁵ См.: О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федер. закон от 7 декабря 2011 г. № 420-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2011. № 50. Ст. 7362.
- ⁶ См.: Постановление Президиума Верховного Суда Рос. Федерации от 29 октября 2009 г. П. 4 // СПС «КонсультантПлюс».
- ⁷ См.: По делу о проверке конституционности статьи 107 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Эстонской республики А. Т. Федина: постановление Конституционного Суда Рос. Федерации от 6 декабря 2011 г. № 27-П. П. 3 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2011. № 51. Ст. 7552.
- ⁸ См.: Демидова Е. Т., Грязева Н. В. Основные направления оптимизации практики применения домашнего ареста с использованием электронных средств надзора и контроля // Организационные, правовые и технические проблемы использования системы электронного мониторинга подконтрольных лиц: материалы ведомств. науч.-практ. конф. (17 февр. 2012 г.). Самара, 2012. С. 47.
- ⁹ См.: Там же. С. 49.
- ¹⁰ См.: Мельников В. Ю. Указ. соч. С. 10.
- ¹¹ См.: О практике применения судами мер пресечения в виде заключения под стражу, залога и домашнего ареста: постановление Пленума Верховного Суда Рос. Федерации от 29 октября 2009 г. № 22 // Бюл. Верховного Суда Рос. Федерации. 2010. № 1.
- ¹² См.: Официальный сайт МВД Республики Казахстан. Нормативно-правовая база. URL: www.mvd.kz. (дата обращения: 15.05.2010).

Статья рекомендована к опубликованию научно-экспертным советом академии, протокол от 16 мая 2014 г. № 5.

УДК 343.9
ББК 67.51
Х86

S.A. KHOKHRIN*

THE CONCEPT OF PENAL CRIMINALITY

Аннотация: статья посвящена определению понятия «пенитенциарная преступность» с точки зрения разных научных подходов, в ней представлена авторская точка зрения по данному вопросу, сформулировано авторское определение пенитенциарной преступности.

Ключевые слова: пенитенциарная преступность, криминология, преступление, осужденный, сотрудник уголовно-исполнительной системы исправительные учреждения, понятие.

**СЕРГЕЙ
АЛЕКСАНДРОВИЧ
ХОХРИН***

К ВОПРОСУ О ПОНЯТИИ ПЕНИТЕНЦИАРНОЙ ПРЕСТУПНОСТИ

Annotation: this article is devoted to the definition of the concept «penal criminality» from different scientific approaches. In the article the author's point of view on this matter is presented, author's definition of penal criminality is given.

Key words: penal criminality, criminology, crime, convicted person, penal officer, correctional establishments, concept.

Жизнь общества во все времена и при любых общественно-политических и экономических отношениях, как известно, неразрывно связана с применением наказания. Анализ хода истории, прежде всего российской, наказание, как правило, тесно ассоциировалось с лишением свободы¹. В связи с этим исследование проблем наказания актуально для юридической науки. Одним из наиболее важных направлений будут являться изучение особенностей совершения преступлений сотрудниками или осужденными непосредственно в учреждениях Федеральной службой исполнения наказания (ФСИН России).

Как показывает анализ статистических данных о состоянии преступности в исправительных учреждениях и следственных изоляторах, что применение самых строгих мер уголовно-правового воздействия к лицам, совершившим преступление, не гарантирует абсолютного снижения роста преступности в пенитенциарной системе. Уровень преступности в местах лишения свободы остается достаточно высоким. Так, в 2006 г. осужденными, содержащимися в местах лишения свободы, было совершено 1231 преступление, соответственно в 2007 – 1133; в 2008 – 964; в 2009 – 893, в 2010 – 944, в 2011 – 799, однако в 2012 г. было зарегистрировано 1280 преступлений².

По сути, совершение преступлений осужденными в исправительных учреждениях является одним из видов рецидивной преступности³, что позволяет с научной точки зрения выделить группу «пенитенциарные преступ-

* Кандидат юридических наук, доцент,
начальник кафедры организации режима и надзора в УИС
(Академия ФСИН России)
E-mail: editor62@yandex.ru.

ления» как самостоятельный предмет исследования.

В целях более детального изучения проблемы необходимо сформулировать ряд ее теоретико-методологических параметров:

- вида преступлений относящихся к категории пенитенциарных;
- понятийный аппарат исследований пенитенциарных преступлений;
- субъектно-объектные признаки пенитенциарных преступлений.

Изучая проблемы пенитенциарной преступности, сталкиваясь с огромным мнением о понятии, структуре пенитенциарных преступлений, классификации пенитенциарных преступлений, что позволяет разделить их на две большие группы. В первую группу условно можно отнести мнения, относящие все преступления, совершенные в учреждениях, исполняющих наказания в виде лишения свободы. Именно такую точку зрения высказывали С. А. Бажанов, А. И. Исиченко, А. И. Долгова М. Н. Жарких и др.⁴

Однако такое определение, на наш взгляд, не учитывает осужденных к альтернативным видам наказания. Возникает также вопрос, куда отнести преступления, которые совершены лицами, находящимися в психиатрических больницах (стационарах) специализированного типа с интенсивным наблюдением Министерства здравоохранения и социального развития Российской Федерации, охрана которых передана ФСИН России в 2009 г. Можно ли преступления, совершенные данными лицами, отнести к категории пенитенциарной преступности?

Вторую группу мнений ученых можно объединить по критериям субъекта совершения преступления. Ярким представителем данной точки зрения можно назвать Ю. М. Антоняна. По его мнению, пенитенциарную преступность следует разделить на преступления, совершаемые арестованными (осужденными), и преступления, совершаемые представителями администрации этих мест⁵. Отметим, что во многих учебниках по криминологии такой вид преступности либо только называется, либо не рассматривается вообще.

Не рассматривается понятие пенитенциарной преступности и в учебнике «Пенитенциарная криминология», где основной упор сделан на вопросы предупреждения преступлений в местах лишения свободы⁶. Данное мнение, на наш взгляд, не позволит в полной мере выработать меры по предупреждению пенитенциарной преступности, и только четкая формулировка даст возможность наметить пути решения проблемы.

Как утверждают Л. Прокументов, О. Филиппова и Л. Г. Косулина, пенитенциарная преступность тождественна преступности осужденных в местах лишения свободы, что это идентичные понятия, ибо, когда речь идет о тюрьме, о колонии, применяется понятие «пенитенциарный». Что касается преступного поведения осужденных к другим видам наказания, то оно охватывается понятием «наказательная преступность»⁷. Мы не согласны с данной точкой зрения. Лишение свободы – это такое же наказание, назначаемое по приговору суда, как и альтернативный вид наказания. Кроме того, по нашему мнению, представляется целесообразным включать в понятие преступности в местах лишения свободы случаи совершения преступлений обвиняемыми, в отношении которых применена мера пресечения в виде заключения под стражу, так как следственные изоляторы являются местом принудительной изоляции от общества.

Именно такие выводы позволяет сделать обращение к истокам образования понятия «пенитенциарный». По мнению Д. Н. Ушакова, прилагательное «пенитенциарный» (от лат. *penitens* – раскаивающийся, покаянный) означает «связанный с тюремным заключением как исправительной мерой» (например, пенитенциарное право). Пенитенциарная (уголовно-исполнительная) система является государственным институтом, ведающим исполнением уголовных наказаний, наложенных на граждан в соответствии с законом. Она обеспечивает исполнение наказаний как связанных, так и не связанных с лишением свободы, а также содержание подследственных с момента заключения под стражу до суда (до изменения меры процессуального пресечения в виде заключения под стражу)⁸.

Преступность в местах лишения свободы следует рассматривать как сложное негативное социально-правовое явление, представляющее собой специфическую разновидность рецидива и выражающуюся в совокупности запрещенных уголовным законом деяний, совершенных осужденными, отбывающими наказание за предыдущее преступление в исправительных учреждениях.

Таким образом, пенитенциарная преступность – это совокупность всех преступлений, совершаемых осужденными, независимо от вида наказания, подозреваемыми (обвиняемыми) как на территории исправительных учреждений и следственных изоляторов, так и вне территории мест лишения свободы, а также преступлений, совершаемых сотрудниками, служащими или иными лицами за определенный период.

Список использованной литературы

¹ См.: Упоров И. В. Пенитенциарная политика России в XVIII-XX вв.: историко-правовой анализ тенденций развития. СПб., 2004. С. 8.

² См.: Отчет о состоянии преступности среди лиц, содержащихся в учреждениях УИС, за 2012 г.

³ См.: Парфиненко И. П. Общее понятие пенитенциарных преступлений: система и виды // Рос. следователь. 2012. № 7. С. 41–43.

⁴ См.: Косулина Л. Г. Пенитенциарная преступность: проблемы определения понятия // Материалы XIII регион. науч.-практ. конф., посв. году истории в Российской Федерации (17–18 мая 2012 г.). М., 2012. Т. 8. С. 64; Долгова А. И. Криминология: учеб. для вузов. М., 2001. С. 354; Жарких М. Н. Преступность среди осужденных в исправительных учреждениях и меры ее предупреждения : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2008. С. 11.

⁵ См.: Антонян Ю. М. Преступность в местах лишения свободы и ее причины // Уголовное право. 2002. № 4. С. 101–104.

⁶ См.: Пенитенциарная криминология: учебник / под ред. Ю. М. Антоняна, А. Я. Гришко, А. П. Фильченко. Рязань, 2009.

⁷ См.: Прокументов Л., Филиппова О. Преступность в местах лишения свободы: понятие, криминологическая характеристика // Уголовное право. 2007. № 2. С. 125–128; Косулина Л. Г. Пенитенциарная преступность : проблемы определения понятия // Материалы XIII регион. науч.-практ. конф. С. 64.

⁸ См.: URL: <http://enc-dic.com/legal/Kriminologija-7929.html> (дата обращения: 09.01.2014).

Статья рекомендована к опубликованию научно-экспертным советом академии, протокол от 28 марта 2014 г. № 3.

УДК 342.9
ББК 67.401.133.12
К20

A.I. KAPLUNOV*, L.S. BUTORINA**

MEASURES OF ADMINISTRATIVE COERCION APPLIED AGAINST THE JUVENILE OFFENDERS WHICH AREN'T THE SUBJECTS TO CRIMINAL RESPONSIBILITY

Аннотация: в статье рассматриваются отдельные особенности и недостатки правового регулирования мер административного принуждения, применяемых в отношении несовершеннолетних, совершивших уголовно наказуемые деяния и не подлежащих уголовной ответственности.

Ключевые слова: несовершеннолетние, уголовная ответственность; меры административного принуждения, доставление; центры временного содержания для несовершеннолетних правонарушителей; специальные учебно-воспитательные учреждения закрытого типа.

Annotation: in the article the author considers some particular features and shortcomings of legal regulation of measures of the administrative coercion applied against the juvenile offenders which aren't the subjects to criminal responsibility.

Key words: minors, criminal responsibility, measures of administrative coercion, bringing, detention centers for juvenile offenders, special educational establishments of the closed type.

**АНДРЕЙ
ИВАНОВИЧ
КАПЛУНОВ*,
ЛЮБОВЬ
СЕРГЕЕВНА
БУТОРИНА****

МЕРЫ АДМИНИСТРАТИВНОГО ПРИНУЖДЕНИЯ, ПРИМЕНЯЕМЫЕ В ОТНОШЕНИИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ, СОВЕРШИВШИХ УГОЛОВНО НАКАЗУЕМЫЕ ДЕЯНИЯ И НЕ ПОДЛЕЖАЩИХ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Административное принуждение, применяемое в отношении несовершеннолетних, как отраслевой вид государственного принуждения является реакцией не только на административные правонарушения, но и на отдельные виды девиантного поведения, подпадающего под признаки уголовно наказуемого деяния. Речь идет о совершении несовершеннолетним так называемого объективно противоправного общественно опасного деяния, когда лицо, его совершившее, еще не достигло возраста уголовной ответственности и поэтому не подлежит данному виду ответственности.

В отношении несовершеннолетних, которые к моменту совершения общественно опасного деяния не достигли возраста, с которого наступает уголовная ответственность, Федеральный закон от 24 июня 1999 г. № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» предусматривает применение следующих мер административного принуждения:

- 1) «доставление должностными лицами подразделений по делам несовершеннолетних органов внутренних дел в подразделения органов внутренних дел несовершеннолетних, совершивших правонарушение» (п. 1 ч. 2 ст. 21);
- 2) «помещение несовершеннолетнего в центр временного содержания несовершеннолетних правонарушителей» (ст. 22);

* Доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры административного права (Санкт-Петербургский университет МВД России);

** инспектор отдела исполнения административного законодательства (УМВД России по г. Архангельску)
E-mail: editor62@yandex.ru.

3) «помещение несовершеннолетних с девиантным (общественно опасным) поведением в возрасте от одиннадцати до восемнадцати лет, в специальные учебно-воспитательные учреждения закрытого типа» (гл. 3).

Как представляется, первые две из перечисленных мер принуждения относятся к мерам административно-процессуального обеспечения, третья мера является принудительной мерой административного предупреждения.

Рассмотрим отдельные особенности правового регулирования применения указанных мер принуждения.

Доставление в подразделения органов внутренних дел несовершеннолетних, совершивших правонарушение, на наш взгляд, следует рассматривать как меру административно-процессуального обеспечения, если она применяется в случае совершения несовершеннолетним действий, подпадающих под признаки административного правонарушения, к административной ответственности за которое привлекаются его родители или лица, их заменяющие (например, по ст. 20.22 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях¹), либо совершения административного правонарушения лицом, не достигшим возраста административной ответственности; либо в случае совершения общественно опасного деяния до достижения возраста, с которого наступает уголовная ответственность за это деяние.

Правом доставления несовершеннолетних в подразделения органов внутренних дел Федеральный закон «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» наделяет не все категории сотрудников органов внутренних дел (ОВД), а только должностных лиц подразделений по делам несовершеннолетних и должностных лиц подразделений ОВД, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность по предупреждению и раскрытию преступлений несовершеннолетних. Учитывая потребности практики, предлагается предоставить право доставлять в подразделения ОВД несовершеннолетних, указанных в подп. 1 п. 2 ст. 21 Федерального закона «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних», всем сотрудникам полиции, осуществляющим охрану правопорядка и оперативно-розыскную деятельность. Несовершеннолетние могут содержаться в подразделениях ОВД не более трех часов.

¹ Это, на наш взгляд, очень важная процессуальная составляющая.

Помещение несовершеннолетних в Центры временного содержания для несовершеннолетних правонарушителей органов внутренних дел (ЦВСНП) применяется прежде всего с целью обеспечения возможности совершения в отношении их последующих процессуальных действий.

Анализ оснований применения к несовершеннолетним данной принудительной меры, закрепленных в подп. 1–6 п. 2 ст. 22 Федерального закона «Об основах системы профилактики...», позволяет сделать вывод о том, что помещение и содержание в течение установленного времени несовершеннолетнего в ЦВСНП необходимо, чтобы обеспечить:

– направление его в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа, если вынесен соответствующий приговор суда или постановление судьи;

– контролируемое ожидание и участие несовершеннолетнего при рассмотрении судьей вопроса о помещении его в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа (СУВУЗТ);

– решение вопроса о дальнейшей судьбе несовершеннолетнего в случае его самовольного ухода из специального учебно-воспитательного учреждения закрытого типа;

– установление личности (места жительства, места пребывания)* несовершеннолетнего (и передачу его родителям); а) совершившего общественно опасное деяние до достижения возраста, с которого наступает уголовная ответственность; б) совершившего правонарушение, влекущее административную ответственность, до достижения возраста, с которого наступает административная ответственность; в) совершившего правонарушение, влекущее за собой административную ответственность. Помещение в ЦВСНП таких несовершеннолетних осуществляется, если их личность не установлена, либо если они не имеют места жительства, места пребывания или не проживают на территории субъекта Российской Федерации, либо если они проживают на территории субъекта Российской Федерации, где ими было совершено правонарушение, однако вследствие удаленности места их проживания не могут быть переданы родителям или иным законным представителям в течение трех часов.

Таким образом, помещение несовершеннолетнего в ЦВСНП с учетом целей, которые при этом достигаются, является мерой административно-процессуального обеспечения, поскольку обеспечивает разбирательство с несовер-

шеннолетним правонарушителем в рамках соответствующего производства или процедуры, в ходе которых принимается решение о помещении несовершеннолетнего в СУВУЗТ, обеспечивается направление (возвращение) его туда, оформление материалов о совершении несовершеннолетним общественно опасного деяния до достижения возраста, с которого наступает уголовная ответственность за это деяние, установление места жительства несовершеннолетнего и передача его родителям (законным представителям).

Несовершеннолетние могут находиться в центре временного содержания для несовершеннолетних правонарушителей органа внутренних дел в течение времени, минимально необходимого для их устройства, но не более 30 суток. В исключительных случаях это время может быть продлено на основании постановления судьи на срок до 15 суток.

Справедливость нашей позиции об отнесении помещения несовершеннолетнего в ЦВСНП к мерам процессуального обеспечения подтверждается выводом, содержащимся в определении Конституционного Суда РФ от 14 мая 2013 г. № 690, в котором указывается, что применение к несовершеннолетним, совершившим правонарушение, влекущее за собой административную ответственность, данной меры государственного принуждения направлено на обеспечение своевременного и правильного рассмотрения дела об административном правонарушении и исполнения принятого по нему постановления².

Однако необходимость решения указанных выше процессуальных вопросов не исчерпывает целевого назначения помещения несовершеннолетних в ЦВСНП. Согласно ч. 1 ст. 22 Федерального закона «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» центры временного содержания для несовершеннолетних правонарушителей органов внутренних дел:

– обеспечивают круглосуточный прием и временное содержание несовершеннолетних правонарушителей в целях защиты их жизни, здоровья и предупреждения повторных правонарушений;

– проводят индивидуальную профилактическую работу с доставленными несовершеннолетними, выявляют среди них лиц, причастных к совершению преступлений и общественно опасных деяний, а также устанавливают обстоятельства, причины и условия, способствующие их совершению, и информируют об этом соответ-

ствующие органы внутренних дел и другие заинтересованные органы и учреждения;

– доставляют несовершеннолетних в специальные учебно-воспитательные учреждения закрытого типа, а также осуществляют в пределах своей компетенции другие меры по устройству несовершеннолетних, содержащихся в указанных учреждениях.

Таким образом, в период нахождения несовершеннолетнего в ЦВСНП наряду с процессуальными вопросами решаются воспитательно-профилактические задачи, что свидетельствует о комплексном характере данной меры административного принуждения. Должностные лица, уполномоченные производить процессуальные действия по делам (материалам) в отношении несовершеннолетних, перечисленных в подп. 1–6 п. 2 ст. 22 Федерального закона «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних», решают соответствующие процессуальные вопросы, а должностные лица ЦВСНП, обеспечивающие содержание несовершеннолетнего, – воспитательно-профилактические задачи.

Помещение несовершеннолетних, не подлежащих уголовной ответственности, в специальные учебно-воспитательные учреждения закрытого типа как мера принуждения в науке административного права относится к числу принудительных мер административного предупреждения³, своевременное применение которой является действенным средством по профилактике правонарушений несовершеннолетних. Задачи указанных учреждений – получение соответствующего уровня образования, психолого-медико-педагогическая реабилитация, включая коррекцию поведения, и проведение индивидуальной профилактической работы.

Специальные учебно-воспитательные учреждения закрытого типа согласно ч. 9 ст. 22 Федерального закона от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации»⁴ созданы для подростков с девиантным (общественно опасным) поведением, достигших 11 лет, нуждающихся в особых условиях воспитания и обучения и требующих специального педагогического подхода. Направление таких подростков в эти образовательные учреждения осуществляется только по судебному решению. Основаниями содержания несовершеннолетних в специальных общеобразовательных школах закрытого типа и специальных профессиональных училищах закрытого типа являются постановление судьи или приговор суда.

В силу п. 4 ст. 15 Федерального закона «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» в СУВУЗТ могут быть помещены несовершеннолетние в возрасте от 11 до 18 лет в случаях, если они:

- не подлежат уголовной ответственности в связи с тем, что к моменту совершения общественно опасного деяния не достигли возраста, с которого наступает уголовная ответственность;
- достигли возраста ответственности и не подлежат уголовной ответственности в связи с тем, что вследствие отставания в психическом развитии, не связанного с психическим расстройством, во время совершения общественно опасного деяния не могли в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) либо руководить ими;
- осуждены за совершение преступлений средней тяжести, а также тяжкого преступления и освобождены судом от наказания в порядке, предусмотренном ч. 2 ст. 92 УК РФ.

Статистические данные позволяют проанализировать ситуацию, связанную с помещением лиц в возрасте от 8 до 18 лет в СУВУЗТ. Например, численность помещенных в специальную образовательную школу закрытого типа № 1 г. Санкт-Петербурга на 01.01.2012 составляла 28 человек (на аналогичный период 2011 г. – 35 детей, 2010 г. – 38), из них поступили из Санкт-Петербурга 17 чел., Ленинградской области – 8 чел., Нижегородской области – 3 чел. Средний возраст воспитанников – 14 лет. Наполняемость классов – 4–5 чел., групп – 7 чел. В 2011 г. в спецшколе прошли реабилитацию 42 воспитанника, в том числе обучавшихся по программе общей школы – 21 чел., по коррекционно-развивающей программе (VIII вида) – 21 чел. (аналогичные показатели в 2010 г. – 54/28/26). В 2011 г. в школу приняты 7 несовершеннолетних, 5 – из Санкт-Петербурга, 2 – из Ленинградской области. Контингент школы характеризуется девиантным поведением, при этом многие подростки совершили более двух преступлений, 93 % подростков имеют психиатрические диагнозы, более 70 % – длительный опыт бродяжничества, а также большие пробелы в знаниях. Из всех воспитанников поступили в школу по постановлению судьи 26 чел., или 93 %, по приговору суда – 2 человека. До поступления в спецшколу несовершеннолетние совершили несколько общественно опасных деяний, в большинстве случаев в отношении них органами предварительного следствия было вынесено 3–4 постановления об отказе в возбуждении уголовного

дела, но есть и несколько человек, у которых их более 10. Основной причиной направления подростков в спецшколу является совершение ими краж и грабежей. В последнее время в школу стали чаще поступать несовершеннолетние, совершившие угоны автотранспорта⁵.

Ограничением для помещения несовершеннолетних в СУВУЗТ являются заболевания, препятствующие содержанию и обучению несовершеннолетних в указанных учреждениях. Перечень таких заболеваний утвержден Постановлением Правительства РФ от 11 июля 2002 г. № 518⁶. Помещение в СУВУЗТ применяется как принудительная мера административно-правового воздействия в целях воспитания несовершеннолетнего. В указанное учреждение несовершеннолетний может быть направлен до достижения им возраста восемнадцати лет, но не более чем на три года.

В литературе высказываются разные точки зрения о правовой природе самой этой меры и процессуального порядка ее применения. Так, И. Н. Померанцев и М. С. Белоковылский, поскольку дела о помещении в СУВУЗТ рассматривает судья, задаются вопросом: в порядке какого из конституционных видов судопроизводства надлежит рассматривать данную категорию дел?⁷ Анализ уголовно-процессуального и гражданско-процессуального законодательства привел авторов к выводу о том, что дела о применении мер воздействия (в том числе – помещение в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа) в отношении лиц, совершивших общественно опасные деяния, но не достигших возраста наступления уголовной ответственности, не могут рассматриваться ни в порядке гражданского, ни в порядке уголовного судопроизводства.

Поддерживая мнение авторов, рассматривающих спецшколу и специальные ПУ как составную часть отечественной пенитенциарной системы⁸, И. Н. Померанцев и М. С. Белоковылский считают, что «логично было бы включение порядка производства в отношении совершивших общественно опасное деяние несовершеннолетних, не достигших возраста уголовной ответственности, в качестве отдельной гл. 51.1 в Уголовно-процессуальный кодекс РФ»⁹.

Иной подход к оценке роли рассматриваемой меры в механизме правоохраны представлен Ю. В. Помогаловой, которая исходит из того, что при применении Федерального закона «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» выстраивается целая система мер, по своей

природе профилактических. Содержание деятельности подразделения по делам несовершеннолетних (ПДН) ОВД по их применению в совокупности и является осуществлением «административной профилактики»¹⁰. Одной из мер административной профилактики, предупреждающей совершение правонарушений несовершеннолетними, является, по ее мнению, направление в специальные учебно-воспитательные учреждения закрытого типа органов управления образованием¹¹.

Как представляется, мнение Ю. В. Помогаевой в большей степени соответствует природе рассматриваемой меры принудительного воздействия, букве и духу Федерального закона «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних», которым она предусмотрена. Помещение несовершеннолетнего, не подлежащего уголовной ответственности, в СУВУЗТ – это, на наш взгляд, не альтернативная «кара» за совершение им общественно опасного деяния, а мера, позволяющая оказать воспитательное воздействие на несовершеннолетнего, с целью предупредить совершение в дальнейшем новых общественно опасных деяний.

В качестве меры уголовно-правового воздействия в литературе рассматривается помещение в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа несовершеннолетнего, осужденного к лишению свободы за совершение преступления средней тяжести, а также тяжкого преступления, и освобожденного судом от наказания в соответствии с ч. 2 ст. 92 Уголовного кодекса (УК) РФ¹²: «Помещение в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа применяется как принудительная мера воспитательного воздействия в целях исправления (выделено нами. – Авт.) несовершеннолетнего, нуждающегося в особых условиях воспитания, обучения и требующего специального педагогического подхода».

На наш взгляд, точка зрения В. Давыденко спорна. Даже в отношении указанной категории несовершеннолетних применение данной меры в качестве альтернативы уголовного наказания не трансформирует ее в уголовно-правовую меру. Упоминание в ст. 92 УК РФ рассматриваемой меры принуждения и конкретизация сроков ее применения к указанной категории несовершеннолетних, а также уголовно-процессуальный порядок применения (ч. 2–8 ст. 432 Уголовно-процессуального кодекса (УПК) РФ)¹³, не меняют ее правовой природы как административно-предупредительной (про-

филактической) меры принуждения, а указывают на то, что для исправления конкретного несовершеннолетнего целесообразно применить не уголовно-правовое, а административно-правовое средство воздействия.

Дело о помещении несовершеннолетнего, не подлежащего уголовной ответственности, в СУВЗТ по пп. 1 и 2 ч. 4 ст. 15 Федерального закона «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» возбуждается после процессуального оформления решения о прекращении в отношении несовершеннолетних, не подлежащих уголовной ответственности, уголовного дела, либо отказе в его возбуждении, и по своей юридической природе, на наш взгляд, является «административным делом», вытекающим из административно-правовых отношений, поскольку в его рамках решается вопрос о применении административно-правовой меры принуждения. В свою очередь, производство по данному делу также будет административным, ярким подтверждением чего является то, что правовая основа данного производства закреплена в гл. 3 Закона о системе профилактики правонарушений несовершеннолетних, а не в уголовно-процессуальном или гражданско-процессуальном законодательстве. Данное производство входит в структуру административного процесса. В связи с этим для применения данной меры административного принуждения должен использоваться административно-процессуальный, а не уголовно-процессуальный правовой инструментарий (порядок), как это предлагают И. Н. Померанцев и М. С. Белоковыльский.

К сожалению, следует признать, что вопросы процедурно-процессуального порядка применения рассматриваемой меры административного принуждения, за редким исключением¹⁴, находятся на периферии внимания ученых-административистов, исследующих вопросы теории и практики административного принуждения и административного процесса, что, в свою очередь, отражается на качестве ее правового регулирования, а также отдельных мер административно-процессуального принуждения.

Например, недостаточно четко законодательством определена роль органов внутренних дел в обеспечении принятия судьей своевременного и правильного решения о помещении несовершеннолетнего в ЦВСНП. Как справедливо отмечает В. Н. Вельяминов, в случае неявки в судебное заседание при надлежащем извещении несовершеннолетнего и его законных представителей суд должен принять меры для их

участия, обязав ОВД обеспечить явку указанных лиц, кроме того, вправе подвергнуть их приводу, предусмотренному п. 5 ст. 26 Закона о системе профилактики правонарушений несовершеннолетних¹⁵. Однако заметим, что приказ МВД России от 21 июня 2003 г. № 438 «Об утверждении Инструкции о порядке осуществления привода»¹⁶ регламентирует применение привода либо как меры процессуального принуждения, осуществляемой в соответствии со ст. 111, 113 УПК РФ, либо как меры обеспечения производства по делу об административном правонарушении, осуществляемой в соответствии с ч. 1 ст. 27.1, 27.15 КоАП РФ. В связи с этим Инструкция о порядке осуществления привода, утвержденная приказом МВД России от 21 июня 2003 г. № 438, должна быть дополнена положением о применении привода как меры, обеспечивающей явку в суд несовершеннолетних, не подлежащих уголовной ответственности, в отношении которых рассмат-

риваются материалы о помещении их в специальные учебно-воспитательные учреждения закрытого типа, а также явку в суд их родителей или иных законных представителей.

Подводя итог, можно сделать вывод о том, что правовое регулирование рассмотренных мер административного принуждения, применяемых в отношении несовершеннолетних, совершивших уголовно наказуемые деяния и не подлежащих уголовной ответственности, имеет межотраслевой характер, однако процедурно-процессуальный порядок их реализации в отношении несовершеннолетних, указанных в подп. 1, 2 п. 4 ст. 15 Федерального закона «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних», должен оставаться предметом регулирования административного и административно-процессуального законодательства и должного внимания ученых-административистов.

Список использованной литературы

- ¹ См.: Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. № 1. Ч. 1. Ст. 1.
- ² См.: Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы Назармамадова Диора Гулмамадовича на нарушение его конституционных прав подп. 6 п. 2 ст. 22 и п. 3 ст. 30 Федерального закона «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних»: определение Конституционного Суда Рос. Федерации от 14 мая 2013 г. № 690-О.
- ³ См.: Административное право: учебник / под общ. ред. А. И. Каплунова. М., 2011. С. 195; Административно-процессуальное право: курс лекций. М., 2009. С. 214–215.
- ⁴ См.: Собрание законодательства Российской Федерации. 2012. № 53. Ч. 1. Ст. 7598.
- ⁵ См.: Санкт-Петербургское государственное учреждение социальной помощи семьям и детям «Региональный центр "Семья"»: аналитические материалы о положении детей в Санкт-Петербурге (2011 г.). [Электронный ресурс]. URL: <http://www.homekid.ru/kidinspb2011/index.htm>.
- ⁶ См.: Об утверждении перечня заболеваний, препятствующих содержанию и обучению несовершеннолетних в специальных учебно-воспитательных учреждениях закрытого типа органов управления образованием: Постановление Правительства Рос. Федерации от 11 июля 2002 г. № 518 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. № 28. Ст. 2873.
- ⁷ См.: Померанцев И. Н., Белоковильский М. С. Некоторые проблемы применения процессуальных норм закона о профилактике безнадзорности // Рос. юстиция. 2012. № 7. С. 57–60.
- ⁸ См.: Дети в тюрьме / гл. ред. и сост. В. Абрамкин. 2-е изд. М., 2003. Вып. 1. С. 20–21.
- ⁹ См.: Померанцев И. Н., Белоковильский М. С. Указ. соч. С. 59–60.
- ¹⁰ См.: Помогалова Ю. В. Направление несовершеннолетних в специальные учебно-воспитательные учреждения закрытого типа органов образования: процессуальный и профилактический аспекты // Административное право и процесс. 2007. № 6. С. 17–23.
- ¹¹ См.: Помогалова Ю. В. Указ. соч. С. 18.
- ¹² См., напр.: Давыденко В. Помещение несовершеннолетнего в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа как мера уголовно-правового воздействия // Уголовное право. 2011. № 5. С. 9–12.
- ¹³ См.: Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2001. № 52. Ч. 1. Ст. 4921.
- ¹⁴ См.: Помогалова Ю. В. Указ. соч.; Буторина Л. С. Административное принуждение, применяемое в отношении несовершеннолетних: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2013.
- ¹⁵ См.: Вельянинов В. Н. О судебной практике помещения несовершеннолетних в центры временного содержания несовершеннолетних правонарушителей органов внутренних дел // Рос. юстиция. 2009. № 11. С. 68–73.
- ¹⁶ См.: Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. 2003. № 47.

Статья публикуется по решению редакционной коллегии.

УДК 343.9
ББК 67.51(4/8)
О-63

F. ORBAN*

За рубежом

TERRORISM IN NORWAY: ADAPTATION TO NEW REALITIES

Аннотация: в статье анализируются трагические события в Норвегии: взрыв в правительственном квартале и массовое убийство на острове Утейа 22 июля 2011 г. стали самым страшным актом насилия в стране после Второй мировой войны. Автор подвергает сомнению слова о том, что до Андерса Беринга Брейвика терроризм здесь не существовал и ничто не предвещало такого удара. Анализ ультраправых сил Норвегии с начала 1970-х годов и исламской угрозы после теракта 11 сентября 2001 г. показал, что некоторые политические и идеологические движущие силы страны внесли свой вклад в создание климата, который сделал возможным рассматриваемый теракт. В статье выдвигается идея о том, что смерть пяти норвежцев во время захвата заложников в Ин Аменас в Алжире в январе 2013 г. представляет собой еще один вызов попыткам Норвегии адаптироваться к новым реальностям терроризма.

Ключевые слова: терроризм, ультраправые силы, террористический акт, насилие.

**ФРАНК
ОРБАН***

ТЕРРОРИЗМ В НОРВЕГИИ: АДАПТАЦИЯ К НОВЫМ РЕАЛЬНОСТЯМ

Annotation: in the article the author analyses the tragic events in Norway: explosion in the governmental quarter and massacre on Utoya island on July 22, 2011 became the most terrible acts of violence in the country after World War II. The author calls into question the words that the terrorism didn't exist in Norway before Anders Behring Breivik and nothing foretold such an event. The analysis of the Norwegian far-right forces since 1970 and Islamic threat after the act of terrorism on September 11, 2001 showed that some political and ideological forces of the country contributed to the development of climate which made possible the considered act of terrorism. The idea that the death of five Norwegians during hostage taking in In Amentas in Algeria in January, 2013 is considered to be one more challenge to the Norwegian attempts to adapt to new realities of terrorism.

Key words: terrorism, far-right forces, acts of terrorism, violence.

В результате захвата заложников на территории завода по производству газа в Ин Аменас в Алжире с 16 по 19 января 2013 г. погибло 5 норвежцев, работавших в компаниях «БП», «Сунатрак» и «Статойл». Новая национальная трагедия случилась спустя меньше чем 2 года после терактов в Осло и на Утейа. 22 июля 2011 г. норвежцы с удивлением для себя открыли, что их страна больше не защищена от идеологически экстремального насилия. Норвегия была единственной страной Северной Европы, где удалось разыграть карту глобализации без отказа от политических целей социал-демократов¹. Рассмотрим две широко распространенные идеи. Первая заключается в том, что до 22 июля 2011 г. эта страна не знала терроризма, вторая – что предсказать теракт не представлялось возможным. На самом деле до 2011 г. в стране существовали разные формы терроризма, и политический климат был благоприятным для этого.

Историческое значение ультраправых сил

Мы часто слышали, что до 22 июля 2011 г. терроризм обходил Норвегию стороной, однако если посмотреть на количество терактов в Ев-

* Доктор философии,
научный сотрудник Академии подготовки тюремного персонала
Службы исполнения наказаний Королевства Норвегия
E-mail: editor62@yandex.ru.

ропе за 1979–2011 гг., то только в Норвегии их было 18. Исключение – Исландия (2 инцидента) и Финляндия (8 инцидентов); в Дании произошло 35 терактов, Швеции – 59, Великобритании – 494, Германии – 564, Италии – 702, во Франции – 910 и в Испании – 2611². В сравнении с этими странами Норвегия никогда не сталкивалась с террором со стороны сепаратистов или ирредентистов, идеологическим терроризмом ультраправых сил или международным терроризмом. Ввиду отсутствия угрозы крупномасштабного терроризма национальные органы власти вполне логично рассматривали его как явление извне и до теракта в США в сентябре 2001 г. в Норвегии отсутствовало антитеррористическое законодательство. Все, что было связано с террором, подпадало под действие норм Уголовного закона Норвегии.

Однако с конца 1960-х годов в стране произошло множество террористических актов: нападение с применением гранат в Осло в 1965 г. (преступление осталось нераскрытым), нападение молодых радикальных активистов – противников войны во Вьетнаме – на выставку «Thanks Yanks» в ноябре 1967 г. с применением самодельных ручных гранат, взрыв в помещении газеты «Федреландсвеннен» в г. Кристиансанд в 1972 г. и т. д.

Террористическая угроза в Норвегии в основном была связана с тем, что шведский профессор истории религии М. Гарделл называет «контркультурой расистских ультраправых сил»³. Эта угроза всегда выглядела как атака на сообщества, антинацистов или организации, представляющие интересы иммигрантов (терракты против коммунистического книжного магазина «Октябрь» в г. Тромсе в 1977 г., первомайского шествия левых профсоюзов в г. Осло в 1979 г., мечети «Нур» в г. Осло в 1985 г., лагеря для беженцев в Эйдсволле в 1989 г. и против здания радикальной группы «Блиц» в Осло в 1989, 1994 и 1995 гг.). В других случаях террористическая угроза была сходна с нацистским насилием. Теракты подразумевали поджоги, нападения с ножом, стрельбу на поражение, убийства⁴. Еще до 22 июля 2011 г. этот коричневый туман достиг своего первого пика, когда было совершено два убийства расистского характера: 23 апреля 1999 г. тело Арве Бехейм Карлсен (17 лет) найдено в р. Согндал и 26 января 2001 г., когда двое членов неонацистской группировки «Бутбойс» забили до смерти Беньямина Германсена (16 лет). Последнее событие потрясло всю Норвегию и вызвало сильный народный резонанс из-за проблем с ультраправыми в стране. Государственными

органами была начата беспощадная кампания против вербовки молодых людей в неонацистские группировки. Эти группировки сегодня довольно малочисленны и насчитывают не более 200–300 членов. На национальном уровне они раздроблены, у них отсутствуют харизматичные лидеры, а контакт с подобными группировками за рубежом очень небольшой⁵. Они никогда не были многочисленными и не преследовали цель поставить под угрозу безопасность страны. Последний отчет норвежских спецслужб от 18 февраля 2013 г. подтверждает данный вывод, хотя в нем подчеркивается потенциальная угроза со стороны террористов-одиночек⁶. Подобная оценка сводит риск терроризма со стороны ультраправых группировок к минимуму, и на основе этого разведка в последние 10 лет отказалась от столь тщательного контроля за деятельностью этих групп. Правда, в таком случае органы разведки забывают о трех важных фактах: 1) существование заговорщической традиции внутри ультраправых группировок Норвегии до 22 июля 2011 г.; 2) совпадение мнений неонацистов, ксенофобов и антиджихадистов в последнее время; 3) более явное присутствие риторики насилия в публичных дискуссиях.

Заговорщическая традиция

Прежде всего нужно отметить, что заговорщическая традиция уже много лет существует среди неонацистов. Норвежская Германская Армия – неонацистская группировка, созданная в 1980 г. небольшим количеством людей, стала известной после кражи боеприпасов со склада резервных сил. Группировка распалась после того, как за убийство двух членов группировки 22 февраля 1981 г. в Хаделанде были задержаны три человека. Обыск и судебный процесс разоблачили планы государственного переворота и установление группировкой нацистского режима под руководством совета пяти «мудрецов» с Эспеном Линдом в качестве «фюрера»⁷. Другие примеры находятся на стыке между заговором против безопасности государства и крупного бандитизма. В 1990-х годах Том Киммо Эйтернес, известный сегодня своей борьбой против экстремальной радикализации, руководил группой неонацистов «Эйнзацgruppen», поставившей своей целью уничтожение всех членов левой группы «Антифашистская акция» в Осло в ходе диверсионно-разведывательной операции, то есть около 30 человек.

Такие же проекты были разработаны и в неонацистских кругах Хаугесунда, но не были

доведены до конца из-за отсутствия средств и решимости. Примеры можно продолжить.

Текучесть идеологии

Нам кажется, что органы власти Норвегии не имели полного представления о текущесть идеологии между неонацистами, группировками, которые выступали против иммиграции, и исламофобами. Грустно осознавать, что Андерс Беринг Брейвик каким-то образом является синтезом этих трех идеологических направлений. Группы неонацистов, которые раньше в основном говорили о расизме, антисемитизме и прославляли немецкий рейх, в данный момент находятся в меньшинстве среди ультраправых сил. Для вербовки новых членов им пришлось поменять свое обличье на антииммиграционную и исламофобическую риторику, которая граничит с этноплюрализмом и дифференцированием культур, основывающимся на идеях новых правых сил в том виде, в каком это было сформулировано французским философом Аленом де Беноистом⁸. У неонацистов, ксенофобов и исламофобов схожее желание: сделать Норвегию этнически чистой страной, бороться против мультикультурализма как культурного и политического понятия и в итоге ограничить присутствие ислама в норвежском обществе.

Мы не должны забывать, что соблазн политического насилия не только был привилегией неонацистских группировок, но и существовал среди ксенофобных движений, появившихся в середине 1980-х годов. В этих группировках также были настоящие участники движения Сопротивления в годы Второй мировой войны. Лидер «Народного движения против иммиграции» (норв. Folkebevegelsen mot innvandring, созданное в 1987 г.) Арне Мюрдал в интервью СМИ в 1988 г. заявил, что готов создать боевые группы по всей стране, 5–7 человек в каждой группе, организованные по принципу «безлидерного сопротивления». Данный метод американские правые силы начали применять еще в 1970-е годы. В задачи таких групп входило покушение на политическую власть, отказывающуюся менять существующую иммиграционную политику. Многие члены «Народного движения против иммиграции», в том числе его лидер, в 1989 г. были приговорены к лишению свободы за подстрекательство к нападению с использованием динамита на строящийся недалеко от г. Арендаль пункт приема беженцев.

Насилие и политический дискурс

Государственные органы Норвегии, несомненно, недооценили рост насилия в политическом дискурсе и его влияние на население. Со-

вершенный Брейвиком теракт не является поступком одного сумасшедшего и изолированного человека (это подтвердил суд в своем решении в августе 2012 г., признав его вменяемым и в состоянии нести ответственность), а отклонением одной части ультраправых сил Норвегии в сторону более насильственного дискурса. Тот факт, что подобный дискурс присутствовал повсеместно у неонацистов, не является сюрпризом ни для кого. В своей наиболее успешной идеологической форме неонацизм основывается на биологическом антисемитизме межвоенного периода, а также на политическом наследии партии «Национального единства» под руководством В. Квислинга в годы немецкой оккупации. Его ответвление, произошедшее после войны, до сих пор пропагандирует идею о «еврейской руке», контролирующей политическую власть и идею о «красном заговоре», целью которого является уничтожение нации⁹. С 1975 по 1982 год Эрик Блюхер предпринял попытку объединить неонацистов, националистов и антикоммунистов в одну постоянную политическую структуру, создав в 1975 г. «Норвежский фронт», а в 1980 г. «Национальную народную Партию», которой он руководил до своего отъезда из Норвегии в 1982 г. Делая априори ставку на политическую победу, Блюхер сослался на идеологию психологических различий между расами, считающую понятие расы важным фактором культуры. Помимо этого он поддерживает применение насилия в конфликте между ультралевыми и ультраправыми силами. Такая позиция вынудила «Норвежский фронт» и «Национальную народную партию» принять участие в незаконных насильственных акциях против воинствующих левых элементов (теракт 1 мая 1979 г.) и иммигрантов (теракт в Осло в июне 1985 г.).

Вскоре евреи сменили мусульман и возник миф о нашествии варварской орды из глубин Азии на Европу и об исламизации Европы. Эти два мифа о евреях и мусульманах были поддержаны представлением о внутреннем враге социал-демократического государства-покровителя.

Между неонацистскими группировками, такими как «Норвежский фронт» 1970-х годов, «Национальная народная партия» (распушена в 1991 г.), «Вигрид» (движение белого превосходства, созданное Т. В. Тведтом в 1998 г.), «Норвежское движение сопротивления» (образованное в Тронхейме в январе 2012 г.), и представителями движения антиджихадистов, которые считают, что Израиль является важным оплотом против экспансии ислама, существует

труднопреодолимый интеллектуальный разрыв. Доказательством этому является письмо В. Викаернеса, известного под кличкой «Граф». В. Викаернес – бывший музыкант блэк-металл группы «Бурзум», осужденный на 21 год лишения свободы за убийство певца и поджог нескольких церквей, в тюрьме стал нацистом. События 22 июля 2011 г. он прокомментировал следующим образом: «Как он (Брейвик. – прим. авт.) мог цитировать все проблемы, которые евреи создавали нам веками, не упомянув ни об одной из них в своей декларации? Он нападает на симптомы, от которых страдает Европа, но ничего не говорит о причинах болезни»¹⁰.

Слова о насилии также можно найти в дебатах ксенофобных групп. Это наблюдалось уже в 1990-е годы у А. Мюрдала, который, накопив опыта в «Народном движении против иммиграции», создал группу «Норвегия против иммиграции». Он открыто говорил о потенциальной войне в Норвегии и побуждал своих активистов использовать репрессии против групп антирасистов и тех норвежских политиков, которые защищали образ Норвегии как многокультурной страны¹¹. Другой пример данной риторики наблюдается у двух групп, созданных в 1989 г. («Остановите иммиграцию» и «Помогите иностранцам вернуться домой или мы потеряем свою страну»). В 1995 г. эти группы были переименованы в «Белый избирательный альянс», который участвовал в парламентских выборах в 1997 г. Программа альянса предусматривала полное прекращение иммиграции, запрет на усыновление детей из-за границы и сексуальные отношения с иммигрантами, насильственное возвращение всех иммигрантов, приехавших в Норвегию до 1975 г., а также стерилизацию тех иммигрантов, высылка которых невозможна. Лидер группы Я. Э. Хюс был приговорен к 60 дням условного тюремного заключения и оштрафован на 20 тыс. норвежских крон за расистские высказывания. Партия «Демократы», созданная в 2002 г., просто предлагала прекратить иммиграцию из мусульманских стран. «Партия Прогресса», которая в среднем имеет около 20 % голосов, время от времени также приближалась к ксенофобной и исламофобной риторике¹². Так, бывший руководитель партии К. И. Хаген во время конференции в Бергене в 2005 г. публично выразил опасение быстрой исламизации Норвегии и сравнил мусульман и нацистов¹³. Перед парламентскими выборами в сентябре 2013 г. нынешний лидер партии С. Йенсен активно пыталась снискать политическое уважение, в результате чего позиция партии была пе-

решена. Под ее руководством партия сегодня делает ставку на экономические и культурные проблемы иммиграции, защиту фундаментальных свобод и больше не выступает с критикой отдельных людей или ислама. Следует подчеркнуть сходство с некоторыми идеями нового правового движения. Заручившись политическим уважением, партия выдвигает много кандидатов-иммигрантов, чтобы показать, что она не расистская и исламофобная.

Рост ненависти в новых СМИ

Схожесть идеологий неонацистов, ксенофобов и исламофобов, рост насилия в общественном дискурсе выставляются напоказ в традиционных СМИ и социальных сетях. Мишенью ненависти являются как иммигранты (мусульмане), так и политики (правительство). Опубликовав список 10 самых больших предателей страны, группа Мюрдала «Народное движение против иммиграции» наделала много шума в 1990-х годах. В этот список вошли премьер-министр Норвегии Г. Х. Брунтланд, министр социального обеспечения Т. С. Герхардтсен и будущая королева Норвегии Соня. По мнению одного из бывших членов «Партии Прогресса», который присоединился к «Народному движению против иммиграции», Г. Х. Брунтланд всегда будет ассоциироваться с предателем, убравшим на границе все КПП и предоставившим возможность необоснованным просителям убежища, перебежчикам и членам наркокартелей без особых препятствий попадать в страну¹⁴.

К общеизвестному конспирационному делению на «внутреннего врага» (органы власти, предатели) и «внешнего врага» («другой», евреи, иммигранты) из неонацистской и ксенофобной идеологии, движение антиджихадистов после 11 сентября 2001 г. и блоги войны (англ. Warblogging) добавили еще одно новое глобальное измерение – Европа и Запад против ислама. Серийный убийца в Осло и на острове Утейа черпал свое вдохновение не только в Интернете, на антиджихадистских сайтах Великобритании («Gates of Vienna», «Jihad Watch», «Atlas Shrugs») и даже в «The Brussel Journals», но и в Норвегии у П. Н. Йенсена, известного под псевдонимом «Фьордман». В 2010 г. Йенсен написал в своей статье: «Западная элита сотрудничает на международном уровне для того, чтобы ломать свои же страны и уничтожать большинство белого населения, используя мультикультурализм и массовую иммиграцию. Я уже неоднократно говорил, что именно это является самым большим предательством в истории человечества, и я действительно так и думаю»¹⁵.

Еще один более серьезный факт: антиджихадисты пытаются навязать идею о грядущей гражданской войне в Европе между мусульманами и немусульманами, что оправдывает использование экстремального насилия, мотивируемого не слепой аморальной победой, а безнадёжной борьбой для защиты модели европейской цивилизации.

Новая исламистская террористическая угроза

Первый совместный отчет Службы безопасности норвежской полиции, военной разведки и Национального управления безопасности Норвегии в феврале 2013 г. подчеркнул масштаб угрозы со стороны радикального ислама в Норвегии. В отчете отмечается, что отдельные люди и круги, вдохновленные идеологией экстремального исламизма, являются самой большой террористической угрозой для Норвегии и норвежских интересов в 2013 г.¹⁶ Норвегия уже много лет жила с атаками ультраправых сил, но особой угрозы со стороны исламистов не видела по трем причинам: 1) отсутствие «избыточного колониального пассива»; 2) низкий уровень непосредственной военной вовлеченности в конфликты на Ближнем Востоке, в Азии и Северной Африке; 3) законодательство, закрывающее глаза на такие псевдотеррористические действия, как пропаганда или сбор средств для террористических групп, действующих вне Европы, до тех пор пока эти группы не совершают теракты в стране.

Эхокамера Ближнего Востока

Из-за невнимательности страна была вовлечена в геополитику Ближнего Востока. 21 июля 1973 г. израильская разведка «Моссад» по ошибке убила выходца из Марокко в Лиллехаммере, приняв его за одного из лидеров палестинской группировки «Черный сентябрь», организовавшей избиение израильских спортсменов во время Олимпийских игр в Мюнхене в 1972 г. Израильские власти так и не признали свою причастность к этой неудачной операции. До событий 22 июля 2011 г. этот эпизод был самым серьезным терактом в Норвегии. После этого планировалось несколько терактов на нефтеперерабатывающем заводе, против посольств Египта и Израиля в Осло и другие, но и они в последний момент были раскрыты службой безопасности. Последний акт вмешательства норвежцев в дела «сложного», но очень любимого генералом де Голлем Востока, произошел в 1977 г., когда Народный фронт освобождения Палестины завербовал норвежского студента, чтобы отметить десятилетие шестидневной

войны терактом в Израиле. Их планы резко изменились, когда пограничники в аэропорту Бейрута нашли 800 г взрывчатого вещества в рюкзаке «курсанта» террористов. Отсидев шесть месяцев в тюрьме за хранение оружия, он вернулся в Норвегию¹⁷. До Брейвика он оставался самым известным террористом Норвегии, а теперь перепрофилировался в известного эксперта по терроризму.

Много других инцидентов, произошедших в 1990-х годах, показывают, что тогда Норвегия была больше второстепенной целью для арабских террористических групп. 11 октября 1993 г. после публикации издательством «Аскехауг» норвежской версии «Сатанических стихов» С. Рушди и объявленной ему фетвы на норвежского издателя В. Нюгарда было совершено покушение, ставшее первым примером исламского терроризма на норвежской земле. Три попытки угона самолета, предпринятые в 1993 г. тремя иранцами, находящимися в бегах, боснийским беженцем в 1994 г. и палестинцем с психическими проблемами в 1996 г., были непосредственно связаны с международной ситуацией и не представляли серьезной угрозы для страны.

Угроза со стороны радикального ислама после 11 сентября 2001 г.

Первая декада XXI столетия стала началом быстрого развития исламского терроризма в Норвегии. Это началось с психологического шока для норвежцев, к которому привели события 11 сентября 2001 г. в США. После этого теракта в адрес Норвегии от Аль-Каиды поступили первые угрозы из-за ее участия в конфликте в Афганистане. Выступая на телеканале Аль-Джазира 21 мая 2003 г., заместитель лидера Аль-Каиды Айман аль-Завахри призвал всех мусульман «нападать на посольства США, Великобритании, Австралии и Норвегии, а также интересы этих государств, компании и их сотрудников». Вызов был брошен прежде всего норвежской дипломатической деятельности за рубежом, нефтегазовым компаниям Норвегии на Ближнем Востоке и только потом норвежским спецподразделениям, задействованным в Афганистане¹⁸. Все теракты, совершенные в Европе (особенно успешные в Мадриде в марте 2004 г. и Лондоне в июле 2005 г.), явно показали, что угроза со стороны радикального ислама очень близка.

В период с 2004 по 2009 год новые инциденты показали, что Скандинавия, а особенно Норвегия, стала более важным регионом в европейской структуре джихадистских группировок.

В сентябре 2004 г. проситель убежища из Алжира предпринял попытку угнать самолет авиакомпании «Като» с целью его крушения. Впоследствии алжирские власти установили, что этот человек, приехавший в Норвегию в 2002 г., принадлежал к вооруженной группе исламистов, в 2005 г. он был осужден на 15 лет лишения свободы¹⁹. В ноябре того же года двое других алжирцев были арестованы и приговорены к 6 годам тюремного заключения в Италии за планирование терактов, контрабанду людьми и подделку документов. Комментируя данную ситуацию, газета «Афтенпостен» отметила, что Норвегия стала интегрированной частью международных террористических сетей²⁰.

Перед лицом роста опасности, которая делает уязвимой стабильность постсовременного общества (по выражению немецкого социолога У. Бека), Норвегия реагирует так же, как и другие страны Европы. Угроза со стороны радикального ислама все в меньшей степени рассматривается в качестве внешней и нетипичной угрозы и все больше – как вероятный и прямой риск. Общественное мнение опасается такого демографического развития, при котором Норвегия станет менее этнически однородным государством и превратится в мультикультурную страну. Такое опасение прежде всего связано с открытой критикой определенных норвежских ценностей со стороны некоторых мусульманских кругов²¹. Опрос, проведенный газетой «Верденс Ганг» в марте 2009 г., показал, что большинство опрошенных считают радикальный ислам проблемой для Норвегии. 25 % – думают, что радикальные исламистские круги представляют большую или очень большую террористическую угрозу²². Нескончаемый процесс экстрадиции бывшего лидера курдского движения А. Ахмада (известного под именем М. Крекар) способствует развитию идеи о существовании «пятой колонны» отдельных людей или групп, которые могут сотрудничать с самой Аль-Каидой или с ее подразделениями и даже способны совершить теракты на норвежской земле²³.

Произошедшие в 2006 и 2008 гг. случаи были более или менее непосредственно связаны с терроризмом и показали чрезмерную осторожность судебных органов в применении ст. 147 Уголовного закона Норвегии, предусматривающей наказание за совершение теракта. В сентябре 2006 г. за планирование нападения на посольства Израиля и США и стрельбу по фасаду синагоги в Осло были арестованы три человека, но только одного из них обвинили в тер-

роризме, так как органы правосудия сочли недостаточными для вынесения обвинительного приговора предъявленные доказательства вины²⁴. Однако апелляционный суд приговорил его к 8 годам превентивного тюремного заключения за попытку убийства. В 2009 г. Верховный суд Норвегии отменил вынесенный апелляционным судом приговор. В феврале 2008 г. трое норвежских граждан сомалийского происхождения были арестованы за сбор 27 тыс. евро для сомалийской террористической организации Аль-Шабааб. Почти сразу двое из них были освобождены. Третий был привлечен к уголовной ответственности. Дело рассматривалось в суде с сентября по декабрь 2010 г. Впервые норвежские судебные органы высказались по поводу финансирования террористических сетей. Обвиняемый мог получить до 15 лет тюремного заключения по ст. 147 Уголовного закона Норвегии²⁵, но был оправдан. Суд пришел к выводу: невозможно однозначно утверждать, что в момент передачи денежных средств «Аль-Шабааб» была террористической организацией. В итоге, несмотря на существование судебных инструментов против терроризма с 2005 г., объявления первого в истории Норвегии обвинительного приговора за совершение теракта пришлось ждать до 2012 г.

Перелом в 2010 году?

Два события, произошедшие в 2010 г., привели к усилению знака равенства у населения между терроризмом и исламом. 12 февраля 2010 г. радикальные мусульмане, организовав митинг на площади перед Университетом г. Осло, выступали против опубликования газетой «Дагбладет» карикатуры пророка и норвежского военного присутствия в Афганистане. Во время митинга, на котором присутствовало более 1000 человек, руководитель одной неизвестной группы «Добровольцы» предупредил о вероятности терактов в Норвегии, похожих на теракты 11 сентября 2001 г. и 7 июля 2005 г. Обращение Исламского совета Норвегии к молодым мусульманам с просьбой не поддерживать такого рода идеи не привело к исчезновению негативных эмоций у населения, возникших в результате этого высказывания. Для некоторых проблему создает не радикальный исламизм или исламизм, как таковой, а сам факт присутствия ислама в стране. Некоторые политики разглядели этот страх и воспользовались им. Руководитель Партии Прогресса С. Енсен говорила о риске «подкрадывающейся исламизации» после 21 февраля 2010 г., а министр юстиции К. Стурбергет, без явной стигматизации

мусульман, признал существование у экстремальных группировок²⁶ тенденций к радикализации и вербовке молодых людей.

Вторым важным событием для понимания того, как норвежцы относятся к терроризму, в особенности к исламскому, стал арест 8 июля 2010 г. трех человек, подозреваемых в планировании нападения на помещение газеты «Юлландспостен» в Дании и покушении на художника и карикатуриста К. Вестергара – автора карикатуры, высмеивающей Пророка Мухаммеда. Английские и американские секретные службы почти сразу выдвинули идею о том, что один из трех подозреваемых был руководителем одной из четырех террористических организаций, являвшихся частью большой террористической сети в Великобритании, Бельгии, США и Норвегии и поддерживающих тесные контакты с Аль-Каидой²⁷. По мнению их источников, данные организации принимали участие в терактах в Лондоне в июле 2005 г., а также в планировании нападения на самолеты, совершающие рейсы между Европой и США. Более того, подозреваемыми были мусульмане из Китая, Ирака и Узбекистана, много лет прожившие в Норвегии. Двое имели постоянный вид на жительство, а третий был гражданином Норвегии. Казалось бы, что они хорошо интегрированы в норвежское общество. Судебный процесс против этих трех человек в суде первой инстанции длился с ноября 2011 г. по январь 2012 г. во Дворце правосудия города Осло. Он был историческим. Впервые в приговоре была использована ст. 147 (о терроризме). Виновные получили наказание в виде 7 лет, 3,5 года и 4 месяцев лишения свободы²⁸.

В день ареста этих лиц на пресс-конференции премьер-министр Норвегии сказал, что Норвегия больше не отделена от мира, в котором совершается множество терактов. В стране существуют люди, которые хотят видеть и сами готовы совершить теракты²⁹. Он добавил, что Норвегия всегда была безопасной страной, но сейчас стала более похожей на страны, где уже имели место теракты и с которыми Норвегия всегда себя сравнивала.

Заключение – адаптация к реальности продолжается

Мы рассмотрели две точки зрения на терроризм в Норвегии: 1) Норвегия всегда была относительно спокойной страной, в которой вопрос о терроризме никогда не стоял на повестке дня, что неверно; 2) предотвратить теракт 22 июля 2011 г. не представлялось возможным, так как трудно выявить террористов-одиночек,

не имеющих никаких формальных связей с существующими группировками, а органы власти Норвегии за ними не следили, обращая внимание только на джихадистов. А. Б. Брейвику удалось неопровержимо доказать, что европейские антиджихадисты в состоянии совершать теракты, а также то, как опасен человек, его идеология и порядок его действий. В августе 2012 г. полиция Чехии арестовала первого «имитатора», планировавшего серию терактов, похожих на теракты 22 июля. В ноябре 2012 г. гражданин Российской Федерации расстрелял 5 своих коллег. В ночь перед убийством он опубликовал документ, в котором признался, что ненавидит человеческое общество. Через некоторое время к группе фанатов Брейвика присоединились и серийные убийцы, не имеющие какой-либо идеологии. В декабре 2012 г. А. Ланза совершил массовое убийство в школе «Сэнди Хук» (США), в результате которого погибли 28 человек. Он заявил, что его целью было убить больше людей, чем было убито норвежским убийцей³⁰.

Рассмотрев ситуацию более тщательно, мы выяснили, что с середины 1980-х годов Норвегия находилась под двойным давлением. Первое – внутреннее, связанное с быстрым переходом от гомогенного и монокультурного общества к более гетерогенному. Такой переход произошел не только в Норвегии, но и в Нидерландах, Дании и Швеции. По словам норвежско-иракского писателя В. аль-Кубаиси, в стране в результате этого образовалась «пропасть между мажоритарным обществом и иммигрантами»³¹.

Второе давление – внешнее – связано с дипломатическим и военным вовлечением страны во многие военные зоны арабско-мусульманского мира. Небольшая страна Норвегия часто фигурировала на глобальной карте «столкновения цивилизаций» (термин американского профессора С. Хантингтона), став видимой тем исламистским группам, которые желали воевать с США и их европейскими «вассалами». Активность такого рода пробуждала ярость у радикальных мусульман, проживающих в Норвегии и отождествляющих себя со своими соратниками в тех странах, где сейчас наблюдаются последствия «арабской весны». Вполне возможно себе представить, что эти две тенденции рано или поздно могли бы создать климат для экстремального насилия. Странно, что это не привело к терактам со стороны джихадистов, весь мир ожидал этого, включая ученых и разведку. Нанесенный удар оказался очень сильным: экстремальный и очень мас-

штабный теракт, который в течение многих лет считался чужим, никак не увязывающимся с норвежскими ценностями, сенсационным образом появился на национальной арене в олицетворении коренного норвежца, детство которого прошло в одном из самых богатых районов западной части Осло и который придерживался обычной и вполне понятной идеологии, имевшей глубокие корни в политической культуре страны.

Сегодня все чаще обсуждается относительная пассивность органов власти по отношению к развитию дискурса ненависти в традиционных и новых СМИ до 22 июля, а также отказ открыто обсуждать связь между внутренней и внешней политикой. По примеру открытого письма Эмиля Золя «Я обвиняю» норвежский журналист Э. Стреммен обратился к норвежскому обществу:

«Мы должны были предвидеть сигналы опасности. Нам следовало извлечь урок из предыдущих эпизодов ненависти. Мы должны были восстать против всех похожих высказываний мусульман и террористов. Кроме того, мы также должны были более тщательно изучить опасность, которую представляют правые экстремисты для нашего открытого и демократического общества...³². Остается надеяться, что достойное поведение норвежских властей после 22 июля и процесс против А. Брейвика являются предвестниками дискуссии о глубоких причинах событий 22 июля 2011 г. Социолог Р. Т. Энерствет сказал: «Беринг Брейвик – это всего лишь идеологический аватар, созданный англосаксонскими исламофобными блоггерами. Он... отражает вечное соперничество между демократической традицией и другой, которая не является частью политической культуры Норвегии».

Террористическая угроза до сих пор витает над Норвегией. Дискурс ненависти у некоторых

элементов популистских и ультраправых сил (как, например, у организации «Нет исламизации Норвегии») опять стал раскрепощенным после периода затишья после событий 22 июля. Угроза со стороны радикального ислама все еще остается большой как внутри страны, так и за рубежом. В январе 2012 г. А. Батти, осужденный в 2008 г. за покушение на синагогу в Осло, воспользовался проходящим против норвежского участия в войне в Афганистане митингом и заявил, что если норвежские войска будут продолжать воевать, то афганский конфликт перекинется на Норвегию. За несколько дней до этого на сайте «Youtube» был выложен видеоклип с угрозами расправиться с наследником престола и премьер-министром Норвегии. Аль-Каида недавно заново объявила эру индивидуального джихада в десятом выпуске своего журнала «Inspire». Отдельно были упомянуты Норвегия, США, Великобритания, Дания, Италия и Франция³³. В довершение всего в январе 2013 г. норвежцы получили еще одно подтверждение своей уязвимости к терактам, когда министр иностранных дел Норвегии Эспен Барт Эйде подчеркнул, что взятие заложников в Ин Аменас, к сожалению, показало, что события, происходящие далеко от Норвегии, могут отрицательно влиять на норвежцев. Это особенно важно в тех секторах норвежской экономики, которые за последние 20 лет стали международными. В 1990-е годы только 10 % сотрудников 30 самых крупных компаний страны работали за границей, сегодня – 65 %. Это означает, что роль норвежских дипломатов должна быть пересмотрена. Одновременно необходимо переоценить роль норвежских нефтегазовых компаний в Африке и на Ближнем Востоке, то есть в районах, где они зарабатывают большие деньги, что сопряжено с высоким риском для персонала³⁴.

Список использованной литературы

- ¹ Grjebine A. Norvege: la social-democratie a l'épreuve de la mondialisation et de l'enrichissement // Les Etudes du CERI. 2000. № 67. P. 17.
- ² National Consortium for the Study of Terrorism and the Response to Terrorism (START). (2012) Global Terrorism Database (Data file). URL: <http://www.start.umd.edu/grd>.
- ³ Gardell M. Gods of the Blood. The Pagan Revival and White Separatism. Durham-London, 2003. P. 78–79.
- ⁴ Engene J. O. Storskalaangrep, myndighetsmal og hoyreekstremismens plass i europeisk terrorisme // Записка 3/12 для Комиссии по расследованию событий 22 июля 2011 г. 2012. С. 1.
- ⁵ Lia B. Mot nye og farlegare formar for terrorisme? Trendar og utviklingstrekk ved moderne terrorisme // Internasjonal politikk. 2000. № 58/3. P. 375.
- ⁶ См.: Служба разведки полиции Королевства Норвегии. Годовой отчет. 2013. URL: http://www.pst.no/media/58980/PSTs_tv2013_web.pdf (дата обращения: 22.02.2013).
- ⁷ Arve N. Arefjord. Statskupp var malet. Verdens gang. 1982. 07.01. P. 9.
- ⁸ Strommen O. Den sorte traden. Europeisk hoyreradikalisme fra 1920 til i dag. Oslo, 2013. P. 195.
- ⁹ Часто забывают, что от 10 до 50 % евреев, проживавших в Норвегии до Второй мировой войны, погибли в концлагерях (сравните: там погибли 1 % датских и менее 1 % финских евреев). Strommen O. Op. cit. P. 105.

¹⁰ Vikernes V. Krig i Europa: hvem tjener pa det? URL : <http://ideologiskuren.blogspot.no/2012/08/krig-i-europa-del-i-hvem-tjener-pa-det.html> (дата обращения: 19.03.2013).

¹¹ Bjorgo T. The Invaders, the Traitors and the Resistance Movement : the Extereme Right Conceptualisation of Opponents and Self in Scandinavia // The Politics of Multiculturalism in the New Europe, T. Modood, P. Werbner. London, 1997. P. 59.

¹² «Партия Прогреса» получила 22,9 % голосов на парламентских выборах в 2009 году. По опросу Ипсос MMI/Dagbladet от 23 февраля 2013 г., партия имеет 17,9 %, «Социал-демократическая партия Норвегии» – 29,3 и «Либеральная партия» (Høyre) – 32,1 %. URL: <http://politisk.tv2.no/spesial/partibarometeret/maalingen/10455/> (дата обращения: 25.02.2013).

¹³ Lefebvre J. S. A quoi ressemble l'extreme droite norvegienne? URL: <http://www.slate.fr/story/41663/extreme-droite-norvege> (дата обращения: 10.03.2013).

¹⁴ Strommen O. Op. cit. P. 221.

¹⁵ Jensen P. N. Sviket // Selvmordsparadigmet. URL: <http://selvmordsparadigmet.no/manus/Del2.Appendiks.C.Fjordman.Sviket.htm> (дата обращения: 15.01.2013).

¹⁶ См.: Угрозы и уязвимость 2013 года. Координированная оценка. Осло, 2013. С. 7.

¹⁷ Bergan A. L. Norges forste internasjonale terrorist. Nettavisen. URL: <http://www.nettavisen.no/side3/article3091492.ece> (дата обращения: 06.01.2013).

¹⁸ Orban F. Des forces speciales norvegiennes en Afghanistan // Defense & Strategie. 2002. № 2. S. 7.

¹⁹ Glendrange S. Tilhorte v?pnet islamsk gruppe // Dagbladet. 03.03.2005. URL: <http://www.dagbladet.no/nyheter/2005/03/03/42088.html> (дата обращения: 12.01.2013).

²⁰ Kristian F., Johansen A. M. Terrorister i Norge knyttes til Al-Qaida // Aftenposten. 16.02.2008.

²¹ Eydoux E. L'affaire Breivik et les valeurs de la democratie norvegienne a l'heure de l'immigration // Nordiques. 2012. № 24.

²² Assev M., Christensen L. Mange nordmenn mener radikal islamutgjor terrortrussel // VG-nett. URL: <http://www.vg.no/nyheter/innenriks/artikkel.php?artid=541657> (дата обращения: 11.01.2013).

²³ Bakkeli T. Frykten for terrortilknytning // Verdens Gang. 2009. 09.03. P. 18.

²⁴ Roli O., Buckley R. J., Nygaard K. A. Bhatti frifunnet for terror // Aftenposten. URL: <http://www.aftenposten.no/nyheter/iriks/article2459225.ece> (дата обращения: 12.02.2013).

²⁵ Jonassen A. M. Fikk beskjed om terroraksjoner // Aftenposten. URL: <http://www.aftenposten.no/nyheter/iriks/article3800011.ece> (дата обращения: 11.02.2013).

²⁶ Akerhaug L. Justisministeren bekymret for mer radikal islam // Aftenposten. URL: <http://www.aftenposten.no/nyheter/iriks/article3519045.ece> (дата обращения: 09.03.2013).

²⁷ Gardham D. Alert Over Wanted Al-Qaida Suspect Who May Be Heading to Britain Daily Telegraph. 2010. 10.08. URL: <http://www.telegraph.co.uk/news/worldnews/northamerica/usa/7957163/Alert-over-al-Qaida-suspect-who-may-be-heading-to-britain.html> (дата обращения: 02.02.2013).

²⁸ Pedersen O. T., Hauge L. Domt for terrorplanlegging // Dagsavisen. 2012. 30.01.

²⁹ Hansen A., Klungtveit H. S. Terrorsaken satte stopper for ferien // Dagbladet. 08.07.2010. URL: <http://www.dagbladet.no/2010/07/08/nyheter/innenriks/utenriks/terror/pst/12477318> (дата обращения: 19.01.2013).

³⁰ Orr B., Milton P. Newtown shooter motivated by Norway massacre, sources say // CBS Evening News. 2013. 18.02. URL: http://www.cbsnews.com/8301-18563_162-57569958/newtown-shooter-motivated-by-norway-massacre-sources-say/ (дата обращения: 02.03.2013).

³¹ Kubaisi W. Integrering er a v?re trygg // Aftenposten. 2006.08.06. URL: <http://www.aftenposten.no/meninger/kronikker/Integrering-er-a-vare-trygg-6402104.html> (дата обращения: 16.01.2013).

³² Strommen O. Det mørke nettet: om hoyreekstremisme, kontrajihadisme og terror i Europa. Oslo, 2011. P. 166.

³³ URL: <http://info.publicintelligence.net/InspireWinter2013.pdf> (дата обращения: 15.03.2013).

³⁴ Orban F. La Norvege prochaine cible du terrorisme islamiste? // Defense & Strategie. 2003. № 6. P. 21; Wam O. H. Norske selskaper terrormal // Verdens Gang. 2013. P. 24.

Статья публикуется по решению редакционной коллегии.

УДК 343.1
ББК 67.410.213.8
Р69

V.V. ROMANYUK*

COMPARATIVE AND LEGAL CHARACTERISTICS OF REGULATION OF CRIMINAL PROCEEDINGS CONCERNING MINORS: EXPERIENCE OF CIS COUNTRIES

Аннотация: в статье отражен опыт правовой регуляции, проанализированы существующие организационно-правовые формы уголовного судопроизводства в отношении несовершеннолетних в странах СНГ, обращено внимание на соответствующие правовые аспекты, которые могут быть имплементированы в отечественное судопроизводство в отношении несовершеннолетних, и сформулированы предложения относительно определения основных концептуальных принципов его совершенствования.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, ювенальная юстиция, процессуальные гарантии, несовершеннолетний подозреваемый (обвиняемый).

Annotation: in the article the experience of legal regulation and existing organizational and legal forms of criminal proceedings concerning minors from CIS countries is presented. The author pays attention to corresponding legal aspects, which can be implemented into domestic proceedings concerning minors, and makes offers concerning determining of the basic conceptual principles of its improvement.

Key words: criminal proceedings, juvenile justice, procedural guarantees, juvenile suspected person (accused person).

**ВИТАЛИЙ
ВЛАДИМИРОВИЧ
РОМАНЮК***

СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РЕГЛАМЕНТАЦИИ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА В ОТНОШЕНИИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ: ОПЫТ СТРАН СНГ

Относительно уголовно-процессуального судопроизводства, а также такой его составляющей, как уголовное судопроизводство в отношении несовершеннолетних, следует отметить, что в странах бывшего СССР произошли существенные изменения форм и методов его осуществления. Это состоялось за счет обновления национального законодательства путем принятия новых уголовных процессуальных кодексов этих стран, что дало возможность завершить реформирование действующего уголовного процессуального законодательства стран СНГ в соответствии с современными представлениями о том, как следует осуществлять этот вид правоприменительной деятельности.

Понятие «уголовное производство» является базовым по отношению к исследуемой разновидности уголовного судопроизводства. В частности, обновленный понятийный аппарат уголовного процессуального законодательства Украины ввел указанное понятие, которое заменило термин «уголовное дело». Что касается понятия «уголовное производство», то в п. 10 ст. 3 УПК Украины его содержание раскрыто как досудебное расследование и судебное производство, процессуальные действия в связи с совершением преступления. Подобное толкование этого понятия содержат, в частности, УПК Республики Молдова (п. 31 ст. 6), УПК Республики Казахстан (п. 27 ст. 7), УПК Республики Туркменистан (п. 28 ст. 6). Широко

* Преподаватель кафедры уголовного процесса факультета подготовки специалистов для подразделений следствия (Харьковский национальный университет внутренних дел)
E-mail: editor62@yandex.ru.

используется понятие «производство» без раскрытия его содержания и в кодексах других стран [УПК РФ (ст. 5), УПК Республики Азербайджан (п. 7.0.3 ст. 7), УПК Республики Беларусь (ст. 6)]. Считаем, что понятие «производство» наиболее взвешенное, ведь оно как совокупность действий и решений является отображением основного содержания уголовного процесса – определенной разновидности правоприменительной деятельности, а уголовное дело больше касается собственно материалов уголовного производства. В юридической науке указывается, что процессуальное производство как элемент юридического процесса показывает критерии его расчленения по предмету юридических дел, а также отображает комплекс взаимообусловленных, взаимосвязанных процессуальных действий, которые воплощаются в системе процессуальных отношений, способах осуществления процессуальной деятельности и доказывания обстоятельств дела, в системе официальных актов, которые фиксируют результаты рассмотрения дела¹. Таким образом, уголовное производство в отношении несовершеннолетних необходимо определить как отделенную по предмету юридических дел совокупность процессуальных действий и решений, в течение которых возникают особые процессуальные отношения.

Например, по критерию вычленения по предмету юридических дел исследуемое производство встречается во всех уголовных процессуальных кодексах стран СНГ [УПК Украины (гл. 38), УПК Республики Молдова (гл. 1 разд. III), УПК Республики Казахстан (гл. 52), УПК Республики Беларусь (гл. 45), УПК Республики Туркменистан (гл. 49), УПК РФ (гл. 50), УПК Республики Азербайджан (гл. I разд. 10)]. Таким образом, отмечается признание законодателем стран СНГ специфичности этого производства и критерия, по которым оно выделяется, – это осуществление уголовной процессуальной деятельности в отношении несовершеннолетнего и совершенного им правонарушения. Ведь именно его субъект является особенным (как по социально-психологическим, физиологическим, так и по правовым характеристикам), а процессуальные отношения с его участием настолько специфические, что нуждаются в собственных способах осуществления уголовной процессуальной деятельности, что и определяет потребность в отделении этого производства. По поводу указанного приведем слова выдающегося ученого-процессуалиста И. Я. Фойницкого, который обращал внимание на то, что для лиц с

недоразвившимся сознанием и нежной восприимчивостью, неокрепшим характером и быстро увлекающихся примером, обыкновенное судебное производство сопряжено со многими опасностями, отсюда широкое движение в интересах идеи создания особенных судов для несовершеннолетних и в принятии ими порядка производства, более приспособленного для потребностей этих лиц².

Таким образом, вычленение уголовного производства в отношении несовершеннолетних является устоявшейся тенденцией развития уголовного процессуального законодательства многих стран, в том числе стран СНГ, и обусловлено это как объективными социально-психологическими, физиологическими, так и правовыми факторами. В этом контексте отметим, что если учитывать тенденцию к дифференциации процессуальной формы как полностью понятное желание соблюдать такие формы судопроизводства, которые были бы адекватными как тяжести и сложности преступления, так и тем правовыми последствиями, которые могут наступить в результате рассмотрения³, а также потребность в вычленении уголовного производства в отношении несовершеннолетних от обычного, то полностью обоснованным будет взгляд на него именно как на особое производство.

Следует также учесть, что основные международно-правовые акты в сфере защиты прав ребенка предусматривают максимальную дифференциацию и приспособленность всех правовых процедур к потребностям и интересам ребенка. Так, в резолюции ООН от 20 ноября 1959 г., которой утверждена Декларация прав ребенка, прямо предусмотрено, что ребенок, ввиду его физической и умственной незрелости, нуждается в специальной охране и заботе, включая надлежащую правовую защиту. Часть 3 ст. 40 Конвенции ООН о правах ребенка указывает на то, что государства-участники стремятся способствовать созданию законов, процедур, органов и учреждений, которые имеют непосредственное отношение к детям, которые, как считается, нарушили уголовное законодательство. В свою очередь, в п. 52 Руководящих принципов ООН для предупреждения преступности среди несовершеннолетних (Эр-Риядские руководящие принципы) обращено внимание на то, что правительствам стран следует принимать специальные законы и процедуры для содействия осуществлению и защите прав и благополучия всей молодежи. Эти акты лишней раз доказывают то, что исследуемое уголовное производство следует рассматривать именно

как особое, которое имеет непосредственное отношение к несовершеннолетним и реализуется в свойственной ему процедуре, урегулированной специальным законом. На этом основании мы делаем вывод о том, что одним из перспективных направлений развития уголовного процессуального законодательства стран СНГ в части регламентации уголовного производства в отношении несовершеннолетних является его последующая специализация и отделение от общего порядка уголовного судопроизводства, которое может быть достигнуто за счет все большей дифференциации процессуальной формы этого производства, с тем чтобы оно имело статус особенного производства с таким порядком, который, по словам И. Я. Фойницкого, был бы более приспособлен для потребностей этих лиц. Такой подход в большей степени будет отвечать обеспечению реализации положений ст. 3 Конвенции ООН о правах ребенка, а именно тому, что во всех действиях в отношении несовершеннолетних первоочередное внимание уделяется наилучшему обеспечению интересов ребенка.

Что касается содержания самих глав уголовных процессуальных кодексов стран СНГ, то их сравнительный анализ указывает на то, что в целом сформировано уголовное производство, которое ориентировано на учет особенностей несовершеннолетних как участников уголовного судопроизводства. К их числу следует отнести отдельный предмет доказывания, круг субъектов, выделение дела в отношении несовершеннолетнего в отдельное производство, ограничение принципа гласности, особенности применения мер принуждения и возможность освобождения от уголовной ответственности. Рассмотрим отдельные из них.

В первую очередь отметим, что одним из определяющих признаков любой процессуальной формы осуществления правоприменительной деятельности является правовой режим, который выступает выражением специфических юридических форм и приемов регуляции, создает особенную направленность регуляции, собственную обстановку рассмотрения дела, ее атмосферу. Что касается исследуемого производства, то этот режим в отношении несовершеннолетних воплощается в лозунг – первоочередное внимание наилучшему обеспечению интересов ребенка. Как отмечают специалисты, правовая регуляция участия несовершеннолетних, в том числе в уголовном судопроизводстве, характеризуется особым охранительным режимом относительно этих лиц, который зак-

лючается в приоритетном обеспечении их прав, например в предоставлении «им дополнительных, в сравнении с взрослыми, гарантий на защиту»⁴, так называемая «позитивная дискриминация», или «протекционистская доктрина»⁵. Как показывает анализ статей соответствующих глав уголовных процессуальных кодексов стран СНГ, в целом ими создается определенный правовой режим охранительного типа. Во всех кодексах содержится одинаковая формулировка следующего типа: «Порядок уголовного производства в отношении несовершеннолетних определяется общими правилами этого Кодекса с учетом особенностей, предусмотренных этой главой». Именно эти особенности и обеспечивают установление указанного режима. Таким образом, можно констатировать, что во всех исследуемых странах на уровне законодательства признается приоритет обеспечения и гарантирования прав несовершеннолетних в уголовном судопроизводстве, чего, к сожалению, нельзя сказать о практике применения соответствующего законодательства. В этом контексте обратим внимание на тот момент, в какой мере законодатель акцентирует внимание на указанном охранительном режиме. Практически во всех кодексах стран СНГ законодатель ограничивается лишь указанием на то, что производство в отношении несовершеннолетнего «осуществляется в общем порядке с исключениями, предусмотренными этой главой» (ч. 2 ст. 420 УПК РФ) или «определяется общими правилами, а также статьями этой главы» (ч. 2 в. 480 УПК Республики Казахстан). Однако прямого указания на особенность этого производства, необходимость особого отношения к несовершеннолетнему, приоритетное обеспечение и гарантирование его прав кодексы большинства стран не содержит. И только в УПК Украины и Республики Азербайджан законодатели предусмотрели нормы, которые акцентируют внимание на особом статусе производства и его главного субъекта.

Что касается субъектного состава исследуемого производства, то правовое наследие советских времен предусматривает одинаковые подходы к решению этого вопроса. В первую очередь это обязательное участие защитника в таких делах, а также законных представителей несовершеннолетнего. При этом основание их устранения формулируется во всех УПК стран СНГ практически одинаково: «...если есть основания считать, что его действия ущемляют интересы несовершеннолетнего» (ч. 3 ст. 480 УПК Республики Молдова), или «если

его действия наносят вред интересам несовершеннолетнего или направлены на препятствие объективному расследованию дела» (ч. 5 ст. 487 УПК Республики Казахстан). Указанное решение этого вопроса отвечает требованиям п. 15 Минимальных стандартных правил ООН, которые касаются отправления правосудия в отношении несовершеннолетних (Пекинские правила).

В число субъектов производства в отношении несовершеннолетних включены педагог и психолог. Однако решение вопроса о характере их участия в разных странах неодинаковое. Например, в ряде стран участие этих специалистов является обязательным при проведении отдельных следственных действий, в частности допроса несовершеннолетнего (ст. 435 УПК Республики Беларусь, ст. 479 УПК Республики Молдова), в большинстве других стран их участие обуславливается определенным возрастом несовершеннолетнего, как правило, недостижением 16-летнего возраста или состоянием его развития (отставание в психическом развитии) (ст. 432 УПК Республики Азербайджан, ст. 488 УПК Республики Казахстан, ст. 425 УПК РФ, ст. 491 УПК Украины, ст. 514 УПК Республики Туркменистан). Считаем, что второй вариант полностью приемлем, так как обеспечивает более гибкое решение вопроса участия соответствующих специалистов, ведь следователь, защитник и законные представители всегда могут пригласить такого специалиста для участия в соответствующем процессуальном действии.

Отдельно обратим внимание на специализацию субъектов этого производства, как того требует ч. 3 ст. 40 Конвенции ООН о правах ребенка и п. 12 Пекинских правил. Соответствующие положения, по крайней мере, относительно специализации следователей или судей, на законодательном уровне закреплены в УПК Украины (ч. 2 ст. 484), УПК Республики Беларусь (ст. 435), УПК Республики Азербайджан (ст. 432).

Одной из определяющих особенностей исследуемого производства является дополнительный предмет доказывания, который является отображением п. 16 Пекинских правил и предусматривает, что для способствования вынесения правильного решения необходимо тщательным образом изучить окружение и условия, в которых живет несовершеннолетний, или обстоятельства, при которых было совершено правонарушение. Как показывает анализ текстов соответствующих кодексов стран СНГ, в них предусмотрены дополнительные обстоятельства, которые подлежат установлению в

уголовном производстве в отношении несовершеннолетних (как правило, это возраст лица, уровень ее развития, условия жизни и воспитания, наличие взрослых подстрекателей). При условии надлежащего, объективного и всестороннего установления следователем этих обстоятельств возникнут основания считать, что это действительно будет способствовать принятию в отношении несовершеннолетнего правильного решения. Следует отметить, что в странах Западной Европы существует практика проведения социального исследования несовершеннолетнего правонарушителя, которое оформляется как социальное досье, специалистами-воспитателями⁶. Такой опыт вполне можно внедрить и в практику уголовного производства в отношении несовершеннолетних исследуемых нами стран.

Что касается применения мер принуждения, то в соответствующих главах кодексов стран СНГ предусмотрено, что задержание и содержание под стражей могут применяться к несовершеннолетнему лишь в исключительных случаях, как правило, это связано с совершением тяжкого или особо тяжкого преступления. Обратим внимание, что лишь в УПК Республики Азербайджан (ст. 434) указано, что применение содержания под стражей допускается не только как исключительная мера, но и в течение наиболее короткого срока. Такая формулировка отвечает требованиям ст. 37 Конвенции ООН о правах ребенка, поэтому может быть рекомендована к включению в соответствующие статьи кодексов других стран СНГ, естественно, при условии ее выполнения. Остальные меры принудительного характера применяются с учетом обстоятельств дела и личности несовершеннолетнего.

Следует отметить, что во всех УПК предусмотрено применение особой меры пресечения в отношении несовершеннолетнего – передача несовершеннолетнего подозреваемого или обвиняемого под надзор. Причем в ряде стран эта мера пресечения имеет приоритет в применении. При решении вопроса о применении меры пресечения в отношении несовершеннолетнего подозреваемого или обвиняемого в каждом случае должен решаться вопрос о возможности избрания такой меры пресечения, как передача его под надзор. Как видим, применение мер принуждения в отношении несовершеннолетнего признается во всех странах крайней мерой влияния, которая применяется лишь при определенных обстоятельствах. Хотя если обратить внимание на ч. 4 ст. 40 Конвенции ООН о правах

ребенка, предусматривающую необходимость наличия разных мер, заменяющих присмотр в учреждениях, с целью обеспечения такого обращения с ребенком, которое гарантировало бы его благосостояние и отвечало его положению и характеру преступления, то, к сожалению, такой системы мер в странах СНГ не сформировано, вследствие чего это можно считать перспективным направлением научных исследований и законотворческой деятельности.

Что касается актов, которые принимаются по результатам рассмотрения материалов, то во всех кодексах предусмотрена возможность освобождения несовершеннолетнего от уголовной ответственности, в том числе путем применения к нему принудительных мер воспитательного характера. В ряде стран (Молдова, Беларусь, Туркменистан) одновременно с направлением несовершеннолетнего в специальное учебно-воспитательное заведение предусмотрено его направление и в лечебно-воспитательное заведение. Учитывая то, что при определенных обстоятельствах (например, состояние здоровья) несовершеннолетнего нельзя направить в учебно-воспитательное заведение, существование таких лечебно-воспитательных заведений может эффективно обеспечить процесс ресоциализации несовершеннолетнего.

Обобщая сравнительно-правовую характеристику регламентации уголовного судопроизводства в отношении несовершеннолетних в странах СНГ, следует отметить в первую очередь то, что во всех этих странах на уровне закона сохранено особое отношение к этой кате-

гории лиц. Общая структура правовой регламентации уголовного судопроизводства в отношении несовершеннолетних в странах СНГ достаточно схожая, что объясняется общими историческими корнями правовых систем этих стран, схожими социальными и экономическими условиями их развития. Во всех странах, чьи кодексы нами были исследованы, были реализованы соответствующие меры по введению на законодательном уровне в действие системы средств защиты и гарантирования прав несовершеннолетних подозреваемых, обвиняемых. При этом специальные правила поведения предусмотрены и в отношении несовершеннолетних свидетелей и потерпевших, и поэтому можно констатировать, что в странах СНГ существует определенным образом отделенное уголовное производство в отношении несовершеннолетних. Однако нормативно-правовая база этого производства нуждается в своем усовершенствовании в части приведения ее в соответствие с существующими международными стандартами и практиками в этой сфере. К тому же актуальным остается вопрос последующего отделения этого производства за счет дифференциации его процессуальной формы, обеспечения специализации следователей, прокуроров и судей. Считаем, что теоретическая проработка и практическая реализация этих моментов будет способствовать не только повышению эффективности этого производства, усилению уровня защиты и гарантирования прав несовершеннолетних, но и возможности обеспечить реинтеграцию несовершеннолетних в жизнь общества.

Список использованной литературы

¹ См.: Теория юридического процесса / под общ. ред. В. М. Горшенева. Харьков, 1985. С. 90; Максютин М. В. Теория юрисдикционного процесса : монография / под ред. В. И. Аващенко. М., 2004. С. 36.

² См.: Фойницкий И. Я. Курс уголовного судопроизводства. СПб., 1996. Т. 2. С. 504–507.

³ См.: Гуценко К. Ф. Уголовный процесс западных государств. 2-е изд., доп. и испр. / К. Ф. Гуценко, Л. В. Головкин, Б. А. Филимонов. М., 2002. С. 26.

⁴ Молдован А. В. Уголовный процесс : Украина, ФРГ, Франция, Англия, США: учеб. пособие. Киев, 2005. С. 213.

⁵ Крестовская Н. Становление ювенального права в Украине // Юрид. вестн. 2003. № 3. С. 100–104; Мельникова Э. Б. Ювенальная юстиция : проблемы уголовного права, уголовного процесса и криминологии. М., 2000. С. 15–16.

⁶ См.: Ювенальная юстиция : учеб. пособие / под ред. Н. М. Крестовской. Одесса, 2006. С. 81.

Статья рекомендована к опубликованию научно-экспертным советом академии, протокол от 21 февраля 2014 г. № 2.

HISTORICAL AND LEGAL ASPECTS OF THE RUSSIAN PENAL POLICY (1872–1917)

Аннотация: в статье обосновывается позиция автора относительно того, что пенитенциарная политика – это установленные государством порядок и условия отбывания уголовного наказания, система пенитенциарного воздействия на арестантов, направленные на их исправление и предупреждение преступности.

Ключевые слова: пенитенциарная политика, арестантский труд, уголовно-правовая кара, пенитенциарно-педагогическая деятельность, цели уголовного наказания.

Annotation: in the article the author explains that the penal policy is an order, conditions for serving a criminal sentence and system of penal influence on prisoners, which are established by the state and directed to correction of prisoners and crime prevention.

Key words: penal policy, prison labour, criminal punishment, penitentiary and pedagogical activities, goals of criminal punishment.

**ВАСИЛИЙ
ИВАНОВИЧ
АЛЕКСЕЕВ***

ИСТОРИКО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ РОССИЙСКОЙ ПЕНИТЕНЦИАРНОЙ ПОЛИТИКИ (1872–1917)

Российская пенитенциарная политика как объект исследования связана с рассмотрением основных тенденций ее развития и становления и с конкретными историческими обстоятельствами. Если ее первый период (до начала XIX в.) был связан исключительно с возмездием и устрашением преступника, второй – с филантропической деятельностью Общества попечительного о тюрьмах (1819–1871 гг.), то третий – уголовно-политический период (1872–1917 гг.) – с началом масштабных тюремных преобразований. Последний период характеризуется повышением роли исправительного, филантропического элементов в тюремной политике. Модернизация тюремной системы началась в конце 70-х годов XIX столетия в рамках Министерства внутренних дел, а с 1895 г. под юрисдикцией Министерства юстиции.

Стратегическая задача состояла в изменении пенитенциарной политики в соединении уголовно-правовой кары со средствами пенитенциарно-педагогического воздействия на осужденных. Исправительный элемент в преобразовании уголовно-пенитенциарного права выделяется отдельным направлением в пенитенциарной политике государства. Закономерным является тот факт, что «прежде чем выдвинуть на первый план исправительный принцип наказания, следует придать должное значение карательному принципу, при условии достижения высшей степени устрашения, с помощью наименьшей меры наказания»¹. По мнению С. В. Познышева, «в пользу необходимости наказания говорит очевидная недостаточность других средств правоохраны»².

* Кандидат исторических наук, доцент кафедры теории государства и права и международного права (Институт государства и права Тюменского государственного университета)
E-mail: editor62@yandex.ru.

Функция конкретизации уголовно-правовой кары, изложенная в законе, проявляется в специфической сфере общественных отношений – в сфере исполнения наказания по установлению правоограничений, определяющих условия отбывания наказания. Так, одиночное заключение имеет целью уединение арестанта. В основе его лежат два требования: 1) постоянное общение содержащегося в келье с тюремным персоналом; 2) частое общение с находящимися на свободе близкими ему людьми. Если эти два условия не соблюдаются, то одиночная тюрьма находится в расстройстве³. Опыт европейского тюремоведения показывает, что в основу исправления арестантов были положены социальные условия жизни и освобождения. Меры тюремной деятельности были направлены на ресоциализацию заключенных с учетом индивидуальных особенностей арестантов.

П. И. Люблинский, характеризуя уголовно-пенитенциарное право, отмечает, что «в условиях уголовно-политического периода более целесообразной мерой воздействия является тюрьма, индивидуализация тюремного режима»⁴.

Исходя из изложенного можно утверждать, что между различными нормами и элементами права, определяющими наказание, и нормами права исправительного воздействия существуют разнообразные внутренние связи: субординационные (иерархические), координационные, корреляционные, информационные. Упорядоченность норм и элементов права имеет разные направления в обеспечении правового регулирования, поэтому можно говорить о разных системообразующих признаках, связях и отношениях.

Динамическая система, каковой является пенитенциарная политика как многоуровневый социальный феномен, предполагает исследование ее системности как по действующему законодательству в хронологических рамках исследования, так и в историко-генетическом контексте. При системно-логическом способе познания пенитенциарной политики возникает «установка на повторение стандартов нормативного и идеального прошлого в будущем»⁵. Что касается историко-генетического способа познания, то он характеризует пенитенциарную политику со стороны изменения и развития. При этом социально-интегративная роль уголовно-пенитенциарной политики отличается прежде всего генетической связью между элементами и институтами права и характеризуется динамикой перехода из одного состояния в другое⁶.

Таким образом, влияние пенитенциарной политики государства на институт лишения сво-

боды предусматривает возможность соединения уголовно-правовой кары с мерами и средствами пенитенциарно-педагогического воздействия на осужденных. Своеобразие уголовно-политического периода пенитенциарной политики состоит не только в обеспечении карательных мер при исполнении наказания, но и в гармоничном сочетании мер наказания с пенитенциарным решением и совершенствовании этого взаимодействия с иными средствами пенитенциарного воздействия на осужденных.

Нормативный аспект в структурно-понятийном ряду правовых категорий есть необходимая составляющая пенитенциарной политики. В этот период осуществляется обновление уголовно-пенитенциарного законодательства, в котором устанавливается дифференциация и индивидуализация уголовной ответственности. В 70-х годах XIX столетия в период пореформенных преобразований в российской пенитенциарной системе появляются новые места заключения, которые подразделяются на краткосрочные, среднесрочные, долгосрочные⁷.

В ст. 266. Устава о содержащихся под стражей ссыльных (1890) установлено, что одиночному заключению могут быть подвергнуты лишь лица, приговоренные судом к тюремному заключению⁸. Сходство нормативных предписаний относительно одиночного заключения состоит в том, что оно должно отбываться исключительно в одиночном заключении. Общее для всех исправительных учреждений после тюремного преобразования карательная часть наказания, то есть одиночное заключение, сопровождается арестантскими работами. Структурно-логическая связь элементов уголовно-пенитенциарного права показывает взаимодействие норм наказания и пенитенциарно-правового воздействия на осужденных. При этом право требования в охранительных нормах состоит в том, чтобы обеспечить исполнение активной (обязывания) или пассивной (запрещений) юридической обязанности. Из этого следует, что на администрацию исправительного учреждения, исполняющего наказания, ложится обязанность реализации властных полномочий поддерживать необходимый тюремный режим.

Так, ст. 345 Устава о содержащихся под стражей устанавливает принудительный, а ст. 346 – обязательный труд. Законом предусмотрено вознаграждение арестантов (ст. 362 Устава)⁹. Структурно-логическая связь элементов уголовного закона и правовых предписаний пенитенциарного права показывает их сходство и состоит в системности карательных и исправительных мер, то есть закон, назначая уголов-

но-правовую кару, преследует две цели: устрашение преступника и его исправление.

В изложенных нормах права, которые одновременно являются элементами структуры, можно говорить не только об их взаимосвязанности, но и о связи с другими нормами права – охраны и надзора, которые в совокупности характеризуют применение труда. Использование обязательного, принудительного труда дает качественную характеристику системе, имеющей пенитенциарный характер. Законодатель именно это имел в виду, когда к обязательности труда подключил режим исполнения наказания.

Правотворчество в 70-х годах XIX столетия в сфере модернизации тюремного законодательства привело правительственную комиссию к выводу о том, что тюремное заключение как исправительное наказание является наиболее предпочтительной формой юридического исправления. Тюрьма стала учреждением принудительного воспитания для лиц, ранее заброшенных, без возможности условий честного труда. На тюрьму возложена задача общей и частной превенции, которая преследует эти основные цели уголовного наказания.

С уменьшением и исчезновением позорящих и членовредительских наказаний лишение свободы в карательной системе приобрело приоритетное направление. Законодатель стремится привести карательные меры в систему, создать то, что мы называем лестницей наказания, понимая под ней совокупность карательных мер данного кодекса в их взаимном соподчинении или соотношении. Такие правовые понятия, как краткосрочное или долгосрочное лишение свободы, обязательный тяжкий или продолжительный труд, представляются величинами, в значительной степени поддающимися сравнительному измерению и оценке.

Поворотным пунктом в преобразовании тюремной системы выступил Закон от 11 декабря 1879 г. «Об основных положениях, имеющих служить руководством при преобразовании тюремной части и при пересмотре Уложения о наказаниях». Законодатель почти все прежние меры наказания отменил, и их место заняла тюрьма. Принцип устрашения и возмездия как форма предупреждения преступлений уже не могла более доминировать в законодательстве.

Таким образом, исследование генетического аспекта пенитенциарной политики вскрывает логику развития назначения наказания и его исполнения, изменения института лишения свободы: изоляция арестанта обеспечивала безопасность общества, а тюремный режим – юридическое исправление арестантов.

Исполнение наказания тесно связано с административно-правовой тематикой в местах лишения свободы. Как и уголовное, административное право выполняет охранительную функцию. В целом такое взаимодействие норм права различных институтов распространяется на всех участников правоотношений и индивидуально в отношении каждого арестанта.

Исполнение наказания в динамической модели правового регулирования необходимо рассматривать по следующей схеме. С одной стороны, это исполнение наказания, то есть практическое осуществление уполномоченными государственными органами карательной сущности наказания в отношении заключенных, с другой – исправительное, педагогическое воздействие на них. Основное средство воздействия на осужденного – различные формы принуждения, выступающие в виде санкций, фиксирующих юридическую ответственность человека перед властью. Например, ссыльный за государственное преступление имел право свободного передвижения, но с большими ограничениями по сравнению с другими категориями ссыльных.

Функционально-кибернетическая модель управления исполнением наказания направлена на обеспечение ресоциализации осужденных. Так, невозможно управлять исполнением наказания, осуществляя пенитенциарную политику в целом без получения информации по каналам обратной связи, без отчета о проделанной работе в местах лишения свободы.

Функция обеспечения организации исполнения наказания направлена на обеспечение исполнения приговоров судов к лишению свободы в виде тюремного заключения в исправительно-арестантском отделении, ссылки на каторгу, ссылки на поселение. В новой модификации исправительных учреждений в соответствии с законом от 11 декабря 1879 г. структурно-функциональными закономерностями выступает связь элементов уголовно-правового комплекса, тюремного режима, пенитенциарно-педагогической деятельности.

Вводимый элемент «попечение о арестантах» в Устав о содержащихся под стражей в систему пенитенциарно-педагогического воздействия на осужденных, являющийся функциональной основой карательно-воспитательного процесса, стал отражением исправительного принципа содержания исполнения наказания. Цель учреждения попечения о арестантах в соответствии со ст. 67 Устава состоит в обеспечении их всем необходимым (питание, одежда, обувь)¹⁰. Практическая оптимизация реализации попечения об арестантах создает методологические возможности

ти в реализации карательного исправительного, филантропического направлений в пенитенциарно-педагогической деятельности. Их соотношение свидетельствует о некоторых общих структурно-функциональных закономерностях, отражающих в первую очередь функцию обеспечения организации исполнения наказания. Историко-генетическая связь элементов попечительства и их юридическое закрепление говорит о динамике перехода тюремной системы в новое качественное состояние. При этом законодатель имеет в виду, что административно-правовая сторона тюремной жизни находится в целом в компетенции начальника тюрьмы, а деятельность попечительства специализируется исключительно на элементе филантропическом. Такое уточнение относительно попечительства связано прежде всего с тем, что в ряде случаев оно входило в прерогативу администрации исправительного учреждения и соответственно утрачивала прежний частный ее характер.

Как закономерный процесс перехода от филантропического периода пенитенциарной политики к уголовно-политическому он связан с отмиранием одних элементов, появлением новых и совершенствованием других в уголовно-пенитенциарном законодательстве. Так, была отмечена архаичная форма сбора средств для арестантов, направляемых в ссылку, путем получения милостыни от населения.

Организация исполнения наказания как функция по обеспечению исправления арестантов в связи с филантропическим и исправительным направлениями пенитенциарной политики имеет тенденцию к изменению условий содержания арестантов в сторону их смягчения, сокращения общего объема запретов и ограничений. В соотношении между долгосрочными и краткосрочными наказаниями суд отдает предпочтение последнему. Тюремное заключение является гибким, изменяемым видом наказания, применяемым к осо-

бенностям каждого деяния как по продолжительности, так и по отношению к содержанию.

Структурно-функциональный анализ нормативных предписаний уголовно-правовой кары и мер пенитенциарного воздействия на осужденных показал, что исправительные учреждения, устроенные по принципу срочности, становятся инструментом моделирования попечения об арестантах. Представляется, что положительным следствием этого становится предлагаемая модель исполнения наказания, в которой попечение об арестантах способно принести устраивающие общество пенитенциарные результаты.

Идея попечительства об арестантах, выдвигнутая правительственными комиссиями по преобразованию тюремной системы, способствует проведению эффективной пенитенциарной политики. Институт исправительных наказаний в современных исторических условиях приобретает новую роль – воспитательную. Иным стал и институт уголовных наказаний. В нем карательный элемент в виде продолжительного принудительного труда сочетается с исправительным.

Таким образом, связь элементов уголовно-пенитенциарного права отражает глубинную историческую логику наказаний, протекающих в сфере исполнения, и методологически является отражением сложности образующейся структуры функционирования пенитенциарной политики, направленной на предупреждение правонарушений. В связи с появлением новых институтов права, таких как арестантский труд, духовно-нравственное воздействие на арестантов, надзор и охрана, возникает необходимость осуществления централизованного специфического государственного управления. Актуальность управленческой деятельности в сфере обеспечения организации исполнения наказаний выдвигает ее в качестве приоритетных направлений пенитенциарной политики.

Список использованной литературы

- ¹ Стевенс И. Одиночные тюрьмы в Бельгии, их физическая и нравственная гигиена. М., 1903. С. 75.
- ² Познышев С. В. Основные вопросы учения о наказании. М., 1904. С. 363.
- ³ См.: Саломон А. П. Тюремное дело в России. СПб., 1980. С. 30.
- ⁴ Люблинский П. Н. Очерки уголовного суда и наказания современной Англии. СПб., 1911. С. 515.
- ⁵ Нерсисянц В. С. Историческое и логическое в познании государства и права // Методологические проблемы советской юридической науки. М., 1980. С. 164.
- ⁶ См.: Алексеев В. И. Специально-юридические методы в исследовании пенитенциарной политики в XIX – начале XX века. Ч. I. // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2012. № 5. С. 29.
- ⁷ См.: ГАРФ. Ф. 122. Оп. 6. Д. 55. Л. 223.
- ⁸ См.: Свод учреждений и уставов о содержащихся под стражей // Свод законов Российской империи. СПб., 1890. Т. 14. С. 132.
- ⁹ См.: Там же. С. 138, 140.
- ¹⁰ См.: Там же. С. 114.

Статья рекомендована к опубликованию научно-экспертным советом академии, протокол от 24 января 2014 г. № 1.

RETROSPECTIVE ANALYSIS OF PRISON STAFF TRAINING ABROAD AND USE OF THIS EXPERIENCE IN IMPERIAL RUSSIA

Аннотация: в статье рассматриваются вопросы использования зарубежного опыта организации образовательной деятельности в первых отечественных государственных учебных заведениях по профессиональной подготовке отечественного пенитенциарного персонала, раскрывается роль в решении данной проблемы Второго международного тюремного конгресса и Главного тюремного управления России.

Ключевые слова: пенитенциарный персонал, профессиональная подготовка, история организации учебных заведений.

Annotation: in the article the author considers some issues of use of foreign experience within organization of educational activity in the first domestic state educational institutions for vocational training of penal staff, reveals the role of the 2nd International Prison Congress and the Head Prison Department of Russia in the solution of this problem.

Key words: penal staff, vocational training, background of establishment of educational institutions.

**ДЕНИС
ВЛАДИМИРОВИЧ
ВОЛОШИН***

РЕТРОСПЕКТИВНЫЙ АНАЛИЗ ПОДГОТОВКИ ТЮРЕМНОГО ПЕРСОНАЛА ЗА РУБЕЖОМ И ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЭТОГО ОПЫТА В ЦАРСКОЙ РОССИИ

Совершенствование подготовки пенитенциарного персонала на современном этапе характеризуется глубинным поиском новых и возрождением ранее не востребованных образовательных и воспитательных идей. В связи с этим актуализируется проблема обращения исследователей к организации первых государственных учебных заведений по подготовке пенитенциарного персонала в России.

Изучение научных и архивных источников показало, что в начале XX в. отечественный опыт подготовки пенитенциарного персонала был минимальный¹, что вполне обоснованно поставило специалистов Главного тюремного управления (далее – ГТУ) перед необходимостью обратиться к изучению подобных вопросов в зарубежных странах. Обобщенный и осмысленный иностранный опыт был положен в основу отечественной модели подготовки пенитенциарного персонала и ее практической апробации, хотя за рубежом международные пенитенциарные деятели активно заговорили о необходимости подготовки пенитенциарного персонала еще в 1878 г. на Втором Международном тюремном конгрессе в Стокгольме².

Согласно докладу Главного инспектора тюрем в Италии Мартино Бельтрани-Скалия³ теоретическое обоснование учреждения специальных школ по подготовке тюремного персонала выступило «как необходимая потребность преобразования тюремного дела» еще в XVIII в. Однако почва общественного и государствен-

* Кандидат педагогических наук, старший преподаватель кафедры организации оперативно-розыскной деятельности (Томский институт повышения квалификации работников ФСИН России)
E-mail: sdflll@sibmail.com.

ного осознания для принятия этой мысли была мало подготовлена, и ее практическая реализация началась лишь в 1850 г. с учреждением в г. Люнебурге (ФРГ) школы для подготовки тюремных надзирателей. За 9 лет ее существования было подготовлено 127 надзирателей (то есть в среднем всего 14 человек в год), однако большинство из них оказали на практике большую услугу и пользу тем местам заключения, в которых им пришлось применять свои знания.

Второе аналогичное учреждение начало функционировать в 1867 г. в Бельгии, фактически привив обществу вопрос о необходимости учреждения специальных школ для профессионального образования тюремного персонала.

К моменту проведения Второго международного тюремного конгресса подобные учреждения имелись в Германии, Бельгии, Швеции, Швейцарии и Италии. Причем в последней «это заведение устроено так хорошо, что может служить образцом всему свету»⁴. Открытая в 1873 г. в Риме Центральная школа находилась в ведении Итальянской тюремной администрации. Образовательный процесс осуществляли 83 директора (по существу, преподаватели). Он складывался примерно из 6 часов классных занятий, плюс полтора часа на военные и гимнастические занятия (физическую подготовку), столько же отводилось ученикам для отдыха, а «остальное время они посвящают практическим занятиям под руководством директоров»⁵. Последнее, по нашему мнению, соответствует современной терминологии – самостоятельная подготовка (саморазвитие, самообразование обучающихся) под педагогическим контролем и с помощью преподавателя.

Срок обучения определялся в 6 месяцев. Характерной образовательной особенностью выступало отсутствие практического знакомства с тюремным делом, ведь все занятия проводились непосредственно в учебном заведении.

Именно отсутствие практико-ориентированного обучения, отрыв теоретической подготовки от возможности закрепить полученные знания, умения и навыки в практической деятельности под руководством преподавателя или наставника из числа практических работников в наше время выглядит педагогически неверным и несостоятельным. Однако в описываемый период надзиратели, прошедшие курс подготовки в школе, выгодно отличались от прежних надзирателей, что еще раз подтверждало необходимость профессиональной подготовки пенитенциарного персонала.

О необходимости подготовки говорил и известный русский юрист Н. С. Таганцев: «...ныне считается желательным, чтобы все члены тюремного персонала, в особенности более высшие, кроме общего образования получали специальную подготовку при тюрьмах»⁶.

М. Бельтрани-Скалия, признавая необходимость специальной подготовки для высшего тюремного персонала, считал, что такая подготовка тем более нужна для тюремных надзирателей, которых необходимо подготавливать для работы в тюрьмах различного вида, так как заключенные в рабочий дом требуют другого надзора, чем находящиеся в следственной тюрьме, земледельческой колонии. Подобное разделение программ подготовки, учитывающих специфику отбывания наказания в исправительных учреждениях, в настоящее время широко используется для подготовки специалистов российской пенитенциарной системы. Профессиональная подготовка надзирателей в специальных школах должна осуществляться в 2 этапа: первый – продолжительностью до 4 месяцев, проводится для подготовки в тюрьмах всех видов. В этот период учащиеся занимаются изучением теории, так как они еще не знакомы с делом. Второй этап – практический, предполагает для учащихся откомандирование в ту тюрьму, в которую они определяются на службу сроком на 2–4 месяца с обязанностью «посвящать свое время практическим занятиям». На наш взгляд, второй образовательный период соответствует современному понятию «стажировка», то есть ограниченная по времени работа вновь принятого сотрудника для приобретения опыта практической деятельности по своей специальности.

Следует отметить, что в резолюции отделения Конгресса, изучавшего вопрос подготовки тюремного персонала, принятой большинством голосов, содержались положения, частично не потерявшие свою актуальность и в наше время. Так, в принятом документе отмечалась необходимость теоретической и практической подготовки перед окончательным определением тюремных смотрителей на службу.

Однако с этими решениями был категорически не согласен полномочный представитель от правительства России К. К. Грот*, находив-

* Член Государственного совета Российской империи, статс-секретарь. В 1877 г. под его руководством была образована особая комиссия по тюремной реформе, завершившаяся созданием в 1879 г. единого государственного органа управления отечественной пенитенциарной системой – ГТУ.

ший ненужным устройство специальных школ для подготовки тюремных надзирателей, хотя на Втором Международном тюремном конгрессе неоднократно отмечалось, что в России такие учебные заведения отсутствуют, а тюрьмы подчиняются людям, мало способным для этого. Именно этим обстоятельством объясняется, что представители ГТУ все же не остались в стороне от общеевропейской тенденции по подготовке пенитенциарного персонала, основные образовательные концепции которой планировалось использовать при организации подобных учреждений в России. На основе изучения зарубежных пенитенциарных образовательных моделей специалисты ГТУ выделили две преобладающие на тот момент: *прусская образовательная модель* пенитенциарных курсов была направлена на ознакомление в течение 12–14 дней тюремных служащих, прокуроров и судей с новейшими достижениями в теории и практике пенитенциарного дела и представляла в современном восприятии теоретическое ознакомительное обучение с опорой на общепенитенциарные проблемы и поиски способов их решений; *французская образовательная модель* была более прагматичной и практико-ориентированной, ставившей жесткое условие успешного прохождения обучения на пенитенциарных курсах для любых соискателей должности в тюремной администрации или чиновников, уже состоящих на службе и желающих повышения по службе⁷. Так юридически закреплялся действенный педагогический алгоритм: начало службы в пенитенциарном учреждении – только через первоначальную подготовку, дальнейшее продвижение по службе – только через повышение квалификации.

В последующем аналогичные отечественные учреждения организовывались на основе обеих описанных образовательных моделей, с доминированием основных положений французской, составившей костяк формируемой российской. Практическая апробация началась позднее первых аналогичных европейских школ более чем на полвека. В 1910 г. были рассмотрены законопроекты об учреждении в Санкт-Петербурге Высших тюремных курсов (получавших также название «курсы тюрьмоведения») и школы старших тюремных надзирателей, а в Москве – школы тюремных надзирательниц. Тем самым положено начало государственной системы подготовки пенитенциарного персонала в России.

Принципы работы Высших тюремных курсов строились на ежегодных съездах «известного числа начальников мест заключения и их

помощников, в видах приготовления их к занятию в будущем более ответственных должностей по тюремной администрации»⁸. На курсы также допускались сторонние лица, желающие подготовиться к тюремной службе и окончившие высшие или средние учебные заведения. В связи с тем что курсы тюрьмоведения рассматривались как педагогическая база для профессиональной подготовки управленческого тюремного персонала, преимущественно зачисления на них из сторонних лиц пользовались имеющие высшее юридическое образование или состоящие на действительной военной службе в офицерском чине, причем за последними сохранялось денежное довольствие по месту службы.

Таким образом, из общего числа поступающих на курсы тюрьмоведения определялись две совершенно разные группы будущих обучающихся: во-первых, это лица, уже занимающие штатные должности в ГТУ; во-вторых, лица, желающие поступить на работу в пенитенциарное ведомство. Если для действующего руководителя или его заместителя (помощника) курсы рассматривались прежде всего как возможность собственного карьерного роста через повышение своей квалификации, то соискатели должностей посредством курсов фактически проходили первоначальную профессиональную подготовку и, овладев знаниями, умениями и навыками пенитенциарной деятельности, вполне могли конкурировать при назначении на управленческие (административные) должности с претендентами – кадровыми сотрудниками ГТУ, не имеющими подобного образования.

Налицо проявлялась доминанта французской модели пенитенциарного образования, а также, скорее всего, была выражена воля законодателя на формирование кадрового резерва пенитенциарного ведомства, где курсы тюрьмоведения рассматривались как один из основных источников.

Число слушателей на курсах определялось начальником ГТУ ежегодно, а выпуск надзирательских школ планировался в количестве 100 надзирателей и 25 надзирательниц в год⁹.

Учебная программа курсов тюрьмоведения, рассчитываемая на срок до 1,5 месяца, по представлению начальника ГТУ утверждалась министром юстиции Российской империи. Такой же порядок устанавливался для приглашения лиц, выступавших перед слушателями с лекциями или проводивших практические занятия. Образовательная деятельность на курсах осуществлялась сочетанием практических и лекционных занятий, а программа обучения вклю-

чала в себя: начала уголовного права и учение о наказании; краткую историю и сравнительный анализ различных пенитенциарных систем; элементарные понятия по психологии и психопатологии; изложение в общих чертах начал государственного устройства России с более подробными объяснениями организации судебной и тюремной частей; тюремное строительство и хозяйство (строительная часть, тюремная гигиена, продуктовое и вещевое довольствие, арестантские работы, тюремная статистика и т. д.)¹⁰.

Первые занятия на Высших тюремных курсах в Санкт-Петербурге начались 1 марта 1912 г., то есть только через треть века после знаменательного Второго Международного тюремного конгресса.

Школы для подготовки кандидатов на должности старших тюремных надзирателей в Санкт-Петербурге и надзирательниц в Москве были учреждены Законом от 13 июля 1913 г. и начали функционировать 1 сентября того же года¹¹.

Однако руководство ГТУ шло в своих планах гораздо дальше, чем лишь курсовая подго-

товка квалифицированного руководящего персонала пенитенциарного ведомства. Курсы тюрьмоведения рассматривались как начальная ступень (возможно, в качестве опытно-экспериментальной педагогической площадки) для создания в будущем первого отечественного высшего пенитенциарного учебного заведения.

Изучение зарубежного опыта организации учебных заведений по профессиональной подготовке пенитенциарного персонала и его экспликация на отечественное образовательное пространство через сочетание теоретического обучения с практической деятельностью в пенитенциарном учреждении, возможность карьерного роста только после повышения квалификации и формирование кадрового резерва на управленческие (административные) должности определило характерную особенность российской (дореволюционной), советской и современной образовательных моделей профессиональной подготовки персонала не только отечественной пенитенциарной, но и всей правоохранительной системы.

Список использованной литературы

¹ В 1899 г. в Москве была открыта первая в России казенная школа тюремных надзирательниц, хотя и не оказавшая, на наш взгляд, заметного системного влияния на отечественную пенитенциарную систему и подготовившая за 11 лет своего существования лишь 58 надзирательниц, но по праву ставшая родоначальником сложившейся впоследствии отечественной системы подготовки пенитенциарного персонала. См. подробнее: Волошин Д. В. Становление и развитие дополнительного профессионального образования сотрудников пенитенциарной системы России: историко-педагогические аспекты : монография. Томск, 2006.

² До указанной даты вопрос об организации специальных образовательных учреждений по профессиональной подготовке пенитенциарного персонала поднимался в 1870 г. на Национальном пенитенциарном конгрессе в Цинциннати (США). См.: Обзор преобразований по тюремной части при новых законодательных установлениях (1906–1912) // Тюрем. вестн. 1912. № 10. С. 1597.

³ См.: Второй международный тюремный конгресс (Стокгольм, авг. 1878 г.) / сост. Э. И. Мишле. СПб., 1878. С. 85–89.

⁴ Там же. С. 59.

⁵ Там же. С. 58.

⁶ Таганцев Н. С. Русское уголовное право: лекции: Часть общая: в 2 т. Т. 2 / сост. и отв. ред. Н. И. Загородников. М., 1994. С. 252.

⁷ См.: Опыт систематических чтений по тюрьмоведению при Главном тюремном управлении // Тюрем. вестн. 1912. № 6–7. С. 1205–1206.

⁸ Введение к Отчету по Главному тюремному управлению за 1910 г. // Там же. № 5. С. 6.

⁹ См.: Там же. С. 3.

¹⁰ См.: Опыт систематических чтений по тюрьмоведению при Главном тюремном управлении.

¹¹ См.: Тюремный вестник. 1913. № 6–7. С. 900.

Статья рекомендована к опубликованию научно-экспертным советом академии, протокол от 25 апреля 2014 г. № 4.

**CORRESPONDENCE OF PRISONERS OF WAR
AND INTERNED PERSONS IN THE USSR (1939–1956)**

Аннотация: в статье анализируется проблема организации переписки военнопленных и интернированных Второй мировой войны в СССР. Особое внимание уделяется рассмотрению порядка переписки, организации политического и оперативного контроля за ее содержанием, использованию переписки как инструмента пропаганды.

Ключевые слова: Вторая мировая война, СССР, военнопленные и интернированные, переписка.

Annotation: in the article the author analyses the problem of organization of correspondence of prisoners of war and interned persons of World War II in the USSR. The author pays particular attention to the order of correspondence, the organization of political and operating control over its contents and the use of correspondence for propaganda.

Key words: World War II, USSR, prisoners of war and interned persons, correspondence.

**АЛЕКСАНДР
ЛЕОНИДОВИЧ
КУЗЬМИНЫХ***

**ОРГАНИЗАЦИЯ ПЕРЕПИСКИ
ВОЕННОПЛЕННЫХ
И ИНТЕРНИРОВАННЫХ
В СССР (1939–1956 гг.)**

Советским Союзом в годы Второй мировой войны было пленено и интернировано свыше 5,5 млн иностранных граждан, из них примерно 4,5 млн были помещены в места постоянного или временного содержания, для чего была сформирована система органов и учреждений в составе Наркомата (Министерства) внутренних дел, объединенная в рамках Управления по делам военнопленных и интернированных (УПВ-ГУПВИ НКВД-МВД СССР).

Согласно Временной инструкции о порядке содержания военнопленных в лагерях НКВД от 28 сентября 1939 г. каждому военнопленному предоставлялось право отправлять и получать по одному письму в месяц¹. Вся входящая и исходящая корреспонденция в обязательном порядке проходила цензуру. Письма, в которых содержалась запрещенная информация (местонахождения лагеря, охрана и режим, смертность и т. п.), подлежали конфискации. За попытку нелегальной отправки писем пленный лишался права переписки на два месяца, а при повторном случае – привлекался к административной ответственности².

Возможность писать домой и получать известия с родины пленные получили не сразу. В адрес лагерных властей и руководства НКВД неоднократно направлялись прошения с просьбой установить контакт с Международным комитетом Красного Креста и организовать обмен корреспонденцией с семьями. 20 ноября 1939 г. после многочисленных обращений со стороны поляков НКВД официально разрешил переписку. В марте 1940 г. в связи с подготовкой расстрельной акции контингента Козельского, Осташков-

* Кандидат исторических наук, доцент,
доцент кафедры философии и истории
(Вологодский институт права и экономики ФСИН России)
E-mail: editor62@yandex.ru.

ского и Старобельского лагерей переписка вновь была запрещена³.

Чтобы оказать давление на лагерные власти в возобновлении переписки, оставшиеся в живых польские офицеры, сосредоточенные в Грязовецком лагере, по инициативе генерала Е. Т. Волковицкого решились на голодовку. В конце сентября 1940 г. НКВД разрешил полякам переписку. Письма, полученные от родных, выселенных в Казахстан, описывающие их тяжелое материальное положение, усилили негативное отношение пленных к советской власти. Политический эффект от организации переписки оказался минимальным.

В годы Великой Отечественной войны переписка пленных с родственниками преследовала в основном пропагандистские цели. По заданию 7-го отдела Главного политуправления РККА в лагерях отбирались письма пленных, в которых говорилось о бесперспективности дальнейшего продолжения войны и неминуемом поражении немецкой армии. Письма должны были показать, что военнослужащие вермахта, попавшие в советский плен, живы и здоровы⁴.

После окончания войны советское руководство принимает решение об организации регулярной почтовой связи пленных с родственниками. Первоначально право переписки было предоставлено военнопленным итальянцам, что было оформлено соответствующей Инструкцией⁵. 13 июля 1945 г. нарком внутренних дел СССР Л. П. Берия утвердил Инструкцию о порядке переписки военнопленных немцев, австрийцев, венгров и румын с их семьями, проживавшими в Германии, Австрии, Венгрии и Румынии⁶.

Пленным разрешалось отправлять не более одной карточки в месяц, заполненных разборчивым почерком, причем обязательно чернилами. Возможность отправить дополнительное письмо на родину получали лица, показывавшие высокие производственные результаты, а также представители антифашистского актива. За систематическое нарушение лагерного режима пленные лишались права переписки на срок от одного до трех месяцев.

В тексте письма разрешалось сообщать только информацию о себе, в том числе о состоянии здоровья, бытовых условиях, политических настроениях. Запрещалась информация о других пленных, в том числе умерших, о местах дислокации лагерей, поэтому пленные на почтовой открытке указывали другой адрес, например, СССР, Москва, Красный Крест, почтовый ящик № 150, военнопленному (фамилия, имя). Номер лагеря (спецгоспиталю) являлся номером почтового ящика.

На просмотренных письмах ставился оттиск «Проверено военной цензурой». После прохождения цензуры корреспонденция через почтовые отделения направлялась в 8-ю экспедицию Главного почтамта (г. Москва) без взыскания почтовых сборов в пакетах с надписью «Корреспонденция военнопленных»⁷. На Главпочтамте корреспонденция сортировалась по странам и направлялась в Германию, Австрию, Венгрию или Румынию. Отправка писем в другие государства категорически запрещалась.

Организация переписки в первый послевоенный год была сопряжена с многочисленными трудностями. Бланки почтовых открыток рассылались в лагеря с запозданием, а после заполнения подолгу задерживались органами военной цензуры и в отделениях связи. К тому же часть писем вследствие неточно указанного адреса или невнимательности работников почты поступала в другие лагерные подразделения.

Ввиду того что переписке военнопленных с семьями придавалось большое политическое значение, МВД СССР в апреле 1946 г. обязало свои территориальные органы выявить и устранить все нарушения в этой области. Начальники лагерей обязывались выделить специального сотрудника, отвечавшего за прием, проверку, учет и отправку корреспонденции. Срок цензурирования почтовых отправлений устанавливался от трех до пяти дней.

На 1 сентября 1946 г. пленными были отправлены на родину 11 824 460 писем и открыток, из них в Германию – 9 067 160, Венгрию – 1 153 600, Румынию – 928 900, Австрию – 674 800. За этот период в адрес военнопленных поступило 10 463 100 писем и открыток, в том числе из Германии – 7 847 700, Венгрии – 1 255 632, Австрии – 688 134, Румынии – 671 634.

В сентябре 1946 г. в связи с предстоящими выборами в советской оккупационной зоне Германии ЦК ВКП(б) обращает внимание на переписку военнопленных как мощный пропагандистский инструмент для поддержания угодных Москве политических сил⁸. Предполагалось, что установление регулярной переписки со своими мужьями позволит привлечь на сторону Социалистической единой партии Германии женщин, составлявших большинство избирателей. Соответствующими указаниями из ЦК МВД предписывалось, чтобы каждый пленный раз в месяц в обязательном порядке отсылал открытку своей семье; была достигнута договоренность о скорейшем прохождении корреспонденции военнопленных; цензорские пункты

укомплектовывались квалифицированными переводчиками, которые должны были осуществлять проверку писем в течение 48 часов с момента их получения⁹.

Принятые меры позволили оживить переписку. Всего за 1946 г. военнопленные отправили на родину 19 618 100 открыток, а получили от родных 25 375 700, в том числе из Германии – 19 046 775. Одновременно органами МВД осуществлялся сбор писем и приветствий военнопленных, адресованных их родственникам, для передачи по радио, а также для публикации в газетах, издаваемых Главным управлением Вооруженных сил СССР для населения Германии, Австрии, Венгрии и Румынии. В письмах нередко содержался прямой призыв к поддержке местных компартий. Так, немец И. Кумердорф писал своей жене из лагеря № 82 (Воронежская обл.): «Чем скорее в Германии установится покой и порядок на демократической основе и чем скорее будет искоренена фашистская партия, тем скорее возвратимся мы, военнопленные, на родину и сможем обеспечить наше будущее. Поэтому выбирайте кандидатов от Социалистической единой партии Германии, этим вы можете нам и себе»¹⁰.

В июле 1946 г. в целях противодействия распространявшимся в Японии слухам о невыносимых условиях жизни военнопленных в Советском Союзе на уровне высшего руководства страны принимается решение о разрешении переписки между пленными японцами и их семьями. Отправка писем за границу осуществлялась через Владивостокский почтамт. В отличие от военнопленных западных национальностей японцам разрешалось отправлять одно письмо раз в три месяца.

В конце 1946 г. контроль за организацией переписки был передан из оперативных отделов (отделений) в ведение политотделов лагерей. Раздача почтовых открыток, сбор заполненных бланков и вручение пленным писем возлагались на политинструкторский состав и антифашистский актив.

В целях контроля за содержанием писем, отправляемых за границу и поступающих из-за границы, территориальные МВД-УМВД обязывались регулярно информировать центр, приводя в докладных записках наиболее характерные выдержки как положительного, так и отрицательного содержания. При этом письма являлись источником, содержащим информацию не только о положении в лагерях, но и о ситуации в странах, в которых проживали родственники военнопленных.

В справке министра внутренних дел СССР С. Н. Круглова сообщалось, что с января по ок-

тябрь 1947 г. через цензорское отделение УМВД Приморского края отправлено за границу 547 233 письма пленными японцев. За это же время из-за границы на адреса военнопленных было получено 258 908 писем, в том числе из Японии – 257 119, Маньчжурии, Кореи и Южного Сахалина – 1789. В процессе просмотра исходящей корреспонденции было выявлено писем с положительными отзывами: 65 % – о Советском Союзе, 17 % – о питании и содержании в лагерях, 10 % – о демократическом движении и коммунистической партии Японии. Писем отрицательного характера (недовольство условиями содержания и питания в плену) – 2,8 %.

Желание военнопленных сообщить правду о своем положении приводило к попыткам нелегальной переписки. При обысках репатриантов систематически изымались рамки для фотографий, портсигары, шкатулки с двойным дном и прочие предметы, посредством которых на родину переправлялись письма. Некоторые иностранцы использовали технику тайнописи. Например, один из немцев ответы на вопросы о питании, условиях жизни и местоположении лагеря давал специальными символами, после чего его переписка была взята под особый контроль¹¹.

Посредством переписки некоторые узники войны пытались добиться освобождения из плена. По поступавшим в МВД СССР данным, в ряде лагерей военнопленные и интернированные осуществляли нелегальную переписку с иностранными посольствами в Москве, которым высылали ходатайства о получении иммиграционных виз для выезда за границу, восстановления иностранного подданства и т. п.

В свою очередь, пытаясь ускорить репатриацию пленных, их родственники направляли соответствующие прошения в адрес руководителей советского государства. Нередко на имя начальника того или иного лагеря или спецгоспиталя приходили письма, в которых иностранные граждане интересовались, не содержится ли в данном учреждении их сын, брат, муж и т. д. Распоряжением от 29 мая 1947 г. № 320сс МВД СССР категорически запретило отвечать на подобного рода просьбы. Одновременно сотрудникам политотделов лагерей поручалось разъяснить военнопленным, чтобы они уведомили родственников о соблюдении порядка переписки и предупредили их о том, что письма неустановленного образца будут изыматься¹².

В 1948 г. пленные получили право отправлять закрытые письма. Это нововведение преследовало цель усилить оперативный контроль за их настроениями. По данным ГУПВИ, за первый

квартал 1948 г. пленными (за исключением японцев) было послано на родину 333 628 закрытых писем. Их просмотр показал, что большинство из них положительно отзывались о Советском Союзе и условиях жизни в лагерях¹³.

Корреспонденция, поступавшая в адрес ликвидированных лагерей, подлежала уничтожению. Что касается иностранцев, осужденных военными трибуналами и содержащихся в исправительно-трудовых лагерях, то их переписка была запрещена распоряжением МВД СССР от 12 июня 1947 г. № 370сс. 23 ноября 1949 г. был введен запрет на переписку всех категорий осужденных и подследственных военнопленных¹⁴.

В октябре 1950 г. МВД СССР разрешило переписку осужденным немецким военнопленным. В апреле 1952 г. право отправлять письма на родину получили осужденные японские военнопленные и интернированные. Наконец, в июле 1953 г.

снимается запрет на переписку остальных осужденных иностранных граждан¹⁵. Всего через пункты военной цензуры НКВД-МВД СССР за период с 1945 по 1950 гг. прошло 59 447 284 письма военнопленных и интернированных и 131 771 062 письма, написанных их родственниками.

Таким образом, переписка являлась важным инструментом политической работы с военнопленными и интернированными. Она, во-первых, улучшала микроклимат и атмосферу в лагерях, так как давала возможность иностранцам общаться с родными и близкими, во-вторых, позволяла следить за настроениями узников войны, что повышало эффективность политической и оперативной работы, в-третьих, была важным аргументом СССР перед международным сообществом, доказывающим соблюдение Советским государством принципов международного права.

Список использованной литературы

¹ См.: Кузьминых А. Л. Международное право и «узники войны»: проблема правовой защиты военнопленных и интернированных лиц // Преступление, наказание, исправление : вестн. ВИПЭ ФСИН России. 2012. № 4 (20). С. 77–80.

² См.: Сидоров С. Г. Военнопленные и интернированные в СССР. 1939–1956 гг. : связь с родиной // Вестн. Волгоград. гос. ун-та. Сер. 4 : История. Философия. Волгоград, 1998. Вып. 3. С. 30.

³ См.: Катынь: пленники необъявленной войны : документы и материалы / под ред. Р. Пихои, А. Гейштора. М., 1999. С. 152; Сидоров С. Г. Указ. соч. С. 37–38.

⁴ См.: Коносов В. Б. Судьбы немецких военнопленных в СССР: дипломатические, правовые и политические аспекты проблемы : очерки и документы. Вологда, 1996. С. 114.

⁵ См.: Архив Управления Министерства внутренних дел Российской Федерации по Вологодской области (далее – Архив УМВД России по ВО). Ф. 6. Оп. 1. Д. 463. Л. 330–332.

⁶ См.: Русский архив. Великая Отечественная. Иностранцы военнопленные Второй мировой войны в СССР. С. 221–224.

⁷ См.: Там же. Ф. 6. Оп. 1. Д. 463. Л. 396–396 об.; Д. 472. Л. 126–126 об.

⁸ См.: СССР и германский вопрос. 1941–1949 : документы из архива внешней политики Российской Федерации : в 3 т. М., 2000. Т. 2. С. 537, 801.

⁹ См.: Архив УМВД России по ВО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 474. Л. 219–220; Д. 477. Л. 14–15 об.; Костенецкий А. В. Военнопленные в СССР : связь с родиной и возвращение домой // Проблемы военного плена: история и современность. Вологда, 1997. Ч. 2. С. 144.

¹⁰ Главное управление по делам военнопленных и интернированных НКВД-МВД СССР. 1941–1952: отчетно-информационные документы и материалы. Сер. Военнопленные в СССР. / под ред. М. М. Загорюлько. Волгоград, 2004. Т. 4. С. 281.

¹¹ См.: Архив УМВД России по ВО. Д. 36. Л. 153 об.

¹² См.: Там же. Ф. 6. Оп. 1. Д. 508. Л. 126; Д. 509. Л. 224.

¹³ См.: Костенецкий А. В. Указ. соч. С. 326.

¹⁴ См.: Архив УМВД России по ВО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 510. Л. 11; Костенецкий А. В. Указ. соч. С. 308, 336, 779–780.

¹⁵ См.: Русский архив. Великая Отечественная. Иностранцы военнопленные... С. 342–343, 546–550; Военнопленные в СССР... С. 785–786, 792–796.

Статья рекомендована к опубликованию научно-экспертным советом академии, протокол от 28 марта 2014 г. № 3.

EDUCATIONAL WORK WITH PRISONERS IN WESTERN SIBERIA DURING THE NEW ECONOMIC POLICY PERIOD

Аннотация: в статье на основе нормативно-правовых актов центральных и местных органов власти, архивных материалов, опубликованных источников анализируется специфика воспитательной работы с заключенными на территории Западной Сибири в 20-х годах XX века, рассматриваются элементы воспитательной работы (привлечение к труду, начальное образование, формирование профессиональных навыков, политическое, атеистическое и эстетическое воспитание заключенных).

Ключевые слова: пенитенциарная система, воспитательная работа с заключенными, новая экономическая политика, Западная Сибирь.

**ЕГОР
ГЕННАДЬЕВИЧ
МИХЕЕНКОВ***

ВОСПИТАТЕЛЬНАЯ РАБОТА С ЗАКЛЮЧЕННЫМИ В ПЕНИТЕНЦИАРНОЙ СИСТЕМЕ НА ТЕРРИТОРИИ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В ЭПОХУ НЭПА

Annotation: in article the author analyses the specifics of educational work with prisoners in Western Siberia in the twentieth years of the past century on the basis of normative legal acts of the central and local authorities, archival materials and published sources, considers the elements of educational work (involvement in labour, primary education, formation of professional skills, political, atheistic and esthetic education of prisoners).

Key words: penal system, educational work with prisoners, the New Economic Policy, Western Siberia.

Период, связанный с переходом к новой экономической политике (нэп), с реализацией пенитенциарных принципов в процессе отбывания наказаний, применения принципа экономии репрессий как в уголовном, так и в исправительно-трудовом законодательстве, существенно отличался от предшествующего периода военного коммунизма и от последующего периода сталинских политических репрессий.

Впервые в центр воспитательной работы в рассматриваемый период был поставлен комплекс мер воздействия на личность заключенного. Процесс перевоспитания преступников виделся в обязательном привлечении к труду как мере исправительно-трудового воздействия. В. А. Уткин отмечает: «Исправительную роль в местах заключения призван был играть преимущественно производительный, оплачиваемый труд, направленный не только на «приучение к труду», но и на приобретение осужденными профессиональных навыков. Культурно-просветительная работа охватывает общеобразовательное, профессиональное обучение, политическое и нравственное воспитание. Минимум школьного образования – ликвидация общей и политической неграмотности»¹.

Именно получение заключенными профессиональных навыков было определяющим условием их последующей ресоциализации. Статья 51 Исправительно-трудового кодекса РСФСР 1924 г. (ИТК РСФСР) указывала на то, что «занятие

* Кандидат исторических наук, доцент,
научный сотрудник

(Томский институт повышения квалификации работников ФСИН России)

E-mail: MEGASV74@mail.ru.

заключенных работами имеет воспитательно-исправительное значение, ставя своей целью приучить их к труду и, обучив какой-либо профессии, дать им тем самым возможность по выходе из места заключения жить трудовой жизнью». Несмотря на определенные трудности, ГУМЗ НКВД РСФСР и администрации исправительных учреждений на местах к концу 1924 г. удалось создать 1291 мастерскую кустарного типа с самым разнообразным производством, из которых 113 приближалось к фабрично-заводским предприятиям².

Не являлись исключением из правил и пенитенциарные учреждения Западной Сибири. Так, в Томском исправительно-трудовом доме к 1922 г. успешно действовали сапожная, шорная, портняжная и переплетные мастерские, выполнялись различного рода кузнечно-слесарные работы, производилась выделка кож³. Позднее в аренду исправительно-трудовому дому был сдан кожевенный завод. Кроме того, к концу 1922 г. была создана химическая лаборатория, снабжавшая канцелярскими принадлежностями практически все государственные учреждения губернии⁴.

Согласно данным Сибирского карательного отдела, к концу 1921 г. в местах лишения свободы Омской губернии функционировало до 70 мастерских, а также действующий при Омском доме лишения свободы мыловаренный завод⁵. В последующие годы в местах лишения свободы Омской губернии были открыты типография и электростанция⁶.

В связи с расширением производства следовало бы ожидать и существенного увеличения профессионально подготовленных рабочих из числа заключенных, однако этого не произошло по ряду причин: во-первых, потому, что места лишения свободы Западной Сибири в большинстве своем не располагали необходимой производственной базой для обучения; во-вторых, профессиональное обучение требовало дополнительных материальных ресурсов, которыми большинство пенитенциарных учреждений не обладали; в-третьих, на процессе профессионального обучения негативно сказывалась определенная «текучесть осужденных», связанная как со сравнительно небольшими сроками лишения свободы, так и с проведением масштабных амнистий, условно-досрочным освобождением из мест лишения свободы.

Одним из первых документов, регламентирующих культурно-просветительскую работу с заключенными, становятся Правила внутреннего распорядка в местах заключения, утвержденные 30 июня 1920 г. ЦКО НКЮ. Отдельная

глава Правил была отведена организации учебно-воспитательного дела, а для осуществления руководства деятельностью воспитателей и преподавателей в пенитенциарных учреждениях вводилась должность заведующего учебно-воспитательной частью. К воспитателям предъявлялись особые требования: образование не ниже среднего, специальная пенитенциарная подготовка, практическое знание режима мест лишения свободы.

Утвержденное Постановлением НКЮ от 15 ноября 1920 г. Положение об общих местах заключения в РСФСР в значительной степени детализировало понятие «учебно-воспитательное дело», разделяя последнее на культурно-просветительскую и учебную работу.

Общее руководство возлагалось на начальников мест заключения, а непосредственное — на заведующих учебно-воспитательной частью, в функции которых входили контроль над организацией и проведением школьных занятий, постановка культурно-просветительской работы, руководство деятельностью воспитателей.

На неграмотных и малограмотных заключенных, не достигших 50-летнего возраста, дополнительно возлагалась обязанность посещения школьных занятий, для проведения которых в каждом учреждении предписывалось организовывать специальные помещения.

Отметим, что вопросам обучения осужденных, и прежде всего ликвидации безграмотности среди них, в рассматриваемый период уделялось значительное внимание. В 1923 г. ГУМЗ НКВД РСФСР разослал на места циркуляр, посвященный вопросам обучения заключенных. В зависимости от уровня грамотности они разделялись на три разряда: грамотные, малограмотные и неграмотные. Первые две категории осужденных подлежали обучению в течение трех месяцев по двенадцать часов в неделю. Категория неграмотных при той же недельной нагрузке подлежала обязательному обучению в течение шести месяцев. При этом именно на ликвидацию неграмотности среди осужденных был направлен основной вектор культурно-просветительской работы. ГУМЗ НКВД РСФСР подчеркивал, что обучение остальных категорий осужденных возможно лишь при наличии средств.

Пенитенциарные учреждения на территории Западной Сибири при проведении воспитательной работы столкнулись с рядом проблем. Прежде всего это касалось подбора квалифицированного персонала на должности учителей, воспитателей и культурных организаторов (руководителей кружков, драматических студий, оркестров и т. д.),

что в условиях массового кадрового голода в Сибири было сделать весьма непросто.

Своеобразный выход из ситуации был найден Сибирским революционным комитетом, санкционировавшим своей Инструкцией от 18 августа 1920 г. использование заключенных, имевших необходимый образовательный ценз и выразивших свое согласие на работу в качестве учителей и воспитателей в пенитенциарных учреждениях. Назначение и увольнение учителей исходило от губернского карательного отдела не иначе как по представлению коллегии места заключения. Подобная практика проводилась и в соседних регионах, например в Тюмени⁷. Это снижало эффективность проводимой воспитательной работы и противоречило действующим нормативно-правовым актам.

Другой проблемой пенитенциарных учреждений являлся недостаток средств, что было более ощутимо при переходе в 1923 г. большинства учреждений на финансирование из местных бюджетов. Во всех без исключения учреждениях региона не хватало бумаги, пишущих принадлежностей, учебников. Наконец, в немалой степени эффективность воспитательной работы зависела от расторопности и заинтересованности представителей местных органов власти, что в условиях становления командно-административной системы играло далеко не последнюю роль.

На законодательном уровне задачи, формы и методы культурно-просветительской работы были определены гл. 3 ИТК РСФСР 1924 г. Статья 83 этого Кодекса определяла задачу культурно-просветительской работы «в поднятии интеллектуального уровня и гражданского развития заключенных путем сообщения им как общеобразовательных, так и профессиональных знаний, а также ознакомления с основами Советского строя и правами и обязанностями гражданина Союза ССР»⁸.

Культурно-просветительская работа с осужденными разделялась на школьную и внешкольную (ст. 82). Минимум школьной работы состоял в ликвидации общей и политической неграмотности (ст. 92). Внешкольная работа предусматривалась в форме лекционной, клубной, библиотечной и кружковой работы (ст. 94). Отдельно подчеркивалось, что в местах лишения свободы силами заключенных устраивались концерты, спектакли, литературные вечера и пр. (ст. 95).

Было бы неверным сводить культурно-просветительскую работу с заключенными лишь к школьному образованию, оставляя в стороне вопросы мировоззренческого характера. «Единокобразие тюремной жизни действует угнета-

ющим образом на психику заключенного: наша задача держать мысль заключенного все время в движении, не давать апатии захватить его, возбуждать интерес к себе, обществу и политической жизни. С этой целью... необходима организация лекций, чтений, художественного, политического воспитания. Кроме того, надо помнить, что человек живет не только мыслью, но и чувствами. Поэтому мы не должны забывать и этой отрасли и всеми мерами развивать интерес заключенных к искусству и культуре»⁹.

Показательным в этом отношении был Томский дом принудительных работ. В июне 1920 г. в нем было начато устройство театра на 300 мест. Артисты, техники, художники, оформители из среды заключенных сумели подготовить программу уже к 17 июля 1920 г.¹⁰ Популярность театра бурно развивалась у публики: в 1922 г. силами театра было дано 7 оперных и 55 драматических спектаклей. В репертуар входили оперы «Фауст», «Борис Годунов», «Аскольдова могила». Драматические спектакли ставились по произведениям Н. В. Островского, А. П. Чехова, А. И. Куприна и др. Было подготовлено 17 концертов, на которых исполнялись произведения Грига, Листа, Бетховена, Шопена, Мусоргского и других композиторов¹¹. Отметим, что многие из заключенных вряд ли знали о существовании данных произведений до момента попадания в места лишения свободы.

Культурно-просветительская работа не замыкалась в стенах пенитенциарных учреждений. В отчете о деятельности Новосибирского исправительно-трудового дома № 2 с июня 1926 по 1 января 1927 г. отмечалось: «Хороший струнный оркестр заключенных, который неоднократно давал концерты по радио, получил общественное название «Великорусского струнного оркестра». Клуб исправительно-трудового дома привлек внимание публики, для которой устраивались почти еженедельно платные постановки»¹².

В начале 20-х годов во всех пенитенциарных учреждениях региона были созданы библиотеки. Более 3000 книг насчитывалось в библиотеке Томского дома заключения. Чтение книг в местах лишения свободы пользовалось устойчивым спросом среди заключенных. В среднем число читателей библиотеки Томского дома заключения в первом полугодии 1923 г. составляло от 486 до 500 человек.

В целях вовлечения большего количества заключенных в культурно-просветительскую работу ГУМЗ НКВД РСФСР требовал от местных органов управления местами лишения свободы исполнения Инструкции 1926 г. «Камер-

ным и коридорным культурникам в местах заключения РСФСР». Культурники избирались заключенными, как правило, на срок до трех месяцев, по истечении которого их состав обновлялся. Они были обязаны распространять произведения печати среди заключенных, своевременно производить обмен книг, привлекать новых читателей в библиотеки пенитенциарных учреждений, руководить их чтением по индивидуальным программам¹³.

ИТК РСФСР предусматривал создание культурно-просветительских комиссий из числа заключенных, действующих под председательством заведующего учебно-воспитательной частью либо назначаемого им учителя-воспитателя. В соответствии со ст. 91 ИТК РСФСР они получали право принятия решения об издании журналов, газет, различного содержания сборников для заключенных. По подсчетам исследователей, в 1920-х годах в Сибири издавалось 17 наименований газет и журналов пенитенциар-

ных учреждений¹⁴. Выпускаемые издания становились инструментом политической агитации.

Сопоставляя проводимую воспитательную работу с заключенными в дореволюционный период с периодом нэпа, отметим, что сформировавшаяся модель советского периода была более эффективна. Если в дореволюционной России основной акцент делался на нравственном исправлении лиц, опираясь лишь на религиозное воздействие и привлечение их к труду, то в рассматриваемый период труд, обязательное начальное образование, получение профессиональных навыков, усвоение заключенными политико-мировоззренческих аспектов, повышение их общего культурного уровня в значительно большей мере способствовало их последующей ресоциализации, своеобразной «включенности» в советское общество. Заложенные в эпоху нэпа принципы воспитательной работы с заключенными найдут свое отражение в исправительно-трудовой системе Советского государства 1970–1980-х годов.

Список использованной литературы

- ¹ Уткин В. А. Наказание и исправительно-трудовое воздействие. Томск, 1984. С. 28.
- ² См.: Кузьмин С. И. Аналитический обзор деятельности мест заключения РСФСР в период с 1917 по 1930 год // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2013. № 11. С. 37.
- ³ См.: Сметы местных доходов и расходов по Томской губернии (губернских, городских и уездных) на 1922–1923 бюджетный год. Томск, 1922. С. 86–87.
- ⁴ См.: Государственный архив Новосибирской области (ГАО) Ф. 467. Оп. 1. Д. 106. Л. 8.
- ⁵ См.: Там же. Д. 94. Л. 67.
- ⁶ См.: Кузьмина А. С. Становление исправительно-трудовых учреждений Сибири (1917–1924 гг.) : учеб. пособие. Омск, 1980. С. 73.
- ⁷ См.: Усманова Ф. Р. История становления и развития советской пенитенциарной системы в Тюменском регионе : дис. ... канд. ист. наук. Тюмень, 2004. С. 173.
- ⁸ См.: Об утверждении Исправительно-трудового кодекса РСФСР: постановление ВЦИК от 16 октября 1924 г. // Собр. узаконений РСФСР. 1924. № 86. Ст. 870.
- ⁹ ГАО. Ф. 467. Оп. 1. Д. 97. Л. 41.
- ¹⁰ См.: Кузьмина А. С. Указ. соч. С. 81.
- ¹¹ См.: Уйманов В. Н. Пенитенциарная система Западной Сибири (1920–1941 гг.) : монография. Томск, 2011. С. 104–106.
- ¹² См.: Быков А. В. Становление и развитие пенитенциарной системы в Западной Сибири в 1920-е годы : монография. Омск, 1980. С. 172–174.
- ¹³ См.: Пайчидзе С. А., Потапов М. Г. Книга в местах лишения свободы : монография. Новосибирск, 2006. С. 89, 137–140.
- ¹⁴ См.: Потапов М. Г. Книга в пенитенциарных учреждениях Сибири. 20-е годы XX века : дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2003. С. 49–50.

Статья рекомендована к опубликованию научно-экспертным советом академии, протокол от 25 апреля 2014 г. № 4.

УДК 343.8
ББК 67.409.17
П12

P.A. PAVLOV*

Вектор управления

THE SYSTEM OF FUNCTIONS OF DETENTION CENTERS

Аннотация: в статье анализируются цели, задачи деятельности следственного изолятора, обосновывается необходимость и предлагается классификация функций следственного изолятора.

Ключевые слова: следственный изолятор, цели, задачи, функции следственного изолятора.

Annotation: in the article the author analyses the goals and tasks of pre-trial detention centers, explains the necessity and offers classification of functions of pre-trial detention centers.

Key words: pre-trial detention center, goals, tasks, functions of a pre-trial detention center.

В настоящее время в сферу исполнения меры уголовно-процессуального пресечения в виде заключения под стражу, а значит, и деятельности следственных изоляторов (СИЗО), вовлечено большое количество людей. Управлению организации деятельности тюрем и следственных изоляторов ФСИН России подведомственны 230 СИЗО и 108 помещений, функционирующих в режиме следственного изолятора. В СИЗО содержится более 110 тыс. подозреваемых, обвиняемых и осужденных, более 40 тыс. человек проходят службу или работают в данных учреждениях¹.

Правовую основу деятельности следственного изолятора составляют: Конституция Российской Федерации, Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации, Федеральный закон «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений», Закон Российской Федерации «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы», нормативные правовые акты Российской Федерации, конституция или устав, а также иные нормативные правовые акты субъектов Российской Федерации, принятые в пределах их полномочий, нормативные правовые акты Минюста России, Федеральной службы исполнения наказаний, территориального органа уголовно-исполнительной системы (УИС) и Положение о следственных изоляторах уголовно-исполнительной системы Российской Федерации.

В соответствии со ст. 8 Федерального закона от 15 июля 1995 г. № 103-ФЗ «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» следственные изоляторы уголовно-исполнительной системы предназначены для содержания подозреваемых

**ПЕТР
АЛЕКСАНДРОВИЧ
ПАВЛОВ***

СИСТЕМА ФУНКЦИЙ СЛЕДСТВЕННОГО ИЗОЛЯТОРА

* Преподаватель кафедры организации оперативно-розыскной деятельности (Академия ФСИН России)
E-mail: editor62@yandex.ru.

и обвиняемых, в отношении которых в качестве меры пресечения избрано заключение под стражу².

Положение о следственном изоляторе уголовно-исполнительной системы Минюста России (утв. приказом Минюста России от 25 января 1999 г. № 20, далее – Положение) уточняет, что «следственные изоляторы предназначены для содержания подозреваемых и обвиняемых (подсудимых и осужденных) в совершении преступлений, в отношении которых в качестве меры пресечения применено заключение под стражу, а также для исполнения уголовного наказания в виде лишения свободы в отношении осужденных, оставленных для выполнения работ по хозяйственному обслуживанию»³.

В следственный изолятор для участия в следственных действиях, судебном разбирательстве и передачи конвою для отправки к месту назначения принимаются подозреваемые и обвиняемые, поступающие, как правило, с территории субъекта Российской Федерации по мотивированному постановлению (определению) следователя, лица, производящего дознание, санкционированного прокурором, прокурора или по мотивированному определению суда (судьи), а также следующие транзитом в другие подразделения УИС.

Основными задачами следственного изолятора, определенными Положением, являются:

- создание условий, исключающих возможность подозреваемым и обвиняемым, содержащимся под стражей, скрыться от следствия или суда, а осужденным к лишению свободы и смертной казни – уклониться от отбывания наказания;
- осуществление мер, препятствующих попыткам подозреваемых и обвиняемых помешать установлению истины по уголовному делу;
- обеспечение правопорядка и законности в следственном изоляторе, безопасности подозреваемых и обвиняемых, а также персонала, должностных лиц и граждан, находящихся на его территории;
- обеспечение соблюдения прав и законных интересов подозреваемых и обвиняемых;
- организация жизнедеятельности следственного изолятора, а также развитие и укрепление его материально-технической базы и социальной сферы.

Следственный изолятор для выполнения стоящих перед ним задач осуществляет ряд функций.

«Функция» – широко распространенное понятие, применяемое в философии, биологии, математике и других науках. Функции любой деятельности (с позиций правоприменения и социального управления) характеризуют ту или иную

активность взаимодействия субъекта и объекта. Для эффективного, целостного управления они должны образовать единый комплекс, характеризующий всю полноту, весь спектр взаимодействия субъекта и объекта. Функции занимают одно из центральных мест в деятельности следственного изолятора как довольно сложной системы.

Функция представляет собой обязанность, круг деятельности, назначение, роль. Данное понятие используется во всех областях знаний и во всех сферах деятельности. В социально-экономических системах понятие «функция» также широко применяется к системе в целом, объекту и субъекту управления, отдельным подсистемам и видам деятельности. Функции занимают особое место в системе менеджмента и играют ключевую роль в ее формировании⁴.

Раздел 3 Положения определяет функции следственного изолятора. Данный перечень является весьма исчерпывающим, так как содержит 32 (!) пункта, которые в представленном виде не классифицированы, очевидно, в целях удобства и простоты правоприменения на практике. Тем не менее в названии раздела говорится о том, что данный перечень – лишь основные функции и подразумевается наличие второстепенных, дополнительных, обеспечивающих и т. п. Считаем необходимым в целях научной разработки проблемных аспектов деятельности следственных изоляторов привести указанное многообразие его функций в определенную систему.

Анализ предписанных законом и иными нормативными актами целей, задач СИЗО, а также средств их достижения позволяет (не принимая во внимание иные, на наш взгляд, избыточные, классификации) все функции СИЗО разделить по содержанию (основание для классификации) на основные, то есть непосредственно направленные на достижение первоочередных целей СИЗО, и обеспечивающие, призванные создать условия для выполнения основных.

В свою очередь, основные функции можно сгруппировать на функции, направленные: на обеспечение изоляции; обеспечение участия подозреваемых и обвиняемых в уголовном судопроизводстве; обеспечение правопорядка и безопасности лиц, содержащихся под стражей, и персонала учреждения; оказание содействия в раскрытии и расследовании преступлений. Обеспечивающие функции можно разделить по следующим направлениям: материально-техническое, кадровое и иное обеспечение для осуществления основных функций следственного изолятора; обеспечение

исполнения уголовных наказаний в виде лишения свободы в отношении лиц, оставленных в СИЗО для хозяйственного обслуживания; обеспечение воспитательного и профилактического воздействия на лиц, содержащихся под стражей; обеспечение взаимодействия структурных подразделений следственного изолятора с органами государственной власти и местным самоуправлением по вопросам обеспечения деятельности следственного изолятора.

Содержание конкретных задач, входящих в указанные группы, вытекает из норм законодательных и иных источников, регламентирующих деятельность следственных изоляторов. Например, для обеспечения изоляции подозреваемых и обвиняемых администрация СИЗО использует комплекс средств правового, организационного, технического и иного обеспечения: инженерно-технические, в том числе фортификацион-

ные, сооружения; осуществление круглосуточной охраны; использование инженерно-технических средств охраны и надзора; организация режима и надзора; взаимодействие (внешнее и внутреннее) структурных подразделений СИЗО, в том числе с органами государственной власти и местного самоуправления и другими субъектами обеспечения правопорядка, осуществление оперативно-розыскной деятельности и другие.

Вполне очевидно, что данная классификация также является в известной (для гуманитарных, в том числе юридических наук) степени условной и напрямую на правоприменение влияния не оказывает и имеет ценность, на наш взгляд, преимущественно для научной разработки проблем функционирования рассматриваемых учреждений, для применения более системного, научно обоснованного подхода к оптимизации их деятельности.

Список использованной литературы

¹ По состоянию на 01.03.2014. URL: <http://fsin.su/structure/inspector/iao/statistika>.

² См.: Собрание законодательства Российской Федерации. 1995. № 29. Ст. 2759.

³ См.: Российская газета. 1999. 18 марта.

⁴ См.: Бирман Л. А. Общий менеджмент. М., 2009. С. 127.

Статья рекомендована к опубликованию научно-экспертным советом академии, протокол от 28 марта 2014 г. № 3.

УДК 343.4
ББК 67.408.112
Б69

A.G. BLINOV*

LEGAL MECHANISM OF PREVENTION OF CRIMINAL INFRINGEMENT OF THE RIGHTS AND FREEDOMS OF A PATIENT, ITS REALIZATION

Аннотация: на основе сформулированных в доктрине уголовного права определений понятия предупреждения преступлений в статье обосновывается дефиниция реализации уголовно-правового механизма предупреждения преступных посягательств на права и свободы пациента; конкретизируются субъекты, призванные воплотить его в жизнь, темпоральные параметры действия предлагаемой правовой конструкции.

Ключевые слова: задачи уголовного закона, предупреждение преступлений, медицинский работник, пациент.

Annotation: on the basis of definitions of crime prevention, which are formulated in the doctrine of the criminal law, the author explains the realization of legal mechanism of prevention of criminal infringement of the rights and freedoms of a patient, concretizes the subjects, which have to realize it, and the temporal parameters of functioning of the offered legal scheme.

Key words: tasks of criminal law, crime prevention, medical worker, patient.

**АЛЕКСАНДР
ГЕОРГИЕВИЧ
БЛИНОВ***

УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ МЕХАНИЗМ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ПРЕСТУПНЫХ ПОСЯГАТЕЛЬСТВ НА ПРАВА И СВОБОДЫ ПАЦИЕНТА И ЕГО РЕАЛИЗАЦИЯ

В соответствии с действующим законодательством обеспечение прав и свобод пациента уголовно-правовыми средствами реализуется в двух относительно самостоятельных направлениях. Первое – предполагает удержание правоисполнителей в лице медицинских работников от посягательств на правовой статус больного под неперсонифицированной угрозой привлечения к уголовной ответственности. Второе – характеризуется применением мер уголовно-правового воздействия к лицам, пренебрегшим обязанностью воздерживаться от совершения общественно опасных деяний против пациента. Если вопросы, связанные с определением понятия механизма уголовно-правовой охраны прав и свобод пациента и форм его реализации, получили освещение в литературе¹, то уголовно-правовой механизм предупреждения преступных посягательств на правовой статус пациента еще не становился объектом исследования.

В уголовно-правовом обеспечении прав и свобод пациента отечественный законодатель немаловажную роль отводит задаче предупреждения преступлений медицинских работников. Наделение уголовного закона указанной задачей способствует формированию целостного представления о механизме удержания правоисполнителей от совершения общественно опасных посягательств на соответствующие объекты. Ее рассмотрение в формате принуждения конкретного медицинского работника к правомерному поведению позволяет обнару-

* Кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права
(Саратовская государственная юридическая академия)
E-mail: Blinovag2008@yandex.ru.

жить новые инструменты активной защиты прав и свобод пациента.

Осмысление проблемы реализации уголовно-правового механизма предупреждения преступных посягательств на права и свободы пациента усложняется отсутствием системных исследований данного уголовно-правового явления. Во многом это связано с тем, что действующее уголовное законодательство не располагает нормами, раскрывающими суть предупреждения преступлений. Законодатель всего лишь провозглашает в качестве самостоятельной задачи Уголовного кодекса РФ предупреждение преступлений (ч. 1 ст. 2 УК РФ), а также называет цели наказания, к числу которых наряду с восстановлением социальной справедливости и исправлением осужденного относится предупреждение совершения ими новых преступлений (ч. 2 ст. 43 УК РФ). При этом он не разъясняет механизм реализации предупреждения преступлений, ставя тем самым новую задачу перед уголовно-правовой наукой.

В уголовно-правовой литературе предупреждение преступлений чаще всего характеризуется как удержание от совершения общественно опасного деяния лица, склонного к противоправному поведению. Предупредительный эффект уголовного закона, по мнению большинства ученых, достигается в двух относительно самостоятельных направлениях². Первое включает в себя предупреждение совершения новых преступлений со стороны осужденных (частная или специальная превенция). Оно обеспечивается посредством применения наказания или иных мер уголовно-правового характера к лицам, ранее игнорировавшим уголовно-правовой запрет. Частное (специальное) предупреждение криминальных деяний носит персонализированный характер. Второе направление охватывает предотвращение совершения преступления другими гражданами, достигшими возраста уголовной ответственности (общая превенция). Оно не имеет конкретного адресата. Решение задачи общего предупреждения достигается самим фактом действия уголовного закона, оказывающим воздействие на сознание неустойчивого в своих нравах и поступках человека.

Иное видение содержания уголовно-правовой задачи предупреждения преступлений предлагает Б. Т. Разгильдиев. По мнению ученого, предупреждение преступлений осуществляется в отношении граждан, наделенных процессуальным статусом обвиняемого, подсудимого и осужденного. Его суть выражается в

персонализированном уголовно-правовом воздействии на сознание и волю лиц, которые в силу своей преступной асоциальности угрожают продолжением преступной деятельности. Задача предупреждения совершения новых преступлений начинается реализовываться с момента привлечения субъекта в качестве обвиняемого и завершается снятием или погашением судимости³.

Позиция Б. Т. Разгильдиева выглядит предпочтительнее. Она позволяет провести раздельную линию между охранительной и предупредительной задачами, стоящими перед уголовным законодательством. Если решение уголовно-правовой задачи по охране интересов личности, общества, государства, мира и безопасности человечества от преступных посягательств обеспечивается посредством возложения на граждан обязанности по воздержанию от совершения преступления, то предупредительная составляющая уголовного закона реализуется привлечением к ответственности лица, виновного в совершении общественно опасного действия (бездействия). При этом уголовно-правовая охрана не персонализирована не только по объекту, но и по субъекту. Обязанность по воздержанию от нарушения предписаний уголовно-правовых норм распространяется на всех вменяемых лиц, достигших возраста уголовной ответственности, в то время как решение задачи предупреждения преступлений обеспечивается индивидуально определенным лицом, пренебрегшим уголовно-правовой обязанностью не совершать преступления.

Предупредительная задача уголовного закона на стадии привлечения лица в качестве обвиняемого проявляется в устранении условий, способствовавших совершению преступления. Она реализуется избранием меры пресечения, предусмотренной уголовно-процессуальным законодательством. Отдавая предпочтение одной из мер процессуального принуждения, правоприменитель исходит из того, что человек с высокой долей вероятности нарушил уголовно-правовую норму. При этом имеются достаточные основания полагать, что обвиняемый может совершить новое преступление. Личность правоисполнителя, однажды нарушившего уголовно-правовую обязанность по воздержанию от совершения преступления, характеризуется повышенной опасностью и нуждается в дополнительном контроле со стороны государства.

Отдельные перечисленные в ст. 98 УПК РФ меры пресечения по объему ограничений прав и свобод человека близки к содержанию уголовного наказания. В частности, подписка о

невыезде (ст. 102 УПК РФ) и домашний арест (ст. 107 УПК РФ) имеют общие черты с ограничением свободы (ст. 53 УК РФ). Их применение ограничивает человека в свободе передвижения, за ним осуществляется контроль. С некоторой осторожностью превентивной формой уголовной ответственности можно назвать заключение под стражу (ст. 108 УПК РФ). Для указанной меры уголовно-процессуального принуждения характерны признаки, свойственные лишению свободы на определенный срок (ст. 56 УК РФ). Тесную связь заключения под стражу с мерами уголовно-правового характера признает сам законодатель, засчитывая время содержания обвиняемого под стражей до судебного разбирательства в сроки лишения свободы, принудительных работ, содержания в дисциплинарной воинской части, ареста, ограничения свободы, исправительных работ, ограничения по военной службе, обязательных работ (ч. 3 ст. 72 УК РФ).

Аккумулируя изложенные суждения, можно сформулировать определение реализации уголовно-правового механизма предупреждения преступных посягательств на права и свободы пациента. Под реализацией уголовно-правового механизма предупреждения преступных посягательств на права и свободы пациента понимается осуществление медицинским работником и правоприменителем своего уголовно-правового статуса, обеспечивающее удержание медицинского работника, обвиняемого в совершении преступления, от повторного посягательства на права и свободы пациента.

Из содержания предложенной дефиниции следует, что задача предупреждения преступных посягательств на права и свободы пациента носит персонифицированный характер. Она реализуется посредством предъявления обвинения медицинскому работнику, пренебрегшему обязанностью по воздержанию от совершения преступления, признания его виновным в посягательстве на основы правового статуса пациента и исполнения назначенного судом наказания. Исходя из этого несложно определить временные границы действия уголовно-правового механизма предупреждения преступных посягательств на права и свободы пациента. Начало его реализации связывается с предъявлением конкретному медицинскому работнику обвинения в совершении общественно опасного деяния, которым причинен вред либо создана реальная угроза его причинения правомерным интересам пациента. Действие уголовно-правового механизма предупреждения преступ-

ных посягательств на права и свободы пациента продолжается до момента погашения или снятия судимости с медицинского работника. С наступлением указанных событий потенциал предупредительной задачи уголовного закона исчерпывает себя. Затем включается в действие механизм уголовно-правовой охраны прав и свобод пациента.

В рамках реализации уголовно-правового механизма предупреждения преступных посягательств на права и свободы пациента на правоприменителей и правоисполнителей возлагаются определенные обязанности. Правоприменители дают объективную уголовно-правовую оценку поведению медицинского работника, нарушившего предписания норм уголовного права, разъясняют обвиняемому существо предъявленного обвинения, назначают вид и размер наказания, соответствующий характеру и степени совершенного преступления. В свою очередь, медицинский работник обязан подвергнуться уголовной ответственности, возместить потерпевшему вред, причиненный неисполнением либо некачественным исполнением профессиональных функций. Неотвратимость уголовной ответственности служит фактором, предупреждающим медицинского работника о недопустимости совершения нового преступления против прав и свобод пациента. При этом ничего не меняется, если он освобождается от уголовной ответственности по нереабилитирующим основаниям. В судебной практике чаще всего медицинские работники освобождаются от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием⁴, примирением с потерпевшим⁵, по амнистии⁶. Освобождение от уголовной ответственности по указанным основаниям предполагает, что соответствующие лица признаны виновными в совершении преступления против прав и свобод пациента. Последующее позитивное поведение правоисполнителей свидетельствует об устранении опасности для интересов пациента. Последнее обстоятельство служит доказательством реализации задачи уголовного закона в части предупреждения совершения новых преступлений. В дальнейшем действует уголовно-правовой механизм охраны прав и свобод пациента.

Сущность механизма реализации уголовно-правового предупреждения преступных посягательств на права и свободы пациента заключается в создании оптимальных условий по применению норм уголовного закона к медицинским работникам, проявившим пренебрежительное отношение к профессиональному и пра-

вовому статусу. Подобные условия для воплощения в жизнь уголовно-правовых предписаний формируются посредством разработки научно обоснованных рекомендаций по квалификации

общественно опасных деяний и совершенствования уголовного законодательства, применение норм которого должно способствовать восстановлению нарушенных прав и свобод пациента.

Список использованной литературы

¹ См.: Блинов А. Г. Понятие и формы реализации уголовно-правового механизма охраны прав и свобод пациента // Вестн. Орлов. гос. ун-та. 2013. № 6. С. 18–21; Его же. Уголовно-правовой механизм охраны прав и свобод пациента и его структурные компоненты // Преступность, уголовная политика, уголовный закон : сб. науч. тр. / под ред. Н. А. Лопашенко. Саратов, 2013. С. 167–183.

² См.: Пудовочкин Ю. Е., Пирвагидов С. С. Понятие, принципы и источники уголовного права: сравнительно-правовой анализ законодательства России и стран Содружества Независимых Государств. СПб., 2003. С. 66; Уголовное право России. Общая часть / под ред. Ф. Р. Сундурова, И. А. Тарханова. М., 2009. С. 22–24.

³ См.: Уголовное право России : курс лекций : в 6 т. / под ред. Б. Т. Разгильдиева. Саратов, 2004. Т. 1. Кн. 1. С. 114–117.

⁴ См.: Постановление Благовещенского городского суда Амурской области от 20 июля 2012 г. по уголовному делу № 1-712/12 // Архив Благовещенского городского суда Амурской области за 2012 г.; Постановление Южно-Сахалинского городского суда от 30 июля 2012 г. по уголовному делу № 1-386/12 // Архив Южно-Сахалинского городского суда за 2012 г.

⁵ См.: Приговор Усольского районного суда Пермского края от 28 декабря 2010 г. по уголовному делу № 10-8/2010 АП // Архив Усольского районного суда Пермского края за 2010 г.; Постановление Боровского районного суда Калужской области от 17 мая 2012 г. по уголовному делу № 1-73/2012 // Архив Боровского районного суда Калужской области за 2012 г.

⁶ См.: Постановление Кормиловского районного суда Омской области от 14 января 2014 г. по уголовному делу № 1-2/2014 // Архив Кормиловского районного суда Омской области за I квартал 2014 г.

Статья рекомендована к опубликованию научно-экспертным советом академии, протокол от 16 мая 2014 г. № 5.

УДК 343.293
ББК 67.408.032
Б91

A.N. BURCHIKHIN*

ENSURING PRISONERS' RIGHTS AT CONDITIONAL EARLY RELEASE

Аннотация: в статье рассматриваются типичные и часто встречающиеся нарушения при предоставлении осужденным условно-досрочного освобождения, предлагаются пути их минимизации, анализируются проблемы обеспечения их прав и законных интересов при условно-досрочном освобождении.

Ключевые слова: условно-досрочное освобождение, нарушение прав и законных интересов осужденных, судебный контроль.

Annotation: in article the author considers the typical and often meeting violations at conditional early release, offers the ways of their minimization, analyses the problems of ensuring prisoners' rights and legitimate interests at conditional early release.

Key words: conditional early release, violation of prisoners' rights and legitimate interests, judicial control.

**АНТОН
НИКОЛАЕВИЧ
БУРЧИХИН***

ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПРАВ ОСУЖДЕННЫХ ПРИ УСЛОВНО-ДОСРОЧНОМ ОСВОБОЖДЕНИИ

Институт условно-досрочного освобождения в научных кругах вызывает бурные дискуссии, поскольку в рассматриваемой теме существует масса проблемных вопросов, которые необходимо решать как на доктринальном, так и на законодательном уровне¹. Одним из таких вопросов является проблема обеспечения прав осужденных при условно-досрочном освобождении.

Осужденный выступает в качестве субъекта уголовно-процессуальных правоотношений после вступления обвинительного приговора в законную силу. В теории и практике сложился некий правовой стереотип, что лицо, получившее статус осужденного, рассматривается в основном только в качестве объекта исправительно-карательного воздействия, что, по нашему мнению, несправедливо.

В связи с существующей проблемой необходимо разработать современную концепцию обеспечения прав осужденных при рассмотрении вопросов, связанных с исполнением приговора, в том числе условно-досрочным освобождением. При существующих правовых гарантиях продолжают нарушаться права и законные интересы осужденных как субъектов уголовно-процессуальных правоотношений.

Мы считаем, что для качественной реализации прав и законных интересов осужденного, который обладает и процессуальным статусом, при применении к нему условно-досрочного освобождения необходимы следующие условия:

– законодательная регламентация прав осужденного в УПК РФ;

* Кандидат юридических наук,
начальник кафедры криминологии
и организации профилактики преступлений
(Академия ФСИН России)
E-mail: buranchik2008@rambler.ru.

– судебная защита, которая включала бы в себя одновременно как особую форму правосудия, так и судебный контроль;

– наличие прокурорского надзора за законностью действий должностных лиц и принимаемых решений;

– закрепление в уголовно-процессуальном законе ситуаций, когда при решении вопроса об изменении правового статуса осужденного присутствие адвоката или защитника будет являться обязательным;

– участие в судебном заседании, наряду с обязательными участниками процесса, общественных правозащитных организаций, в том числе уполномоченного по правам человека.

Кроме того, при обеспечении прав и законных интересов осужденного при применении к нему условно-досрочного освобождения необходимо наличие беспристрастного судебного разбирательства с участием широкого круга лиц, занимающихся уголовно-процессуальной деятельностью. При этом судебное разбирательство должно строиться на принципах законности, уважения чести и достоинства личности, охраны прав и свобод личности, а также соблюдения ее законных интересов, состязательности сторон, презумпции исправления осужденного, обеспечения осужденному права на защиту, принципах непосредственности, свободы оценки доказательств, гласности.

Для обеспечения прав и свобод осужденного, его законных интересов при условно-досрочном освобождении при рассмотрении вопроса об изменении его правового статуса необходимо, чтобы судебное производство возбуждалось по определенным основаниям, которыми могут быть заявление или ходатайство осужденного либо представление администрации исправительного учреждения, поданное в суд; соблюдение законодательной процедуры подготовки материалов к судебному заседанию, назначения судебного заседания и проведение судебного заседания; обжалование решений суда (определений, постановлений), не вступивших в законную силу; качественное исполнение судебных решений; обжалование приговоров, вступивших в законную силу в надзорном порядке.

При решении вопроса об условно-досрочном освобождении осужденного в судебном заседании должны участвовать осужденный, прокурор, администрация исправительного учреждения и защитник (адвокат) при условии, если осужденный заявил соответствующее ходатайство. Кроме того, если адвокат участвует в судебном заседании, то он должен выступать в

качестве защитника, причем как самостоятельный и независимый субъект процесса, который занимает активную позицию, строго отстаивает права и свободы, а также законные интересы осужденного.

Для обеспечения прав осужденного при применении к нему условно-досрочного освобождения в качестве гарантии реализации его прав следует также определить конкретные сроки принятия решения об установлении судебного заседания и рассмотрении вопросов, связанных с условно-досрочным освобождением.

Рассмотрение вопроса о данном юридическом институте предполагает, чтобы обстоятельства, подлежащие доказыванию по указанному делу, были следующие: как осужденный соблюдал порядок и условия отбывания наказания, допускал ли нарушения, стремился ли к исправлению и психологической коррективке своей личности, а также другие обстоятельства, которые свидетельствуют о его активной позиции.

В юридической литературе бытует мнение, что для обеспечения законных прав осужденных, в том числе при условно-досрочном освобождении, необходимо закрепить правовой принцип презумпции исправления осужденного, суть которого сводится к тому, что назначенное наказание должно соответствовать характеру и степени опасности совершенного преступления², а если суд выносит обвинительный приговор, то он должен прийти к выводу о том, что для достижения целей наказания необходимо установить определенное количество правоограничений, а администрация исправительного учреждения, в свою очередь, может дополнить такие ограничения, если посчитает осужденного злостно уклоняющимся от отбывания наказания, или принять соответствующие меры в пользу осужденного, который положительно характеризуется путем внесения в суд соответствующего представления. Все неясности или сомнения, которые возникнут в ходе судебного заседания, должны толковаться в пользу осужденного.

Как было указано, в качестве гарантий обеспечения прав осужденных при условно-досрочном освобождении выступает судебный контроль. В связи с этим суд должен быть полномочен: при поступлении ходатайства осужденного или представления администрации исправительного учреждения возбуждать уголовно-процессуальную деятельность, рассмотреть данные материалы и решить вопрос о подсудности указанных материалов, а также направлять осужденному копии представления администрации ИУ; изучать материалы; возвращать

материалы для восполнения информации и устранения недостатков тем, кто стал инициатором производства по данному делу, поскольку они препятствуют рассмотрению вопроса об условно-досрочном освобождении; истребовать по своей инициативе дополнительные сведения, которые необходимы для принятия решения; назначать судебное заседание и законным образом уведомлять участников судебного заседания и пр.

Гарантией обеспечения прав осужденных при условно-досрочном освобождении является также прокурорский надзор³. Для обеспечения прав осужденных и реализации полномочий прокурора необходимо его обязательное участие в судебном заседании. Полагаем, что для целей обеспечения прав осужденных в рассматриваемом вопросе, прокурор должен обладать следующими полномочиями: по собственной инициативе вносить в суд представления о рассмотрении и разрешении вопросов, связанных с исполнением приговора; направлять предварительное

заключение о целесообразности применения условно-досрочного освобождения, в котором он должен обращать внимание осужденного и администрации исправительного учреждения на законность подаваемых ходатайств и представлений и, особенно, их сроков. Прокурор должен быть уверен в том, что осужденный надлежащим образом проинформирован о своих правах, о своем процессуальном положении и пр.

Следует отметить, что для качественного обеспечения прав и свобод осужденного при условно-досрочном освобождении администрация исправительного учреждения должна являться не третьей стороной в процессе, а самостоятельным процессуальным субъектом, который имел бы право обжаловать принятые судебные решения.

В целях усиления обеспечения прав осужденных необходимо также, чтобы адвокат, который выступает в качестве защитника, имел более широкий круг полномочий и расширенные процессуальные возможности, чем в настоящее время.

Список использованной литературы

¹См.: Руднев В. И. Некоторые вопросы рассмотрения судами ходатайств об условно-досрочном освобождении от отбывания наказания // Комментарий судебной практики / под ред. К. Б. Ярошенко. М., 2013. Вып. 18. С. 138–147; Бабаян С. Л. Проблемы совершенствования поощрительного института условно-досрочного освобождения от отбывания наказания // Рос. судья. 2012. № 9. С. 9–12; Рузевич О. Р., Симагина Н. А. Уголовно-правовой аспект условно-досрочного освобождения и проблемы его применения в России // Рос. следователь. 2012. № 12. С. 31–34; Бутенко Т., Петров М. Некоторые вопросы применения условно-досрочного освобождения от отбывания наказания в виде лишения свободы // Уголовное право. 2012. № 1. С. 4–8 и др.

²См.: Шабалина Л. А. Обеспечение прав, свобод и законных интересов осужденного при рассмотрении и разрешении вопросов, связанных с исполнением приговора : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Владимир, 2012.

³См.: Об организации надзора за исполнением законов администрациями органов и учреждений, исполняющих уголовные наказания, следственных изоляторов при содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений : приказ Генерального прокурора Рос. Федерации от 30 января 2007 г. № 19.

Статья рекомендована к опубликованию научно-экспертным советом академии, протокол от 25 апреля 2014 г. № 4.

УДК 343.2
ББК 67.408.142
Б90

N.V. BUGAEVSKAYA*

CORRUPTION CRIMES FORMING TYPES OF ABUSE OF THE OFFICIAL POSITION

Аннотация: в статье анализируются деяния, совершаемые путем злоупотребления служебным положением, на предмет их относимости к коррупционным преступлениям; исследуется терминологическая конструкция злоупотребления служебным положением, на базе которой выстроено понятие коррупции в законе.

Ключевые слова: коррупция, злоупотребление служебным положением, коррупционные преступления, перечень преступлений коррупционной направленности, использование своего служебного положения.

Annotation: in the article the author analyses the acts connecting with abuse of the official position, investigates the terminological scheme of abuse of the official position on which basis the concept of corruption in the law is built.

Key words: corruption, abuse of the official position, corruption crimes, list of corruption crimes, use of the official position.

**НАТАЛЬЯ
ВАЛЕНТИНОВНА
БУГАЕВСКАЯ***

КОРРУПЦИОННЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ, ОБРАЗУЮЩИЕ ВИДЫ ЗЛУПОТРЕБЛЕНИЯ СЛУЖЕБНЫМ ПОЛОЖЕНИЕМ

При толковании понятия «коррупция», данного Федеральным законом от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции», присутствуют разночтения с ведомственными нормативными актами, которые регламентируют порядок учета коррупционных преступлений. Так, в Перечне № 23 указания Генеральной прокуратуры РФ № 52-11 и Министерства внутренних дел РФ № 2 от 15 февраля 2012 г. «О введении в действие Перечней статей Уголовного кодекса РФ, используемых при формировании статистической отчетности» (далее – Перечень № 23) дается довольно расширенный список преступлений коррупционной направленности.

Согласно содержанию понятия «коррупция» преступления могут относиться к следующим четырем группам:

1) непосредственно названные в законе составы преступлений (ст. 201, 204, 290, 291, 291.1 УК РФ);

2) преступления, образующие злоупотребление служебным положением;

3) преступления, представляющие собой иное незаконное использование физическим лицом своего должностного положения вопреки законным интересам общества или государства в целях получения выгоды в виде денег, ценностей, иного имущества или услуг имущественного характера, иных имущественных прав для себя или для третьих лиц (по сути, злоупотребление должностным положением с корыстной целью);

* Кандидат юридических наук, доцент,
докторант факультета подготовки научно-педагогических кадров
(Академия ФСИН России)
E-mail: bugaevskaja.natalia@yandex.ru.

4) преступления, представляющие собой незаконное предоставление выгоды в виде денег, ценностей, иного имущества или услуг имущественного характера, иных имущественных прав для себя или для третьих лиц физическому лицу, использующему свое должностное положение, другими физическими лицами (то есть активный подкуп должностных лиц).

Как видно, 2 и 3 группы образуют виды злоупотребления служебным положением (в том числе ст. 201 УК РФ) и злоупотребления должностным положением. Данная дифференциация условна, она лишь отражение закона, так как понятие «злоупотребление служебным положением», безусловно, является родовым, включающим в себя в том числе злоупотребления должностным положением¹. Должностные лица – это публичные служащие, а лица, выполняющие управленческие функции в коммерческих и иных организациях, – так называемые служащие в частной сфере, объединяет их возможность злоупотреблений в служебной сфере.

С другой стороны, «злоупотребление служебным положением» как термин из законодательного определения понятия «коррупция» не повторяет название ст. 285 УК РФ «Злоупотребление должностными полномочиями», а значит, охватывает всю совокупность деяний, которые совершает субъект, используя свое служебное положение вопреки интересам службы. Причем стоит отметить, что понятие службы в УК РФ применимо и к органам государственной власти, органам местного самоуправления, и к государственным и муниципальным учреждениям, и даже к коммерческим и иным организациям. Таким образом, злоупотребление служебным положением включает в себя деяния, представленные не только в ст. 285 и 201, закрепляющих общие нормы, но и в ст. 285.1–285.3, 286, 286.1, 287, 289, 292, ч. 1 ст. 292.1 и соответственно в ст. 202, 203 УК РФ как формулирующих специальные нормы². В них злоупотребление служебным положением происходит не в «чистом» виде, а в указанных в законе вариантах (нецелевое расходование бюджетных средств (ст. 285.1 УК РФ), превышение должностных полномочий (ст. 286 УК РФ) и др.).

При отнесении указанных деяний к коррупционным следует иметь в виду цель и мотив совершаемых коррупционером действий. Признак коррупции «в целях получения выгоды в виде денег, ценностей, иного имущества или услуг имущественного характера, иных имущественных прав для себя или для третьих лиц» ориентирует на предполагаемый результат пре-

ступления – получение незаконного вознаграждения за действия субъекта. Причиной совершения такого деяния будет являться необходимость удовлетворения его потребности в обогащении, то есть завладение теми материальными благами, которыми он в данный момент не обладает. То есть мотивация и цель лица – корыстные.

С этой позиции уже не кажется неоднозначным вопрос отнесения к числу коррупционных преступлений превышение должностных полномочий (ст. 286 УК РФ). С одной стороны, превышение должностных полномочий состоит не в злоупотреблении, а в присвоении полномочий другого должностного лица либо в совершении действий без законных на то оснований³. Но с другой стороны, в целом это все же злоупотребление властью, пусть и с явным выходом за пределы именно своих предоставленных именно данному должностному лицу полномочий. При наличии корыстной заинтересованности такое употребление власти «во зло», с пагубными корыстными намерениями также является служебным злоупотреблением, то есть по закону – «злоупотреблением служебным положением». По этой же причине введенный Федеральным законом от 22 июля 2010 г. № 155-ФЗ состав преступления «Неисполнение сотрудником органа внутренних дел приказа» (ст. 286.1 УК РФ)⁴, представляющий собой по объективным и субъективным признакам не что иное, как разновидность превышения должностных полномочий, то есть действия, которые никто и ни при каких обстоятельствах не вправе совершать⁵, при наличии корыстной заинтересованности относится также к числу коррупционных преступлений.

В Перечне № 23 указано превышение должностных полномочий как преступление коррупционной направленности, а именно только те его виды, которые изложены в ч. 1, 2, п. «в» ч. 3 ст. 286 УК РФ при наличии корыстного мотива. Это верное замечание, так как в пп. «а» и «б» ч. 3 той же статьи закреплены такие квалифицирующие признаки состава, как применение насилия или угроза его применения и применение оружия или специальных средств, а данные способы совершения преступления хотя и могут быть совместимыми с корыстным мотивом, но относят преступление в разряд насильственных, а не коррупционных.

Подобным образом при наличии корыстного мотива к числу коррупционных деяний следует относить превышение полномочий частным детективом или работником частной ох-

ранной организации, имеющим удостоверение частного охранника, при выполнении ими своих должностных обязанностей (ст. 203 УК РФ) как вид злоупотребления служебным положением. В связи с этим возникает вопрос: почему в данное деяние не вошел Перечень № 23?

Некоторые другие преступления, являющие собой, по сути, злоупотребление служебным положением, содержатся в УК РФ в разделе «Преступления в сфере экономики»: воспрепятствование законной предпринимательской или иной деятельности (ст. 169), регистрация незаконных сделок с землей (ст. 170), злоупотребление полномочиями частными нотариусами и аудиторами (ст. 202). Преступления, совершаемые в процессе экономической деятельности должностными лицами, обладают признаками коррупционных деяний. При совершении данных деяний из корыстных побуждений они в полной мере являются коррупционными.

Так называемые ранее в законодательстве должностные хищения, а ныне мошенничество и присвоение и растрата, совершаемые с использованием служебного положения (ч. 3 ст. 159, ч. 3, 4 ст. 159.1, ч. 3, 4 ст. 159.2, ч. 3, 4 ст. 159.3, ч. 3, 4 ст. 159.5, ч. 3, 4 ст. 159.6, ч. 3, 4 ст. 160), также обладают признаками коррупции, если совершены должностным лицом, лицом, выполняющим управленческие функции в коммерческой или иной организации. Присутствующая в них корыстная цель делает их полностью соответствующими в случае надлежащего субъекта признакам понятия «коррупция». Иные преступления, имеющие форму хищений, совершаемых с использованием лицом своего служебного положения, но предполагающие другой предмет, а именно хищение либо вымогательство оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств (п. «в») ч. 3 ст. 226 УК РФ) и хищение либо вымогательство наркотических средств или психотропных веществ, а также растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, либо их частей, содержащих наркотические средства или психотропные вещества (п. «в») ч. 2 ст. 229 УК РФ), по тем же причинам можно отнести к разряду коррупционных.

Другие преступления, совершаемые в сфере экономики, относимые Перечнем № 23 к деяниям коррупционной направленности (ст. 174, 174.1, 175, 178, 179 УК РФ), не обладают в полной мере признаками коррупции, обозначенными в Федеральном законе «О противодействии коррупции». Преступления, связанные с легализацией (отмыванием) денежных средств или

иного имущества, приобретенных преступным путем (ст. 174 и 174.1 УК РФ), приобретение или сбыт имущества, заведомо добытого преступным путем (ст. 175 УК РФ), недопущение, ограничение или устранение конкуренции (ст. 178 УК РФ), одним из своих квалифицирующих признаков имеют совершение деяния лицом с использованием своего служебного положения. По нашему мнению, только относительно данных составов, закрепленных в п. «б») ч. 3, 4 ст. 174, п. «б») ч. 2, 3 ст. 174.1, ч. 3 ст. 175, п. «а») ч. 2 ст. 178 УК РФ, можно говорить о коррупционном преступлении и только при наличии определенных условий: субъекта – должностного лица или лица, выполняющего управленческие функции в коммерческой или иной некоммерческой организации, и корыстной цели (мотива). Только тогда они представляют собой злоупотребление служебным положением. Хотя в подавляющем большинстве случаев данное преступление совершается лицом, использующим свое служебное положение, поскольку в современных условиях совершение преступления, предусмотренного ст. 178 УК РФ, лицом, не обладающим какими-либо служебными полномочиями, если и не невозможно, то крайне затруднительно⁶.

Утверждать о том, что преступления, изложенные в других частях ст. 174, 174.1, 175, 178, 179 УК РФ, имеют не коррупционный характер, а коррупционную направленность, можно только в случае, указанном в Перечне № 23, – при квалификации деяния по совокупности с другим коррупционным составом, например с получением взятки или коммерческим подкупом (в случае со ст. 174, 174.1, 175 УК РФ), или при наличии сведений о совершении преступления, связанного с подготовкой, в том числе мнимой, условий для получения должностным лицом, государственным служащим и служащим органов местного самоуправления, а также лицом, выполняющим управленческие функции в коммерческой или иной организации, выгоды в виде денег, ценностей иного имущества, незаконного предоставления такой выгоды (ст. 178 УК РФ).

Относительно состава преступления принуждение к совершению сделки или к отказу от ее совершения (ст. 179 УК РФ), также фигурирующего в Перечне № 23 как преступление коррупционной направленности, говорить о том, что оно имеет характер коррупционного преступления, несостоятельно, так как оно не отвечает ни одному из требований понятия коррупции, данного законом, ни по объективным, ни по субъективным признакам. Преступление

не связано со служебной деятельностью, а носит насильственный характер. В этом смысле не коррупционную сущность, а коррупционную направленность оно получает только в соответствии с международными стандартами, если является условием для последующего получения незаконного вознаграждения (п. 4.1 Перечня № 23).

В Перечне № 23 среди преступлений коррупционной направленности указаны незаконные производство, сбыт или пересылка наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, а также незаконные сбыт или пересылка растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, либо их частей, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, совершенные лицом с использованием своего служебного положения (п. «б» ч. 3 ст. 228.1 УК РФ). Отмечается, что условиями его коррупционности будут наличие субъекта – должностного лица, государственного служащего и служащего органов местного самоуправления, а также лица, выполняющего управленческие функции в коммерческой или иной организации – и дополнительного признака субъективной стороны преступления – корыстного мотива. Несомненно, способ совершения данного преступления и характер действий могут предполагать наличие и первого и второго условий, так как и при производстве, и при сбыте, пересылке данных предметов пре-

ступления субъект стремится к извлечению прибыли, а используя свое служебное положение, он может задействовать свои полномочия как должностного лица или иного из указанных выше субъектов.

С другой стороны, в УК РФ присутствуют и другие составы преступлений, где имеется тот же способ осуществления деяния – использование своего служебного положения. Характер данного деяния свидетельствует о корыстных устремлениях виновного, но при этом в Перечне № 23 они не значатся. Это, например, торговля людьми (п. «в» ч. 2 ст. 127.1 УК РФ) и использование рабского труда (п. «в» ч. 2 ст. 127.2 УК РФ). Возникает вопрос, почему они не отнесены к разряду коррупционных преступлений или хотя бы к разряду деяний коррупционной направленности? Только лишь потому, что не указаны в международных актах о борьбе с коррупцией? При этом они не являются насильственными по основному составу преступления, так как применение насилия представляет собой квалифицирующий признак, стоящий в очереди других после признака «лицом с использованием своего служебного положения». Если уж торговля наркотиками является коррупционной, то и торговля людьми с использованием служебных полномочий также должна быть признана коррупционным преступлением исходя из тех же признаков и при тех же условиях.

Список использованной литературы

¹ См.: Рясов А. В. Признак «использование служебного положения» и его уголовно-правовая оценка по уголовному законодательству России : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ростов-н/Д, 2010. С. 9.

² См., напр.: Волженкин Б. В. Служебные преступления. СПб., 2005. С. 188–189; Грошев А. В. Ответственность за взяточничество. Краснодар, 2008. С. 127; Здравомыслов Б. В. Должностные преступления. Понятие и квалификация. М., 1975. С. 26.

³ См.: Смелова С. В. Превышение должностных полномочий : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Рязань, 2009. С. 25.

⁴ См.: О внесении изменений в Уголовный кодекс РФ и Уголовно-процессуальный кодекс РФ : Федер. закон от 22 июля 2010 г. № 155-ФЗ // Рос. газ. 2010. 25 июля.

⁵ См.: О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и превышении должностных полномочий : Постановление Пленума Верховного Суда Рос. Федерации от 16 октября 2009 г. № 19 // Там же. 2009. 30 окт.

⁶ См.: Устинова Т. Д. Защита свободной конкуренции в российском уголовном законодательстве // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке : материалы II Междунар. науч.-практ. конф. М., 2005. С. 212.

Статья рекомендована к опубликованию научно-экспертным советом академии, протокол от 28 марта 2014 г. № 3.

УДК 343.13
ББК 67.410.21
Г85

D.A. GRISHIN*

INSTITUTE OF INITIATION OF A CRIMINAL CASE AND ITS REALIZATION IN THE CORRECTIONAL ESTABLISHMENTS

Аннотация: в статье анализируются понятие и значение института возбуждения уголовного дела, проблемные аспекты данной стадии уголовного судопроизводства, а также ее особенности при расследовании преступлений, совершенных в исправительных учреждениях.

Ключевые слова: стадия возбуждения уголовного дела, предварительная проверка, отказ в возбуждении уголовного дела, неотложные следственные действия.

**ДМИТРИЙ
АЛЕКСЕЕВИЧ
ГРИШИН***

ИНСТИТУТ СТАДИИ ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА И ЕГО РЕАЛИЗАЦИЯ В УСЛОВИЯХ ИСПРАВИТЕЛЬНОГО УЧРЕЖДЕНИЯ

Annotation: in the article the author analyses the notion and value of the institute of initiation of a criminal case, problematical aspects of this stage of the criminal proceedings, its particular features by investigating the crimes committed in the correctional establishments.

Key words: stage of initiation of a criminal case, preliminary check, refusal to initiate a criminal case, immediate investigations.

Анализ уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации позволяет сделать вывод о стадийности эволюции соответствующей деятельности государственных органов. Любое уголовное дело должно пройти определенные этапы. На каждом этапе решаются конкретные задачи для достижения установленной цели. Переход от одной стадии к другой оформляется процессуальным решением, без которого невозможно начало последующего этапа.

Деление уголовного судопроизводства на стадии позволяет упорядочить и оптимизировать деятельность правоохранительных органов, консолидировать однородную деятельность соответствующих должностных лиц.

Собственно говоря, основная часть уголовно-процессуальной деятельности возможна исключительно после возбуждения уголовного дела, поэтому мы считаем, что возбуждение уголовного дела, отграничивая преступное от непроступного, является правовым и организационным началом в уголовном процессе, позволяющим вести речь о всех остальных стадиях.

Возбуждение уголовного дела – самостоятельная и необходимая стадия уголовного процесса, представляющая собой процессуальную форму, в рамках которой устанавливается наличие или отсутствие фактических и юридических оснований для производства предварительного расследования или судебного разбирательства¹. Часто деятельность в рамках рассматриваемого этапа представляется неэффективной, так как

* Кандидат юридических наук,
старший преподаватель кафедры
уголовного процесса и криминалистики
(Академия ФСИН России)
E-mail: editor62@yandex.ru.

в условиях низкого уровня информационной осведомленности должностных лиц правоохранительных органов проводится большое количество действий, результаты которых остаются невостребованными.

Естественно, мы понимаем, что уголовно-процессуальная деятельность возможна как до, так и после вынесения постановления о возбуждении уголовного дела. В этом случае следует обратить внимание на осмотр места происшествия, предварительную проверку информации о преступлении и непосредственно на решение об отказе в возбуждении уголовного дела. При этом вызывает вопросы сама стадия возбуждения применительно к ее качественному составу. Большинство мнений сходится в том, что данная стадия включает в себя предварительную проверку сообщения о преступлении и вынесение соответствующего решения по ее результатам. Является ли данная деятельность процессуальной? Безусловно. Такая позиция в первую очередь подтверждается тем, что данная деятельность регулируется УПК РФ. Несмотря на то что процесс сбора доказательств в рамках возбуждения уголовного дела ограничен, активность должностных лиц на данной стадии относится к уголовному судопроизводству и должна рассматриваться в качестве уголовно-процессуальной.

Сложившаяся правоприменительная практика вызывает некоторую озабоченность относительно эффективности уголовно-процессуальной деятельности на данном этапе. Мы считаем, что в некоторых случаях предварительная проверка нарушает право граждан на доступ к правосудию, провоцируя неоправданную задержку производства непосредственного расследования. В обоснование сказанного отметим, что на данный момент по поступающим сообщениям проводится, как минимум, 10-дневная проверка, что, в свою очередь, влечет за собой потерю драгоценного времени (результаты исследования отказных материалов и уголовных дел позволяют говорить о том, что в 90 % случаев осуществляется продление установленного УПК РФ первоначального трехдневного срока предварительной проверки поступающих сообщений о совершенных преступлениях). Бесспорно то, что в некоторых случаях проверка необходима (экономические дела, обнаружение трупа без видимых телесных повреждений или повреждений, не имеющих явно криминального характера), но повсеместное ее производство, тем более в такие сроки вызывает сомнение. В связи с этим при наличии явных признаков

совершенного преступления положительный эффект будет иметь незамедлительное возбуждение уголовного дела, после которого следует немедленно приступить к расследованию совершенного деяния.

Действительно, возбуждение уголовного дела в соответствии со ст. 140 УПК РФ возможно при наличии повода и основания. В некоторых случаях это имеет место изначально при обращении в соответствующий орган дознания. Например, заявление и объяснение гражданина, где излагаются обстоятельства произошедшего, отсутствие имущества, наличие телесных повреждений и т. д. При этом оперативно-розыскные мероприятия, имеющие целью установление лиц, причастных к совершению преступления, могут производиться и в рамках возбужденного уголовного дела, например, посредством оперативного сопровождения или выполнения отдельных поручений следователя.

По нашему мнению, сложившаяся ситуация обусловлена формулировкой ст. 140 УПК РФ. Согласно ч. 2 данной статьи основанием для возбуждения уголовного дела является наличие достаточных данных, указывающих на признаки преступления. Эта явно оценочная категория влечет за собой отсутствие единообразного применения уголовно-процессуального законодательства. В ряде случаев в рамках предварительной проверки сообщения о преступлении обнаружение и фиксация этих данных не представляются возможными. Орган дознания располагает лишь поводом к возбуждению уголовного дела и его подтверждением, полученным в результате опроса граждан. Ввиду этого следует расценивать как наличие основания данные гражданином объяснения, которые свидетельствуют о совершенном в отношении его преступлении. Невозможность установления основания для возбуждения уголовного дела не должна являться поводом для отказа. При этом мы предполагаем возможные нарушения со стороны правоохранительных органов, которые связаны с отказом в возбуждении уголовного дела при отсутствии достаточных данных, свидетельствующих о наличии признаков преступления (ч. 1 ст. 148 УПК РФ).

Безусловно, этот негативный момент осложняется также вследствие ослабления надзорной функции прокурора за органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность, дознание и предварительное следствие. Это связано прежде всего с лишением его права на совершение такого процессуального действия, как возбуждение уголовного дела. По мнению руково-

дителей следственных органов, при их нежелании возбуждать уголовное дело прокурор неспособен принять какие-либо действенные меры реагирования. Согласно ч. 6 ст. 148 УПК РФ прокурор, признав отказ руководителя следственного органа, следователя в возбуждении уголовного дела незаконным или необоснованным, отменяет постановление об отказе в возбуждении уголовного дела, о чем выносит мотивированное постановление с изложением конкретных обстоятельств, подлежащих дополнительной проверке, которое вместе с указанными материалами незамедлительно направляет руководителю следственного органа. Однако никто не мешает представителям следственного органа вновь отказать в возбуждении уголовного дела, должным образом мотивировав свою позицию.

Несмотря на то что мы поддерживаем изменения УПК РФ, связанные с выводом прокурора из орбиты осуществления деятельности по расследованию преступлений, считаем необходимым оставить для данного должностного лица возможность возбуждения уголовного дела в случаях неоднократного вынесения органами дознания, следователем незаконного постановления об отказе в нем. При этом возбужденное уголовное дело должно быть незамедлительно направлено в уполномоченный орган для производства предварительного расследования.

Сложившаяся ситуация позволяет резюмировать следующее: во многих случаях при проверке сообщения о преступлении деятельность должностных лиц правоохранительных органов направлена на изобличение во лжи заявителя, а не на поиск лиц, совершивших преступление. Безусловно, возможны случаи сообщения ложных сведений, однако из-за этого не должны страдать интересы правопослушных граждан, и без того претерпевших от совершенного в отношении их уголовно наказуемого деяния.

Определенные особенности, связанные со спецификой деятельности, присущи стадии возбуждения уголовного дела по преступлениям, совершенным на территории ИУ либо на прилегающей режимной территории.

Следует подчеркнуть, что под расположением ИУ понимается не только территория колонии (тюрьмы), ограниченная системой инженерно-технических средств охраны. Так, органы местного самоуправления своим решением определяют границы территории, прилегающей к охраняемым сооружениям, где устанавливаются режимные требования².

Обращая внимание на вопросы уголовно-процессуальной деятельности органов и учреж-

дений УИС, мы приходим к некоторым выводам, которые позволяют нам более детально исследовать рассматриваемую стадию.

Во-первых, органы и учреждения УИС, в частности ИУ, являются органами дознания, а если быть более точным, то в качестве такового выступает их начальник. Ввиду этого возникает необходимость делегирования соответствующих полномочий тем или иным должностным лицам. Данная ситуация связана прежде всего с тем, что в рассматриваемой системе государственных органов нет штатных должностей дознавателей. Таким образом, наделение полномочиями дознавателя конкретного сотрудника оформляется приказом начальника учреждения.

Во-вторых, органы и учреждения УИС не вправе проводить дознание. В результате анализа правовых норм мы приходим к выводу о том, что сотрудники ИУ полномочны использовать лишь институт неотложных следственных действий, которые фактически предшествуют проведению предварительного следствия в определенных случаях (как правило, невозможность оперативного прибытия следователя на место). Рассматриваемая деятельность является для органов и учреждений УИС исключительной и не осуществляемой на постоянной основе, поэтому реализация таких полномочий должна быть обусловлена крайней необходимостью, связанной с отсутствием уполномоченных должностных лиц и невозможностью их незамедлительного привлечения.

Данный институт является достаточно спорным и вызывает много вопросов, например к какой форме предварительного расследования можно причислить неотложные следственные действия органа дознания³? Мы убеждены, что на основании ст. 157 УПК РФ их следует отнести к этапу предварительного следствия. Признание их в качестве самостоятельной формы расследования и тем более в качестве разновидности дознания не имеет каких-либо оснований. Недопустима подмена одной формы расследования другой, а также соответствующая трансформация дознания в предварительное следствие при производстве расследования одного уголовного дела. Неотложные следственные действия проводятся по делам, по которым предварительное следствие обязательно, поэтому должны входить в структуру предварительного следствия.

Применительно к рассматриваемой ситуации мы считаем, что в случае совершения преступлений, которые расследуются в форме дознания, сотрудники ИУ неправомочны возбуждать

уголовное дело и осуществлять иную уголовно-процессуальную деятельность. По сути, они должны вызвать следственно-оперативную группу и обеспечить охрану места происшествия до ее прибытия.

В-третьих, сотрудники ИУ, находящихся в непосредственной близости от крупных населенных пунктов, не осуществляют уголовно-процессуальную деятельность: не выносят постановления об отказе в возбуждении уголовного дела, направляя материалы проверки в органы полиции, не возбуждают уголовных дел и не проводят неотложные следственные действия даже в тех случаях, когда это непосредственно допускается уголовно-процессуальным законодательством. Для подавляющего большинства органов и учреждений УИС актуальным остается вопрос оперативного сопровождения расследования, организации взаимодействия с должностным лицом, его производящим. Такая позиция представляется оправданной и позволяет наиболее качественно осуществлять уголовно-процессуальную деятельность.

На основании изложенного можно сделать ряд выводов.

1. Несмотря на некоторую невостребованность уголовно-процессуальной сферы досудебного производства в практической деятельности органов и учреждений УИС, их должностные лица должны быть способны реализовать предоставленные им УПК РФ полномочия для минимизации негативного влияния промедления на эффективность дальнейшего расследования совершенного преступления, исключения возможности утраты информации, имеющей доказательственное значение.

2. С учетом потребностей правоприменительной деятельности целесообразно внести изменения в ч. 2 ст. 37 УПК РФ, дополнив ее пунктом следующего содержания: «возбуждать уголовное дело в порядке, установленном настоящим Кодексом», а также изложить ч. 1 ст. 146 в следующей редакции: «При наличии повода и основания, предусмотренных статьей 140 настоящего Кодекса, орган дознания, дознаватель, руководитель следственного органа, следователь, прокурор в пределах компетенции, установленной настоящим Кодексом, возбуждают уголовное дело, о чем выносится соответствующее постановление».

Список использованной литературы

¹ См.: Копылова О. П. Проверка заявлений и сообщений о преступлениях : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 1999. С. 6.

² См.: Минеев И. Дознание в исправительных учреждениях // Рос. юстиция. 2001. № 8. С. 60.

³ См.: Мичурина О. В. Является ли проведение органом дознания неотложных следственных действий разновидностью дознания? // Законодательство. 2005. № 6. С. 82–84.

Статья рекомендована к опубликованию научно-экспертным советом академии, протокол от 25 апреля 2014 г. № 4.

PECULIARITIES OF CLASSIFICATION OF EVASION FROM IMPRISONMENT (PART 2 OF ART. 314 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION)

Аннотация: в статье идет речь об особенностях квалификации уклонения от отбывания лишения свободы.

Ключевые слова: уголовная ответственность, уклонение от отбывания наказания, осужденный к лишению свободы.

Annotation: this article deals with the peculiarities of classification of evasion from imprisonment.

Key words: criminal responsibility, evasion from serving a sentence, prisoner.

Статья 314 УК РФ предусматривает уголовную ответственность за уклонение от отбывания двух видов наказания – ограничения свободы (ч. 1) и лишения свободы (ч. 2), а также от применения принудительных мер медицинского характера (ч. 3).

По ч. 2 ст. 314 УК РФ уголовно наказуемым является невозвращение в исправительное учреждение лица, осужденного к лишению свободы, которому разрешен выезд за пределы исправительного учреждения, по истечении срока выезда либо неявка в соответствующий орган уголовно-исполнительной системы лица, осужденного к лишению свободы, которому предоставлена отсрочка исполнения приговора или отбывания наказания, по истечении срока отсрочки.

Действующее уголовно-исполнительное законодательство существенно расширило право осужденного на выезд за пределы исправительной колонии. В ст. 97 УИК РФ помимо краткосрочных предусмотрены длительные выезды осужденных за пределы исправительного учреждения. Краткосрочные выезды продолжительностью до семи суток предоставляются осужденным: мужчинам и женщинам в связи с исключительными личными обстоятельствами (смерть или тяжелая болезнь близкого родственника, угрожающая жизни больного; стихийное бедствие, причинившее значительный материальный ущерб осужденному или его семье), а также для предварительного решения вопросов трудового и бытового устройства после освобождения; женщинам, имеющим детей в домах ребенка исправительных колоний, для устройства детей у родственников либо в детском доме; женщинам, имеющим несовершеннолетних детей-инвалидов вне

**ТАТЬЯНА
АЛЕКСАНДРОВНА
ЗЕЗЮЛИНА***

**ОСОБЕННОСТИ
КВАЛИФИКАЦИИ
УКЛОНЕНИЯ
ОТ ОТБЫВАНИЯ
ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ
(Ч. 2 СТ. 314 УК РФ)**

* Кандидат юридических наук,
начальник кафедры уголовного права и криминологии
(Владимирский юридический институт ФСИН России)
E-mail: editor62@yandex.ru.

исправительной колонии, для свидания с ними (один раз в год на срок до 15 суток).

Длительные выезды осужденных за пределы исправительной колонии возможны на время ежегодного оплачиваемого отпуска.

В связи с введением в ст. 97 УИК РФ понятия «длительные выезды за пределы исправительных учреждений» Федеральный закон от 9 марта 2001 г. № 25-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации, Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР, Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации и другие законодательные акты Российской Федерации»¹ исключил из ст. 314 УК РФ слово «краткосрочный».

Осужденные военнослужащие, отбывающие наказание в дисциплинарной воинской части, не имеют права на длительный выезд за пределы исправительного учреждения, так как предусмотренные для военнослужащих отпуска им не предоставляются (ст. 162 УИК РФ).

В соответствии со ст. 398 УПК РФ и ст. 81–82.1 УК РФ исполнение приговора в отношении лица, осужденного к лишению свободы, может быть отсрочено судом на определенный срок при наличии одного из следующих оснований:

1) болезнь осужденного, препятствующая отбыванию наказания, – до его выздоровления;

2) беременность осужденной или наличие ребенка в возрасте до 14 лет (за исключением осужденных к лишению свободы за преступления против половой неприкосновенности несовершеннолетних, не достигших четырнадцатилетнего возраста, а также к лишению свободы на срок свыше пяти лет за тяжкие и особо тяжкие преступления против личности) – до достижения ребенком возраста 14 лет;

3) наличие у осужденного мужчины ребенка в возрасте до 14 лет, являющегося единственным родителем (за исключением осужденных к лишению свободы за преступления против половой неприкосновенности несовершеннолетних, не достигших четырнадцатилетнего возраста, а также к лишению свободы на срок свыше пяти лет за тяжкие и особо тяжкие преступления против личности), – до достижения ребенком возраста 14 лет;

4) наличие у осужденного к лишению свободы заболевания наркоманией – до окончания лечения и медицинской реабилитации, социальной реабилитации, но не более чем на пять лет;

5) тяжкие последствия или угроза их возникновения для осужденного или его близких родственников, вызванные пожаром или иным стихийным бедствием, тяжелой болезнью или

смертью единственного трудоспособного члена семьи, другими исключительными обстоятельствами, – на срок, установленный судом, но не более шести месяцев.

Общественная опасность преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 314 УК РФ, заключается в том, что осужденный, используя предоставленные законодательством льготы, уклоняется от исполнения обвинительного приговора и тем самым препятствует достижению целей наказания.

Непосредственным объектом преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 314 УК РФ, являются общественные отношения, обеспечивающие нормальную деятельность исправительных учреждений по исполнению судебного акта (приговора суда). Объективная сторона данного преступления состоит в невозвращении лица, осужденного к лишению свободы, которому разрешен выезд за пределы места лишения свободы либо которому предоставлена отсрочка исполнения приговора суда или отбывания наказания, по истечении срока выезда или отсрочки.

Преступление может быть совершено только путем бездействия, которое представляет собой противоправное, самовольное уклонение осужденного от исполнения возложенной на него ст. 97 УИК РФ обязанности в срок возвратиться в исправительное учреждение по месту отбывания наказания в виде лишения свободы.

Некоторые авторы полагают, что данное преступление может быть совершено активными действиями, например, когда осужденный с целью уклонения от отбывания наказания меняет место своего нахождения или жительства². По нашему мнению, преступление, предусмотренное ч. 2 ст. 314 УК РФ, может быть совершено только путем бездействия, то есть невыполнения лицом обязанности, которую оно могло и должно было совершить в силу требований закона. Преступное действие по смыслу ст. 14 УК РФ представляет собой активное общественно опасное поведение, запрещенное уголовным законом. Перемена места жительства таковым не выступает и находится за пределами объективной стороны состава преступления.

Состав преступления – формальный. Вредные последствия и причинная связь не являются его обязательными признаками. Преступление окончено в момент истечения срока, установленного для возвращения осужденного к месту отбывания наказания. Особенностью данного преступления является то, что законные действия осужденного в связи с его выездом за пределы места лишения свободы впоследствии перерастают в незаконные, если он

не возвращается в установленный срок, имея желание уклониться от отбывания наказания. На практике может иметь место ситуация, когда осужденный незаконно (например, на основании поддельной телеграммы о тяжелой болезни близкого родственника) покидает исправительное учреждение с целью уклониться от отбывания наказания. В связи с этим возникает вопрос: содержатся ли в его действиях признаки состава преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 314 УК РФ? По нашему мнению, нет, и такие действия осужденного необходимо квалифицировать как побег из места лишения свободы по ст. 313 УК РФ.

Непредвиденные обстоятельства также могут помешать осужденному своевременно возвратиться в исправительное учреждение (например, болезнь, сложные метеорологические условия либо другие уважительные причины). В таких случаях какая-либо ответственность исключается.

Постановлением начальника органа внутренних дел по месту пребывания осужденного срок возвращения в исправительное учреждение может быть продлен до пяти суток с обязательным срочным уведомлением об этом исправительного учреждения (ч. 9 ст. 97 УИК РФ).

Если осужденный прибыл в исправительное учреждение, нарушив без уважительной причины установленный срок, то такие действия следует рассматривать как дисциплинарный проступок, за совершение которого может последовать ответственность, предусмотренная ст. 115 УИК РФ. Следует отметить, что задержка с прибытием без уважительной причины не относится к категории злостных нарушений установленного порядка отбывания наказания в виде лишения свободы (ст. 116 УИК РФ).

Субъективная сторона преступления характеризуется прямым умыслом. Лицо осознает, что уклоняется от дальнейшего отбывания наказания в виде лишения свободы (интеллектуальный момент), и желает этого (волевой момент). Целью данного преступления является уклонение от отбывания наказания, назначенного приговором суда³. Мотив не является обязательным признаком состава указанного преступления. Он может быть обусловлен желанием путешествовать, отдохнуть от отбывания наказания, избежать прессинга со стороны осужденных и т. д.⁴

Субъект преступления – специальный. Им выступает вменяемое лицо, достигшее возраста 16 лет, осужденное к лишению свободы, которому разрешен выезд за пределы места ли-

шения свободы либо предоставлена отсрочка исполнения приговора или отбывания наказания.

Субъектами данного преступления соответственно не могут быть лица, которым законом запрещен выезд за пределы исправительного учреждения. Не разрешаются выезды осужденным при особо опасном рецидиве преступлений, осужденным, которым смертная казнь в порядке помилования заменена лишением свободы, лицам, больным открытой формой туберкулеза, не прошедшим полного курса лечения венерического заболевания, алкоголизма, токсикомании, наркомании, ВИЧ-инфицированным (ч. 3 ст. 97 УИК РФ).

Как уже было сказано, в соответствии со ст. 82 УК РФ отсрочка отбывания наказания не предоставляется беременным женщинам и женщинам, имеющим детей в возрасте до 14 лет, если они осуждены к лишению свободы на срок свыше пяти лет за тяжкие и особо тяжкие преступления против личности.

Преступление, предусмотренное ч. 2 ст. 314 УК РФ, наказывается принудительными работами на срок до 2 лет либо лишением свободы на тот же срок (преступление небольшой тяжести). Данное преступление необходимо ограничивать от смежных составов преступлений, например от побега из места лишения свободы, из-под ареста или из-под стражи (ст. 313 УК РФ). Различаются составы этих преступлений прежде всего по признакам объективной стороны.

1. Побег может быть совершен только активными действиями, в то время как уклонение от отбывания лишения свободы – только путем бездействия. При побеге лицо самовольно и незаконно покидает место лишения свободы, а при совершении преступления, предусмотренного ст. 314 УК РФ, выезд за пределы исправительного учреждения осуществляется осужденным на законных основаниях.

2. Обязательным признаком объективной стороны побега является место совершения преступления – исправительное учреждение, следственный изолятор, конвойное помещение, кабинет следователя и т. п. Уклонение от отбывания лишения свободы совершается вне исправительного учреждения.

3. Отличны и субъекты этих преступлений. Субъектом побега являются: а) задержанные по подозрению в совершении преступления; б) обвиняемые, которым избрана мера пресечения в виде содержания под стражей; в) осужденные к аресту или лишению свободы. Субъектом преступления, предусмотренного

ч. 2 ст. 314 УК РФ, являются только осужденные к лишению свободы, которым разрешен выезд за пределы исправительного учреждения либо предоставлена отсрочка исполнения приговора суда или отбывания наказания.

Ю. М. Ткачевский высказал мнение о том, что уклонением от отбывания лишения свободы являются случаи, когда конвой, допустив небрежность, оставит без охраны конвоируемых осужденных, а они, воспользовавшись этим, исчезнут. Он считает: поскольку здесь нет преодоления средств охраны, следовательно, нет и побега из-под стражи⁵.

С этой точкой зрения трудно согласиться, так как в случае уклонения от отбывания лишения

свободы осужденный на законных основаниях (по решению начальника исправительного учреждения) оставляет место лишения свободы на указанный в законе срок. Уход из-под конвоя, даже при попустительстве лиц, осуществляющих охрану, является самовольным и противоправным поведением осужденных. При этом следует иметь в виду, что преодоление средств охраны (насилие над стражей, преодоление инженерных сооружений и т. п.) не является обязательным признаком объективной стороны ч. 1 ст. 313 УК РФ. Таким образом, если осужденные незаконно и самовольно оставляют конвойное помещение, то их действия необходимо квалифицировать как побег по ст. 313 УК РФ.

Список использованной литературы

¹ См.: Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. № 11. Ст. 1002.

² См.: Курс уголовного права: в 5 т. Т. 5. Особенная часть / под ред. Г. Н. Борзенкова, В. С. Комиссарова. М., 2002. С. 642.

³ См.: Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / под ред. А. В. Наумова. М., 2009. С. 775.

⁴ См.: Уголовное право Российской Федерации. Общая часть : учебник / под ред. Л. В. Иногамовой-Хегай, А. И. Рарога, А. И. Чучаева. М., 2010. С. 542.

⁵ См.: Ткачевский Ю. М. Ответственность за преступления, совершаемые в местах заключения. М., 1967.

Статья рекомендована к опубликованию научно-экспертным советом академии, протокол от 25 апреля 2014 г. № 4.

ILLEGAL SEARCH AND (OR) WITHDRAWAL OF ARCHAEOLOGICAL SUBJECTS FROM BEDDING PLACES – NEW CRIMINAL INFRINGEMENT OF MORAL BASES OF CULTURAL MEMORY

Аннотация: посредством введения в научный оборот категории «нравственные основы культурной памяти» в статье раскрывается значимость уголовно-правовой охраны объектов культурного (в том числе археологического) наследия и культурных ценностей; отмечается расширение границ их уголовно-правовой охраны, связанное с принятием Федерального закона от 23 июля 2013 г., и объясняются предпосылки соответствующего государственно-правового решения; рассматривается содержание признаков одного из новых составов преступлений, посягающих на нравственные основы культурной памяти, – незаконного поиска и (или) изъятия археологических предметов из мест залегания (ст. 243.2 УК РФ).

Ключевые слова: уголовный закон, нравственность, культурная память, объекты археологического наследия, археологические предметы, культурный слой, поиск, изъятие, разрешение (открытый лист).

**ЕЛЕНА
ВАСИЛЬЕВНА
КОБЗЕВА***

НЕЗАКОННЫЕ ПОИСК И (ИЛИ) ИЗЪЯТИЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПРЕДМЕТОВ ИЗ МЕСТ ЗАЛЕГАНИЯ – НОВОЕ ПРЕСТУПНОЕ ПОСЯГАТЕЛЬСТВО НА НРАВСТВЕННЫЕ ОСНОВЫ КУЛЬТУРНОЙ ПАМЯТИ

Annotation: in the article the author reveals the importance of legal protection of objects of cultural (archaeological) heritage and cultural values, notes the expansion of their legal protection connected with the adoption of the Federal law on July 23, 2013, explains backgrounds of the relevant state decision, considers the signs of crimes connected with infringement of moral bases of cultural memory – illegal search and (or) withdrawal of archaeological subjects from bedding places (Art. 243.2 of the Criminal Code of the Russian Federation).

Key words: criminal law, morals, cultural memory, objects of archaeological heritage, archaeological subjects, occupation layer, search, withdrawal, permission.

Развитие общества во многом определяется его социальной, в том числе культурной, памятью. В современную эпоху, справедливо называемую эпохой информационного мусора, довольно сложно выделить и отобрать те образующие накопленный социальный опыт сведения, которые действительно были бы значимы для будущего поколения, да и вообще являли бы собой истину. С этой точки зрения бесспорной уникальностью обладают так называемые живые носители культурной памяти общества – объекты его культурного наследия и культурные ценности. Дойдя до наших дней, они, по меткому определению Т. Р. Сабитова, «позволяют заглянуть вглубь столетий, проследить различные этапы истории Родины и тем самым обеспечить историческую преемственность культурных традиций народа»¹.

Основной нравственный тезис, определяющий отношение общества к таким носителям, состоит в том, чтобы всеми возможными ресурсами заботиться о них и обеспечить их сохранность. Во многом этот постулат получил свое выражение в конституционном праве каждого на доступ к культурным ценностям и в конституционной обязанности каждого заботиться о сохранении исторического и культур-

* Кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права
(Саратовская государственная юридическая академия)
E-mail: evkobzeva@yandex.ru.

ного наследия, беречь памятники истории и культуры (ч. 2 и 3 ст. 44 Конституции РФ). Уголовно-правовыми гарантиями в данной сфере длительное время служили нормы об ответственности за посягательства на объекты культурного наследия и (или) культурные ценности, предусмотренные ст. 164, 190 и 243 УК РФ. Однако с принятием Федерального закона от 23 июля 2013 г. № 245-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части пресечения незаконной деятельности в области археологии»² границы уголовно-правовой охраны нравственных устоев культурной памяти общества были значительно расширены: Уголовный кодекс РФ дополнен новыми составами преступных посягательств (ст. 243.1–243.3). Как следует из пояснительной записки к проекту федерального закона, необходимость такого юридического шага была обусловлена заботой государства о сохранении археологического наследия России, в том числе путем целенаправленного противодействия незаконным раскопкам на объектах археологического наследия и незаконному обороту археологических предметов и коллекций³.

Совершенно очевидно, что дополнение уголовного законодательства новыми уголовно-правовыми предписаниями является лишь одним из уровней реализации определенной государственной идеи. Полноценное претворение ее в жизнь предполагает эффективное применение соответствующих норм уголовного законодательства, что, в свою очередь, предопределяется выработкой теоретических рекомендаций, направленных на выявление содержания состоявшихся нововведений и обеспечивающих таким образом правильную и единообразную квалификацию содеянного. В рамках статьи остановим свое внимание на норме, предусматривающей уголовную ответственность за незаконный поиск и (или) изъятие археологических предметов из мест залегания (ст. 243.2 УК РФ).

По смыслу диспозиции ч. 1 ст. 243.2 УК РФ предметом данного преступления выступают археологические предметы и культурный слой. Согласно ст. 3 Федерального закона от 25 июня 2002 г. № 73-ФЗ (по состоянию на 23.07.2013) «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации»⁴ (далее – Закон об объектах культурного наследия) археологические предметы представляют собой движимые вещи, основным или одним из основных источников информации о которых независимо от обстоятельств их обнаружения являются археологические рас-

копки или находки, в том числе предметы, обнаруженные в результате таких раскопок или находок. Там же дается определение культурного слоя, под которым понимается слой в земле или под водой, содержащий следы существования человека, время возникновения которых превышает сто лет, включающий в себя археологические предметы.

Необходимо отметить, что дефиниция культурного слоя с точностью до буквы воспроизводится и в тексте уголовного закона (прим. 1 к ст. 243.2 УК РФ). Аналогичное дублирование позитивного законодательства можно наблюдать в части определения специальных технических средств поиска, которое вслед за Законом об объектах культурного наследия повторяется в уголовном (прим. 2 к ст. 243.2 УК РФ) и административном законодательстве (прим. к ст. 7.15 КоАП РФ). Подобный подход российских правоприменителей нельзя признать оправданным, поскольку имеет место неэкономное и, главное, бессмысленное расходование и без того «раздутого» законодательного материала.

С объективной стороны рассматриваемое преступление выражается в поиске и (или) изъятии археологических предметов из мест залегания на поверхности земли, в земле или под водой, проводимых без разрешения (открытого листа), повлекших за собой повреждение или уничтожение культурного слоя. Поиском следует считать действия, направленные на обнаружение археологических предметов, изъятием – действия по их извлечению из мест залегания на поверхности земли, в земле или под водой.

Согласно ст. 45.1 Закона об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации поиск археологических предметов и их изъятие из мест залегания могут осуществляться исключительно при проведении археологических полевых работ, которые, в свою очередь, ведут только на основании разрешения (открытого листа), выдаваемого федеральным органом охраны объектов культурного наследия на основании заключения Российской академии наук (РАН).

Разрешение (открытый лист) выдается федеральным органом охраны объектов культурного наследия на основании заключения РАН и подтверждает право на проведение одного из видов археологических полевых работ (разведок, раскопок, наблюдения). Оно может быть выдано только физическому лицу – гражданину РФ, обладающему необходимыми научными и практическими познаниями в области археологии и состоящему в трудовых отноше-

ях с юридическим лицом, уставные цели деятельности которого связаны с археологией. Лицо, получившее разрешение, обязано письменно уведомлять компетентные органы о сроке и месте проведения работ, об обнаружении объекта археологического наследия, а также об изменении его учетных данных. При этом сам порядок проведения археологических полевых работ, методы научных исследований объектов археологического наследия, состав и структура научного отчета о выполненных археологических полевых работах, требования к профессиональным знаниям и навыкам исследователя определяются Российской академией наук при осуществлении научной регламентации археологических полевых работ (ст. 45.1). В настоящее время основным актом в этой сфере является положение о порядке проведения археологических полевых работ (археологических раскопок и разведок) и составления научной отчетной документации (утв. постановлением Отделения историко-филологических наук РАН от 30 января 2013 г. № 17).

Отсутствием статуса археологических полевых работ и, как следствие, разрешения (открытого листа) и определяется, таким образом, незаконный характер действий, о которых идет речь в ст. 243.2 УК РФ. Именно указанные действия выступают критерием разграничения рассматриваемого преступления с уничтожением или повреждением объекта археологического наследия (ч. 2 ст. 243 УК РФ), которое по смыслу закона должно вызываться способами, не связанными с незаконными поиском и (или) изъятием археологических предметов из мест залегания.

Юридическое окончание преступления связывается законодателем с наступлением последствий в виде повреждения или уничтожения культурного слоя. Уничтожение предполагает, что культурный слой уходит в небытие, то есть при сохранении своего физического существования в качестве слоя в земле или под водой не может быть даже частично восстановлен именно как объект археологического наследия. При повреждении культурного слоя его ценность как объекта археологического наследия значительно снижается, но, тем не менее, не происходит ее полной утраты. Граница между указанными видами общественно опасных последствий пролегает, таким образом, в обратимости либо необратимости утраты культурным слоем своей археолого-культурной ценности. В любом случае для решения вопроса об уничтожении или повреждении культурного слоя требуется проведение эксперт-

ных исследований – историко-культурной экспертизы.

Повреждение или уничтожение культурного слоя должны находиться в причинно-следственной связи с поиском и (или) изъятием археологических предметов, осуществляемыми без разрешения (открытого листа).

Определенных разъяснений требуют и некоторые квалифицирующие признаки состава рассматриваемого преступления. Речь, в частности, идет о совершении деяния:

– в границах территории объекта культурного наследия, включенного в единый государственный реестр объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов РФ, или выявленного объекта культурного наследия (ч. 2 ст. 243.2 УК РФ). По смыслу Закона об объектах культурного наследия земельные участки в границах территорий указанных объектов относятся к землям историко-культурного назначения (ст. 5), чем и обуславливается повышенная общественная опасность деяний, совершаемых в соответствующих границах;

– с использованием специальных технических средств поиска и (или) землеройных машин (п. «а» ст. 243.2 УК РФ). Статья 45.2 Закона об объектах культурного наследия под специальными техническими средствами предлагает понимать металлоискатели, радары, магнитные приборы и другие технические средства, позволяющие определить наличие археологических предметов в месте залегания. Землеройными являются самоходные или прицепные машины на гусеничном, колесном или шагающем ходу с рабочим и (или) дополнительным оборудованием, предназначенные для выполнения работ по выемке, рыхлению, погрузке, транспортированию, распределению, уплотнению земли, скального грунта и других материалов, а также прокладыванию в них траншей («Машины землеройные. Классификация. Термины и определения. ГОСТ Р ИСО 6165-2010. Национальный стандарт РФ» (утв. приказом Росстандарта от 9 ноября 2010 г. № 351-ст)⁵, п. 4.1). К ним, в частности, относятся экскаваторы, бульдозеры, траншеекопатели, погрузчики и др.

Субъективные признаки незаконного поиска и (или) изъятия археологических предметов из мест залегания, в отличие от признаков объективного характера, серьезных интерпретационных затруднений не вызывают. Субъективная сторона преступления характеризуется прямым либо косвенным умыслом, при которых лицо осознает, что осуществляет поиск и (или) изъятие археологических предметов из мест зале-

гания без разрешения (открытого листа), предвидит возможность либо неизбежность повреждения или уничтожения культурного слоя как результата совершаемых общественно опасных действий и желает их наступления либо не желает, но сознательно допускает или относится к нему безразлично. На практике при квалификации незаконных археологических разведок и (или) раскопок умышленное отношение лица к последствиям в виде уничтожения или повреждения культурного слоя устанавливается исходя из осознания лицом характера и общественной опасности совершаемых им действий. Примером может служить уголовное дело, рассмотренное мировым судьей судебного участка г. Фатежа и Фатежского района Курской области. В обвинительном приговоре от 29 декабря 2010 г. было, в частности, указано, что при производстве несанкционированных археологических раскопок З., реализуя умысел на извлечение из земли предметов, представляющих историческую и культурную ценность, понимая, что участок местности, на котором он проводил раскопку, может быть местом захоронения или кладом, и предметы, находящиеся в земле, представляют историческую и культурную ценность, осознавая, что повреждает предметы, имеющие культурную и историческую ценность, в результате чего они утратят свою ценность, но относясь безразлично к наступлению таких последствий, извлек их из земли⁶.

Субъектом незаконного поиска и (или) изъятия археологических предметов из мест залегания может выступать любое физическое вменяемое лицо, достигшее шестнадцатилетнего возраста. Однако в профессиональных кругах на этот счет высказывается и иное мнение. Так, правозащитник С. А. Кулиничев утверждает, что по смыслу описанных в ч. 1 ст. 243.2 УК РФ действий совершить их может только лицо, обладающее специальными познаниями, то есть профессиональный археолог. Проблема же расширительного толкования субъекта преступле-

ния, имеющая место в правоприменительной практике, обусловлена, с его точки зрения, только тем, что в диспозиции уголовно-правовой нормы ошибочно не получил отражения профессиональный характер археологической деятельности, подразумеваемый законодателем⁷. Представляется, что в процессе работы над редакциями ст. 243.2 УК РФ и ст. 7.15 КоАП РФ законодатель сознательно пришел к отказу от использования специальных научных терминов, указывающих на сугубо профессиональную деятельность в области археологии (таких, например, как полевые археологические работы), подразумевая охват субъектным составом любых лиц, причастных к осуществлению противоправной археологической деятельности. При этом прилагательное «археологическая (-ие)» (деятельность, разведка, раскопки, предметы), используемые в наименовании Федерального закона от 23 июля 2013 г. № 245-ФЗ и в диспозициях ст. 243.2 УК РФ и ст. 7.15 КоАП РФ, предназначены лишь для отражения известным и понятным обывателю термином существа совершаемых действий, их ориентированности на поиск и извлечение вещественных источников древности, исторического прошлого человечества. Подтверждением сказанному может служить и ранее описанное уголовное дело, при рассмотрении которого, задолго до появления ст. 243.2 УК РФ, правоприменитель оперировал категорией «несанкционированные археологические раскопки». Сложно при восприятии предлагаемого С. А. Кулиничевым подхода представить и понимание организованной группы (п. «в» ч. 3 ст. 243.2 УК РФ), которая, получается, должна быть представлена профессиональным научным археологическим коллективом.

Таковы наши основные суждения, касающиеся установления содержания признаков состава незаконного поиска и (или) изъятия археологических предметов из мест залегания (ст. 243.2 УК РФ). При этом научное обсуждение соответствующих вопросов, безусловно, должно быть продолжено.

Список использованной литературы

¹ См.: Сабитов Т. Р. Охрана культурных ценностей : уголовно-правовой и криминологический аспекты. Новосибирск, 2004. С. 9.

² См.: Сборник законодательства Российской Федерации. 2013. № 30. Ч. 1. Ст. 4078.

³ См.: О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части пресечения незаконной деятельности в области археологии : законопроект № 217902-6 [Электронный ресурс] // Автоматизированная система обеспечения законодательной деятельности. URL: [http://asozd2.duma.gov.ru/main.nsf/\(Spravka\)?OpenAgent&RN=217902-6](http://asozd2.duma.gov.ru/main.nsf/(Spravka)?OpenAgent&RN=217902-6) (дата обращения: 20.05.2014).

⁴ См.: Сборник законодательства Российской Федерации. 2002. № 26. Ст. 2519; 2013. № 30. Ч. 1. Ст. 4078.

⁵ Документ официально опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

⁶ Приговор мирового судьи судебного участка г. Фатежа и Фатежского района Курской области от 29 декабря 2010 г. по делу о преступлении, предусмотренном ч. 1 ст. 243 УК РФ [Электронный ресурс] // Официальный сайт судебного участка мирового судьи г. Фатежа и Фатежского района Курской области. URL: http://fatezha.krs.msudrf.ru/modules.php?name=info_pages&id=192 (дата обращения: 20.05.2014). Согласно действующей редакции УК РФ, включающей в себя изменения, внесенные Федеральным законом от 23 июля 2013 г. № 245-ФЗ, содеянное З., при наличии данных о повреждении объекта археологического наследия – культурного слоя, частью которого являются извлеченные из земли предметы, – подпадает под ст. 243.2 УК РФ.

⁷ Приговор по Краснодарскому делу п. «а» ч. 3 ст. 243.2 УК РФ [Электронный ресурс] // MDRussia.ru. Форум кладоискателей. URL: <http://mdrussia.ru/index.php/topic/16335-приговор-по-краснодарскому-делу-п-а-ч-3-ст-2432-ук-р/page-2> (дата обращения: 20.05.2014).

Статья публикуется по решению редакционной коллегии.

УДК 343.98
ББК 67.53
Н19

E.V. NAZARKIN*

FORENSIC EXAMINATIONS IN ACTIVITIES OF BODIES INVESTIGATING CRIMES COMMITTED IN THE PENAL ESTABLISHMENTS

Аннотация: в статье раскрывается понятие, современные возможности и роль судебных экспертиз, назначаемых при расследовании преступлений, совершаемых в учреждениях, исполняющих наказания.

Ключевые слова: судебная экспертиза, учреждения УИС, технико-криминалистические средства и методы исследования доказательств, исследование криминалистических объектов.

Annotation: in the article the author reveals the concept, modern possibilities and role of forensic examinations carried out by investigating crimes committed in the penal establishments.

Key words: forensic examination, penal establishments, technical-criminalistics means and methods of examination of evidence, research of criminological objects.

**ЕВГЕНИЙ
ВАЛЕРЬЕВИЧ
НАЗАРКИН***

О РОЛИ СУДЕБНЫХ ЭКСПЕРТИЗ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШАЕМЫХ В УЧРЕЖДЕНИЯХ УИС

Статистические данные свидетельствуют о том, что число преступлений, совершенных осужденными в исправительных учреждениях, остается стабильно высоким. За последние годы их официальные показатели были следующими: в 2007 г. зафиксировано 1133 преступления; 2008 – 964; 2009 – 893; 2010 – 944; 2011 – 799¹; в 2012 г. – 887². Обращает на себя внимание то обстоятельство, что из всех совершаемых осужденными преступлений на ведомственном уровне принято учитывать лишь убийства, действия, дезорганизующие работу ИУ, умышленные причинения тяжкого вреда здоровью, побеги и захваты заложников³, то есть преступления с повышенной степенью общественной опасности, скрывать которые весьма проблематично. Всем другим, менее тяжким, но, несомненно, более распространенным в среде осужденных уголовно наказуемым деяниям, таким как кражи, хулиганство, побои, насильственные действия сексуального характера, оскорбления, угрозы убийством и др., внимания в ведомственной статистике не уделяется вообще⁴.

Стоит обратить внимание на количество отказных материалов, составленных по результатам доследственных и предварительных проверок сотрудниками дознания и следствия по учреждениям УИС. В среднем по учреждениям УИС их на порядок выше, чем законченных уголовных дел. Представляется, это не всегда бывает обоснованное законное решение.

Современные возрастающие возможности технико-криминалистических средств и методов исследования доказательств в решении за-

* Кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики
(Академия ФСИН России)
E-mail: evnr2012@yandex.ru.

дач раскрытия, расследования и предупреждения преступлений, в том числе совершаемых в учреждениях уголовно-исполнительной системы, развитие научно-технической базы экспертных подразделений ОВД⁵, ФСКН России, Минюста России⁶, Росздрава⁷ др., появление новых видов экспертиз и методов исследования⁸ требуют систематического информирования работников органов расследования преступлений о возможностях применения специальных знаний в процессе следствия (дознания) и соответствующего применения последних для установления истины по уголовному делу⁹.

Судебная экспертиза является одной из основных процессуальных форм использования достижений научно-технического прогресса в уголовном судопроизводстве и выступает важным способом получения доказательственной информации¹⁰. Важнейшая роль здесь отводится получению сведений об обстоятельствах преступления в ходе исследования криминалистических объектов и следов их контактного или бесконтактного взаимодействия. Характер, объем и полнота информации о происшедших на месте преступления событиях и действиях всех его участников определяется техническими и другими средствами ее получения, то есть эффективностью самой деятельности по расследованию криминального факта.

Как отмечает Е. Р. Россинская, сущность судебной экспертизы состоит в анализе по заданию следователя, дознавателя, суда, лица или органа, осуществляющего производство по делу об уголовном преступлении, сведущим лицом (экспертом) предоставляемых в его распоряжение материальных объектов экспертизы (вещественных доказательств), а также различных документов в целях установления фактических данных, имеющих значение для правильного разрешения дела. По результатам исследования эксперт составляет заключение, которое является одним из предусмотренных законом источников доказательств, а фактические данные, содержащиеся в нем, – доказательствами¹¹.

В процессе реформирования российского законодательства были приняты важные федеральные законы и нормативные правовые акты, рас-

ширившие возможности использования в предварительном следствии (дознании) и судебном разбирательстве новых технических средств и методов исследования криминалистических объектов¹².

Правовая регламентация разрешения поставленных задач направлена на активизацию внедрения в расследование преступлений и судебно-экспертную практику достижений современной науки и техники, улучшение качества исследования доказательств, производства судебной экспертизы.

Активная реализация демократизации расследования, принципов презумпции невиновности и состязательности, экспертного исследования различных объектов и следов с дальнейшим формированием научно обоснованных выводов объективизирует доказательственный процесс, осуществляемый в следственной и судебной практике.

В последнее время в уголовное судопроизводство были внедрены новые методы исследования криминалистических объектов, разработанные на основе научных открытий. С внедрением в экспертную, следственную и судебную практику новых методов и технических средств исследования криминалистических объектов¹³ необходимо одновременно решать проблемы проверки и оценки доказательственного значения результатов таких исследований. Как пример можно привести криминалистическую экспертизу материалов, веществ и изделий одну из важных и необходимых составляющих в следственной практике исследований, получающую новое направление, развитие и возможности, получающую все большее распространение в ходе расследования преступлений, в том числе совершаемых в местах лишения свободы.

Таким образом, судебные экспертизы в деятельности органов предварительного расследования по преступлениям, совершаемым в учреждениях УИС, позволяют использовать существующие современные всевозрастающие возможности научно-технических средств и методов исследования различных доказательств в решении задач по полноценному раскрытию, расследованию и предупреждению преступных событий.

Список использованной литературы

¹ См.: URL: <http://fsin.su/structure/inspector/iao/statistika/266,10>, Слайд 10.

² См.: URL: <http://fsin.su/statistics/>; <http://fsin.su/structure/inspector/iao/statistika/Xarka%20lic%20sodergahixsya%20v%20IK/>; <http://fsin.su/structure/inspector/iao/statistika/Xar-ka%20v%20VK/>; <http://fsin.su/structure/inspector/iao/statistika/Xar-ka%20v%20CIZOiT/>.

³ См.: URL: <http://fsin.su/structure/inspector/iao/statistika/Xar-ka%20lic%20sodergahixsya%20v%20IK/>

⁴ См.: Шаталов А. С. Дознание в уголовно-исполнительной системе России: проблемы, тенденции, перспективы : сб. материалов I Междунар. пенитенц. форума (Рязань, 5–6 дек. 2013 г.). Рязань, 2013.

⁵ См.: О вопросах организации деятельности экспертно-криминалистических центров органов внутренних дел : приказ МВД России от 30 мая 2003 г. № 366 // Рос. газ. 2005. 30 авг.

⁶ См.: Инструкция по организации производства судебных экспертиз в государственных судебно-экспертных учреждениях системы Министерства юстиции Российской Федерации : утв. приказом Минюста России от 20 декабря 2002 г. № 347 // Там же. 2003. 31 мая; 2007. 30 марта.

⁷ См.: Инструкция по организации и производству экспертных исследований в бюро судебно-медицинской экспертизы : утв. приказом Минздрава России от 24 апреля 2003 г. № 161; О мерах по совершенствованию судебно-психиатрической экспертизы : приказ Минздрава России от 7 апреля 1999 г. № 113 // СПС «КонсультантПлюс».

⁸ См.: Плоткин Д. М., Ищенко Е. П. Новейшие методы исследования вещественных доказательств в криминалистике : науч.-практ. пособие. Рязань, 2005.

⁹ См.: Криминалистические экспертизы, выполняемые в органах внутренних дел : справ. пособие. 2-е изд., перераб. и доп. / под ред. И. Н. Кожевникова, В. Ф. Статкуса. М., 1992.

¹⁰ См.: Россинская Е. Р. Судебная экспертиза в гражданском, арбитражном, административном и уголовном процессе. М., 2005; Шурухнов Н. Г. Расследование и предупреждение преступлений, совершаемых осужденными в исправительно-трудовых учреждениях : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1992.

¹¹ См.: Россинская Е. Р. Указ. соч. С. 7–8.

¹² См.: Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации. М., 2001; Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / под ред. А. В. Наумова. М., 1996; О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации : Закон Рос. Федерации от 31 мая 2001 № 73-ФЗ; Комментарий к Федеральному закону «Об оперативно-розыскной деятельности» / под ред. А. Ю. Шумилова. М., 2000.

¹³ См.: Аганесян П. К., Николаева Е. Р. Основы электрохимических методов анализа (потенциометрический метод). М., 1986; Лазерная аналитическая спектроскопия / В. С. Антонов [и др.]. М., 1986.

Статья публикуется по решению редакционной коллегии.

УДК 343.1
ББК 67.410.2
С89

T.A. SULEYMANOV*

STRUCTURE AND CONTENT OF CRIMINAL PROCEDURE ACTIVITY IN THE PENAL SYSTEM

Аннотация: в статье раскрываются основные виды и содержание уголовно-процессуальной деятельности, осуществляемой в УИС.

Ключевые слова: уголовно-процессуальная деятельность, уголовно-исполнительная система.

Annotation: in the article the author describes the main types and the content of criminal procedure activity in the penal system.

Key words: criminal procedure activity, penal system.

Актуальность вопроса уголовно-процессуальной деятельности УИС определяется рядом обстоятельств: во-первых, на современном этапе необходим научный анализ изменения и развития уголовно-процессуальной деятельности УИС в связи с тем, что продолжающаяся «волнообразная» реформа исполнения наказаний влечет за собой корректировку полномочий учреждений и органов, исполняющих наказания, во-вторых, мы нуждаемся в получении новых знаний для нашей профессиональной сферы деятельности, так как постоянное изменение законодательства и организационно-правовых основ деятельности уголовно-исполнительной системы не позволяет выработать единые подходы к содержанию уголовно-процессуальной деятельности УИС, в-третьих, необходимо определить дальнейшие векторы развития с учетом потребностей практики. Уголовно-процессуальная деятельность является одним из функциональных компонентов УИС и включает в себя два основных направления: производство неотложных следственных действий и разрешение процессуальных вопросов на стадии исполнения приговора. Уголовно-процессуальная деятельность УИС – это установленная уголовно-процессуальным законом система отношений между учреждениями и органами УИС с одной стороны и государственными органами и гражданами – с другой, в связи с выполнением задач уголовного судопроизводства. Осуществляя уголовно-процессуальную деятельность в пределах своей компетенции, учреждения и органы уголовно-исполнительной системы приобретают статус органа дознания. Учреждения и органы УИС, являющиеся органами исполнительной власти и имеющие в своей структуре оперативные

**ТАЛЕТ
АЛИЕВИЧ
СУЛЕЙМАНОВ***

СТРУКТУРА И СОДЕРЖАНИЕ УГОЛОВНО- ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В УИС

* Кандидат юридических наук, доцент,
профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики
(Академия ФСИН России)
E-mail: editor62@yandex.ru.

подразделения, являются органами дознания, а следовательно, уполномочены на уголовно-процессуальную деятельность, осуществляя которую они, собственно, и приобретают статус участника уголовного судопроизводства.

Процессуальный статус учреждений и органов УИС и сама возможность осуществления ими уголовно-процессуальной деятельности вызывают многочисленные споры в научной среде и на практике. Учреждения и органы, исполняющие уголовные наказания, вступают в уголовно-процессуальные правоотношения при производстве неотложных следственных действий и на стадии исполнения приговора. Вместе с тем их правовое положение остается не урегулированным в УПК РФ, что вызывает научные дискуссии и трудности в правоприменительной практике учреждений и органов УИС. Однако действующие нормативно-правовые акты (например, ст. 38, 157 УПК РФ) обязывают учреждения и органы уголовно-исполнительной системы осуществлять прием и проверку сообщений о любых, совершенных или готовящихся преступлениях, принимать по результатам такой проверки в пределах своей компетенции уголовно-процессуальные решения, исполнять поручения следователя; предоставляют в неотложной ситуации полномочие возбудить уголовное дело о преступлении, подследственном следователю, и произвести по нему неотложные следственные действия. Указанное свидетельствует о том, что учреждения и органы УИС уполномочены на осуществление уголовно-процессуальной деятельности и, естественно, осуществляя указанную деятельность, они приобретают статус участника уголовного судопроизводства.

Исследования Л. Г. Горшенина, Ю. Г. Карпухина, М. А. Петуховского, П. А. Лупинской, М. К. Салмадыкова относятся к концу прошлого века, когда общественный строй, политический режим, состав и структура осужденных и профессиональная подготовка сотрудников исправительных учреждений, разумеется, существенно отличались от реалий сегодняшних дней.

Научные исследования О. П. Александровой, С. А. Бирмамитовой, А. А. Крымова, Е. Р. Пудакова, Л. А. Шаболиной затрагивают отдельные аспекты уголовно-процессуальной деятельности УИС: процедуру принятия, рассмотрения заявлений и сообщений о совершенном или готовящемся преступлении в исправительных учреждениях, порядок производства неотложных следственных действий, и вполне обоснованно не охватывают всех аспектов обсуждае-

мой проблемы, где по ряду вопросов требуется проведение конструктивного научного диалога.

Научное обсуждение комплекса проблем, связанных с уголовно-процессуальной деятельностью УИС, становится еще более актуальным ввиду недостаточного количества работ, которые разрабатываются по данной проблеме, но широкого применения в деятельности сотрудников соответствующих подразделений пока не находят. В связи с этим мы надеемся привлечь к этой проблемной дискуссии ведущих ученых и практиков в области уголовно-процессуального права, таких как Б. Я. Гаврилов, А. А. Крымов, А. С. Шаталов, Н. Г. Шурухнов, Е. Р. Пудаков, А. С. Есина, М. Магомедрасулов, С. В. Легостаев.

Главная цель нашей статьи – это расширение границ представлений об объеме, содержании и структуре уголовно-процессуальной деятельности, осуществляемой в системе УИС России и у наших партнеров за рубежом.

Уголовно-процессуальная деятельность в УИС осложнена как едиными проблемами производства неотложных следственных действий и разрешения вопросов на стадии исполнения приговора, так и наличием ряда причин. Во-первых, УПК РФ не предусматривает процессуальных полномочий не только органа дознания уголовно-исполнительной системы, но и начальника учреждения, иных должностных лиц, осуществляющих процессуальную деятельность. Во-вторых, деятельность учреждений и органов УИС характеризуется своими целями и задачами, предусмотренными уголовно-исполнительным законодательством, в связи с которыми задача предупреждения преступлений преобладает над их выявлением и раскрытием. В-третьих, в силу объективных причин учреждения УИС часто являются градообразующими и организующими снабжение жизнедеятельности отдельных населенных пунктов на многих территориях субъектов РФ. В связи с этим учреждения и органы УИС из-за отсутствия органов исполнительной власти на местах выполняют широкий спектр задач, выходящих за рамки полномочий учреждений УИС, в том числе осуществляют функцию правоохранительного органа не только на режимной территории, но и за пределами территории учреждений.

Анализ практики деятельности органов и учреждений УИС при осуществлении уголовно-процессуальной деятельности свидетельствует о том, что это направление их функционирования носит противоречивый характер, а должностные лица УИС при выполнении своих

полномочий испытывают множество трудностей в принятии решений о возбуждении уголовного дела, его передаче по подследственности, производстве неотложных следственных действий, взаимодействии со следователем, использовании результатов оперативно-розыскной деятельности и режимных мероприятий в процессе доказывания.

Действующий в российском законодательстве институт неотложных следственных действий, осуществляемый органами дознания по делам, им неподследственным, ограничивает деятельность рассматриваемых органов чрезмерно узкими рамками, что негативно сказывается на его эффективности.

По состоянию на 1 ноября 2013 г. в учреждениях УИС содержалось 681,05 тыс. человек, в том числе: в 733 исправительных колониях отбывали наказание 564,07 тыс. человек. Растет число лиц, отбывающих наказания за совершение тяжких и особо тяжких преступлений (доля таких осужденных по состоянию на начало 2012 г. превысила 80 %). Так, в 2007 г. за совершение убийства были осуждены 122 393 человека, а в 2011 г. – уже 140 480; преступления, связанные с незаконным оборотом наркотиков, 81 190 и 124 747 соответственно. В настоящее время каждый четвертый осужденный отбывает наказание за убийство и умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, каждый пятый – за разбой или грабеж, более четверти осужденных приговорены к длительным срокам лишения свободы, почти половина – отбывают наказание второй раз и более¹.

Возросла активность криминальных лидеров, пытающихся координировать противоправные действия осужденных. Проводимые экономические реформы существенно увеличили финансовые возможности элиты криминального мира, способствовали продвижению ее представителей в органы власти и управления, в легальный бизнес. Эти условия значительно расширили возможности лидеров криминальной среды воздействовать на оперативную обстановку в местах лишения свободы.

Относительно органов и учреждений ФСИН России как участника уголовно-процессуальной деятельности целесообразно отметить то, что указанная активность не является для них приоритетной, но без ее осуществления невозможна реализация стоящих перед УИС задач.

С учетом действующего законодательства допустимо вести речь о следующих проявлениях уголовно-процессуальной деятельности органов и учреждений ФСИН России:

- 1) выполнение функций органа дознания при производстве неотложных следственных действий;
- 2) участие в разрешении вопросов, связанных с исполнением приговора.

Что касается первого направления уголовно-процессуальной деятельности, то оно реализуется посредством осуществления органами и учреждениями ФСИН России неотложных следственных действий по уголовным делам о преступлениях против установленного порядка несения службы, совершенных сотрудниками соответствующих учреждений и органов, а равно о преступлениях, совершенных в расположении указанных учреждений и органов иными лицами. Являясь одной из форм предварительного расследования по уголовному делу, дознание в исправительных учреждениях, как таковое, отсутствует: в исправительных учреждениях (ИУ) нет органов дознания, которые имеются в органах внутренних дел, функции органов дознания выполняют начальники исправительных учреждений, надзор за производством дознания в ИУ осуществляют, как правило, специализированные прокуратуры по надзору за соблюдением законов в ИУ.

Анализ правоприменительной практики показывает крайне редкие случаи производства органами дознания ФСИН России неотложных следственных действий, обусловленные рядом объективных и субъективных причин. Выполнение неотложных следственных действий по делам, по которым должно проводиться предварительное следствие, как правило, осуществляют следователи ОВД или СК РФ.

Под уголовно-процессуальной деятельностью учреждений и органов УИС мы понимаем предусмотренную нормами уголовно-процессуального законодательства систему целенаправленных процессуальных действий должностных лиц УИС, реализуемую в процессуальном порядке, документируемую в уголовно-процессуальных актах и имеющую своим назначением достижение целей уголовного судопроизводства, а также призванную обеспечить полное, безусловное и реальное исполнение вступивших в законную силу приговоров суда и актов других юрисдикционных органов, поступивших в учреждения и органы УИС.

«Фактические уголовно-процессуальные отношения, а равно и фактическая уголовно-процессуальная деятельность намного разнообразнее и богаче, чем та, которая предусмотрена нормами права»². ФСИН России осуществляет уголовно-процессуальные функции в пределах предоставленных учреждениям и органам ФСИН России полномочий.

В рамках разрешения вопросов, связанных с исполнением приговора, на учреждения и органы УИС возлагается обязанность по реализации судебного решения и разрешения вопросов, возникающих при исполнении приговора.

На сегодняшний день проблемными аспектами по вопросу уголовно-процессуальной деятельности являются:

1) отсутствие законодательного закрепления понятий «уголовно-процессуальная деятельность», «участники уголовно-процессуальной деятельности». Именно поэтому администрация места содержания под стражей (ст. 126, 394, 463 УПК РФ), территориальный орган уголовно-исполнительной системы (ст. 399), учреждение или орган, на которые возложено исполнение наказания (ст. 399), учреждение (орган) уголовно-исполнительной системы по месту задержания осужденного (ст. 399), осужденный (ст. 399), реабилитированный (ст. 399), учреждение или орган, исполняющий наказание (ст. 399 УПК РФ), остаются фактически на данный момент вне правового поля, созданного для участников уголовного судопроизводства, так как не признаются в качестве таковых;

2) исполнение приговора в ИУ возлагается на специальные отделы (группы). При этом подготовка специалистов для спецотделов никогда не проводилась в ведомственных учебных заведениях. Видимо, название службы «специальный учет» не побуждает руководство уголовно-исполнительной системы обратить внимание на то, что данная служба, помимо персонального и количественного учета, контролирует законность нахождения осужденного в ИУ, обеспечивает соблюдение прав и законных интересов осужденных в части доступа к правосудию и защите своих прав

другими законными способами, несет ответственность за своевременное освобождение осужденных из ИУ, проводит юридическую оценку поступающих судебных решений из судов и реализует их.

3. УПК РФ не предусматривает конкретной статьи, которая регламентировала бы уголовно-процессуальный статус начальника органа дознания ИУ. В структуре ФСИН России должность штатного дознавателя не предусмотрена. Начальник учреждения или органа ФСИН России, уполномоченный на производство неотложных следственных действий, в силу ряда объективных причин не будет непосредственно заниматься расследованием преступлений. Он, как показывает практика, поручает производство неотложных следственных действий наиболее подготовленному в правовом отношении сотруднику своего учреждения или органа. В соответствии с действующим законодательством начальник ИУ является начальником органа дознания и согласно с п. 17 ст. 5 УПК РФ уполномочен давать поручения о производстве неотложных следственных действий. При этом, на наш взгляд, он должен руководствоваться следующим. Как уже отмечалось, законодатель в качестве основного признака органа дознания определил полномочия по проведению ОРД. Этому признаку должны соответствовать и сотрудники, которым может быть поручено производство неотложных следственных действий. Таковыми, как правило, являются сотрудники оперативных подразделений. К тому же характер их работы наиболее близок к процессуальной деятельности. Реализация предложенных рекомендаций окажет положительное влияние на процесс расследования преступлений, совершаемых на территории ИУ.

Список использованной литературы

¹ См.: Кудрявцев А. В. Теоретические и прикладные проблемы оперативно-розыскной деятельности в уголовно-исполнительной системе : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Владимир, 2012. С. 4.

² Пудиков Е. Р. Уголовно-процессуальная деятельность органов и учреждений уголовно-исполнительной системы России. М., 2008, С. 74.

Статья рекомендована к опубликованию научно-экспертным советом академии, протокол от 21 февраля 2014 г. № 2.

УДК 343.9
ББК 67.518.5
Я22

M.A. YAVORSKIY*

INTERPRETATION OF SEXUAL EXTREMISM

Аннотация: в статье представлена авторская позиция по вопросам сущности и содержания гендерного (полового) экстремизма, дается интерпретация противоправных действий, совершаемых по мотивам половой и иной социальной неприязни, предлагается авторская дефиниция полового экстремизма.

Ключевые слова: социальная группа, радикальная идеология, гендерный (половой) экстремизм, социальная неприязнь, возбуждение ненависти и вражды, унижение человеческого достоинства.

Annotation: in the article presents the author's position on the issues of nature and content of sexual extremism is represented, interpretation of illegal actions committed for motives of sexual and other social hostility is dealt, author's definition of sexual extremism is suggested.

Key words: social group, radical ideology, sexual extremism, social hostility, incitement of hatred and enmity, abasement of human dignity.

**МАКСИМ
АЛЕКСАНДРОВИЧ
ЯВОРСКИЙ***

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ГЕНДЕРНОГО (ПОЛОВОГО) ЭКСТРЕМИЗМА

В юридической науке и практике нет единого общепризнанного мнения по поводу сущности и содержания экстремизма (экстремистской деятельности). Предложенное нами определение данного понятия как крайней формы реализации радикальной идеологии, выражающейся в противоправных деяниях общественных организаций, иных объединений, должностных лиц и граждан, совершаемых по мотивам религиозной, расовой, половой и иной социальной неприязни, а также в призывах к совершению таковых деяний¹, безусловно, не претендует на единственно верное и вполне закономерно подвергается критической оценке, например, в части мотивации экстремистских действий.

В частности, А. В. Петрянин, в целом соглашаясь с указанной выше дефиницией экстремизма, отмечает, что половая и социальная неприязнь «не могут быть приобщены к экстремистским». Половая принадлежность, по его мнению, «не имеет значения при совершении преступлений экстремистской направленности, так как характеристика личности виновного и жертвы преступлений экстремистской направленности указывают на наличие в этих категориях как мужчин, так и женщин». Он же предлагает рассматривать преступления, совершенные на основе этих мотивов, как «общеуголовные», ответственность за которые предусмотрена соответствующими нормами действующего уголовного законодательства².

Тем не менее мы продолжаем настаивать, что совершение противоправных действий по

* Кандидат юридических наук,
доцент кафедры государственно-правовых дисциплин
(Самарский юридический институт ФСИН России)
E-mail: yavorm@mail.ru.

мотивам половой и иной социальной неприязни либо призывы к их совершению необходимо рассматривать и квалифицировать как экстремизм (экстремистская деятельность). В обоснование этого тезиса приведем следующие аргументы.

Во-первых, тот факт, что преступления совершаются либо мужчинами, либо женщинами различных возрастных категорий, являющимися представителями одного из двух биологических полов, оспаривать было бы, как минимум, некорректно. Однако это обстоятельство не исключает вероятности проявлений экстремизма на почве гендерной (половой) неприязни. К счастью, в нашей стране еще не возникли предпосылки для развития и последующего распространения ненависти или вражды к гражданам в зависимости от их принадлежности к определенному полу. Однако не стоит забывать и о том, что гендерная (половая) принадлежность не всегда соответствует полоролевым поведенческим установкам, ассоциирующимся с биологическим полом индивида. Собственно гендеров (социальных полов) может быть и гораздо больше. Примером является трансгендерность, получившая распространение в некоторых странах Юго-Восточной Азии. Так, в Таиланде насчитывается пять гендеров: мужчины, женщины и так называемый «третий пол», или «катой», включающий в себя три гендерные категории (мужчины, идентифицирующие себя с женщиной в разной степени, а также женщины с той или иной степенью маскулинности и фемининности и с соответствующими социальными и полоролевыми функциями).

Во-вторых, в отечественном антиэкстремистском законодательстве уже присутствует указание на социальную принадлежность граждан. В ст. 1 Федерального закона от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» под экстремистской деятельностью (экстремизмом) понимаются в том числе действия, направленные на пропаганду исключительности, превосходства либо неполноценности, нарушение прав и свобод человека и гражданина, причинение вреда здоровью и имуществу граждан в связи с их *социальной принадлежностью* (курсив наш. – М. Я.).

Кроме того, Уголовный кодекс Российской Федерации не оставляет сомнений в мотивации (признаках) преступных действий, направленных на возбуждение ненависти либо вражды, а также на унижение достоинства человека либо группы лиц. Часть 1 ст. 282 УК РФ к таким признакам относит: *пол, расу, нацио-*

нальность, язык, происхождение, отношение к религии и принадлежность к какой-либо социальной группе (курсив наш. – М. Я.). При этом категории «социальная принадлежность» и «социальная группа» законодательного определения не имеют и трактуются по-разному, в основном через призму общественных формаций, социальных классов и общностей (профессиональных, демографических, территориальных и др.). В связи с этим один из основателей современной российской социологической школы И. С. Кон отмечал: «Понятия классической социальной группы в профессиональной социологической литературе я не обнаружил. Исходя из изложенного такого понятия вообще не может быть, потому что не может быть никогда». Социальная группа, по его мнению, это формальный термин, и способы его применения зависят от социального и интеллектуального контекста³.

Профессор В. К. Самигуллин, исследуя правосознание малых и больших социальных групп (страт), вполне допускает различия в мужском и женском правосознании и, как следствие, наличие двух больших социальных групп (мужчин и женщин), объединенных общей психологией и осознанием принадлежности к группе⁴.

А. В. Росточкин, полемизируя по этому вопросу, выступает категорически против широкого понимания конструкта «социальная группа». «Если имеется соответствующее указание федерального закона, то существует и социальная группа в уголовно-правовом смысле как объект защиты. Нет указания закона – нечего и охранять ни ст. 13 Конституции РФ, ни ч. 1 ст. 282, ни п. «е» ст. 63 УК РФ, а должны применяться иные нормы о посягательствах на отдельные сообщества или отдельных лиц». Он предлагает закрепить в уголовном законе дефиницию следующего содержания: «Под социальной группой в статьях настоящего Кодекса понимается совокупность граждан, иностранных граждан и лиц без гражданства, права и свободы которых нуждаются в особой защите в соответствии с федеральным законом и международными договорами Российской Федерации, а также лиц, пользующихся льготами в соответствии с федеральным законом»⁵. Однако такой подход к определению социальной группы представляется не совсем верным, так как они образуются «не по воле государства» и вне зависимости от их законодательного закрепления.

Интерес представляют предложения к проекту постановления Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по уголовным делам

о преступлениях экстремистской направленности», сформулированные Уполномоченным по правам человека в Российской Федерации. В частности, под социальной группой применительно к преступлениям экстремистской направленности он предлагает понимать «совокупность людей, основанную на неотъемлемом или устойчивом качестве ее членов (пол, возраст, физическая или умственная неполноценность, сексуальная ориентация)». При этом, по мнению В. П. Лукина, в качестве социальной группы не может рассматриваться совокупность лиц, объединенных профессией, увлечением, бытовыми предпочтениями, местом жительства и т. д.⁶ Соглашаясь с такой точкой зрения, отметим, что социальные группы хотя и обладают признаком устойчивости, тем не менее могут исчезать и вновь возрождаться. Более того, со временем появляются новые социально-структурированные образования. Примером являются действующие неформальные молодежные движения, историко-патриотические клубы, объединения экологической направленности и т. д. В совокупности все они образуют социальную структуру общества. При этом члены таких социальных формирований вполне могут стать объектом экстремистских действий на основании лишь принадлежности к той или иной группе.

Таким образом, мы придерживаемся мнения о том, что социальная идентификация может осуществляться через социальные функции и роли индивида, поэтому гендер, как, собственно, и пол индивида, необходимо рассматривать как принадлежность к той или иной социальной группе.

В-третьих, современные исследователи проблем экстремизма хотя и прямо не указывают на наличие полового экстремизма или социального экстремизма, однако не исключают возможности совершения преступлений по указанным мотивам. Так, С. Н. Фридинский отмечает, что «категория экстремизма с точки зрения ее идеологического наполнения отражается в уголовном законе именно через понятие экстремистского мотива совершения преступления: совершения преступления по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды *в отношении какой-либо социальной группы*» (курсив наш. – М. Я.)⁷.

Р. М. Узденов, раскрывая содержание категории «экстремизм», также не отрицает возможность существования его полового (гендерного) типа. «Экстремизм, – пишет он, – социальное негативное явление, проявляющееся в со-

вокупности общественно опасных уголовно наказуемых деяний, совершаемых в соответствии с определенной системой взглядов, воззрений, убеждений, возведенных в культ, с целью достижения определенного результата, предусмотренного этой системой взглядов, в какой-либо области общественных отношений, существующий порядок в которой отрицается экстремистами». Среди мотивов преступлений экстремистской направленности Р. М. Узденов выделяет ненависть или вражду к гражданам в зависимости от их принадлежности к определенному *полу, расе, национальности, языку, религии, политическим убеждениям, происхождению, должностному или социальному положению, принадлежности к какой-либо иной социальной группе* (курсив наш. – М. Я.)⁸.

Л. А. Потапова, предлагая поправки к ст. 282.1 «Организация экстремистской организованной группы или экстремистского сообщества (организации)» УК РФ, среди экстремистских мотивов и целей также акцентированно выделяет принадлежность граждан к определенному полу⁹.

Л. М. Гридковец с достаточной степенью уверенности говорит о том, что экстремизм, направленный на искажение модели «мужское-женское», имеет право на существование, более того, его распространение может разрушить устоявшиеся модели взаимоотношения и взаимодополнения полов, уничтожив традиционные нормы и ценности¹⁰.

Схожая точка зрения присутствует у С. А. Маркарян, которая, исследуя мотивы преступлений против личности, приходит к выводу о том, что предметом экстремистского мотива выступают устойчивые социальные группы, образующиеся и на основе демографических признаков (женщины и мужчины)¹¹.

По мнению Л. Н. Надолинской, яркими представителями полового экстремизма являются радикальные маскулинистские и феминистские течения, призывающие «к открытой гендерной войне с непримиримой конфронтацией двух полов»¹². В связи с этим отметим позицию М. А. Бутаевой, которая не только допускает существование полового экстремизма, но и активно использует этот термин применительно к радикальным феминистским движениям, в которых «явно выделяются взгляды крайней экстремистской направленности: мужененавистническая пропаганда, призывы к открытой гендерной войне с непримиримой конфронтацией двух полов»¹³.

Крайне радикальные акценты и неприкрытая пропаганда гендерного экстремизма содержатся в «SCUM Manifesto» (так называемый

Манифест Общества Полного Уничтожения Мужчин), опубликованном в 1967 г. В. Д. Соланас – американской радикальной феминисткой, призывающей к полному уничтожению мужчин, не стесняясь в выборе средств и методов.

Манифест доступен широкому кругу ответственности: находится в свободном доступе в сети Интернет, распространяется посредством интернет-маркетинга и через электронные библиотеки. Иными словами, можно с уверенностью говорить о распространении информации, содержащей отрицательную эмоциональную оценку и формирующей негативную установку, подстрекающей к совершению насильственных действий в отношении конкретной социальной группы, что, по нашему мнению, согласуется с признаками преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 282 УК РФ («Возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства»).

Справедливости ради стоит отметить, что разновидностью организаций, имеющих в своей основе специфическое гендерное содержание, являются и маскулинистские движения, деятельность которых также может носить экстремистский характер.

В-четвертых, в целом ряде стран возбуждение вражды и унижение человеческого достоинства по признакам пола или принадлежности к каким-либо социальным группам также криминализованы. Так, уголовная ответственность за совершение преступлений по социальным мотивам предусмотрена уголовными законами Вьетнама, Казахстана, Литвы, Туркменистана, Турции и других стран. Гендерный (половой) признак нашел отражение в законодательстве, например, Андорры, Испании, Люксембурга и Нидерландов. В ряде стран законодатель оставил перечень социальных мотивов совершения преступлений открытым¹⁴.

Изложенное вполне коррелирует с нашим тезисом о том, что экстремизм в любых его

проявлениях возможен там, где сталкиваются интересы субъектов, противостоящих друг другу в идеологическом и мировоззренческом планах. ДИАМЕТРАЛЬНО противоположное восприятие окружающего мира возможно с точки зрения различных подходов, в том числе с позиции гендерной или иной социальной самоидентификации. При этом такое восприятие может носить и радикальный характер.

Таким образом, представляется возможным сформулировать определение гендерного (полового) экстремизма, под которым следует понимать совершение противоправных деяний, мотивированных ненавистью либо враждой по признакам гендерной (половой) принадлежности индивида или социальной группы, а также публичные призывы к совершению таких деяний.

Стоит признать, что какой-либо заметной активности социальных групп и лиц, утверждающих превосходство одного пола над другим, в нашей стране пока не проявляется. Более того, гендерные вопросы в современной действительности так остро не стоят, а практика систематического унижения группы людей или индивида в силу их гендерной принадлежности широкого распространения не имеет. Тем не менее вызывают определенные опасения имеющиеся в юридической практике отдельные случаи дискриминации граждан по признакам пола и их гендерной идентичности, а порой и явные противоправные насильственные действия в отношении представителей социальных групп, например с так называемой нетрадиционной сексуальной ориентацией.

Реалии нашего времени требуют от государства в лице его законодательных и исполнительных органов власти принятия превентивных мер, касающихся недопущения возникновения и дальнейшего распространения любых радикальных проявлений интолерантности, в том числе по признакам гендерной идентичности социальных групп или отдельных индивидов.

Список использованной литературы

¹ См.: Яворский М. А. Организация взаимодействия органов внутренних дел с религиозными объединениями в сфере противодействия проявлениям религиозного экстремизма : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2009. С. 7.

² См.: Петрянин А. В. Доктринальные дефиниции экстремизма в современной юриспруденции // Юрид. наука и практика : вестн. Нижегород. академии МВД России. 2011. № 3 (16). С. 175.

³ См.: Кон И. С. Заключение по вопросу толкования понятия социальной группы в ст. 282 УК РФ по запросу ЛГБТ-проекта GayRussia.Ru. URL: <http://www.gayrussia.ru/society/detail.php?ID=12019> (дата обращения : 12.02.2013).

⁴ См.: Самигуллин В. К. Правосознание: корень добра и справедливости. 2-е изд., перераб. и доп. Уфа, 2011. С. 51, 54.

⁵ Ростокинский А. В. Еще раз о социальных группах в «преступлениях ненависти» (Hate crimes) [Электронный ресурс] // Журн. науч. публикаций аспирантов и докторантов. URL: <http://www.jurnal.org/articles/2011/uri23.html> (дата обращения : 12.02.2013).

⁶ См.: Доклад Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2011 г. (приложения). URL: <http://www.ombudsmanrf.org> (дата обращения : 2.03.2013).

⁷ Фридинский С. Н. Противодействие экстремистской деятельности (экстремизму) в России (социально-правовое и криминологическое исследование : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2011. С. 22.

⁸ См.: Узденов Р. М. Экстремизм: криминологические и уголовно-правовые проблемы противодействия : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008. С. 8.

⁹ См.: Потапова Л. А. Актуальные вопросы совершенствования законодательства в области противодействия и борьбы с экстремизмом в Российской Федерации // Гуманитарные науки и образование. 2010. № 3. С. 107.

¹⁰ См: Гридковець Л. М. Гендернорівнісний екстремізм як фактор руйнації родини // Украинские ученые против гендерного экстремизма. URL: http://za-nrav.narod.ru/gender/gendernorvnsnii_ekstremizm (дата обращения : 20.02.2013).

¹¹ См.: Маркарян С. А. Мотивы как основание дифференциации уголовной ответственности за преступления против личности (проблемы конструирования квалифицирующих признаков) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Махачкала, 2012. С. 18.

¹² Надолинская Л. Н. Маскулинизм и феминизм как разновидности гендерного экстремизма // Экстремизм.ru. URL: <http://www.ekstremizm.ru/publikacii/item/635-maskulinizm-i-feminizm-kak-raznovidnosti-gendernogo-ekstremizma> (дата обращения : 12.02.2013).

¹³ Бутаева М. А. Дискурс гендерного экстремизма // Социосфера. 2010. № 2. С. 13–14.

¹⁴ Подробнее об этом см.: Капинус О. С., Додонов В. Н. Ответственность за разжигание расовой, национальной и религиозной вражды, а также за другие преступления ненависти по уголовному праву зарубежных стран // Юрид. виртуальный клуб «Ex-jure». URL: <http://www.ex-jure.ru/law/news.php?newsid=720> (дата обращения : 12.02.2013).

Статья рекомендована к опубликованию научно-экспертным советом академии, протокол от 24 января 2014 г. № 1.

УДК 343.1
ББК 67.410.207
Б20

O.V. BALANDYUK*

HOUSE ARREST AS A MEASURE OF RESTRAINT

Аннотация: статья посвящена порядку исполнения домашнего ареста в уголовном судопроизводстве, рассматриваются вопросы правового регулирования указанной меры пресечения, предлагаются дальнейшие меры, направленные на совершенствование механизма исполнения домашнего ареста.

Ключевые слова: мера пресечения, домашний арест, механизм исполнения домашнего ареста.

Annotation: this article is devoted to house arrest in the criminal proceedings. In the article the issues of legal regulation of house arrest are considered, and measures directed on improvement of its mechanisms are offered.

Key words: measure of restraint, house arrest, mechanisms of house arrest.

**ОЛЕСЯ
ВЛАДИМИРОВНА
БАЛАНДЮК***

ИСПОЛНЕНИЕ ДОМАШНЕГО АРЕСТА КАК МЕРЫ ПРЕСЕЧЕНИЯ

Исполнение домашнего ареста представляет собой деятельность, основная задача которой состоит в осуществлении контроля за надлежащей реализацией указанной меры пресечения. Обозначенная функция возложена законодателем на уголовно-исполнительные инспекции и регламентирована постановлениями Правительства РФ. Однако основным источником, устанавливающим порядок осуществления контроля за исполнением домашнего ареста, являются Разъяснения по осуществлению контроля за нахождением подозреваемых или обвиняемых в месте исполнения меры пресечения в виде домашнего ареста и за соблюдением ими наложенных судом запретов и (или) ограничений, направленные для исполнения начальникам территориальных органов ФСИН России от 3 февраля 2012 г. № 19-1844-05 (далее – Разъяснения), представленные Федеральной службой исполнения наказаний*. В соответствии с указанным документом контроль за надлежащим исполнением рассматриваемой меры принуждения состоит из нескольких этапов. Во-первых, это первоначальные действия, заключающиеся в постановке подозреваемого (обвиняемого) на учет в уголовно-исполнительную инспекцию и проведении с ним первоначальной беседы; во-вторых, осуществление контроля за нахождением подозреваемого (обвиняемого) в месте исполнения меры пресечения и за соблюдением наложенных судом запретов и (или) ограничений; в-третьих, выявление и проведение проверки по фактам нарушений запретов и (или) ограничений; в-четвертых, снятие подозреваемого (обвиняемого) с учета.

* Адъюнкт
(Омская академия МВД России)
E-mail: mir-lesya83@mail.ru.

В ходе первого этапа исполнения домашнего ареста проводятся организационные мероприятия. Согласно Разъяснениям подозреваемый (обвиняемый), в отношении которого принято решение о применении указанной меры пресечения, ставится на соответствующий учет, о чем делается отметка в журнале учета подозреваемых или обвиняемых, в отношении которых принято решение об избрании меры пресечения в виде домашнего ареста (прил. № 1 к Разъяснениям). В день регистрации сотрудником уголовно-исполнительной инспекции (УИИ) направляется извещение в суд о принятии постановления суда к исполнению, на каждого подозреваемого (обвиняемого) оформляется личное дело, в территориальный орган ФМС России по месту исполнения домашнего ареста, а также в военный комиссариат по месту постоянной регистрации подозреваемого (обвиняемого) направляются сообщения о применении в отношении лица указанной меры пресечения. По месту производства расследования сотрудником УИИ запрашиваются сведения о личности подозреваемого, обвиняемого (копии документов, удостоверяющих личность, сведения, характеризующие указанное лицо), справка по уголовному делу, включающая в себя информацию о совершенном преступлении, данные о защитнике подозреваемого (обвиняемого), сведения о должностных лицах органа расследования и должностных лицах, осуществляющих оперативно-розыскное сопровождение уголовного дела. После установления необходимых данных и постановления лица на учет сотрудник УИИ в течение суток обязан посетить жилище (лечебное учреждение) подозреваемого, обвиняемого и провести с ним первоначальную беседу. Осуществляется также фотографирование и дактилоскопирование, заполняется анкета о личности подозреваемого (обвиняемого), после чего лицу разъясняются условия исполнения домашнего ареста, а также последствия их нарушений.

Следующим и основным этапом исполнения домашнего ареста является осуществление контроля за нахождением подозреваемого (обвиняемого) в месте исполнения меры пресечения и за соблюдением наложенных судом запретов и (или) ограничений. Способами контроля за указанными лицами являются применение аудиовизуальных, электронных и иных технических средств; проверка нахождения подозреваемого (обвиняемого) по месту исполнения домашнего ареста, в том числе с использованием средств телефонной связи; истребование

сведений о поведении подозреваемого (обвиняемого) по месту жительства, работы, учебы; вызов подозреваемого (обвиняемого) на беседу в уголовно-исполнительную инспекцию в целях получения от него устных или письменных объяснений по вопросам, связанным с применением меры пресечения.

При нарушении подозреваемым или обвиняемым условий исполнения домашнего ареста после назначения судебного разбирательства сотрудник УИИ составляет рапорт, после чего по поручению начальника инспекции либо его заместителя в трехсуточный срок проводит проверку факта нарушения, по результатам которой оформляется заключение. Для принятия судебного решения об изменении меры пресечения подозреваемому или обвиняемому и (или) объявления его в розыск начальником УИИ направляется в суд представление с приложением копии заключения проверки по факту выявленного нарушения.

Отметим, что данная процедура относится лишь к стадии судебного разбирательства. Проведение такой проверки в ходе предварительного расследования Разъяснениями не предусмотрено. В этом случае полномочия сотрудника УИИ ограничиваются составлением рапорта по факту выявленных нарушений. По нашему мнению, таких действий недостаточно. Полагаем, что аналогичная проверка должна проводиться и на стадии предварительного расследования следователем, дознавателем либо по их поручению органом дознания.

Завершающим этапом исполнения домашнего ареста служит процедура снятия подозреваемого (обвиняемого) с учета. Такое решение принимается начальником уголовно-исполнительной инспекции в случае истечения срока домашнего ареста, принятия решения об изменении или отмене указанной меры пресечения, получения данных о постановке указанного лица на учет в инспекцию по новому месту исполнения домашнего ареста, смерти подозреваемого (обвиняемого). Основным учетным документом подозреваемого (обвиняемого) является личное дело. Все сведения, содержащиеся в нем, вносятся в автоматизированную базу данных.

Предложенный порядок исполнения домашнего ареста представляется достаточным. Однако, кроме существующих в российском законодательстве средств контроля за надлежащим исполнением рассматриваемой меры принуждения, считаем возможным дополнить процедуру применения домашнего ареста мерами, широко используемыми в зарубежной практике¹. Так, в

УПК Украины закреплена обязанность подозреваемого, обвиняемого сдать на хранение в соответствующие органы государственной власти паспорт (паспорта) для выезда за границу, другие документы, которые дают право на выезд из Украины и въезд в Украину. В уголовном судопроизводстве таких западных стран, как США, Канада, Франция, Италия, Португалия, также активно применяется указанный вид ограничения.

В российском уголовно-процессуальном законодательстве такая мера не предусмотрена. Вместе с тем положениями Федерального закона от 15 августа 1996 г. № 114-ФЗ «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию» допускается временное ограничение права гражданина Российской Федерации на выезд из страны в том случае, если он является подозреваемым или обвиняемым по уголовному делу. Согласно нормам названного закона паспорт указанного лица подлежит изъятию уполномоченными органами и направляется в государственный орган, осуществивший выдачу паспорта. В связи с этим представляется возможным закрепить в отдельном межведомственном приказе, посвященном вопросам контроля за надлежащим исполнением домашнего ареста, обязанность подозреваемого, обвиняемого, в отношении которого в качестве меры пресечения избран домашний арест, сдать на хранение в орган, в производстве которого находится уголовное дело, или суд паспорт (паспорта) для выезда за границу, другие документы, которые дают право на выезд за пределы РФ и въезд на территорию РФ. Изъятые документы направляются в отделение Федеральной миграционной службы, осуществившее их выдачу.

Целесообразно отметить, что к недостаткам исполнения домашнего ареста как меры пресечения в юридической литературе относят отсутствие каких-либо мер ответственности за нарушение установленных судом запретов². По мнению Ф. Н. Багаутдинова, М. С. Гулякевича, в ст. 107 УПК РФ необходимо предусмотреть возможность наложения денежного взыскания за нарушение установленных судом ограничений³.

Противоположной точки зрения придерживается Н. Г. Нарбикова, которая считает, что «введение денежного взыскания за те или иные нарушения позволит просто «откупаться» от избранных мер, оставляя возможность продолжать препятствовать производству по делу»⁴. Данную позицию на страницах своего диссертационного исследования поддержал Д. А. Дол-

гушин. Он полагает, что при установлении нарушений следует руководствоваться ст. 110 УПК РФ и изменять ее на содержание под стражей. Применение других санкций к обвиняемому или подозреваемому, по его мнению, недопустимо, тем более что присутствие только одной меры пресечения в виде заключения под стражу, которая может быть применена к обвиняемому или подозреваемому, в большей мере удерживает его от умысла нарушить условия пребывания под домашним арестом, а при наличии альтернативы у нарушителя появляется надежда на то, что он все еще может избежать заключения под стражу⁵. Обе позиции, высказанные учеными-процессуалистами, достаточно убедительны. Вместе с тем на протяжении действия УПК РФ законодателем не предпринимались попытки введения денежного взыскания за нарушение условий исполнения домашнего ареста. В настоящее время в уголовном судопроизводстве денежное взыскание может быть применено в отношении личного поручителя в случае невыполнения им своих обязанностей, связанных с исполнением соответствующей меры пресечения. Аналогичной санкции могут быть подвергнуты лица, которым был отдан под присмотр несовершеннолетний подозреваемый (обвиняемый). Кроме того, законом предусмотрена возможность обращения в доход государства залога в случае нарушения подозреваемым или обвиняемым взятых на себя обязательств. Единственной мерой ответственности при нарушении домашнего ареста является изменение ее на более строгую. Между тем заключение под стражу лица не всегда возможно. Для этого могут отсутствовать достаточные основания для ее избрания, а также иметь место обстоятельства, делающие невозможным содержание лица под стражей. В связи с этим считаем целесообразным предусмотреть в УПК РФ возможность применения к подозреваемому, обвиняемому, нарушившему меру пресечения в виде домашнего ареста, меры ответственности имущественного характера в виде денежного взыскания, порядок наложения которого регламентирован ст. 118 УПК РФ.

Проведенный анализ позволяет сделать следующие выводы.

1. Специфический характер правоотношений, возникающих в ходе исполнения данной меры пресечения, не позволяет разрешить все вопросы, касающиеся применения домашнего ареста, в рамках уголовно-процессуального законодательства. В УПК РФ находят свое закреп-

ление сущность, процессуальный порядок избрания домашнего ареста и условия его исполнения. В целях усиления ответственности лица, в отношении которого применена указанная мера пресечения, представляется целесообразным внести в уголовно-процессуальное законодательство следующие дополнения: в случае нарушения условий домашнего ареста подозреваемым (обвиняемым) на него может быть наложено денежное взыскание в порядке ст. 118 УПК РФ.

2. Более подробно механизм исполнения указанной меры пресечения регламентирован подзаконными нормативными правовыми актами, к которым относятся Постановление Правительства РФ от 18 февраля 2013 г. № 134 «О порядке применения аудиовизуальных, электронных и иных технических средств контроля за нахождением подозреваемого или обвиняемого в месте исполнения меры пресечения в виде домашнего ареста и за соблюдением им наложенных судом запретов и (или) ограничений», Положение об уголовно-исполнительных

инспекциях и норматива и их штатной численности, утвержденное Постановлением Правительства РФ от 16 июня 1997 г. № 729, а также Разъяснения по осуществлению контроля за нахождением подозреваемых или обвиняемых в месте исполнения меры пресечения в виде домашнего ареста и за соблюдением ими наложенных судом запретов и (или) ограничений, направленные для исполнения начальникам территориальных органов ФСИН России от 3 февраля 2012 г. № 19-1844-05.

3. Применение разъяснений имеет временный характер и действует до принятия межведомственного приказа, регулирующего осуществление контроля за надлежащим исполнением домашнего ареста. Полагаем, что принятие такого нормативного правового акта необходимо.

4. В приказе представляется возможным предусмотреть дополнительное средство контроля в виде изъятия гражданского и заграничного паспорта у подозреваемого (обвиняемого). Полагаем, что такие изменения будут способствовать эффективному исполнению указанной меры пресечения.

* Имеются в виду «Разъяснения по осуществлению контроля за нахождением подозреваемых или обвиняемых в месте исполнения меры пресечения в виде домашнего ареста и за соблюдением ими наложенных судом запретов и (или) ограничений».

Список использованной литературы

¹ См., напр.: Головкин Л. В. Необходимость применения организационных мер по преодолению негативных тенденций развития уголовного и уголовно-процессуального законодательства // Закон. 2012. № 9. С. 72; Безрукавая А. Ф. Регулирование домашнего ареста: международный опыт // Бюл. Междунар. ассоциации содействия правосудию. 2012. № 1 (6). С. 12.

² См., напр.: Булатов Б. Б. Государственное принуждение в уголовном судопроизводстве. Омск, 2003. С. 100.

³ См.: Багаутдинов Ф. Н. Новая мера пресечения в УПК РФ – домашний арест // Законность. 2002. № 10. С. 15–16; Гулякевич М. С. Актуальные проблемы применения домашнего ареста в Российской Федерации // Рос. следователь. 2006. № 11. С. 8–9; Химичева О. В. УПК РФ: реформа продолжается // Вестн. Моск. ун-та МВД России. 2012. № 2; Белкин А. Р. Спорные вопросы применения домашнего ареста в уголовном судопроизводстве // Совершенствование деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью в современных условиях : сб. Междунар. науч.-практ. конф. (Тюмень, 2–3 ноября 2012 г.). Вып. 9. С. 11–12.

⁴ Нарбикова Н. Г. Меры пресечения, связанные с ограничением свободы : дис. ... канд. юрид. наук. Оренбург, 2005. С. 109.

⁵ См.: Долгушин Д. А. Домашний арест и заключение под стражу как меры уголовно-процессуального пресечения: теоретико-правовые аспекты и практика применения : дис. ... канд. юрид. наук. Владимир, 2010. С. 77.

Статья рекомендована к опубликованию научно-экспертным советом академии, протокол от 28 марта 2014 г. № 3.

УДК 347.1
ББК 67.404.01
И80

S.A. IRISKHANOV*

PREVENTION OF DRUG-RELATED CRIMES: CIVIL AND LEGAL ASPECTS

Аннотация: в статье рассматриваются нормы гражданского законодательства как неиспользованный резерв в предупреждении преступлений, акцентируется внимание на их роли в деле противодействия преступлениям, совершенным лицами, больными алкоголизмом и наркоманией.

Ключевые слова: гражданско-правовые средства, наркомания, наркопреступность, предупреждение преступлений.

Annotation: in the article the author considers the standards of civil legislation as an unused reserve in prevention of crimes, pays attention to their role in counteraction to crimes committed by drug addicted persons.

Key words: civil and legal means, drug addiction, drug-related crimes, crime prevention.

**СЕРГЕЙ
АЛИЕВИЧ
ИРИСХАНОВ***

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ НАРКОПРЕСТУПНОСТИ: ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

Гражданское законодательство содержит множество норм, направленных на предупреждение преступлений со стороны лиц, больных наркоманией. Среди них: ограничение дееспособности лиц, злоупотребляющих наркотическими средствами (ст. 30 ГК РФ); прекращение права собственности на жилое помещение в случае использования его не по назначению, систематического нарушения прав и интересов соседей (ст. 293 ГК РФ; ч. 2 ст. 35, ч. 4 ст. 79, ч. 4 ст. 83 ЖК РФ); прекращение права пользования земельным участком при его использовании не в соответствии с его целевым назначением [в частности, для незаконного культивирования запрещенных к возделыванию растений, содержащих наркотические вещества (ст. 231 УК РФ)]; признание сделки недействительной в случае совершения ее без согласия попечителя гражданином, ограниченным судом в дееспособности вследствие злоупотребления наркотическими средствами (ч. 1 ст. 176 ГК РФ); прекращение доверенности вследствие признания гражданина, ее выдавшего, ограниченно дееспособным (п. 6 ч. 1 ст. 188 ГК РФ); прекращение договора поручения в случае признания доверителя или поверенного ограниченно дееспособным (ч. 1 ст. 977 ГК РФ); признание недействительным завещания (ч. 1 ст. 1131 ГК РФ) и др.

Несмотря на обилие гражданско-правовых норм, непосредственно направленных на противодействие наркомании и наркопреступности (в целом – наркотизму), предварительное изучение практики их применения свидетельствует о том, что используются они не так часто. Приоритет отдается криминальным отрас-

* Соискатель
(Академия ФСИН России)
E-mail: editor62@yandex.ru.

лям права – уголовному, административному и уголовно-исполнительному. Указанные обстоятельства актуализируют тему активизации применения гражданско-правовых средств предупреждения преступлений в отношении лиц, больных наркоманией.

Опрос судей, проведенный Л. Е. Прысь, показал достаточно высокий рейтинг данных мер¹.

Наиболее высокую оценку у судей получили гражданско-правовые нормы, применяемые для профилактики склонения к потреблению наркотических средств или психотропных веществ (ст. 230 УК РФ). Далее в ранжированном ряду идут нормы ГК РФ, применяемые для профилактики: хищения либо вымогательства наркотических средств или психотропных веществ (ст. 229 УК РФ) и незаконного культивирования запрещенных к возделыванию растений, содержащих наркотические вещества (ст. 231 УК РФ); нарушения правил оборота наркотических средств или психотропных веществ (ст. 228 УК РФ) и организации либо содержания притонов для потребления наркотических средств или психотропных веществ (ст. 232 УК РФ); незаконного приобретения, хранения, перевозки, изготовления, переработки наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов (ст. 228 УК РФ), незаконного производства, сбыта или пересылки наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов (ст. 228 УК РФ), незаконной выдачи либо подделки рецептов или иных документов, дающих право на получение наркотических средств или психотропных веществ (ст. 233 УК РФ).

Респонденты роль гражданско-правовых мер в профилактике отдельных преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств, совершаемых лицами, больными наркоманией, оценивают выше по сравнению с мерами по профилактике преступлений в указанной сфере, совершаемых иными лицами. Это касается таких преступлений, как незаконное приобретение, хранение, перевозка, приготовление, переработка наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов; незаконное культивирование запрещенных к возделыванию растений, содержащих наркотические вещества; незаконная выдача либо подделка рецептов или иных документов, дающих право на получение наркотических средств или психотропных веществ; незаконные производство, сбыт или пересылка наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов; нарушение правил оборота наркотических средств или психотропных веществ; хищение либо вымогательство наркотических

средств или психотропных веществ; склонение к потреблению наркотических средств или психотропных веществ.

Приоритет, который отдают респонденты повышению роли гражданско-правовых мер в профилактике преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств, совершаемых лицами, больными наркоманией, по сравнению с оценкой их места в профилактике указанных преступлений, совершенных иными лицами (не больными наркоманией), объясняется, по нашему мнению, наличием в гражданском законодательстве конкретных норм, содержащих профилактическую составляющую. К их числу необходимо отнести: ограничение дееспособности вследствие злоупотребления лицом наркотическими средствами, ставящего в тяжелое материальное положение семью (ст. 30 ГК РФ); признание сделок, совершенных ограниченно дееспособными, недействительными (ст. 176 ГК РФ); прекращение права собственности на жилое помещение (ст. 239 ГК РФ); прекращение права собственности на землю вследствие использования не по назначению жилого помещения либо земельного участка (ст. 45, 46, 53 ЗК РФ).

Среди гражданско-правовых мер профилактики наркотизма особое место занимал институт ограничения дееспособности лиц, злоупотребляющих наркотическими средствами. На вопрос: «Как часто применяется ограничение дееспособности в системе мер профилактики злоупотребления наркотическими средствами и преступлений, совершаемых указанными лицами?» – большинство экспертов из числа руководителей служб по противодействию незаконному обороту наркотических средств субъектов Российской Федерации дали положительный ответ, а именно: в первом случае оно применяется в 55,5 %, во втором – в 66,6 % случаев. Однако следует отметить, что указанная доля респондентов при этом отмечают его достаточно редкое применение. Соответственно 44,5 и 33,4 % из числа опрошенных ответили, что указанный институт на практике не применяется.

В то же время все респонденты положительно отметили на вопрос о необходимости его применения для профилактики злоупотребления наркотическими средствами и профилактики преступлений, совершаемых лицами, больными наркоманией².

Представляется, что судебная практика должна быть сориентирована на активизацию применения рассматриваемого института. Ограничение дееспособности граждан, злоупотребляющих наркотическими средствами, в tandem с

установлением над ними опеки или попечительства должно повысить роль гражданско-правовых мер в предупреждении преступлений больших наркоманий.

Исходя из понятия профилактики преступлений и анализа ее уровней Л. Е. Прысь делает вывод о том, что гражданско-правовые меры с точки зрения криминологии являются мерами, которые можно отнести к специально-криминологическому уровню ранней профилактики преступлений. Их можно классифицировать на две группы: опосредованные и непосредственные.

К первой относятся нормы, определяющие равенство участников отношений, регулируемых гражданским законодательством, неприкосновенность собственности, свободу договора, недопустимость произвольного вмешательства кого-либо в частные дела, необходимость беспрепятственного осуществления гражданских прав; обеспечивающие восстановление нарушенных прав, судебную защиту прав участников гражданских правоотношений (ч. 1 ст. 1 ГК РФ); устанавливающие приобретение и осуществление своих гражданских прав своей волей и в своем интересе свободу в установлении гражданами своих прав и обязанностей на основе договора и в определении любых не противоречащих законодательству условий договора (ч. 2 ст. 1 ГК РФ), возможность ограничений в гражданских правах, их основания (ч. 3 ст. 1 ГК РФ).

Ко второй группе норм, непосредственно направленных на профилактику наркотизма, относятся нормы, содержащиеся в ст. 30 ГК РФ (ограничение дееспособности гражданина); ст. 167 ГК РФ (общие положения о последствиях недействительности сделки); ст. 176 ГК РФ (недействительность сделки, совершенной гражданином, ограниченным судом в дееспособности); ст. 177 ГК РФ (недействительность сделки, совершенной гражданином, не способным понимать значение своих действий или руководить ими); ст. 188 ГК РФ (прекращение доверенности); ст. 235 ГК РФ (основания прекращения права собственности); ст. 293 ГК РФ (прекращение права собственности на бесхозяйственно содержимое жилое помещение); ст. 1077 ГК РФ (ответственность за вред, причиненный гражданином, признанным ограниченно дееспособным)³.

На основании изложенного представляют интерес следующие вопросы: ограничение и прекращение права собственности лица, злоупотребляющего наркотическими средствами; признание сделки недействительной; граждан-

ско-правовая ответственность ограниченно дееспособных и лиц, неспособных понимать значение своих действий; последствия сделки, совершенной ограниченно дееспособным лицом вследствие злоупотребления наркотическими средствами без ведома попечителя.

В действующем законодательстве правило об использовании собственности в соответствии с ее назначением выглядит следующим образом: на основании ст. 35 Конституции РФ каждый вправе иметь имущество в собственности, владеть, пользоваться и распоряжаться им как единолично, так и совместно с другими лицами. Однако это право должно осуществляться, как отмечалось ранее, в соответствии с законом.

Граждане и их объединения вправе иметь в частной собственности землю. Владение, пользование и распоряжение землей и другими природными ресурсами осуществляются их собственниками свободно, если это не наносит ущерба окружающей среде и не нарушает прав и законных интересов иных лиц. Условия и порядок пользования землей определяются на основе федерального закона (ст. 36 Конституции РФ).

Таким образом, собственник земельного участка, равно как и лицо, имеющее право постоянного (бессрочного) пользования земельным участком, а также арендатор обязаны использовать его по назначению (ст. 260 ГК РФ, ст. 42 ЗК РФ).

В противном случае предусмотрена гражданско-правовая ответственность в виде изъятия земельного участка у собственника и лица, являющегося его пользователем, без права собственности (ст. 285 ГК РФ, п. 1 ч. 2 ст. 45, п. 1 ч. 2 ст. 46 ЗК РФ).

Изложенное в отношении земельного участка применимо и к жилому помещению. В соответствии с законодательством собственник жилого помещения осуществляет права владения, пользования и распоряжения принадлежащим ему на праве собственности жилым помещением в соответствии с его назначением и пределами его использования (ч. 1 ст. 288 ГК РФ, ч. 1 ст. 30 ЖК РФ), то же правило распространяется на граждан, проживающих совместно с собственником в принадлежащем ему жилом помещении (ч. 2 ст. 31 ГК РФ), а также на нанимателя жилого помещения или других граждан, за действия которых он отвечает (ч. 4 ст. 687 ГК РФ).

Таким образом, если перечисленные категории граждан используют жилое помещение не по назначению, систематически нарушают права и интересы соседей, орган местного са-

моуправления может предупредить собственника о необходимости устранить нарушения. Если собственник после предупреждения продолжает нарушать права и интересы соседей или использовать жилое помещения не по назначению, суд по иску органа местного самоуправления может принять решение о продаже с публичных торгов такого жилого помещения с выплатой собственнику вырученных от продажи средств за вычетом расходов на исполнение судебного решения (ст. 293 ГК РФ).

Собственник жилого помещения может его лишиться, в частности, в случае использования последнего в качестве наркопритона, помещения для изготовления, хранения, употребления либо торговли наркотическими средствами. Систематическое нарушение прав и интересов

соседей происходит в том числе на почве злоупотребления наркотическими средствами либо вовлечения несовершеннолетних соседей в это пагубное занятие.

Таким образом, институты гражданского права: ограничение дееспособности гражданина, злоупотребляющего наркотическими средствами; признание недействительными различного рода сделок, одной из сторон которых является лицо, ограниченно дееспособное; выселение гражданина из квартиры; недействительность сделок, совершенных гражданином, неспособным понимать значение своих действий или руководить ими, – могут играть значительную роль в предупреждении преступлений лиц, больных наркоманией.

Список использованной литературы

¹ См.: Прысь Л. Е. Гражданско-правовое обеспечение профилактики наркотизма : дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2006. С. 88.

² См.: Там же. С. 93.

³ См.: Там же. С. 93–94.

Статья рекомендована к опубликованию научно-экспертным советом академии, протокол от 25 апреля 2014 г. № 4.

УДК 343.2
ББК 67.408.131
К35

N.N. KEMOVA*

DELIMITATION OF CRIMES COMMITTED FROM HOOLIGAN MOTIVES FROM ADJACENT ELEMENTS OF CRIMES

Аннотация: в статье рассматривается проблема отграничения преступлений, совершаемых из хулиганских побуждений, от смежных составов преступлений, а также содержание категорий «хулиганство», «хулиганские побуждения», «экстремизм».

Ключевые слова: хулиганство, хулиганское побуждение, уголовно наказуемое деяние, совершенное из хулиганских побуждений, применение оружия, экстремизм.

Annotation: in the article the author considers the problem of delimitation of crimes committed from hooligan motives from adjacent elements of crimes, the categories «hooliganism», «hooligan motives», «extremism».

Key words: hooliganism, hooligan motive, criminal offence committed from hooligan motives, use of weapons, extremism.

**НАТАЛЬЯ
НИКОЛАЕВНА
КЕМОВА***

ОТГРАНИЧЕНИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШАЕМЫХ ИЗ ХУЛИГАНСКИХ ПОБУЖДЕНИЙ, ОТ СМЕЖНЫХ СОСТАВОВ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Разнообразие форм хулиганства обуславливает необходимость рассмотрения вопросов, связанных с отграничением преступлений, совершаемых из хулиганских побуждений, от смежных составов. Материалы судебной и следственной практики демонстрируют, что решение этого вопроса практически постоянно вызывает у правоприменителей затруднения.

Особого внимания заслуживают проблемы уголовно-правовой оценки поведения, продиктованного хулиганскими побуждениями, а также разграничения хулиганства, ответственность за которое предусмотрена ст. 213 УК РФ, от других преступлений, совершенных лицом из хулиганских побуждений. Это вызвано большой популярностью данных преступлений, а также сходством их объективных и субъективных признаков. В то же время они обладают значительными различиями, которые предоставляют возможность отграничения отмеченных выше преступлений.

По данному поводу в п. 12 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 15 ноября 2007 г. № 45 «О судебной практике по уголовным делам о хулиганстве и иных преступлениях, совершенных из хулиганских побуждений» указывается, что судам следует отграничивать хулиганство, ответственность за которое предусмотрена ст. 213 УК РФ, от других преступлений, в том числе совершенных лицом из хулиганских побуждений, в зависимости от содержания и направленности его умысла, мотива, цели и обстоятельств совершенных им действий.

Под уголовно наказуемыми деяниями, совершенными из хулиганских побуждений, следует понимать умышленные действия, направленные

* Соискатель
(Академия ФСИН России)
E-mail: editor62@yandex.ru.

против личности человека или его имущества, которые совершены без какого-либо повода или с использованием незначительного повода. При этом для правильного установления указанных побуждений в случае совершения виновным насильственных действий в ходе ссоры либо драки судам необходимо выяснять, кто явился их инициатором, не был ли конфликт спровоцирован для использования его в качестве повода к совершению противоправных действий. Если зачинщиком ссоры или драки явился потерпевший, а равно в случае, когда поводом к конфликту послужило его противоправное поведение, лицо не подлежит ответственности за совершение в отношении такого потерпевшего преступления из хулиганских побуждений¹.

В ст. 213 УК РФ имеется дополнительный признак – применение оружия или предметов, используемых в качестве оружия, что невозможно не учесть при квалификации. Следует помнить, что если при преступлениях против личности применяется какое-либо оружие, то оно, как правило, заранее подготовлено или специально приспособлено для повышения поражающих качеств, а используется не только целенаправленно, но и по прямому назначению. При совершении хулиганских действий лицо, как правило, не готовит оружие заранее и часто применяет любые предметы, случайно оказавшиеся под рукой, а собственно оружие нередко использует непродуманно, нецеленаправленно и не по прямому назначению².

Как указывает Пленум, под применением оружия или предметов, используемых в качестве оружия, следует понимать умышленные действия, направленные на использование лицом указанных предметов как для физического, так и для психического воздействия на потерпевшего, а также иные действия, свидетельствующие о намерении применить насилие посредством этого оружия или предметов, используемых в качестве оружия³.

Следует помнить, что при квалификации действий лица по п. «а» ч. 1 ст. 213 УК РФ судам следует при необходимости на основании заключения эксперта устанавливать, является ли примененный при хулиганстве предмет оружием, предназначенным для поражения живой или иной цели. При наличии к тому оснований действия лица, применившего при совершении хулиганства оружие, должны дополнительно квалифицироваться по ст. 222 УК РФ.

При отграничении преступлений, совершаемых из хулиганских побуждений, от преступлений против личности, учитывая, что их объек-

тивная и субъективная стороны практически не различаются, следует проводить отличие по мотиву совершения преступления.

Хулиганские мотивы часто размыты. Вместе с тем есть ряд достаточно надежных критериев, используя которые можно более точно определить различия между «личными» и «хулиганскими» мотивами. Первое, наиболее ярко выраженное отличие заключается в том, что при преступлениях против личности лицо, как правило, заранее готовится к преступлению, продумывает свои действия и намечает механизм их реализации. Его действия последовательны и логичны. При преступлениях же против общественного порядка действия хулигана, как правило, не последовательны, нелогичны и хаотичны. Такое поведение часто не связано с личными неприязненными отношениями или с неправомерным поведением потерпевшего и возникает спонтанно. При этом хулиган сам активно провоцирует потерпевшего на конфликт. При преступлениях против личности действия субъекта, как правило, характеризуются расчетливостью, обдуманностью, они коротки по времени; субъект преступления всегда стремится достичь конкретного результата, сам контролирует свои действия и прекращает их по достижении желаемого результата. Кроме того, лицо всегда действует в режиме прямого умысла, направленного на причинение вреда здоровью и возможного косвенного умысла по отношению к последствиям. При совершении преступлений из хулиганских побуждений объективная сторона характеризуется расплывчатыми хаотичными действиями, слагаемыми из отдельных, изолированных друг от друга эпизодов, не связанных между собой. Насилие может быть направлено на один или несколько объектов. В числе потерпевших могут оказаться и случайные лица, не причастные к зарождению хулиганских действий. Кроме того, эти действия нередко сопровождаются умышленным и часто бессмысленным уничтожением или повреждением чужого имущества. Оценивая действия лица, совершающего хулиганские действия, следует иметь в виду, что в систему объектов, которым наносится вред, в первую очередь входит общественный порядок, который страдает нередко в большей мере, чем сам потерпевший. Один из обязательных элементов хулиганских действий – отсутствие у лица целенаправленного желания достичь конкретного результата. Этот фактор помогает почти безошибочно сделать вывод о том, что данные действия являются хулиганскими⁴.

С включением в ч. 1 ст. 213 УК РФ п. «б» – совершение хулиганства по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной либо религиозной ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы вызвало серьезные проблемы в квалификации хулиганства, а именно в разграничении хулиганства и экстремизма, хулиганства и вандализма по тем же признакам, а также хулиганства по указанному признаку с причинением вреда здоровью человека различной степени тяжести или совершением убийства по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы.

Различия посягательств заключаются не в мотивах, а в целях действий субъекта. Для хулигана целью является демонстрация своей исключительности, для экстремиста – подавление, ограничение чужой групповой особенности и самобытности.

Экстремистские посягательства могут быть совершены только указанными в законе способами. Если при этом совершаются и иные деяния, то имеет место идеальная совокупность преступления экстремистской направленности и иного преступления, совершаемого при наличии признаков, предусмотренных п. «е» ст. 63 УК РФ⁵.

Данные разграничения носят скорее теоретическое значение, чем практическое. В правоприменительной деятельности можно посоветовать квалифицировать деяния, совершенные по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы по самостоятельным составам преступлений, в зависимости от выполняемых действий и наступивших последствий.

Проанализировав имеющиеся в теории уголовного права точки зрения, а также судебную практику по данному вопросу, можно прийти к следующим выводам.

1. В случае умышленного причинения смерти лицу из хулиганских побуждений, умышленного причинения тяжкого вреда здоровью человека действия виновного квалифицируются самостоятельно по соответствующим статьям УК РФ без учета нормы о хулиганстве.

2. В том случае когда убийству предшествовали действия, связанные с сопротивлением лицу, исполняющему обязанности по охране общественного порядка или пресекающему нарушение общественного порядка, то такие дей-

ствия необходимо квалифицировать по совокупности со ст. 213 УК РФ.

3. В случае умышленного причинения средней тяжести, а также легкого вреда здоровью из тех же побуждений действия виновного квалифицируются по ст. 213 УК РФ, так как норма об ответственности за хулиганство, являясь более полной по сравнению с нормами, содержащимися в ч. 2 ст. 115, предусматривает еще и более строгое наказание, при этом не упрощается процессуальный порядок расследования уголовного дела.

4. Следует изменить содержание п. 11 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 15 ноября 2007 г. № 45 «О судебной практике по уголовным делам о хулиганстве и иных преступлениях, совершенных из хулиганских побуждений». После соответствующих изменений он может выглядеть следующим образом: «В случае причинения потерпевшему из хулиганских побуждений тяжкого вреда здоровью (п. «д» ч. 2 ст. 111 УК РФ) или смерти (п. «и» ч. 2 ст. 105 УК РФ) действия виновного необходимо квалифицировать самостоятельно по соответствующим статьям УК РФ без учета нормы о хулиганстве, только в том случае, когда убийству не предшествовали действия, связанные с сопротивлением лицу, исполняющему обязанности по охране общественного порядка или пресекающему нарушение общественного порядка, когда содеянное квалифицируется по совокупности преступлений, предусмотренных соответствующей частью ст. 213 УК РФ и частью (пунктом части) соответствующей статьи Особенной части Уголовного кодекса РФ, предусматривающей ответственность за преступление против личности. В случае умышленного причинения средней тяжести, а также легкого вреда здоровью и причинения побоев из тех же побуждений действия виновного надлежит квалифицировать по ст. 213 УК РФ, так как норма об ответственности за хулиганство, являясь более полной по сравнению с нормами, содержащимися в ч. 2 ст. 116, ч. 2 ст. 115, предусматривает еще и более строгое наказание, при этом не упрощается процессуальный порядок расследования уголовного дела».

5. В случае применения оружия или соответствующих предметов, используемых в качестве оружия при применении насилия к потерпевшему, такие действия следует квалифицировать по п. «а» ч. 1 ст. 213 УК РФ. Данный вывод основывается на том, что в случае применения оружия либо предметов, используемых в качестве оружия, всегда повышается степень угро-

зы применением насилия до опасного для жизни или здоровья (вне зависимости от фактически причиненного вреда здоровью), а норма об ответственности за хулиганство является более полной по сравнению с нормой, содержащейся в ч. 2 ст. 116 УК РФ.

6. Хулиганство следует отличать от экстремизма по следующим признакам:

а) различия посягательств заключаются в целях действий субъекта;

б) экстремистские посягательства могут быть совершены только указанными в законе способами.

Список использованной литературы

¹ См.: Российская газета. 2007. 21 нояб.

² См.: Выявление, раскрытие и расследование преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 213 УК РФ (хулиганство) : учеб. пособие / Ф. Г. Аминев [и др.]. Уфа, 2007. С. 48.

³ См.: О судебной практике по уголовным делам о хулиганстве и иных преступлениях, совершенных из хулиганских побуждений: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15 ноября 2007 г. № 45 // Рос. газ. 2007. 21 нояб.

⁴ См.: Грибунов О. П. Некоторые особенности доказывания при производстве дознания по делам о хулиганстве. // Проблемы квалификации и расследования преступлений, подследственных органам дознания : материалы Всерос. науч.-практ. конф. в режиме видеоконференцсвязи (Тюмень, 27 марта 2013 г.). Тюмень, 2013. С. 51–52.

⁵ См.: Зарубин А. В. Вопросы оценки субъективной стороны преступлений экстремистского характера // Правовые основы противодействия экстремистской деятельности : материалы Всерос. науч.-практ. конф. (Тюмень, 11 февраля 2011 г.). Тюмень, 2011. С. 87.

Статья рекомендована к опубликованию научно-экспертным советом академии, протокол от 21 февраля 2014 г. № 2.

УДК 343.2
ББК 67.408.0
Л77

D.V. LOPASHENKO*

THE PARTICULAR IN CRIMINAL LAW IN THE LIGHT OF THE THEORY OF LEGAL RELATIONSHIP

Аннотация: статья посвящена соотношению институтов уголовного права, относимых к частным, теории уголовных правоотношений и категории общественной опасности. Путем анализа данных институтов автор приходит к выводу о том, что потерпевший должен быть выведен за пределы уголовного правоотношения, а институты частного и частно-публичного обвинения исключены из Уголовно-процессуального кодекса РФ.

Ключевые слова: уголовные правоотношения, общественная опасность, потерпевший, частное и частно-публичное обвинение.

Annotation: this article is devoted to correlation of the particular in criminal law, the theory of criminal matters and the category of public danger. Analyzing this institutes the author comes to conclusions that the victim is to be removed from criminal matters, private charge and private and public charge are to be excluded from the Criminal Procedure Code of the Russian Federation.

Key words: criminal matters, public danger, victim, public charge, public and private charge.

Одной из тенденций последнего времени стало стирание границ между частными и публичными отраслями права за счет расширения частных начал в публичных отраслях и, напротив, их сужения в частных отраслях. Частные институты проникают в публичное право, а публичные – в частное. Остановить это взаимопроникновение невозможно и, вероятно, нецелесообразно. Не избежало соответствующего влияния и уголовное право. Как отмечает Э. Л. Сидоренко, «обращение государства к проблеме защиты частного интереса явилось «спусковым механизмом» для бурного развития диспозитивных начал в уголовном праве»¹.

В уголовном праве диспозитивность нередко связывается с фигурой потерпевшего, хотя это противоречит классическому представлению об уголовно-правовых отношениях, поскольку на протяжении многих лет в дореволюционной и советской уголовно-правовой науке потерпевший считался субъектом общественных отношений, нарушаемых преступлением, но выводился за пределы уголовно-правового отношения. При этом уголовное право, в отличие от уголовного процесса, даже не содержит легального понятия «потерпевший», хотя де-факто материальный статус потерпевшего существует², а в науке уголовного права до сих пор отмечается недостаточная исследованность фигуры потерпевшего³.

В то же время некоторые ученые-правоведы отмечают, что традиционная модель уго-

**ДАРЬЯ
ВИКТОРОВНА
ЛОПАШЕНКО***

ЧАСТНОЕ В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ТЕОРИИ ПРАВООТНОШЕНИЙ

* Аспирант кафедры уголовного права и криминологии юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова
E-mail: darya.lopashenko@gmail.com

ловно-правовых отношений (государство – преступник), при которой потерпевший исключается из этих правоотношений, должна быть подвергнута пересмотру, поскольку не может в полной мере «объяснить тенденции современного уголовного права, и прежде всего развитие в нем частных начал»⁴. С такой позицией нельзя согласиться, поскольку это противоречит самой природе уголовных правоотношений.

Уголовные правоотношения, как и любые иные правоотношения, всегда возникают на базе реально существующих общественных отношений, которые в уголовном праве обладают одним отличительным признаком – общественной опасностью.

Признак общественной опасности деяния (категория «общественная опасность») является центральным, стержневым в понятии преступления. Некоторыми советскими исследователями даже признавалась его главенствующая среди иных признаков роль⁵. Начиная с 1922 г. все уголовные кодексы РСФСР и России прямо указывали на него как на признак преступления. Кроме того, это единственный материальный объективный признак, который характеризует общественные отношения, появляющиеся в процессе посягательства.

По мнению одних ученых, признак общественной опасности присущ только преступлениям, другие считают, что именно уровень общественной опасности позволяет разделить уголовно и административно наказуемые деяния или гражданско-правовые проступки⁶, большинство правоведов признает, что он может быть свойствен лишь противоправному поведению⁷. Отсутствие или недостаточность общественной опасности служит безусловным основанием для признания совершенного деяния неправомерным (ч. 2 ст. 14 УК РФ). Таким образом, общественная опасность – это своеобразный водораздел между просто противоправным или разрешенным и преступным поведением.

Общественная опасность преступления чаще всего понимается как его способность причинить вред всему обществу. Например, Н. В. Генрих подчеркивает, что преступление как общественно опасное явление «угрожает безопасности не отдельных социальных групп, а всего общества»⁸. По мнению Л. Шуберта, общественная опасность заключается в опасности, угрожающей непосредственному объекту охраны уголовного права – общественным отношениям, а также успешному удовлетворению потребностей общества⁹. М. А. Торкунов отмечает: «Это признак, выражающий вред-

ность конкретного поведения для общества, нанесение или реальную угрозу нанесения существенного ущерба господствующим в нем общественным отношениям, образу жизни»¹⁰. А. П. Козлов подчеркивает, что частные интересы могут быть объектами уголовно-правовой охраны только в случае, когда они становятся общественными интересами¹¹.

Таким образом, если преступление носит общественно опасный характер, то оно всегда посягает не только на частный, но и на публичный интерес или на интерес личности, общества или государства, имеющий публичное значение¹². Публичное отношение должно регулироваться в императивном, публичном порядке. Именно поэтому вполне закономерной, единственно возможной реакцией на совершение преступления являются действия публичной власти, выражающиеся в применении уголовной ответственности. При этом фактическое общественное отношение «причинитель вреда» – общество сменяется правоотношением «преступник – государство».

Так, субъектами предупредительного правоотношения, возникающего в силу наличия уголовно-правового запрета, считаются государство и неограниченный круг лиц. Субъектами охранительного уголовного правоотношения, возникающего в случае совершения преступления, признаются государство и виновное в совершении преступления лицо. Субъектами регулятивного уголовного правоотношения, возникающего в результате совершения деяния, внешне похожего на преступление, однако в силу специально предусмотренных законодательных ограничений им не признаваемого, выступают государство и лицо, совершившее такое деяние. При этом во всех описанных случаях вся полнота определения содержания правоотношений и правовых последствий совершения преступления находится в руках государства. Думаем, что институты, относимые к частным, не исключение, хотя в современной уголовно-правовой науке высказываются иные мнения.

Например, Н. В. Генрих считает, что следует говорить о многосторонних правоотношениях, возникающих между потерпевшим, виновным в совершении преступления лицом и государством. Та же позиция высказывается в совместной статье Н. В. Генрих и В. Е. Квашица¹³. При этом главенствующая роль в предлагаемых правоотношениях всегда остается именно в руках государства, потерпевший привлекается государством для реализации государственных функций, «государство никогда не

оставляет потерпевшего наедине с преступником»¹⁴, правовой статус потерпевшего в рамках уголовных правоотношений остается специальным, он так и не становится полноправным самостоятельным участником этих отношений, а государство реализует свои полномочия «по совету», но не «с согласия» потерпевшего¹⁵. Полагая невозможным согласиться с данной позицией. Если в рамках правоотношения потерпевший не оказывает непосредственного влияния на виновное в совершении преступления лицо, а действует лишь опосредованно, при помощи или руками государства, то следует говорить о правоотношениях между государством и потерпевшим по поводу совершенного преступления и отдельно о правоотношениях между государством и виновным в совершении преступления лицом, а не о единых многосторонних правоотношениях между потерпевшим, государством и виновным лицом, поскольку последнее фактически отстраняется от прямого контакта с первым.

Именно о такой модели пишет Э. Л. Сидоренко: в результате совершения преступления возникают правоотношения субординационного характера «государство – преступник» и координационного характера «государство – потерпевший» и «потерпевший – преступник». Последние две группы правоотношений характерны, по ее мнению, лишь для посягательств на частный интерес и могут регламентироваться несколькими институтами уголовного права:

- примирением с потерпевшим (ст. 76 УК РФ);
- согласием потерпевшего на причинение вреда (примечания к ст. 122 и 201 УК РФ);
- индивидуализацией наказания в связи с положительным постпреступным поведением виновного (ст. 60 УК РФ);
- институтом уголовного преследования по делам частного и частно-публичного обвинения (ст. 20 УПК РФ).

При этом в случае возникновения координационных отношений их субъекты вправе самостоятельно избирать вариант поведения¹⁶.

Однако не во всех описанных случаях возникает равноправие субъектов. Например, примирение с потерпевшим возможно, лишь когда оно утверждено судом или органом, осуществляющим предварительное следствие, а значит, какое бы решение ни было принято потерпевшим в рамках правоотношения «потерпевший – преступник» и передано государству («государство – потерпевший»), окончательное решение

о применении или неприменении этого института – за государством, в рамках правоотношений «государство – преступник», где государству отведена господствующая роль. Та же ситуация возникает при индивидуализации наказания в связи с положительным постпреступным поведением виновного лица, так как пределы и конкретное выражение такой индивидуализации зависят только от государства. Это вполне соответствует классической модели уголовно-правовых отношений, усмотрение в которых присуще только государству в связи с «не просто карательным, а наиболее репрессивным механизмом правового регулирования», присутствующим уголовному праву и процессу¹⁷.

В то же время институты частного и частно-публичного обвинения не вписываются в общепринятое понимание уголовно-правовых отношений. Решение о содержании уголовного правоотношения в них отнесено к компетенции потерпевшего лица, что противоречит теории общественной опасности деяния, поскольку общественная опасность ставится в зависимость от мнения конкретного лица и перестает быть объективной категорией. Более того, такое решение принимает лицо, выведенное за пределы самого уголовно-правового отношения, причем именно в силу своей пристрастности, а также того, что первоначальное фактическое общественное отношение затрагивало не только интересы конкретного физического лица, но и общества в целом.

Несколько иная ситуация складывается в случаях, когда потерпевшее лицо дает согласие на причинение вреда (прим. к ст. 122 УК РФ). Здесь имеет место координация между потерпевшим и причинителем вреда, причем еще на стадии существования фактических общественных отношений, до появления уголовных правоотношений. Более того, правоотношения «государство – преступник» здесь отсутствуют, поскольку нет оснований для их возникновения.

Таким образом, полагаем, что расширение субъектного состава уголовно-правовых отношений за счет включения в них потерпевшего является необоснованным, а институты частного и частно-публичного обвинения противоречат классической модели уголовно-правовых отношений, а также пониманию преступления как общественно опасного деяния. Считаем, что в связи с изложенным данные институты должны быть исключены из Уголовно-процессуального кодекса РФ.

Список использованной литературы

¹ См.: Сидоренко Э. Л. Диспозитивный режим уголовно-правового регулирования : монография. М., 2013. С. 48.

² Там же. С. 209–210.

³ См., напр.: Чернышева Ю. А. Причинение смерти лицу по его просьбе: уголовно-правовое, уголовно-политическое, криминологическое и социально-правовое исследование : монография. М., 2011. С. 10.

⁴ Сидоренко Э. Л. Указ. соч. С. 143.

⁵ См.: Шуберт Л. Об общественной опасности преступного деяния / под ред. М. А. Гельфера. М., 1960. С. 10, 34.

⁶ См.: Торкунов М. А. Общественная опасность и криминализация деяний (военно-судебная практика) : монография. Киров, 2008. С. 29, 43; Шуберт Л. Указ. соч. С. 23–24, 94.

⁷ См., напр.: Мальцев В. В. Введение в уголовное право. Волгоград, 2000. С. 60–61.

⁸ См.: Генрих Н. В. Предмет и метод уголовно-правового регулирования: история, теория и практика. М., 2011. С. 60.

⁹ См.: Шуберт Л. Указ. соч. С. 34, 66.

¹⁰ См.: Торкунов М. А. Указ. соч. С. 29.

¹¹ См.: Козлов А. П. Понятие преступления. СПб., 2004. С. 703.

¹² См.: Шигина Н. В. Интерес в уголовном праве (методологический аспект) : монография / отв. ред. А. И. Чу-чаев. Владимир, 2007. С. 42.

¹³ См.: Квашиш В., Генрих Н. Содержание уголовно-правового отношения (концептуальная модель) // Уголовное право. 2010. № 4. С. 29–34.

¹⁴ См. подробнее: Генрих Н. В. Предмет и метод уголовно-правового регулирования: история, теория и практика. М., 2011. С. 86.

¹⁵ См.: Там же. С. 118–119.

¹⁶ См.: Сидоренко Э. Л. Указ. соч. С. 288, 273.

¹⁷ См.: Усмотрение в уголовном праве и уголовном процессе / Э. Жевлаков [и др.] // Уголовное право. 2010. № 1. С. 108–113.

Статья рекомендована к опубликованию научно-экспертным советом академии, протокол от 16 мая 2014 г. № 5.

УДК 343.1
ББК 67.410.2(4/8)
С89

R.V. SUVOROVA*

MEANS USED BY CONTROLLING OVER COMMITTING A CRIME

Аннотация: в статье рассматриваются вопросы, касающиеся правовых основ и порядка применения средств при осуществлении контроля за совершением преступления, освещаются основные проблемы правовой регламентации применения таких средств, предлагаются пути их решения.

Ключевые слова: контроль над совершением преступления, средства, используемые при проведении контроля над совершением преступления, технические средства, идентификационные средства, ложные средства.

Annotation: in the article the author considers the legal bases and order of use of means by controlling over committing a crime, describes the main problems of legal regulation of use of such means, offers ways to solve them.

Key words: control over committing a crime, means used by controlling over committing a crime, technical means, identification means, false means.

**РИММА
ВЛАДИМИРОВНА
СУВОРОВА***

СРЕДСТВА, ИСПОЛЬЗУЕМЫЕ ПРИ ПРОВЕДЕНИИ КОНТРОЛЯ ЗА СОВЕРШЕНИЕМ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Рассматривая вопрос контроля за совершением преступления как негласного следственного (розыскного) действия, необходимо уделить особое внимание средствам, применяемым при его осуществлении. Действующим Уголовным процессуальным кодексом Украины (УПК Украины) предусмотрено проведение негласных следственных (розыскных) действий, но четкой регламентации порядка их проведения и исчерпывающего перечня средств, которые применяются при их осуществлении, не установлено. Важно то, что контроль за совершением преступления, предусмотренный ст. 271 УПК Украины, включает в себя также проведение других негласных следственных (розыскных) действий, которые могут проводиться в его рамках с целью раскрытия и расследования преступлений. В связи с этим при определении средств, применяемых при проведении контроля за совершением преступления, следует принимать во внимание и средства контроля за совершением преступления, предусмотренные другими статьями УПК Украины.

В частности, при осуществлении контроля за совершением преступления могут быть необходимы и такие действия, как аудио- и видеоконтроль лица; наложение ареста на корреспонденцию, осмотр и выемка корреспонденции, снятие информации с транспортных телекоммуникационных сетей, снятие информации с электронных информационных систем; обследование публично недоступных мест, жилья или иного владения лица; установление местонахож-

* Слушатель магистратуры факультета подготовки специалистов для подразделений следствия (Харьковский национальный университет внутренних дел)
E-mail: rimma.suvorik@mail.ru.

дения радиоэлектронного средства; наблюдение за лицом, вещью или местом; аудио- и видеоконтроль места; негласное получение образцов, необходимых для сравнительного исследования, использование конфиденциального сотрудничества. Таким образом, под средствами, которые используются при проведении контроля за совершением преступления, следует понимать совокупность методов, способов, специальных технических средств, применяемых для получения фиксации и использования информации в противодействии преступности.

Статьей 273 УПК Украины регламентируются средства, используемые при проведении негласных следственных (розыскных) действий, в частности, предусмотрено, что по решению руководителя органа досудебного расследования, прокурора могут быть использованы заранее идентифицированные (помеченные) или ложные (имитационные) средства. С этой целью допускается изготовление и использование специальных вещей и документов, создание и использование специальных предприятий, учреждений, организаций. Использование заранее идентифицированных (имитационных) средств для других целей запрещается. При этом к идентифицированным (ложным) средствам относятся объекты материального мира (вещи, предметы, документы), на которые при проведении негласных следственных (розыскных) действий заранее была нанесена специальная метка, благодаря которой их можно отличать от других подобных. Указанные средства широко используются при осуществлении имитации обстановки преступления, специальном следственном эксперименте, контролируемой поставке, контролируемой и оперативной закупке. При этом для расследования тяжких и особо тяжких преступлений, как было указано выше, могут создаваться и использоваться имитационные предприятия, учреждения, организации. Такие предприятия имеют свой бюджет, осуществляют все деловые операции, необходимые для поддержания «легенды», и функционируют под контролем органа досудебного расследования. В случае возникновения необходимости решения задач уголовного судопроизводства с целью обеспечения проведения негласных следственных (розыскных) действий органами досудебного расследования могут изготавливаться и использоваться специальные вещи и документы с целью зашифровки лица и ведомственной принадлежности следователей и оперативных работников, лиц, сотрудничающих с ними конфиденциально, имитирования орудий или

предметов совершения преступления. Кроме того, в случае необходимости раскрытия до завершения досудебного расследования настоящих сведений о специально образованных предприятиях или в отношении лица, которое действует без раскрытия достоверных сведений о нем, об этом сообщается органу, сотрудником которого является лицо, которое осуществляет негласные следственные (розыскные) действия, и руководителю органа досудебного расследования, прокурору, принявшему решение об использовании таких средств во время проведения негласных следственных (розыскных) действий. Решение о раскрытии настоящих сведений об указанном лице, обстоятельства изготовления вещей, документов или специально образованного предприятия, учреждения, организации принимается руководителем органа досудебного расследования, прокурором, в случае необходимости в отношении лица, сведения о котором подлежат раскрытию, принимаются меры обеспечения безопасности, предусмотренные законом.

В ст. 252 УПК Украины предусмотрено, что фиксация хода и результатов проведения негласных следственных (розыскных) действий должна соответствовать общим правилам уголовного производства, по ее результатам составляется протокол, к которому в случае необходимости прилагаются приложения. Проведение негласных следственных (розыскных) действий может фиксироваться с помощью технических и других средств. Протоколы о проведении негласных следственных (розыскных) действий, аудио- и видеозаписи, фотоснимки, другие результаты, полученные с помощью применения технических средств, изъятые во время их проведения вещи и документы или их копии могут использоваться в доказывании на тех же основаниях, что и результаты проведения других следственных (розыскных) действий в ходе досудебного расследования¹.

Из этого положения следует, что контроль за совершением преступления может осуществляться с применением технических и других средств, необходимых для фиксации результатов проведения этого негласного следственного (розыскного) действия с целью дальнейшего использования в процессе доказывания в предусмотренном законом порядке. Но, учитывая положения уголовного процессуального законодательства Украины, можно сделать вывод о недостаточном правовом регулировании порядка и содержания применения технических средств в интересах уголовного судопроизводства и опе-

ративно-розыскной деятельности. Решением этого вопроса стало бы введение отдельной нормы, посвященной регламентации порядка, основаниям и содержанию применения специальных технических средств при осуществлении негласных следственных (розыскных) действий, в том числе контроля за совершением преступления и использования его результатов в уголовном производстве².

При рассмотрении вопроса о применении специальных технических средств следует обратить внимание на качество и возможности современных технических средств, которые могут применяться как уполномоченными органами в целях раскрытия и расследования преступлений, так и преступным элементом с целью противодействия таким органам. Проблемой также является нелегальное распространение и использование оперативно-технических средств. Этому способствуют социально-экономические факторы и явная недостаточная нормативно-правовая база по регулированию использования таких средств. Еще одним фактором, который оказывает влияние на тактику применения специальных технических средств при осуществлении негласных следственных (розыскных) действий и оперативно-розыскной деятельности, выступает возникновение и стремительное развитие рынка специальной техники защиты информации, в том числе электронного противодействия. Сотни фирм в настоящее время предлагают целый спектр импортной и отечественной техники защиты от простых индикаторов несанкционированного подключения к телефонным линиям, сложных компьютерных комплексов непрерывного радиомониторинга и современных систем охранного телевидения, сигнализации и управления доступом. Любое совершенствование или изобретение нового технического средства закономерно приводит к созданию соответствующего метода или средства защиты.

Как показывает практика, повышение латентности преступлений и профессионализма действий преступников в современный период, появление новых видов преступных действий требуют адекватных мер противодействия³.

Динамичное развитие информационных технологий, их влияние на социальное, экономическое, культурное развитие жизни позволяет уполномоченным органам широко использовать информационную сферу при проведении негласных следственных (розыскных) действий с целью раскрытия, расследования преступлений и

их профилактики. Так, возможно весьма эффективное использование сети Интернет при расследовании преступлений, связанных с похищением культурных ценностей, автотранспорта, а также для выявления предметов, запрещенных в гражданском обороте (наркотики, оружие, взрывчатые вещества, ядохимикаты). Например, фиксирование веб-страницы сайта, на котором осуществляется продажа антиквариата, где представлены фотографии предметов, их описание, адреса, телефоны и другие данные для связи с продавцом, может составлять ценную информацию для осуществления оперативной и контролируемой закупки. Сохраненные на магнитных носителях объекты можно предъявлять для опознания потерпевшим. Контролируемая поставка позволяет отслеживать маршрут следования информационных объектов негласных следственных (розыскных) действий для выявления замаскированных преступлений и установления лиц, причастных к их подготовке и совершению. Почти вся аудио-, видео- и текстовая информация, которая находится на страницах сайтов в сети Интернет, разыскивается пользователями путем формирования соответствующих запросов в специальных поисковых сервисах. Необходимо отметить, что различные поисковые сервисы используют свои внутренние правила и разнообразных роботов, из-за чего их поисковые индексы и базы данных могут значительно отличаться друг от друга. Именно поэтому во время поиска информации, представляющей тактический или оперативный интерес, необходимо пользоваться различными поисковиками⁴.

Безусловно, эффективность использования материалов оперативно-розыскной деятельности увеличится, если они будут обработаны в информационно-аналитических системах и переданы по каналам электронной почты. В соответствии со ст. 8 Закона Украины «Об оперативно-розыскной деятельности» оперативным подразделениям для выполнения задач оперативно-розыскной деятельности при наличии предусмотренных ст. 6 Закона оснований предоставляется право, в частности, создавать и применять автоматизированные информационные системы⁵.

Ложные (имитационные) средства, применяемые при проведении негласного следственного (розыскного) действия, в том числе контроля за совершением преступления, могут использоваться в процессе доказывания в суде в качестве первичных средств или орудий совершения преступления, кроме случаев, когда суд

установит нарушение требований Уголовного процессуального кодекса Украины во время проведения соответствующего негласного следственного (розыскного) действия. Суду должны быть представлены материалы, удостоверяющие законность использования таких средств. Лица, которые принимали участие в осуществлении контроля за совершением преступления и использовали в ходе его проведения имитационные средства, могут быть допрошены как свидетели по основаниям их использования, соблюдения законности в ходе их применения для получения сведений, которые могут быть основой для формирования доказательств в уголовном производстве. Если суд установит нарушения или несоблюдения требований действующего законодательства в процессе изготовления

и использования таких средств или несоответствующего их применения при проведении негласного следственного (розыскного) действия, указанные средства по решению суда не могут быть использованы в качестве доказательств⁶.

На основании изложенного можно сделать вывод о том, что средства, которые применяются при проведении негласных следственных (розыскных) действий, в том числе контроля за совершением преступления, играют очень важную, а в ряде случаев решающую роль при расследовании преступлений. Необходимо дальнейшее усовершенствование правового регулирования применения таких средств и повышение профессионального мастерства сотрудников по их использованию.

Список использованной литературы

¹ См.: Уголовный процессуальный кодекс Украины : науч.-практ. комментарий : в 2 т. / А. М. Бандурка [и др.] / под общ. ред. В. Я. Тация, В. П. Пшонки, А. В. Портнова. Харьков, 2012. Т. 1.

² См.: Пидюков П. П. Использование в уголовном судопроизводстве специальных технических средств при осуществлении негласных следственных (розыскных) действий : история, современное состояние и перспективы // Научная и правоохранительная деятельность. 2013. № 1 (19). С. 190–193.

³ См.: Теория оперативно-розыскной деятельности : учебник / под ред. К. К. Горяинова, В. С. Овчинского, Г. К. Синилова. М., 2010.

⁴ См.: Максимус Д. А., Юхно А. А. Использование современных информационных технологий работниками органов внутренних дел при проведении негласных следственных (розыскных) действий : учеб. пособие. Харьков, 2013.

⁵ См.: Бандурка А. М. Теория и практика оперативно-розыскной деятельности : монография. Харьков, 2012. С. 620.

⁶ См.: Максимус Д. А., Юхно А. А. Указ. соч.

Статья рекомендована к опубликованию научно-экспертным советом академии, протокол от 21 февраля 2014 г. № 2.

УДК 343.2
ББК 67.408.06
С91

S.N. SUKHAREV*

QUALIFICATION OF ART. 321 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION TO MINORS

Аннотация: в статье отражены проблемы квалификации дезорганизации деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества в отношении несовершеннолетних, а также предложения по совершенствованию теории квалификации преступлений в отношении лиц рассматриваемой возрастной категории.

Ключевые слова: Уголовный кодекс РФ, преступность несовершеннолетних, воспитательные колонии, дезорганизация, несовершеннолетние осужденные.

Annotation: in the article the author considers the problems of qualification of disorganization of activity of correctional establishments for minors, presents suggestions for improvement of theory of qualification of crimes to minors.

Key words: qualification, Criminal Code of the Russian Federation, crimes among minors, educational colonies, disorganization, juvenile inmates.

**СЕРГЕЙ
НИКОЛАЕВИЧ
СУХАРЕВ***

ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ СТ. 321 УК РФ В ОТНОШЕНИИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

Проблема квалификации исследуемого нами преступления является не только одной из сложных в уголовном законодательстве нашей страны, но и наиболее значимой для практического расследования и судебного разбирательства.

Основное материально-правовое содержание понятия «квалификация» заключается в том, что именно она является официальным признанием наличия юридического факта, который порождает регулятивные уголовно-правовые отношения и следствием которого является уголовная ответственность лица, совершившего преступление¹. Квалификация преступлений – установление congruэнтности между совершенным общественно опасным деянием и деянием, предусмотренным в законе как преступление. А. В. Наумов и А. С. Новиченко считают, что «правовая норма – объективное средство формирования правовой оценки, выражающейся в квалификации деяния, ее объективный эталон истинности»².

Точная квалификация совершенных преступлений является одним из средств, реализующих социальную справедливость, обеспечивающих законность, охрану прав и интересов граждан, в том числе несовершеннолетних³.

Таким образом, необходимым и решающим условием правильной квалификации дезорганизации деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества, совершенной несовершеннолетним осужденным, является точный социально-правовой анализ признаков совершенного им преступления. Вместе с тем установление тождества фактических обстоя-

* Адъюнкт факультета подготовки научно-педагогических кадров (Академия ФСИН России)
E-mail: syharev-s@mail.ru.

тельств совершенного несовершеннолетним осужденным преступления и признаков соответствующей уголовно-правовой нормы выступает основным условием соблюдения законности при отправлении правосудия в отношении несовершеннолетнего по исследуемому нами преступлению.

Отношение общества и государства к процессу применения норм уголовного законодательства в отношении несовершеннолетних – это проявление политической воли, ее линии и направления, определяемых ее значимостью для подрастающего поколения. В условиях демократического правового государства точное соблюдение закона является конституционным принципом, закрепленным в ст. 15 Конституции РФ⁴.

Квалификация действий несовершеннолетнего, совершившего дезорганизацию деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества, является официальным признанием того факта возникновения определенных уголовно-правовых отношений между несовершеннолетним осужденным и государством, и вместе с тем выступает как юридическая социально-политическая оценка этого решения. В связи с этим проблемы конструирования ст. 321 УК РФ могут привести к ошибке при квалификации данного преступления и повлечь за собой не только назначение неправильной меры наказания, но и целый ряд других негативных последствий как для осужденного несовершеннолетнего, так и для государства.

Возникшие уголовно-правовые отношения между несовершеннолетним, совершившим дезорганизацию деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества, и государством, которые вытекают из факта совершения преступления несовершеннолетним, направлены на реализацию взаимных прав и обязанностей этих субъектов в связи с применением уголовного закона по факту совершения данного преступления. Следовательно, юридическим фактом, порождающим возникновение такого уголовно-правового отношения, является совершение конкретным несовершеннолетним осужденным интересующего нас преступления, где субъектом уголовно-правового отношения является, с одной стороны, несовершеннолетний, совершивший дезорганизацию деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества, с другой – государство в роли уполномоченного им органа с определенными компетентными обязанностями⁵.

Таким образом, содержанием такого уголовно-правового отношения являются корреспондирующие права и обязанности субъектов, при

том что определенному праву одного из субъектов соответствует сходная обязанность противостоящего субъекта. Например, государство имеет право потребовать от правонарушителя, в том числе несовершеннолетнего, отчитаться в содеянном им преступлении, а также подвергнуть его осуждению и мерам уголовно-правового принуждения. Данному праву государства соответствует обязанность несовершеннолетнего правонарушителя отчитаться перед государством в содеянном им преступлении, далее подвергнуться осуждению и мерам уголовно-правового принуждения. При этом несовершеннолетний правонарушитель обладает правом отвечать только на основании нарушенного закона и в пределах, очерченных законом⁶. Этому праву лица, совершившего дезорганизацию деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества, соответствует обязанность государства ограничить рамки своих претензий к правонарушителю пределами, очерченными законом. Эти пределы и находят свое выражение в правильной квалификации его действий.

Все перечисленные правила классификации исследуемого нами преступления, совершаемого несовершеннолетним, применимы и к взрослым лицам, но за исключением необходимости установления точного возраста несовершеннолетнего, а также его психического и физического развития, от чего будет зависеть наступление уголовной ответственности, так как установление возраста входит в число обстоятельств, подлежащих доказыванию по делам несовершеннолетних.

Все преступления, перечисленные в ч. 2 ст. 20 УК РФ, ответственность за которые наступает с 14 лет, являются умышленными, поэтому действия несовершеннолетних, совершивших указанные в настоящей статье преступления, могут быть квалифицированы только при доказанности умысла на это.

Возникают определенные трудности в вопросах квалификации действий подростков в возрасте от 14 до 16 лет, совершивших дезорганизацию деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества, за которое ответственность наступает с шестнадцатилетнего возраста. При квалификации преступлений, особенно совершенных лицами в возрасте от 14 до 16 лет, нельзя руководствоваться такими правилами, как конкуренция общей (родовой) и специальной (видовой) норм, конкуренция части и целого и др.

Например, пятнадцатилетний подросток, отбывающий наказание в виде лишения свободы в воспитательной колонии, ознакомленный с

требованиями, предъявляемыми к несовершеннолетним осужденным, прекрасно понимающий, что можно делать, а что нельзя, применяет насилие, не опасное для жизни и здоровья сотрудника места лишения свободы или места содержания под стражей в связи с осуществлением им служебной деятельности. Представляется, что такие действия нельзя квалифицировать по ч. 2 ст. 321 УК РФ, так как уголовная ответственность за дезорганизацию деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества, наступает с шестнадцати лет. Следовательно, действия несовершеннолетнего по дезорганизации деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества, не образуют состава преступления, предусмотренного ст. 321 УК РФ. Следовательно, встает вопрос: как квалифицировать данное деяние, на который до сегодняшнего дня законодатель не может ответить. Такое же положение дел относится и к ч. 1 ст. 321 УК РФ.

Подростки в возрасте от 14 до 16 лет, совершившие исследуемое нами преступление, могут нести уголовную ответственность лишь по ч. 3 ст. 321 УК РФ.

Например, подросток в возрасте от 14 до 16 лет в составе организованной группы применяет насилие к сотруднику места лишения свободы или места содержания под стражей или к другому осужденному с целью воспрепятствовать его исправлению. Только в этом случае законодатель предусмотрел ответственность несовершеннолетних. Данное преступление следует квалифицировать не по ч. 3 ст. 321 УК РФ, а по ч. 3 ст. 111 УК РФ⁷. Следовательно, наблюдается обратный порядок, то есть действия, подпадающие под видовой состав из-за возрастного признака субъекта, квалифицируются по родовому составу.

Общее правило для квалификации преступлений при конкуренции части и целого не всегда применимы к преступлениям несовершеннолетних в возрасте от четырнадцати до шестнадцати лет.

Так, если подросток, не достигший шестнадцатилетнего возраста, совершает исследуемое нами преступление в составе организованной группы, а группа непосредственно вооружается в целях применения насилия, то по общему правилу преступление, предусмотренное ст. 321 УК РФ, должно трансформироваться в более тяжкое – бандитизм (ст. 209 УК РФ). Например, в 2007 г. в Биробиджанской воспитательной колонии произошла массовая драка несовершеннолетних осужденных в помещении клуба, в результате чего воспитанникам, работаю-

щим в клубе, были нанесены телесные повреждения различной тяжести. При осмотре места происшествия были обнаружены палки с вбитыми в них гвоздями, что свидетельствует о предварительной подготовке преступления. Их действия нельзя квалифицировать по ст. 209 УК РФ, так как и за дезорганизацию деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества, ответственность наступает с шестнадцатилетнего возраста. Они будут нести уголовную ответственность за фактически совершенное преступление по соответствующим статьям УК РФ, составляющим части целого (разбой, умышленное причинение тяжкого вреда здоровью).

Приведенные ситуации квалификации общественно опасных деяний, совершаемых подростками рассматриваемой возрастной категории, свидетельствуют о том, что не всегда применимо общее правило квалификации преступлений при конкуренции норм, являющихся частью и целым относительно друг друга. В соответствии с этим правилом если из двух или множества норм одна охватывает все совершенные деяния, количество и общественную опасность всех последствий, а другая – отдельные части деяния, только некоторые из последствий, то по общему правилу теории квалификации преступлений применяется норма, которая охватывает с наибольшей полнотой все фактические признаки совершенного общественно опасного деяния. Так, более широким и полным по объему и характеру действий будет дезорганизация деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества по сравнению с умышленным причинением тяжкого вреда здоровью, по объекту и характеру действий массовые беспорядки по сравнению с хулиганством. Однако, если подросток с 14 до 16 лет будет принимать активное участие в массовых беспорядках, дезорганизации деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества, его действия квалифицируются как хулиганство и умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, если таковое имеется. С практической позиции правоприменительных органов такой подход при квалификации преступлений четырнадцати- и шестнадцатилетних подростков объясняется тем, что ответственность за данные преступления наступает с шестнадцатилетнего возраста, что эти преступления, как правило, двухобъектны или включают в себя тот или иной самостоятельный состав как часть объективной стороны (например, часть объективной стороны дезорганизации деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества).

Если учесть, что всякое преступление нарушает нормальное функционирование множества общественных отношений или ставит их в опасность такого нарушения, что свидетельствует о многообъектности всех преступлений, то фактически ответственность четырнадцати- и пятнадцатилетних подростков может выходить далеко за пределы ст. 20 УК РФ «Возраст, с которого наступает уголовная ответственность».

По нашему мнению, случаи такой квалификации искажают криминологическую характеристику преступности несовершеннолетних (их структуру), ставят под сомнение законность таких приговоров не только среди юристов, но и у всего населения.

Искажение информации при квалификации преступлений несовершеннолетних значительно снижает эффективность разрабатываемых мер борьбы с преступностью лиц этой возрастной категории. Как отмечает В. В. Орехов, «информация должна быть достоверной. Управлять конкретно – значит управлять на основе достоверной и научно отработанной информации... Отсутствие надежной информации является источником субъективизма, часто волевых необоснованных решений и действий, не совместимых с научным управлением... Успех борьбы с преступностью, научность управления преступностью, следовательно, зависят во многом от надежности, объективности информации, исключаяющие какие-либо искажения статистических данных о преступности и мерах борьбы с ней»⁸.

Следует отметить, при квалификации действий несовершеннолетних, совершивших дезорганизацию деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества, необходимо также учитывать, что в соответствии с п. «б» ч. 4 ст. 18 УК РФ судимости за преступления, совершенные лицом в возрасте до восемнадцати лет, не учитываются при признании реци-

дива преступлений, в том числе в случаях, когда судимость не снята или не погашена.

Таким образом, с учетом проведенного краткого анализа криминальной ситуации в сфере порядка исполнения уголовных наказаний, необходимости обеспечения действенной охраны лиц, реализующих решения суда, а также особенностей конструирования изучаемых составов преступлений, мы считаем целесообразным внести следующие коррективы в систему уголовно-правовых норм, регламентирующих ответственность за преступления, дезорганизующие деятельность учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества.

Совершенствование теории квалификации преступлений в отношении лиц рассматриваемой возрастной категории имеет важное практическое значение, потому что 14–15-летние составляют сегодня треть всех несовершеннолетних преступников. Теория квалификации преступлений должна разрабатываться на основе качественного закона и социально справедливой судебной-следственной практики. В новом уголовном законодательстве следует исключить, например, конкуренцию родовых и видовых составов. Закон должен быть сконструирован таким образом, чтобы видовой состав являлся признаком квалифицированного или привилегированного состава. Так, в ст. 111 УК РФ «Умышленное причинение тяжкого вреда здоровью» следует включить: «*в отношении сотрудника места лишения свободы или места содержания под стражей либо его близких*» и «*в отношении осужденного к лишению свободы или в отношении лица, содержащегося под стражей*». Кроме того, такое законодательство упростит технику его применения, будет более понятно населению (исполнителю закона) и позволит избежать не всегда обоснованной критики в свой адрес.

Список использованной литературы

- ¹ См.: Энциклопедия уголовного права. СПб., 2008. Т. 11: Уголовная ответственность несовершеннолетних. С. 77–79.
- ² Наумов А. В., Новиченко А. С. Квалификация преступления как логическая форма юридической оценки // Правоведение. 1981. № 2. С. 88.
- ³ См.: Примаченко А. А. Совершенствование уголовно-правовой системы мер борьбы с правонарушителями несовершеннолетних / под ред. М. А. Ефимова. Минск, 1990. С. 154–155.
- ⁴ См.: Зиядова Д. З. Некоторые проблемы уголовной ответственности несовершеннолетних // Конституционные основы уголовного права : материалы Всерос. конгресса по уголовному праву / отв. ред. В. С. Комиссаров. М., 2006. С. 78.
- ⁵ См.: Машинская Н. В. Ответственность и защита прав несовершеннолетних по уголовному законодательству Российской Федерации : учеб. пособие для студентов вузов. Архангельск, 2008. С. 146.
- ⁶ См.: Чапурко Т. М. Уголовно-правовые средства предупреждения преступлений несовершеннолетних. М., 1998. С. 76–80.
- ⁷ См.: Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / под общ. ред. В. М. Лебедева. М., 2003.
- ⁸ Орехов В. В. Социальное планирование и вопросы борьбы с преступностью. Л., 1972. С. 56–57.

Статья рекомендована к опубликованию научно-экспертным советом академии, протокол от 24 января 2014 г. № 1.

УДК 343.8
ББК 67.409.13
Ю56

S.A. YUNUSOV*

CURRENT PROBLEMS OF INVOLVEMENT OF CONVICTED PERSONS IN LABOUR IN THE CONTEXT OF REALIZATION OF THE PRINCIPLE OF JUSTICE IN THE PENAL ACTIVITY

Аннотация: в статье рассматривается вопрос об обязательном привлечении осужденных к труду, приводятся философские, теоретическо-правовые аргументы, анализируется положение дел в подразделениях ФСИН России по максимальному обеспечению трудом спецконтингента и расширению связи по занятости трудом лиц, лишенных свободы.

Ключевые слова: осужденные, труд, производство, продукция, трудоустройство, привлечение к труду, обязанность, лишение свободы, зарплата, решение суда, иск, возмещение ущерба.

Annotation: in the article the author considers the issue of obligatory involvement of convicted persons in labour, adduces philosophical, theoretical and legal arguments, analyses the situation of providing of prisoner with labour activities in units of the FPS of Russia and expansion of employment of prisoners.

Key words: convicted persons, labour, factory, production, labour use, involvement in labour, responsibility, imprisonment, reward, court decision, claim, compensation of damage.

Любой труд и вообще деятельность издревле является для человека основой его функционирования как личности, а также увлечением, в этом заключается сущность индивида.

Одной из важных проблем уголовной политики и практики является труд осужденных, в том числе вопрос о том, должен ли он быть обязательным или добровольным. Мнения на этот счет различны среди правозащитников и граждан нашего государства, не связанных с уголовно-исполнительной системой (УИС). Официальная позиция по этому вопросу, закрепленная законодательно, заключается в том, что все осужденные к лишению свободы обязаны трудиться.

Практика показывает, что в тех подразделениях ФСИН России, где осужденные привлечены к труду (конечно, желательно по профессии), меньше преступлений или нет совсем, потому что они увлечены делом, у них не возникают противоправных замыслов.

Исходя из этого подразделения ФСИН России участвуют в реализации экономической функции государства, так как данное направление имеет стратегическое значение, ведь они всегда производили и производят определенное количество промышленной продукции, что является важным фактором национальной безопасности и финансовой стабильности страны, поэтому для реализации уголовной ответственности и наказания, серьезным моментом становится трудоустройство осужденных в различных сферах производства.

**САМУР
АБДУЛЖАБАРОВИЧ
ЮНУСОВ***

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРИВЛЕЧЕНИЯ ОСУЖДЕННЫХ К ТРУДУ В КОНТЕКСТЕ РЕАЛИЗАЦИИ ПРИНЦИПА СПРАВЕДЛИВОСТИ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ УИС

* Преподаватель-методист юридического факультета
(Академия ФСИН России)
E-mail: editor62@yandex.ru.

Согласно ст. 103 УИК РФ каждый осужденный к лишению свободы обязан трудиться в местах и на работах, определяемых администрацией исправительных учреждений, а она, в свою очередь, должна привлекать осужденных к труду с учетом их пола, возраста, трудоспособности, состояния здоровья и, по возможности, специальности, а также исходя из наличия рабочих мест. Осужденные привлекаются к труду в центрах трудовой адаптации осужденных и производственных (трудовых) мастерских исправительных учреждений, на федеральных государственных унитарных предприятиях уголовно-исполнительной системы и в организациях иных организационно-правовых форм, расположенных на территориях исправительных учреждений и (или) вне их при условии обеспечения надлежащей охраны и изоляции¹.

Некоторые специалисты считают, что труд должен быть добровольным, ибо принудительный – не дает никакого эффекта. Сегодня многие страны мира пошли по пути применения добровольного труда, есть некие системы поощрения, которые применяются в отношении тех, кто работает, – сокращение срока наказания, заработная плата, улучшение условий содержания. Но в целом труд является добровольным.

Сегодняшние сторонники такой позиции считают, что переход к добровольному труду выступает необходимой предпосылкой того, чтобы система исполнения наказаний реально изменилась в сторону гуманизации и эффективности.

В настоящее время суды, назначая наказания подсудимым, также исходят из того, что составным элементом лишения свободы является обязанность осужденного трудиться. По оценкам экспертов, примерно 60 % заключенных трудятся в силу собственного выбора – по разным причинам: из-за желания трудиться, намерения получить профессию, выплатить иск, помогать своим родным.

Если рассматривать вопрос о труде заключенных с точки зрения международного права, то можно отметить, что в тюремных заведениях хотя и разрешается принудительный труд, но подразумевается, что он не должен унижать человеческое достоинство². Наши исправительные учреждения не часто могут этим похвастаться.

Во многих колониях труд, скорее всего, похож на добровольный. Многие осужденные работают по нормам трудового законодательства, получают определенную заработную плату. В исправительных колониях вырабатывают позитивное отношение к труду как таковому, и это, в свою очередь, способствует правопослушно-

му поведению человека после освобождения из мест лишения свободы. В результате система сама предупреждает рецидив.

Косвенно это подтверждается и недавним социологическим опросом, проведенным лабораторией политических исследований Научно-исследовательского университета – Высшей школы экономики среди осужденных колонии строгого режима. Ученые выясняли политические взгляды заключенных, в том числе спрашивали у них о будущем. Опрошенные стремятся найти хорошую работу после освобождения. Сегодня, например, есть предложение создать из тюрем коммерческие предприятия, чтобы заключенные и себя обеспечивали пока отбывают наказание, и профессию получали, чтобы после освобождения работать столяром или плотником. Такая система уже развивается, и производственная деятельность в местах лишения свободы направлена прежде всего на решение вопросов ресоциализации личности, восстановления и закрепления у осужденных трудовых навыков, необходимых для их адаптации в обществе, а также выплат потерпевшим.

В настоящее время производственная база уголовно-исполнительной системы включают в себя 53 унитарных предприятия, 587 центров трудовой адаптации осужденных, более 90 учебно- и лечебно-производственных мастерских³. В 2012 г. выпущено более 100 тыс. наименований товарной продукции, выполнено работ и оказано услуг на сумму свыше 30 млрд руб. Почти 37 % осужденных занято на оплачиваемых работах, в прошлом году эта цифра составляла 32 %. Отмечается и рост средней заработной платы – со 166 до 172 рублей в день. Кроме того, предпринимаются меры по дальнейшему увеличению заработной платы осужденных, их заинтересованности в результатах своего труда. ФСИН России предлагает оценивать стремление осужденного к труду как важнейший фактор его исправления и возможность освободиться условно-досрочно.

На сегодняшний день в российских колониях отбывают наказание около 600 тыс. осужденных. Примерно 200 тыс. из них работают и ежегодно производят тысячи различных товаров общей стоимостью свыше 32 млрд рублей⁴.

В связи с получением такой прибыли для расширения возможности трудоустройства спецконтингента и для наибольшего охвата осужденных трудом руководство ФСИН России сделало инициативные шаги для создания общего со Сбербанком России Торгового дома, который будет заниматься продажей готовой

продукции, производимой в исправительных учреждениях уголовно-исполнительной системы.

Торговый дом будет принимать участие в торгах и размещать заказы в учреждениях УИС. В результате появится необходимое звено, которое соединит государственные структуры с производителями продукции. Осуществление финансирования через единый центр позволит повысить прозрачность в сфере реализации продукции пенитенциарных учреждений, обладающих мощным производственным потенциалом. Торговый дом будет создан в виде федерального государственного унитарного предприятия.

Три десятка предприятий Федеральной службы исполнения наказаний уже в 2014 г. начнут работать под единым брендом «Торговый дом ФСИН России», который будет полностью поддерживаться Сбербанком России.

Новая политика даст возможность отказаться от невыгодных услуг посредников, а также поможет активнее участвовать в конкурсах и торгах, увеличить объемы продаж за счет успешно работающего за рубежом бренда «Сделано в тюрьме».

Практически все детские площадки, дорожные бордюры делаются руками осужденных. В некоторых исправительных учреждениях есть даже доменные печи, и немногие, наверное, знают, что большинство булатных ножей, продающихся в известных оружейных магазинах, произведены в колониях. Спецдежда, в том числе для полицейских, шьется тоже осужденными. Выпущенные в колониях товары реализуются созданными при исправительных учреждениях казенными учреждениями через коммерсантов, которые и назначают цены. В будущем ситуация, когда коммерсанты напрямую работают с федеральными казенными учреждениями и сами договариваются о ценах, будет исключена. Единой площадкой для реализации всех контрактов и участия в конкурсах станет Торговый дом, который планируется создать в Москве на базе одного из федеральных государственных унитарных предприятий ФСИН России. Кроме того, в рамках создания Торгового дома будет открыт магазин, в котором можно будет купить сделанные в колониях товары, которые сейчас (без указания производителя) лежат на прилавках дорогих магазинов, в том числе оружейных.

В колониях производят оригинальные, востребованные товары, но у нас нет той объединяющей структуры, которая занялась бы продвижением этих товаров на рынок⁵.

Несмотря на существующие проблемы – социально-экономические и связанные с низкой

заработной платой – труд осужденных, тем не менее, должен оставаться обязательным. И не только потому, что это утверждено в ст. 103 Уголовно-исполнительного кодекса (УИК) РФ и закреплено рядом решений Конституционного Суда, но и потому, что хотя бы в некоторой степени создает возможности для выплаты осужденными иском по исполнительным листам и является одним из средств исправления.

На данный момент из-за невозможности подбора квалифицированных кадров предприятия УИС оказываются неконкурентоспособными в условиях рыночной экономики. Им необходима государственная поддержка, формы которой еще предстоит выработать. Это понадобится и при сегодняшнем принудительном характере труда, и если труд перестанет быть подневольным.

Все это, однако, не снимает вопроса о том, какой труд должен быть в наших колониях – обязательный или добровольный. Человек в исправительном учреждении по определению находится в сильной зависимости от администрации, так что даже добровольный по закону труд можно сделать добровольно-принудительным. Основная задача – добиться, чтобы труд стал максимально творческим по характеру и достойным по условиям работы и денежному вознаграждению. Тогда он будет приносить удовлетворение, создаст у осужденного положительную мотивацию, и цель наказания будет достигнута.

Исходя из изложенного следует отметить, что для стимулирования труда осужденных, повышения их доходов, а также эффективного возмещения исковых требований и государственных затрат на их содержание необходимо привести ч. 1 ст. 103 УИК РФ в соответствие с ч. 3 ст. 13 Закона РФ «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы». В связи с этим следует:

– в ч. 1 ст. 103 УИК РФ слова «Администрация исправительных учреждений обязана привлекать осужденных к общественно полезному труду с учетом их...» заменить словами: «Администрация исправительных учреждений обязана обеспечить осужденных работой с учетом их...»;

– дополнить ст. 11 УИК РФ ч. 7, сформулировав ее следующим образом: «Осужденные обязаны трудиться на федеральных государственных унитарных предприятиях уголовно-исполнительной системы и собственном производстве учреждений, исполняющих наказания»;

– установить единую методику исчисления трудового стажа для работающих осужденных;

– урегулировать порядок приобретения администрацией исправительных учреждений трудовых книжек для осужденных в случае их отсутствия в личном деле.

Подводя итог, можно отметить, что для успешной реализации общеправового принципа справедливости и функции уголовно-исполнительного права целесообразно использовать труд лиц, лишенных свободы, в различных возможных сферах трудовой деятельности.

На наш взгляд, следует расширить сеть колоний-поселений, воссоздать специальные комендантуры (которые функционировали в советское время), что даст возможность сохранения социальных

связей с обществом, со структурами гражданского общества, с семьей и родственниками. Поддерживая связи с членами семьи, осужденный остерегается от совершения противоправных действий, у него возникает мотивация отказа от девиантного поведения. Занятие трудом является подспорьем для эффективного финансирования и функционирования уголовно-исполнительной системы, а также успешной реализации уголовной ответственности наказания.

Любой труд по природе должен носить обязательный характер, ибо такая деятельность представляет собой сущностную ценность каждого человека.

Список использованной литературы

¹ См.: Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации (по состоянию на 25 января 2014). М., 2014. С. 52.

² См.: URL: <http://prison.org/clouds/clouds190313-2.shtml>.

³ См.: URL: <http://фсин.пф/structure/inspector/iao/statistika/Kratkaya%20har-ka%20UIS>.

⁴ См.: URL: <http://fsin.su/statistics>.

⁵ См.: Там же.

Статья рекомендована к опубликованию научно-экспертным советом академии, протокол от 28 марта 2014 г. № 3.

УДК 343.8
ББК 67.409.13
С32

E.V. SEREDA*

PRISONERS' RIGHT TO MEDICAL CARE

Аннотация: в статье рассматривается возможность реализации права на получение медицинской помощи и охрану здоровья лицами, содержащимися в пенитенциарных учреждениях.

Ключевые слова: пенитенциарные учреждения, медицинская помощь, охрана здоровья, подозреваемые, обвиняемые, осужденные, исправительные учреждения, следственные изоляторы.

Annotation: this article is devoted to realization of prisoners' right to medical care and health protection.

Key words: penal establishments, medical care, health protection, suspected persons, accused persons, convicted persons, correctional establishments, pretrial detention centers.

Право лиц, содержащихся в пенитенциарных учреждениях, на охрану здоровья, как и всех граждан Российской Федерации, закреплено в ст. 41 Конституции РФ. В ст. 29 Основ законодательства Российской Федерации «Об охране здоровья граждан» также говорится о том, что лица, отбывающие наказание в местах лишения свободы, имеют право на получение медицинской помощи.

Аналогичная норма содержится и в ч. 6 ст. 12 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации (УИК РФ), где указывается, что «осужденные имеют право на охрану здоровья, включая получение первичной медицинской помощи в амбулаторно-поликлинических или стационарных условиях в зависимости от медицинского заключения», а в ст. 101 УИК РФ отмечается, что «администрация исправительных учреждений несет ответственность за выполнение установленных санитарно-гигиенических и противоэпидемических требований, обеспечивающих охрану здоровья осужденных». Это касается и граждан, находящихся в статусе подозреваемых и обвиняемых. Права последних закреплены в п. 9 ст. 17 Федерального закона «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений». Кроме того, в соответствии со ст. 99 Уголовно-процессуального кодекса РФ при избрании меры пресечения необходимо наряду с учетом тяжести содеянного, личности подозреваемого или обвиняемого принимать во внимание состояние его здоровья.

Таким образом, можно констатировать, что существует достаточно детальная законода-

**ЕЛЕНА
ВАСИЛЬЕВНА
СЕРЕДА***

ПРАВО НА ПОЛУЧЕНИЕ МЕДИЦИНСКОЙ ПОМОЩИ ЛИЦАМИ, СОДЕРЖАЩИМИСЯ В ПЕНИТЕНЦИАРНЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ

* Доктор юридических наук, профессор, начальник организационного управления Аппарата Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации
E-mail: editor62@yandex.ru.

тельная и нормативно-правовая регламентация охраны жизни и здоровья лиц, находящихся в пенитенциарных учреждениях.

Как свидетельствует правоприменительная практика, фактическое состояние дел в этой области оставляет желать лучшего. Однако нет сомнения в том, что доступная и качественная медицинская помощь, предоставляемая всем лицам, содержащимся в пенитенциарных учреждениях, в условиях ограничения и лишения свободы должна устранять негативные последствия для личности и являться частью комплекса мероприятий по ресоциализации освобожденных из мест лишения свободы. В связи с этим на современном этапе развития уголовно-исполнительной системы задача сохранения здоровья лиц, содержащихся в пенитенциарных учреждениях, становится едва ли не самой важной.

Произошедшие в последние годы негативные события, касающиеся не оказания надлежащей медицинской помощи лицам, содержащимся в пенитенциарных учреждениях, и приведшие в итоге к летальному исходу некоторых из них, привлекли к проблеме медицинского обеспечения в пенитенциарных учреждениях повышенное внимание юристов и общественности.

Анализ проблемы позволяет говорить о ее двух составляющих, связанных между собой. Первая заключается в низком качестве оказания медицинской помощи лицам, содержащимся в пенитенциарных учреждениях, а вторая – в недостаточном качестве и количестве санитарно-гигиенических мероприятий, которые необходимо проводить в этих учреждениях.

На наш взгляд, к основным направлениям реализации прав лиц, содержащихся в следственных изоляторах и исправительных колониях, на охрану здоровья относятся в первую очередь необходимость обеспечения условий гигиены и санитарии, предоставление медицинской помощи заболевшим в этих учреждениях. Причем последняя составляющая упирается еще в одну важную проблему – переполнение следственных изоляторов и исправительных колоний. Несмотря на то что в связи с прошедшими амнистиями количество лиц, содержащихся в пенитенциарных учреждениях, несколько снизилось, проблема скученности содержащихся в них остается довольно актуальной.

Об этом говорили ученые на всех этапах существования нашего государства. Еще И. Я. Фойницкий отмечал, что «о заботах санитарных не было и речи, тюрьмы были переполнены, тюремные сидельцы содержатся в помещениях, наименее удобных для жизни... Для больных

не было особых помещений, они тут же умирали. Теснота была настолько страшной, что узники "лежали"»¹. Часто и сегодня при посещении следственных изоляторов возникает впечатление, что мы находимся в том же XIX веке.

Полагаем, что одним из средств реализации целей Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года, направленных на то, чтобы в первую очередь разгрузить пенитенциарные учреждения и создать нормальные условия для лиц, отбывающих наказание, и лиц, находящихся в следственных изоляторах на стадии предварительного следствия, является повышение уровня санитарного и медицинского обеспечения всех лиц, содержащихся в пенитенциарных учреждениях.

Однако, несомненно, необходимо искать и более действенные пути решения этой проблемы. В последнее время государство обратило внимание еще на одну возможность изменить ситуацию в лучшую сторону, а именно: уменьшить число осужденных к лишению свободы можно за счет расширения и более эффективного использования альтернативных видов наказания и мер уголовно-правового характера.

Не секрет, что в нашем уголовном законодательстве предусмотрены достаточно большие сроки лишения свободы и нередко в места лишения свободы попадают осужденные, совершившие преступления небольшой или средней тяжести. В результате за время отбывания наказания у многих осужденных теряются семейные и социальные связи, утрачиваются навыки работы, ухудшается здоровье. Кроме того, лишение свободы как вид наказания является самым затратным для бюджета государства. Именно поэтому установка на более широкое применение альтернативных мер наказания, не связанных с изоляцией человека от общества, будет способствовать снижению численности находящихся в исправительных колониях, а значит, приведет к повышению уровня их санитарного и медицинского обеспечения.

Согласно статистическим данным, 90 % всех лиц, находящихся в местах лишения свободы и заключенных под стражу, страдают различными заболеваниями и состоят на диспансерном учете. В полтора раза чаще у них наблюдаются заболевания органов дыхания, выявляются психические расстройства, увеличивается количество ВИЧ-инфицированных. Показатели состояния здоровья лиц, находящихся в пенитенциарных учреждениях, значительно отличаются в худшую сторону от общенациональных показателей. Прежде всего это связано с

высокой плотностью размещения осужденных, а также неудовлетворительными санитарно-гигиеническими условиями. Серьезную озабоченность вызывает также слабая диагностическая база исправительных учреждений, качество предоставляемой осужденным медицинской помощи, профессиональная подготовка специалистов.

Изменение ситуации в лучшую сторону возможно путем передачи функций по обеспечению медицинского обследования и соблюдения санитарно-гигиенических условий в пенитенциарных учреждениях от Федеральной службы исполнения наказаний к гражданской структуре. Однако это произошло лишь формально.

Так, после выхода приказа Министерства здравоохранения и социального развития Российской Федерации и Министерства юстиции Российской Федерации от 17 октября 2005 г. № 640/190 «О порядке организации медицинской помощи лицам, отбывающим наказание в местах лишения свободы и заключенным под стражу» могло сложиться впечатление, что Минздравсоцразвития России взяло на себя ответственность за состояние дел с медицинским обеспечением в уголовно-исполнительной системе. Но вопрос остался нерешенным.

На наш взгляд, создание в рамках Минздравсоцразвития России специальной структуры и увеличение ассигнований на охрану здоровья и лечение осужденных решило бы многие проблемы, связанные с медицинским обеспечением лиц, находящихся в местах лишения свободы и под стражей.

Полагаем, что наряду с более частым назначением альтернативных видов наказания и увеличением ассигнований на охрану здоровья и лечение осужденных немаловажное значение имеет освоение новой медицинской техники в пенитенциарных учреждениях. Мероприятия по ее внедрению и обеспечению лиц, содержащихся в пенитенциарных учреждениях, адекватным уровнем санитарно-гигиенических условий пребывания в них дадут дополнительную возможность привести в соответствие с международными стандартами условия содержания в пенитенциарных учреждениях России.

Существует еще один способ изменить ситуацию в лучшую сторону. Так, Федеральным законом от 29 декабря 2010 г. № 434-ФЗ «О внесении изменений в ст. 110 УПК РФ и ст. 24 Федерального закона "О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совер-

шении преступлений"» закреплена возможность изменения меры пресечения в виде заключения под стражу при выявлении у подозреваемого или обвиняемого тяжелого заболевания, препятствующего его содержанию под стражей. В рамках исполнения этого Федерального закона Постановлением Правительства Российской Федерации от 14 января 2011 г. № 3 утверждены Перечень заболеваний и Правила медицинского освидетельствования подозреваемых или обвиняемых в совершении преступлений. Принят также Федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 5-ФЗ «О внесении изменений в статью 117 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации», которым вводится обязательность проведения медицинского осмотра осужденных и выдачи медицинского заключения при водворении в штрафные изоляторы (дисциплинарные помещения). Детали проведения такого медосмотра прописаны в приложении к приказу Минюста России от 9 августа 2011 г. № 282, закрепившему порядок проведения медицинского осмотра перед переводом осужденных в помещения камерного типа, судебные помещения камерного типа, одиночные камеры, а также водворением в штрафные и дисциплинарные изоляторы и выдачи медицинского заключения о возможности нахождения в указанных помещениях по состоянию здоровья.

Кроме того, законодательно предусмотрена возможность применять к подозреваемому или обвиняемому, страдающему заболеванием, меры пресечения, не связанные с изоляцией от общества.

Назовем некоторые позитивные тенденции в области обеспечения права осужденных, подозреваемых и обвиняемых на охрану здоровья и получение медицинской помощи: введение обязательного медицинского осмотра при помещении в штрафной изолятор исправительного учреждения; невозможность применения такой меры пресечения, как заключение под стражу, для лиц, страдающих тяжелыми заболеваниями; возможность замены более суровой меры пресечения на менее строгую при выявлении определенной болезни.

Таким образом, можно утверждать, что законодательное регулирование вопросов обеспечения прав лиц, содержащихся в пенитенциарных учреждениях, на медицинскую помощь и охрану их здоровья соответствует нормам международного права и создает основу для их применения.

Список использованной литературы

¹ Фойницкий И. Я. Учение и наказание в связи с тюрьмоведением. СПб., 1889. С. 308.

Статья рекомендована к опубликованию научно-экспертным советом академии, протокол от 25 апреля 2014 г. № 4.

PECULIARITIES OF PROTECTION OF RIGHTS AND FREEDOMS OF PERSONS WITH THE SPECIAL LEGAL STATUS IN THE ACTIVITIES OF THE COMMISSIONER FOR HUMAN RIGHTS IN THE RUSSIAN FEDERATION

Аннотация: статья посвящена актуальным вопросам защиты прав и свобод лиц, обладающих специальным правовым статусом. Автор проводит краткий обзор деятельности института Уполномоченного по правам человека в России, рассматривает понятие специального правового статуса, классификации отдельных групп граждан, а также особенности защиты прав и свобод лиц, обладающих специальным правовым статусом по законодательству Российской Федерации.

Ключевые слова: права и свободы личности, уполномоченный по правам человека, омбудсмен, специальный правовой статус, защита прав и свобод, осужденные к лишению свободы.

**ВАЛЕРИЙ
НИКОЛАЕВИЧ
БЕЛИК*,
ИГОРЬ
ДМИТРИЕВИЧ
СЕМЕНОВСКИЙ****

ОСОБЕННОСТИ ЗАЩИТЫ ПРАВ И СВОБОД ЛИЦ, ОБЛАДАЮЩИХ СПЕЦИАЛЬНЫМ ПРАВОВЫМ СТАТУСОМ, В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ УПОЛНОМОЧЕННОГО ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Annotation: this article is devoted to the current issues of protection of rights and freedoms of persons with the special legal status. The author gives a short review of activities of the institute of the Commissioner for Human Rights in the Russian Federation, considers the notions of the special legal status, classifications of certain groups of citizens and also peculiarities of protection of rights and freedoms of persons with the special legal status according to the legislation of the Russian Federation.

Key words: rights and freedoms of person, Commissioner for Human Rights, Ombudsman, special legal status, protection of rights and freedoms, persons sentenced to imprisonment.

В Большом юридическом словаре А. Я. Сухарева и В. Е. Крутских под правовым статусом человека понимается «система признанных и гарантируемых государством (в законодательном порядке) прав, свобод и обязанностей, а также законных интересов человека как субъекта права»¹.

Исследуем защиту прав лиц, обладающих специальным статусом, в частности через институт уполномоченного по правам человека, и проведем классификацию лиц, обладающих специальным статусом, опираясь на систему действующего российского законодательства, рассмотрим особенности защиты прав и свобод указанных лиц. За генеральную основу этого разделения был взят классификатор правовых актов, сменивший общеправовой классификатор отраслей законодательства, утвержденный Указом Президента Российской Федерации от 15 марта 2000 г. № 511 «О классификаторе правовых актов».

В сфере конституционного строя и основ государственного управления выделим группы лиц, деятельность которых предусмотрена непосредственно Конституцией РФ, а также некоторыми федеральными конституционными и федеральными законами. На их основании действуют Президент, Председатель Правительства, Председатель Центрального банка, судьи Конституционного, Верховного и Высшего Арбитражного судов, Генеральный прокурор, Пред-

* Кандидат юридических наук, доцент, почетный адвокат России, доцент кафедры конституционного и муниципального права;

** член ученого совета юридического факультета (Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации)
E-mail: 7226905@mail.ru.

седатель Счетной палаты и ее аудиторы, полномочный Представитель Президента в федеральном округе, депутаты Государственной Думы и члены Совета Федерации, Уполномоченный по правам человека.

На основании Федерального закона от 25 мая 2003 г. № 58-ФЗ «О системе государственной службы Российской Федерации», иных отраслевых законов, а также Указа Президента России от 11 января 1995 г. № 32 «О государственных должностях Российской Федерации» можно выделить категорию государственных служащих, проходящих соответственно государственную гражданскую, воинскую и правоохранительную службу, а также категорию лиц, занимающих государственные должности Российской Федерации. Правовой статус и деятельность указанных лиц устанавливается и регулируется федеральными законами: от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации», от 28 марта 1998 г. № 53-ФЗ «О воинской обязанности и военной службе», от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции», от 30 ноября 2011 г. № 342 «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», а также другими. В частности, нормы данных законов устанавливают правовое положение (статус) лиц, проходящих обозначенные виды службы, которое включает в себя не только права и обязанности, но и ограничения и запреты, связанные с несением службы, перечень требований к служебному поведению (например, у большинства указанных лиц ограничено право на свободу труда, свободу передвижения, а также право свободно выезжать за пределы Российской Федерации).

В сфере семейно-гражданских отношений, социального обеспечения представляется обоснованным выделение таких групп граждан со специальным статусом, как дети, нетрудоспособные родители, недееспособные и ограниченно дееспособные лица по решению суда, инвалиды, пенсионеры. В силу объективных особенностей данные лица не всегда могут осознанно пользоваться своими правами либо осуществлять их в полной мере.

В целях защиты прав детей был учрежден институт уполномоченных по данному вопросу на федеральном и региональном уровне, однако относительно лиц с ограниченными возможностями данный вопрос не решен. В отношении нетрудоспособных родителей и приравненных к ним лиц государством устанавливаются

гарантии их прав соответствующими нормами Конституции РФ, Семейного кодекса РФ с предоставляемой возможностью судебной защиты, а также обращением в органы опеки и попечительства.

В области труда и занятости нельзя не выделить такую важную и многочисленную категорию, как работник, являющаяся слабой и наименее защищенной стороной в трудовых отношениях, в связи с чем имеющей определенные признаки специального правового статуса в зависимости от характера труда. Регулированию деятельности данных лиц посвящен отдельный кодифицированный акт – Трудовой кодекс РФ, устанавливающий основные гарантии статуса работника и включающий в себя различные формы защиты их прав и интересов, в том числе участие в социальном партнерстве в сфере труда, управлении организацией, в профсоюзных организациях. Законом гарантирован широкий круг непосредственных возможностей по самозащите трудовых прав, а также их охране с участием государственных органов (судов, государственных инспекций труда) и негосударственных (профсоюзы, комиссии по трудовым спорам).

Несмотря на отсутствие в нашей стране специального омбудсмена по вопросам занятости, действующего, например, в Австралии, в российской действительности имеет место заключение соглашений о сотрудничестве и совместной деятельности между уполномоченными по правам человека в субъекте Российской Федерации и государственными инспекциями труда в регионе, позволяющее практически обеспечить осуществление защиты прав человека в сфере труда.

В соответствии со ст. 2 Конституции РФ государство берет на себя обязанность по «признанию, соблюдению и защите прав и свобод человека и гражданина». Однако участие в этом процессе принимает, конечно же, не только государство, но и институты гражданского общества, а также непосредственно сами граждане, в том числе наделенные специальным правовым статусом. В частности, на основании п. «е» ч. 1 ст. 103 Конституции РФ и ст. 3 Федерального конституционного закона от 26 февраля 1997 г. № 1-ФКЗ «Об Уполномоченном по правам человека в Российской Федерации» в России действует соответствующий одноименный институт, деятельность которого дополняет существующие средства защиты прав и свобод граждан. 18 марта 2014 г. Государственной Думой Российской Федерации на эту должность была назначена Э. А. Памфилова, сменившая В. П. Лукина.

Институт Уполномоченного по правам человека в России схож с рядом аналогичных институтов в развитых странах: его статус имеет много общих черт со статусом Парламентского комиссара в Великобритании, Защитника народа в Испании, Уполномоченного по гражданским правам в Польше, Защитника прав во Франции.

В рамках подхода, предложенного М. В. Баглаем, уполномоченных следует считать органами государственной власти с особым статусом, то есть такими, «которые не входят ни в одну из трех властей – законодательную, исполнительную или судебную»². Если органы государственной власти с подобным статусом не относятся ни к одной из ветвей классической триады властей, то логично предположить, что они должны быть отнесены к органам некой иной ветви государственной власти. Органы государственной власти, учрежденные на основании Конституции РФ, традиционно именуются государственными органами с особым статусом. Исходя из сущности их деятельности данную ветвь власти можно охарактеризовать как контрольную, и к ней, несомненно, следует относить такой государственный орган, как Уполномоченный по правам человека.

В России институт Уполномоченного по правам человека на уровне субъектов уже существует в 81 из 85 субъектов Российской Федерации. На основании Указа Президента Российской Федерации от 1 сентября 2009 г. № 986 «Об Уполномоченном при Президенте Российской Федерации по правам ребенка» была учреждена также соответствующая должность. На региональном уровне данный институт введен в 83 из 85 субъектов. На основании Федерального закона от 7 мая 2013 г. № 78-ФЗ «Об уполномоченных по защите прав предпринимателей в Российской Федерации» был создан и такой орган, на региональном уровне он введен в 75 из 85 субъектов.

Следует отметить, что Уполномоченный по правам человека в Российской Федерации – это лицо, замещающее должность, предусмотренную Конституцией РФ, на основании Федерального конституционного закона при осуществлении своих полномочий оно является независимым и неподотчетным каким-либо государственным органам и должностным лицам. В то же время Уполномоченный при Президенте Российской Федерации по правам ребенка и Уполномоченный при Президенте Российской Федерации по защите прав предпринимателей, а также лица, находящиеся на аналогичных должностях в субъектах, являются государственными гражданскими служащими, с более узким кругом

полномочий, в связи с тем что их деятельность распространяется на более узкий круг лиц или вообще ограничивается деятельностью в отдельном регионе.

24 января 2013 г. министром образования и науки России была учреждена должность уполномоченного по правам студентов при Министерстве образования и науки Российской Федерации, а также утверждено первое лицо, замещающее эту должность³. Помимо протокола заседания совета Минобрнауки России по делам молодежи от 24 января 2013 г., который, конечно же, не может считаться нормативным правовым актом, должность уполномоченного по правам студентов в других официальных документах не фигурирует и, строго говоря, правовая основа его существования не просто вызывает сомнения, а отсутствует, хотя сам институт непосредственно действует, принимает и разрешает обращения граждан, по всей видимости, являясь в большей степени общественной правозащитной организацией, а не элементом исполнительной ветви власти.

При Ассоциации российских банков действует финансовый омбудсмен. Иное название данного органа – общественный примиритель на финансовом рынке, и называть его уполномоченным в данной сфере в классическом смысле было бы неверно. Хотя, несомненно, данный общественный орган внесудебного рассмотрения споров играет свою немаловажную роль в механизмах защиты прав и свобод личности в спорах с кредитными организациями, усиливая при этом контрольные возможности банковского сообщества. Так, за время работы в секретариат финансового омбудсмена поступило 14 092 обращения и было урегулировано 6111 споров⁴. Право на обращения в данный орган принадлежит исключительно потребителям финансовых услуг – физическим лицам, а само рассмотрение споров является бесплатным.

На уровне Правительства и Государственной Думы в 2012–2013 гг. можно было видеть обсуждение возможности создания еще трех отраслевых уполномоченных: омбудсменов по делам национальностей, по делам инвалидов и страхового омбудсмена или даже в наиболее широком виде омбудсмена в сфере всех сегментов финансового рынка: страхового, банковского и фондового.

Перечисленные факты говорят о том, что защита прав граждан по-прежнему остается вопросом актуальным и насущным, требующим внимания не только государства, но и широких слоев общества. В данном контексте, безусловно,

следует еще раз подчеркнуть, что «провозглашение прав и свобод может стать пустой формальной декларацией, если их осуществление не будет обеспечено при помощи различных средств»⁵.

Говоря о теоретическом аспекте правового статуса личности, отметим, что в юридической науке понятия «правовое положение» и «правовой статус» личности отождествляются, тем более что второе является изобретением российских правоведов. Правовой статус личности – это законодательно закрепленные и взятые как единое целое права, свободы, законные интересы и обязанности личности. В юридической литературе в структуру правового статуса также обычно включают политико-правовое состояние лица и систему гарантий. Статья 64 Конституции РФ, подводя итог гл. 2 «Права и свободы человека и гражданина», вводит понятие основ правового статуса личности: «Положения настоящей главы составляют основы правового статуса личности в Российской Федерации».

Уважая принцип равенства всех лиц перед законом и судом, сам закон в силу объективных причин все же предоставляет привилегии и устанавливает определенные ограничения применительно к некоторым категориям и группам граждан. М. Н. Марченко указывает, что «правовой статус, имеющий общий характер и распространяющийся на всех граждан страны, обычно получает нормативную конкретизацию... и на этой основе складываются специальные правовые статусы»⁶. Если общим (конституционным) правовым статусом обладают все лица без исключения, то специальный (родовой) правовой статус присущ отдельным категориям в зависимости от различных критериев. Он дополняет и конкретизирует содержание общего правового статуса. В зависимости от правового статуса государство определяет характер юридического взаимодействия с личностью, меры правовой охраны и степень возможного вмешательства в сферу ее деятельности.

Таким образом, специальный статус – это, помимо прочего, сигнал об уязвимости определенных групп граждан в обществе и повышенном внимании к защите их прав и законных интересов. Специальный правовой статус может означать ограничения или лишение определенных прав. В сфере правосудия, исполнения наказаний – это специальный правовой статус подозреваемых, обвиняемых или осужденных, в первую очередь находящихся в местах изоляции от общества. Специальный правовой статус данных лиц предусматривает существен-

ное ограничение прав и свобод граждан, его имеющих, а также приобретение ими нового ряда специфических прав. Ввиду имеющихся или доказанных подозрений в совершении противоправных действий данные лица принимают на себя меры принудительного характера – от временной изоляции до пожизненного лишения свободы.

Однако какими бы ни были ограничения прав при наличии того или иного правового статуса, ни в коем случае государство не может лишить человека права на защиту любыми способами, не запрещенными законом.

В соответствии с ч. 3 ст. 1 Федерального конституционного закона «Об Уполномоченном по правам человека в Российской Федерации» Уполномоченный по правам человека способствует восстановлению нарушенных прав, совершенствованию законодательства Российской Федерации о правах человека и гражданина и приведению его в соответствие с общепризнанными принципами и нормами международного права, развитию международного сотрудничества в области прав человека, правовому просвещению по вопросам прав и свобод человека, форм и методов их защиты. Значимость этого института подчеркивается также тем, что его деятельность не прекращается и не приостанавливается, а компетенция не ограничивается даже на время введения чрезвычайного или военного положения.

В целях эффективного обеспечения защиты прав и свобод перечисленных лиц в соответствии со ст. 19 Федерального конституционного закона от 26 февраля 1997 г. № 1-ФКЗ жалобы, адресованные Уполномоченному по правам человека «лицами, находящимися в местах принудительного содержания, просмотру администрацией мест принудительного содержания не подлежат и в течение 24 часов направляются Уполномоченному».

Подводя итоги, отметим, что два рассмотренных правовых статуса – общий, свойственный абсолютно всем гражданам, и специальный, присущий отдельным категориям лиц, с точки зрения выполнения функций государства рассматриваются как основной и производный. Ограничения прав в рамках специального статуса не могут противоречить положениям Конституции РФ, законодательству, то есть нарушать общий правовой статус, который является ядром правового положения личности. Существование специального правового статуса – неизбежный и необходимый элемент регулирования государством общественных отношений, эффективного

осуществления гражданами их прав и свобод, реализацией их обязанностей. Через его установление и закрепление в законодательстве происходит конкретное применение правовых норм в отношении определенных групп лиц, в том числе в вопросе защиты прав и свобод.

Учитывая, что права и свободы осужденных к лишению свободы ограничены в максимальной степени по сравнению с другими категориями лиц, обладающих специальным пра-

вовым статусом, в целях усиления эффективности правозащитной деятельности в местах лишения свободы необходимо вывести помощников начальников территориальных управлений ФСИН России из подчинения руководства этих органов и ввести их в структуру института Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации, тем самым обеспечив этой категории правозащитников независимость их деятельности.

Список использованной литературы

¹ Большой юридический словарь / авт.-сост. В. Н. Додонов, В. Д. Ермаков, М. А. Крылова [и др.]; под ред. А. Я. Сухарева, В. Е. Крутских. М., 2003. С. 544.

² Баглай М. В. Конституционное право Российской Федерации : учеб. для вузов. М., 2009. С. 340.

³ См.: URL: <http://минобрнаука.рф> (дата обращения: 23.03.2014).

⁴ См.: URL : <http://arb.ru/> (дата обращения: 23.03.2014).

⁵ Белик В. Н. Проблемы обеспечения правовой защиты осужденных к лишению свободы в Российской Федерации : монография. Рязань, 2014. С. 29.

⁶ Теория государства и права : учебник / под ред. М. Н. Марченко. М., 2004, С. 159.

Статья публикуется по решению редакционной коллегии.

УДК 342
ББК 67.400.63
Е92

O.S. EFREMOVA*

PROTECTION OF PRISONERS' RIGHTS BY THE REGIONAL COMMISSIONER FOR HUMAN RIGHTS

Аннотация: в статье раскрывается роль регионального уполномоченного по правам человека в защите прав осужденных.

Ключевые слова: защита прав, осужденные, уполномоченный по правам человека, правовое положение уполномоченного в субъекте.

Annotation: in the article the author reveals the role of the regional Commissioner for Human Rights in protection of prisoners' rights.

Key words: protection of rights, convicted persons, Commissioner for Human Rights, legal status of Commissioner in the region.

Сегодня нет вопросов, содержание которых не было бы предметом рассмотрения уполномоченным по правам человека. При этом, как правило, решения по ним уже принимались другими органами и должностными лицами. К уполномоченному по правам человека гражданин обращается уже как к последней инстанции с надеждой, что все-таки его вопрос будет решен. Особенно это касается лиц, отбывающих наказание в виде лишения свободы. В силу условий его отбывания им гораздо тяжелее реализовывать свои права и законные интересы. Свое место в решении этой задачи занимает уполномоченный по правам человека в субъекте Российской Федерации.

В Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года содержатся позиции, реализовать которые без участия субъектов РФ невозможно. Одна из них напрямую замыкается на региональных омбудсменах: «В рамках совершенствования сотрудничества с институтами гражданского общества и осуществления контроля за деятельностью уголовно-исполнительной системы предполагается: обеспечение осуществления общественного контроля за деятельностью уголовно-исполнительной системы с участием... уполномоченных по правам человека в субъекте Российской Федерации».

Правовое положение уполномоченного в субъекте Российской Федерации, «специфика его мандата обуславливает его главную задачу в сфере исполнения наказаний: рассмотрение недостатков и проблем, а не апология достижений государства в сфере прав и свобод человека»¹. Уполномоченный является своего рода координатором деятельности государственных органов

**ОЛЬГА
СЕРГЕЕВНА
ЕФРЕМОВА***

К ВОПРОСУ О ЗАЩИТЕ ПРАВ ОСУЖДЕННЫХ РЕГИОНАЛЬНЫМ УПОЛНОМОЧЕННЫМ ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА

* Адъюнкт факультета подготовки научно-педагогических кадров (Академия ФСИН России)
E-mail: kuzja10@yandex.ru

власти и управления, правозащитных структур в данной сфере, что позволяет ему видеть резервы по совершенствованию этой деятельности. Серьезной проблемой является неурегулированность вопроса о статусе регионального уполномоченного при рассмотрении вопроса в суде. Ни на законодательном, ни на доктринальном уровне этот вопрос не решен.

Так, в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 21 апреля 2009 г. № 8 «О судебной практике условно-досрочного освобождения от отбывания наказания, замены неотбытой части наказания более мягким видом наказания»² говорится, что «суду следует учитывать мнение представителя исправительного учреждения и прокурора о наличии либо отсутствии оснований для признания лица не нуждающимся в длительном отбывании наказания, или замены неотбытой части наказания более мягким видом наказания» (п. 5). Об учете мнения омбудсмена ничего не говорится, хотя условно-досрочное освобождение является одной из актуальных проблем в его деятельности.

При решении вопроса об условно-досрочном освобождении и других видах досрочного освобождения от наказания не принимает участия ни один правозащитный орган, включая омбудсмена. Они могут принимать участие только в работе комиссий исправительных учреждений, которые решают проблемы перевода осужденных из одних условий отбывания наказания в другие, а также перевода осужденных, находящихся в тюрьме, с общего режима на строгий и со строгого на общий [речь идет об общественных наблюдательных комиссиях (ст. 23, 87 УИК РФ, ст. 15 Федерального закона «Об общественном контроле за обеспечением прав человека в местах принудительного содержания...»)]. Стоит уточнить, почему при решении указанных и других вопросов, связанных с амнистией, помилованием, досрочным освобождением в связи с тяжелым заболеванием и др., не может принимать участие уполномоченный? Полагаем, что соответствующие нормы должны найти свое место в уголовно-исполнительном или ином законодательстве, соответствующих нормативно-правовых актах, регламентирующих деятельность уполномоченных как на федеральном, так и на региональном уровне.

Необходимость реализации данного предложения подтверждается практикой деятельности региональных омбудсменов. Острота указанных вопросов заставляет их изыскивать свои средства воздействия на ситуации. Одним из

таких специфических средств является, например, дискуссионная площадка судов, правоохранительных органов и иных учреждений и органов общественных объединений, находящихся на территории Рязанской области. Положение о данной площадке было принято на основе заключенного соглашения областного суда, правоохранительных органов, общественной палаты, общественной наблюдательной комиссии.

Согласно указанному Положению дискуссионная площадка является коллегиальным, совещательно-рекомендательным органом при Уполномоченном по правам человека в Рязанской области. Ее цели – согласование общественно значимых интересов граждан в сфере обеспечения прав человека, выработка рекомендаций по согласованию законодательной и правоприменительной практики.

Предметом рассмотрения данной площадки были, в частности, вопросы условно-досрочного освобождения от дальнейшего отбывания наказания, оказание бесплатной юридической помощи, создание условий для трудоустройства осужденных, выплачивающих алименты и погашающих иски. По итогам их обсуждения выработаны согласованные рекомендации.

Анализ законодательства, регламентирующего участие соответствующих субъектов в сфере исполнения наказаний, свидетельствует о том, что они не всегда отличаются конкретными компетенциями, имеет место дублирование, декларативность. Это касается прежде всего региональных омбудсменов, общественных наблюдательных комиссий, комиссий по вопросам помилования на территории субъекта Российской Федерации. Для устранения указанных вопросов требуется систематизация законодательства, регламентирующего правозащитную деятельность указанных и других субъектов.

В деле научного обеспечения пенитенциарной практики, ее единообразия, внедрения опыта, имеющегося в регионах, значимым является создание во ФСИН России соответствующего научно-методического органа, которым мог бы быть научно-консультативный совет из числа ведущих ученых и практических работников. В настоящее время такого рода органы созданы почти во всех силовых структурах, в Верховном Суде Российской Федерации.

Повышение роли регионального омбудсмена в деле обеспечения прав и законных интересов осужденных могло бы способствовать ре-

шению и ряда организационно-управленческих вопросов, в том числе обучение омбудсменов. Многие из них не имеют юридического образования, не знают пенитенциарного законодательства, практики его применения. Полагаем, что обучение омбудсменов основам соответствующего законодательства могло бы быть осуществлено по единой методике силами аппарата Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации.

Становится все более необходимым введение в образовательных учреждениях ФСИН России учебной дисциплины, аналогичной курсу «Прокурорский надзор», например «Общественный контроль за исполнением наказания».

На ведомственном нормативном уровне должна быть закреплена норма об участии региональных уполномоченных в работе коллегий территориальных органов уголовно-исполнительной системы³.

Список использованной литературы

¹ Доклад Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2012 год. М., 2013. С. 7.

² См.: Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2009. № 7.

³ См.: Гришко А. Я. Проблемы защиты прав осужденных региональным омбудсменом // Уголовно-исполнительная политика, законодательство и право: современное состояние и перспективы развития : сб. материалов круглого стола / под науч. ред. В. И. Селиверстова, В. А. Уткина. М., 2014. С. 93.

Статья рекомендована к опубликованию научно-экспертным советом академии, протокол от 24 января 2014 г. № 1.

FOUNDATION OF INTERNATIONAL CONTROL OVER ENSURING OF PRISONERS' RIGHTS AND FREEDOMS IN THE RUSSIAN FEDERATION

Аннотация: в статье содержится краткий исторический анализ развития института международного контроля за соблюдением прав и свобод человека в местах лишения свободы в Российской Федерации, рассматриваются особенности форм международного контроля, их достоинства и недостатки.

Ключевые слова: международный контроль, Комитет ООН против пыток, Европейский комитет по предупреждению пыток, Европейский суд по правам человека.

Annotation: in the article the author presents a short historical analysis of development of international control over ensuring of prisoners' rights and freedoms in the Russian Federation, considers peculiarities of forms of international control, its merits and demerits.

Key words: international control, the UN Committee against Tortures, the European Committee for the Prevention of Tortures, European Court of Human Rights.

Контроль за соблюдением прав человека при исполнении уголовного наказания является актуальной проблемой современности. Уголовно-исполнительная система (УИС), которую отличает закрытый характер деятельности и обособленность от общества, обязана строго соблюдать права граждан, вовлеченных в сферу уголовно-правовых отношений, так как правовое положение осужденного служит негласным индикатором состояния прав и свобод человека в стране в целом. Именно поэтому многими учеными контроль справедливо рассматривается как средство охраны правового статуса лиц, отбывающих наказания, а права и свободы осужденных – как часть прав и свобод всех граждан¹.

До середины XX столетия контроль прав и свобод человека осуществлялся каждым государством в отдельности с помощью внутреннего законодательства, и лишь после принятия Устава Организации Объединенных Наций (ООН), пактов о правах человека и других международных соглашений положение изменилось принципиальным образом. Начался процесс учреждения международного контрольного механизма по наблюдению за выполнением государствами своих обязательств в области соблюдения прав человека. Создание и функционирование такого механизма являются одними из наиболее значительных достижений в международном регулировании прав человека второй половины XX в.²

**ЮЛИЯ
ВЛАДИМИРОВНА
ПЕРРОН***

ИСТОРИЯ СТАНОВЛЕНИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО КОНТРОЛЯ ЗА СОБЛЮДЕНИЕМ ПРАВ И СВОБОД ЧЕЛОВЕКА В МЕСТАХ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Адъюнкт кафедры уголовно-исполнительного права
и организации воспитательной работы с осужденными
(Вологодский институт права и экономики ФСИН России)
E-mail: shumka86@inbox.ru

Международный контроль в отечественном законодательстве и правоприменительной практике появился сравнительно недавно. В советский период о контроле в области прав и свобод человека со стороны международного сообщества не могло идти и речи, так как сама проблема соблюдения прав человека была предметом идеологической борьбы на мировой арене. Высшей ценностью, охраняемой государством, было общественное благо, а не интересы конкретного человека. Подобным образом выглядела ситуация и с правами осужденных³.

Однако необходимо отметить, что в XX в. на территории СССР, как и других государств, признавалось действие Международной уголовной пенитенциарной комиссии, утвержденной на совещании в Стокгольме в 1878 г. С 1897 г. Комиссия являлась исполнительным органом проводившихся в то время тюремных конгрессов и состояла из официальных представителей отдельных государств. Она собиралась один раз в два года и действовала в промежутках между конгрессами, прорабатывая перечень вопросов и докладов на следующий конгресс. Данная Комиссия организовывала совещания в различных странах по проблемам, касающимся преступлений и воздействия на преступников, а также осуществляла связь с тюремными обществами других государств. На ее рассмотрение выносились вопросы уголовного законодательства, пенитенциарного обеспечения и др.⁴

Н. А. Стручков, характеризуя деятельность Международной уголовной пенитенциарной комиссии, писал: «Обсуждение проблем исполнения наказания на международном уровне обогащает национальный опыт, в то же время представляет собой арену для идеологической борьбы между силами капитала и социализма»⁵. Представители Комиссии посещали другие страны и делились опытом, наша страна предпочитала быть в стороне от международного влияния и контроля.

Понимание необходимости приведения советского исправительно-трудового законодательства к международным нормам и стандартам обращения с осужденными (особенно ослабления степени его суровости) возникло в середине 1980-х годов, когда произошел коренной общественно-политический перелом и проблема обеспечения прав человека стала рассматриваться через призму международного сотрудничества и интеграции нашей страны в мировое сообщество⁶.

Так, 10 декабря 1985 г. СССР подписал Конвенцию ООН против пыток и других жестоких,

бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания (1984). Эта Конвенция была ратифицирована с оговорками указом Президиума Верховного Совета СССР от 21 января 1987 г. № 6416-Х1 и вступила в силу 26 июня 1987 г. Согласно ст. 19 Конвенции СССР возложил на себя обязанность регулярно представлять Комитету ООН против пыток доклады о соблюдении прав человека и предотвращении пыток (в том числе при исполнении уголовных наказаний). Это стало первым шагом в распространении международного контроля на пенитенциарные учреждения Союза ССР. В настоящее время Российская Федерация как правопреемница СССР обязана предоставлять доклады в Комитет ООН каждые четыре года.

Дальнейшее сотрудничество с ООН дало свои результаты в деле расширения форм международного контроля. 5 июля 1991 г. Верховный Совет СССР принял ряд документов, расширяющих возможности международного контроля за соблюдением прав и свобод человека в местах лишения свободы. Соответствующими постановлениями высший орган законодательной власти закрепил присоединение СССР к Факультативному протоколу Международного пакта о гражданских и политических правах (1966). В соответствии со ст. 41 Пакта была признана компетенция Комитета по правам человека. Снятие оговорки в отношении ст. 20 Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания позволило признать компетенцию Комитета против пыток в соответствии со ст. 21 и 22 Конвенции. В связи с этим в СССР появилась новая форма международного контроля – сообщения иностранных государств о нарушениях в Российской Федерации прав осужденных, применении к ним пыток, других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения или взыскания. Указанные комитеты ООН получили право принимать и рассматривать сообщения других государств и индивидуальные жалобы лиц, находящихся под юрисдикцией СССР, о нарушении прав человека и применении пыток.

Европейская конвенция по правам человека от 4 ноября 1950 г. была подписана Российской Федерацией 28 февраля 1996 г. и ратифицирована Федеральным законом от 30 марта 1998 г. № 54-ФЗ «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и протоколов к ней». Согласно ст. 1 данного Федерального закона Российская Федерация признала компетенцию Европейского суда по правам человека

(ЕСПЧ) по разрешению заявления (жалобы) любого лица (в том числе осужденного), неправительственной организации или группы лиц, которые утверждают, что они являются жертвами нарушения их прав, изложенных в Конвенции и указанных в протоколах к ней, в случаях, когда предполагаемое нарушение имело место после вступления в действие этих договорных актов в отношении РФ. Конвенция вступила в силу в России 5 мая 1998 г. С 1 ноября 1998 г. стала действовать новая редакция Конвенции, предусматривавшая изменение структуры и порядка деятельности ЕСПЧ. В настоящее время на территории РФ действуют 14 из 16 протоколов к Конвенции, которые дополняют права и вносят изменения в процедуры ЕСПЧ.

В соответствии с Конвенцией Россия признает и гарантирует основные гражданские и политические права своих граждан, а также любого другого лица, на которое распространяется действие его законов. Конвенция предусматривает, в частности, право на жизнь, право на справедливое судебное разбирательство, право на уважение частной и семейной жизни, свободу выражения мнения, свободу мысли, совести и религии, право на уважение частной собственности. Она также запрещает пытки и бесчеловечное или унижающее достоинство обращение и наказание, рабство и принудительные работы, бесосновательное и незаконное заключение под стражу, дискриминацию в использовании прав и свобод, гарантируемых Конвенцией.

На осужденных, которые являются гражданами Российской Федерации или отбывают на-

казание на ее территории, распространяются те же положения Конвенции, что и на других людей. Хотя тот факт, что они совершили преступление и теперь обладают особым правовым статусом, часто является предпосылкой для незаконного нарушения их прав и свобод при исполнении уголовных наказаний.

Следующим шагом в становлении международного контроля стала ратификация Европейской конвенции по предупреждению пыток и бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания Федеральным законом от 28 марта 1998 г. № 44-ФЗ «О ратификации Европейской конвенции по предупреждению пыток и бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания и протоколов к ней». Конвенция вступила в силу в России 1 сентября 1998 г. Согласно ст. 2 Конвенции члены Европейского комитета против пыток имеют право посещать любые места, где содержатся лица, лишённые свободы государственной властью.

Таким образом, к настоящему времени на территории РФ сформировалось четыре формы международного контроля: доклады РФ в ООН о соблюдении прав человека; сообщения иностранных государств о нарушениях в РФ прав осужденных, применении к ним пыток, других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения или взыскания; жалобы в Европейский суд по правам человека; посещения мест лишения свободы членами Европейского комитета по предупреждению пыток.

Список использованной литературы

- ¹ См.: Селиверстов В. И. Международный контроль как средство охраны правового статуса лиц, отбывающих наказания // Правовые и организационные основы функционирования органов, исполняющих наказания. М., 1995. С. 3–20.
- ² См.: Валеев Р. М. Международный контроль. Казань, 1998. С. 12; Карташкин В. А. Права человека в международном и внутригосударственном праве. М., 1995. С. 58.
- ³ См.: Шорина Е. В. Государственный и общественный контроль в СССР / под ред. В. И. Турунцева. М., 1970. С. 24.
- ⁴ См.: Познышев С. В. Очерки тюрьмоведения. 2-е изд., испр. и доп. М., 1915. С. 14.
- ⁵ Обсуждение пенитенциарных проблем на международном уровне : учеб. пособие / Н. А. Струков [и др.]. Рязань, 1977. С. 6.
- ⁶ См.: Зубков А. И. Основные направления развития пенитенциарного законодательства и практика его реализации в истории России и в современный период // Человек: преступление и наказание : науч. журн. / Академия ФСИН России. 2007. № 1. С. 6.

Статья рекомендована к опубликованию научно-экспертным советом академии, протокол от 28 марта 2014 г. № 3.

УДК 159.9:343.8
ББК 88.473
К60

N.E. KOLESNIKOVA*, A.I. SHIPILOV**

EVALUATION, CRITERIA AND INDEXES OF EFFICIENCY OF PSYCHOLOGICAL SUPPORT OF PRISONERS IN PENAL INSPECTIONS

Аннотация: в статье рассматриваются вопросы эффективности психологического сопровождения осужденных в уголовно-исполнительных инспекциях, устанавливаются его критерии и параметры оценки.

Ключевые слова: критерий, показатель, уголовно-исполнительная инспекция, психологическое сопровождение.

Annotation: in the article the author considers the issues of efficiency of psychological support of prisoners in penal inspections, gives the criteria and parameters of its evaluation.

Key words: criteria, index, penal inspection, psychological support.

**НАТАЛЬЯ
ЕВГЕНЬЕВНА
КОЛЕСНИКОВА*,
АНАТОЛИЙ
ИВАНОВИЧ
ШИПИЛОВ****

К ВОПРОСУ ОБ ОЦЕНКЕ, КРИТЕРИЯХ И ПОКАЗАТЕЛЯХ ЭФФЕКТИВНОСТИ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО СОПРОВОЖДЕНИЯ ОСУЖДЕННЫХ В УГОЛОВНО- ИСПОЛНИТЕЛЬНЫХ ИНСПЕКЦИЯХ

В настоящее время острым и актуальным является вопрос оценки критериев и показателей эффективности психологической работы с осужденными в уголовно-исполнительных инспекциях (далее – УИИ). Однако практика показывает, что только психологических критериев мало для оценки социальной реабилитации личности, поэтому в статье оценка критериев эффективности психологической работы с осужденными в УИИ будет опираться на социально-психологические показатели. Критерий (от греч. *kriterion* – мерило для оценки чего-либо) – это признак, на основании которого производится оценка, определение или классификация чего-либо; мерило оценки¹. Показатель – это оцененная соответствующим образом характеристика явления (ситуации, проблемы, процесса и пр.), а также наблюдаемый и поддающийся фиксации результат.

Показатели выполняют три функции: 1) являются формой представления информации; 2) служат средством анализа целей, ситуаций, проблем, решений; 3) всегда связаны с интересами человека, реально выступают в качестве средства стимулирования и мотивации эффективности его деятельности. Признаки показателя: диагностичность, достоверность, комплексность. Именно на показателях строится система мотивации социальной и психологической работы сотрудников УИИ. И чем точнее показатели отражают их интересы, тем эффективнее система стимулирования и мотивации труда в УИИ.

* Кандидат психологических наук, доцент кафедры организационного режима и оперативно-розыскной деятельности в УИС, (Псковский филиал Академии ФСИН России)
E-mail: nukolesnikowa@rambler.ru;

** доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры социальной психологии и психологии труда (Современная гуманитарная академия, г. Москва)
E-mail: anshipilov@yandex.ru.

Сама система показателей, на которых строится социально-реабилитационная, в том числе социально-психологическая, работа с осужденными в УИИ, уже отражает характер, предполагаемую эффективность и социальную значимость деятельности инспекций. Так, в разделе VII Инструкции по организации деятельности психологической службы уголовно-исполнительной системы² нашли отражение следующие критерии оценки деятельности психологической службы:

- наличие передового опыта в области психологического обеспечения деятельности учреждений и органов, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы, и следственных изоляторов;

- доля обследованных лиц (процент от общего количества обследованных), на которых были подготовлены психологические портреты, характеристики, заключения, рекомендации, программы;

- количество проведенных консультаций по личным вопросам, индивидуальных и групповых психокоррекционных мероприятий;

- количество консультаций для сотрудников подразделений по вопросам профессионально-служебной деятельности;

- количество лекций, занятий по повышению психологической компетентности персонала, психологическому просвещению осужденных;

- количество лекций, занятий, семинаров, проведенных с целью повышения профессионального мастерства сотрудников психологической службы;

- состояние социально-психологического климата в органах и учреждениях УИС (предоставление описательных материалов, подтверждающих проведенную работу);

- наличие суицидов и суицидальных попыток в подразделениях территориального органа УИС;

- профессиональный потенциал сотрудников психологической службы (удельный вес сотрудников с базовым психологическим образованием, их компетентность; среднее количество лиц, с которыми осуществляет работу психолог).

В разделе VI Инструкции по организации деятельности психологической службы уголовно-исполнительной системы содержатся требования к документации психологической службы, структура, содержание и объем которой также являются показателем социально-психологической работы в УИИ. Согласно этой Инструкции сотрудниками психологической службы ведется следующая документация:

- журнал учета осужденных (подозреваемых и обвиняемых), прошедших психологическое обследование;

- журнал учета индивидуальных консультаций и психокоррекционной работы с осужденными (подозреваемыми и обвиняемыми);

- журнал учета групповой просветительской, психокоррекционной и психопрофилактической работы с осужденными (подозреваемыми и обвиняемыми);

- журнал регистрации лиц, прошедших психологическое обследование;

- журнал учета индивидуальных консультаций и психокоррекционной работы с персоналом;

- журнал учета групповой просветительской, психокоррекционной и психопрофилактической работы с персоналом;

- журнал учета перемещения психологической информации;

- дело планов и отчетов о работе психологической лаборатории, иная документация, необходимость ведения которой возникает в процессе деятельности психолога.

В п. 1.11 Методических рекомендаций по организации психологической работы с осужденными, состоящими на учете в уголовно-исполнительных инспекциях (2006) указывается: «Психолог УИИ организует сбор статистической информации по основным направлениям деятельности, составляет справки, отчеты и по результатам деятельности формирует банк данных. Документация психолога, предусмотренная п. 28 разд. VI приказа Министерства юстиции Российской Федерации «Об утверждении Инструкции по организации деятельности психологической службы уголовно-исполнительной системы», является отчетной и предназначена для осуществления контроля за деятельностью психологов УИИ».

В проекте Концепции развития наказаний, не связанных с изоляцией осужденного от общества, до 2020 года определены критерии эффективности исполнения указанных наказаний³. В этом перечне критериев шесть имеют социально-психологическую сущность:

- 1) у осужденного выработалось стойкое негативное отношение к совершенному им преступлению и одновременно появилось раскаяние и сожаление в адрес потерпевших;

- 2) осужденный признал вину в совершенном преступлении и осознал справедливость назначенного ему наказания;

- 3) осужденный в период отбывания наказания стремился к повышению своего образовательного и профессионального уровня, что в поведении выражалось в обучении в школе, колледже, на курсах повышения квалификации;

- 4) у осужденного появились позитивные жизненные перспективы;

5) осужденный позитивно относится к воспитательно-профилактическому воздействию, и оно имеет реальные положительные результаты. Он занимается самовоспитанием;

6) осужденный имеет устойчивую связь с семьей, стабильные отношения с позитивным окружением.

Приказом Минюста России от 14 апреля 2006 г. № 166 утверждено Положение о рейтинговой оценке деятельности уголовно-исполнительных инспекций и отделов по их руководству территориальных органов Федеральной службы исполнения наказаний, в котором отмечается, что рейтинговая оценка необходима «для сравнения результатов работы по исполнению наказаний и мер уголовно-правового характера без лишения свободы по основным направлениям деятельности»⁴. Этот же приказ регламентирует определение рейтинговой оценки на основе статистических данных. Согласно этому документу показателями рейтинговой оценки деятельности УИИ являются:

- общая численность осужденных, в том числе распределение по отдельным видам наказаний и общая численность несовершеннолетних осужденных;

- численность осужденных, совершивших рецидивные преступления;

- сведения о криминогенном составе, то есть о численности осужденных к различным видам отбывания наказания без изоляции от общества и характере совершенных ими преступлений (тяжкие и особо тяжкие преступления, повторные преступления).

Кроме того, на уровень рейтинговой оценки УИИ влияют: сведения о прокурорском реагировании, привлечении персонала УИИ к ответственности, раскрытии преступлений и количестве УИИ.

Анализ обзоров деятельности УИИ за последние несколько лет и основных показателей деятельности УИС России за 2013 г. свидетельствует о том, что в них не предусматривается учет показателей эффективности социально-психологической работы ни как меры профилактики повторных преступлений, ни как дополнительной меры воспитательно-профилактического характера, ни как условия исполнения наказаний без изоляции от общества⁵. Это означает, что персональную ответственность ни психологи подразделений, ни руководители УИИ за результаты социально-психологической реабилитации осужденных не несут. Таким образом, динамика внутриличностных механизмов саморегуляции социального поведения лиц, состоящих на учете в инспекциях, остается вне поля

зрения сотрудников УИИ, методы социальной и психологической работы, а также прогнозирования рецидивной преступности применяются в отрыве от состояния и динамики базовых (внутриличностных) показателей социальной реабилитации осужденных.

Вместе с тем отслеживание хотя бы некоторых показателей изменения социально-психологического статуса личности в период отбывания срока наказания является если не главным, то одним из основных условий повышения эффективности профилактики рецидивной преступности. К сожалению, на данном этапе развития социально-психологической работы в УИИ такие показатели четко не обозначены. Существуют попытки некоторых психологов, работающих в ИУ общего режима, приведения их в систему⁶.

Таким образом, решение проблемы разработки системы социально-психологических критериев и показателей для каждой половозрастной категории осужденных можно начать с понимания того, что именно должно стать ожидаемым результатом работы с осужденными, отбывающими наказание без изоляции от общества. Это не что иное, как их социальная реабилитация, под которой понимается «комплекс мер, направленных на восстановление разрушенных или утраченных индивидом общественных связей и отношений вследствие нарушения здоровья со стойким расстройством функций организма (инвалидность), изменения социального статуса (безработные, осужденные, беженцы и др.), девиантного поведения личности (несовершеннолетние лица, страдающие алкоголизмом, наркоманией, освободившиеся из мест заключения, отбывающие наказание без изоляции от общества и т. п.)»⁷.

Очевидно, что об успехе социальной реабилитации осужденного свидетельствуют: его включенность в более широкую сеть социально одобряемых межличностных и общественных отношений, возвращение человеку его доброго имени (избавление от клейма судимости), совладающее поведение в ТЖС, а в целом – социализированность личности. Социализированная личность характеризуется тремя главными интегративными показателями (признаками):

- 1) *социальная идентичность* (определение собственной принадлежности к группам по половому, гендерному, семейному, профессионально-трудовому, религиозному и другим признакам);

- 2) *социальная адекватность* (адекватная самооценка, адекватный уровень притязаний, адекватная ролевая позиция в межличностных отношениях, адекватный уровень агрессивности);

ти (здоровая агрессия), адекватные социальные установки, реалистичный образ пространства, времени, социальной среды, мира в целом и др.);

3) *социальная адаптированность* (определяется по уровню и особенностям развития базовых механизмов саморегуляции поведения, например антиципации и стиля саморегуляции, механизмов социализации (идентификация – обособление) и индивидуального социального развития (типизация – индивидуализация), а также по совокупности показателей социально-психологической адаптации – лживость, адаптация, эмоциональный комфорт, принятие себя, принятие других, интернальность, эскапизм, доминантность)⁸.

Понимая остроту и сложность вопроса об оценке, критериях и показателях эффективности социально-психологической работы с осужденными в УИИ, в 2011 г. в Псковском юридическом институте Федеральной службы исполнения наказаний Н. А. Цветковой разработан и апробирован вариант социального паспорта осужденного к наказаниям без изоляции от общества. Он позволяет получить целостное представление о показателях и критериях эффективности социально-психологического воздействия⁹ на осужденных, состоящих на учете в УИИ.

Таким образом, цели социальной реабилитации осужденных к наказаниям без изоляции от

общества будут достигаться более эффективно при условии, если:

– будет осуществлена систематизация критериев и показателей эффективности социально-психологической работы с осужденными в УИИ;

– система критериев и показателей эффективности социально-психологической работы с осужденными в УИИ будет подвергнута процедуре унификации*, в результате которой будут выделены ключевые (они же отчетные) критерии и показатели динамики социально-психологической реабилитации осужденных в период отбывания срока наказания;

– будет решен вопрос об ответственности администрации и психологов УИИ за результаты социально-психологической работы, определяемые по динамике этих унифицированных показателей;

– произойдет закрепление ключевых показателей социально-психологической работы в УИИ в рейтинговой оценке деятельности инспекций.

Однако в случае решения поставленных выше задач возросший объем требований к сотрудникам УИИ и соответственно их деятельности более остро поставит вопрос о введении в штатное расписание инспекций должности социального работника.

* Унификация – распространенный и эффективный метод устранения излишнего многообразия посредством сокращения перечня допустимых элементов и решений, приведения их к однотипности. Унификация критериев и показателей является разновидностью их систематизации в целях получения четкой системы показателей, удобной для пользования.

Список использованной литературы

¹ См.: Анцупов А. Я., Шипилов А. И. Словарь конфликтолога. М., 2010. С. 272.

² См.: Об утверждении Инструкции по организации деятельности психологической службы уголовно-исполнительной системы: приказ Минюста России от 12 декабря 2005 г. № 238 // СПС «КонсультантПлюс».

³ См.: Концепция развития наказаний, не связанных с изоляцией осужденного от общества, до 2020 года. Псков, 2010. С. 11.

⁴ Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2007. № 1. С. 44–45.

⁵ См.: Об итогах деятельности уголовно-исполнительных инспекций территориальных органов ФСИН России в 2013 г. : обзор.

⁶ См.: Колесникова Н. Е. Социально-психологическая ресоциализация осужденных-мужчин в исправительном учреждении : дис. ... канд. психол. наук. М., 2011.

⁷ См.: URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki>.

⁸ См.: Социально-психологическая адаптация : тест Р. Даймонда, К. Роджерса.

⁹ См.: Цветкова Н. А. Социальная работа с осужденными, отбывающими наказание без изоляции от общества : метод. пособие по социальной паспортизации осужденных (для работников уголовно-исполнительных инспекций). Псков, 2012.

Статья рекомендована к опубликованию научно-экспертным советом академии, протокол от 16 мая 2014 г. № 5.

Д67

PEDAGOGICAL POTENTIAL OF «PHYSICAL TRAINING» BY DEVELOPMENT OF NEEDS FOR PHYSICAL IMPROVEMENT AT CADETS OF HIGHER EDUCATION INSTITUTIONS OF THE FPS OF RUSSIA

Аннотация: в статье представлены материалы исследования по выявлению и обоснованию состояния уровня потребности курсантов в физическом совершенствовании.

Ключевые слова: физическая культура, потребности в физическом совершенствовании, значимость здоровья.

Annotation: in the article the author presents the materials of research on identification of level of needs of cadets for physical improvement.

Key words: physical training, needs for physical improvement, importance of health.

**ДМИТРИЙ
АНАТОЛЬЕВИЧ
ДОНСКОВ*,
РОМАН
ВАЛЕНТИНОВИЧ
ПУЗЫРЕВСКИЙ****

ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ УЧЕБНОЙ ДИСЦИПЛИНЫ «ФИЗИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА» В ФОРМИРОВАНИИ ПОТРЕБНОСТИ В ФИЗИЧЕСКОМ СОВЕРШЕНСТВОВАНИИ У КУРСАНТОВ ВУЗОВ ФСИН РОССИИ

В Основах законодательства Российской Федерации о физической культуре и спорте физическая культура в высших учебных заведениях определяется как учебная дисциплина и важнейший компонент целостного развития личности. Выступая составной частью общей культурной и профессиональной подготовки курсантов в течение всего периода обучения, физическая культура представлена обязательным разделом, значимость которого проявляется через гармонизацию духовных и физических сил, формирование таких общечеловеческих ценностей, как здоровье, физическое и психическое благополучие, физическое совершенство.

Свои образовательные и развивающие функции данная дисциплина наиболее полно осуществляет в целенаправленном педагогическом процессе физического воспитания, целью которого является формирование физической культуры личности и способности реализовать ее в учебной, профессиональной, физкультурно-спортивной деятельности, в быту, семье.

Для достижения поставленной цели предусматривается решение следующих образовательных, воспитательных, развивающих и оздоровительных задач:

– понимание роли физической культуры в развитии личности и подготовке ее к профессиональной деятельности;

– овладение системой практических умений и навыков, обеспечивающей сохранение и укрепление здоровья, совершенствование физических и личностных качеств, самоопределение в физической культуре;

* Кандидат педагогических наук, заместитель начальника факультета повышения квалификации

E-mail: donskovda@mail.ru;

** кандидат педагогических наук, доцент,

доцент кафедры физической подготовки и спорта

(Академия ФСИН России)

E-mail: roman-68.10@mail.ru.

– формирование мотивационно-ценностного отношения к физической культуре, установки на здоровый образ жизни, физическое самосовершенствование и самовоспитание, потребности в регулярных занятиях физическими упражнениями и спортом;

– укрепление здоровья, повышение работоспособности и функциональных возможностей организма обучающихся;

– воспитание профессионально важных психических качеств: волевых, оперативного мышления, внимания, эмоциональной устойчивости, быстроты восприятия, уравновешенности в экстремальных ситуациях;

– гармоническое развитие физических качеств и двигательных способностей;

– вовлечение курсантов в массовые оздоровительные и спортивные мероприятия;

– совершенствование спортивного мастерства курсантов-спортсменов.

Физическое воспитание курсантов осуществляется с использованием разнообразных форм учебных и внеучебных занятий на протяжении всего периода обучения в академии. Учебные занятия составляют основу физического воспитания курсантов и проводятся в форме теоретических, практических, контрольных, индивидуальных и индивидуально-групповых дополнительных (консультаций), самостоятельных занятий.

Содержание теоретического раздела учебной программы направлено на вооружение курсантов системой специальных знаний по основам теории и методики физического воспитания, необходимых для понимания природных и социальных процессов функционирования физической культуры общества и личности, умения их адаптивного, творческого использования для своего физического и личностного самосовершенствования, организации здорового стиля жизни при выполнении учебной, профессиональной и социокультурной деятельности, в тактике применения боевых приемов борьбы в экстремальных ситуациях.

Теоретический раздел программы реализуется в форме лекций и семинарских занятий. Лекционный курс рассчитан на изложение теоретических сведений, раскрывающих требования государственного образовательного стандарта по дисциплине «Физическая культура». Содержание лекций в обобщенном виде включает в себя: основные понятия и термины; ведущие научные идеи, основные закономерности, теории, положения, раскрывающие сущность явлений в физической культуре, объективные связи между ними, прикладные знания, тема-

тическую информацию и научные факты, объясняющие и формирующие убеждения.

Прикладные знания имеют непосредственную связь с будущей профессиональной деятельностью сотрудников уголовно-исполнительной системы. Следует отметить, что знания о закономерностях повышения спортивной работоспособности имеют единую психофизиологическую основу со знаниями о достижении и поддержании высокой профессиональной работоспособности человека в сфере труда.

Практический раздел учебной программы включает в себя разнообразные средства физической культуры, направленные: на обеспечение необходимой двигательной активности; достижение и поддержание оптимального уровня физической и функциональной подготовленности в период обучения курсантов; приобретение опыта совершенствования и коррекции индивидуального физического развития; освоение жизненно необходимых навыков; формирование устойчивого мотивационно-ценностного отношения к физкультурно-спортивной деятельности; овладение умениями по использованию средств физической культуры и спорта в целях физического совершенствования, формирования жизненных и профессионально значимых психофизических качеств и свойств личности, умений и навыков для обеспечения активного отдыха, профилактики общих и профессиональных заболеваний, травматизма, вредных привычек, прикладных навыков и умений (готовности к действиям в экстремальных ситуациях).

Направленным подбором комплекса упражнений, видов спорта, спортивных игр можно эффективно воздействовать на курсантов и слушателей, способствуя формированию конкретных психических качеств и свойств личности, определяющих успешность профессиональной деятельности. Будущему сотруднику исправительного учреждения иногда приходится выполнять служебные задачи в экстремальных ситуациях, например задерживать осужденного, совершившего побег из-под стражи, но без знаний и навыков проведения задержания не будет и функциональных возможностей выполнения этих действий. В силу этого нужна специальная тренировка с постепенным усложнением задачи.

Многие спортивные, особенно игровые, моменты могут моделировать возможные жизненные ситуации. Воспитанная в спортивной деятельности привычка соблюдать установленные нормы и правила поведения (чувство коллективизма, выдержка, уважение к соперникам, трудолюбие, самодисциплина) переносится в по-

вседневную жизнь, профессиональную деятельность. Сознательное преодоление трудностей в процессе регулярных занятий физической культурой и спортом, борьба с нарастающим утомлением, ощущениями боли и страха воспитывают волю, самодисциплину, уверенность в себе.

Служебная деятельность сотрудника уголовно-исполнительной системы, его активность определяются такими физическими компонентами, как мышечная сила, выносливость, быстрота, координация движений, способность к концентрированному и устойчивому вниманию, реакция выбора. Общеизвестно, что все эти составляющие, как и профессиональные свойства личности, в определенных пределах тренируемы. Формирование личности происходит на протяжении всей жизни, но именно в процессе служебной подготовки закладываются основы тех профессионально-личностных качеств специалиста, с которыми он затем вступит в новую для него сферу деятельности. Обучение является важнейшим периодом для будущего сотрудника уголовно-исполнительной системы. Создание педагогических условий, корректируемых профессиональными требованиями, с учетом запросов практики, несомненно, приведет к наиболее качественной подготовке будущих сотрудников и в конечном счете – к формированию у них готовности выполнять служебные обязанности на высоком уровне в различных экстремальных ситуациях.

Индивидуальные, индивидуально-групповые, дополнительные занятия (консультации) проводятся по назначению и расписанию кафедры физической подготовки и спорта для курсантов, не справляющихся с зачетными требованиями, а также желающих углубить свои знания и практические навыки в интересующих их вопросах физической культуры и спорта.

Внеучебные занятия организуются в форме:

- выполнения физических упражнений в режиме учебного дня;

- учебно-тренировочных занятий в группах спортивного совершенствования по служебно-прикладным видам спорта и спортивных секциях;

- самостоятельных занятий физическими упражнениями, спортом и туризмом;

- массовых оздоровительных, физкультурных и спортивных мероприятий.

Учебно-тренировочные занятия в группах спортивного совершенствования по служебно-прикладным видам спорта и спортивных секциях проводятся в свободное от учебы время, но не реже трех раз в неделю в объеме 2 часа с курсантами, желающими заниматься избран-

ным видом спорта и совершенствовать свое спортивное мастерство.

Физкультурно-оздоровительные и спортивно-массовые мероприятия являются продолжением основной формы обучения, проводятся в свободное от учебных занятий время в соответствии с календарным планом, утвержденным начальником академии. В него включаются курсовые и общеакадемические соревнования, спортивные праздники и конкурсы и т. д.

В процессе учебных занятий по дисциплине «Физическая культура» возникает ряд проблем, связанных с формированием потребности курсантов в физическом совершенствовании, а именно: сознательное овладение двигательным действием; развитие умения анализировать двигательные действия; повышение образовательного уровня учебных занятий по физической культуре; развитие самостоятельности; вооружение обучающихся педагогическими умениями и навыками; установление и систематическое осуществление органического единства между учебной, внеучебной и внеакадемической работой и т. д.

Важным условием сознательного усвоения физических упражнений является вооружение курсантов и слушателей необходимыми теоретическими сведениями об изучаемых действиях. Чем больше обучаемые усваивают соответствующих знаний, чем глубже происходит у них развитие абстрактно-теоретического компонента двигательной деятельности, тем выше результаты в формировании умений и навыков положительного отношения к занятиям физическими упражнениями.

В усвоении курсантами понятий в процессе обучения двигательным действиям большое значение имеют такие операции, как анализ и синтез. П. Ф. Лесгафт указывал: «...умение действовать всегда целесообразно, продуктивно и экономно, должно опираться на сознательный анализ выполняемых движений, начиная от самых простых и постепенно переходя к более сложным». Им выдвигается требование анализировать разучиваемые упражнения.

Анализ выполнения двигательного действия, анализ ошибок помогает вооружить курсантов умением целенаправленно организовать занятия по совершенствованию изучаемого материала.

Знания, сообщаемые при разучивании двигательного действия, способствуют успешному овладению учебным материалом, что, в свою очередь, способствует формированию положительного отношения к занятиям физической культурой и спортом.

Осознание курсантами общественной и личной значимости систематических занятий физическими упражнениями формирует у них потребность в физическом совершенствовании.

Другим важным условием формирования потребности в физическом совершенствовании является развитие самостоятельности у курсантов, вооружение их педагогическими умениями и навыками. Плодотворной, на наш взгляд, является идея деления учебной группы на подгруппы, так как с помощью этого можно повысить активность моторной деятельности курсантов и учесть индивидуальные особенности каждого. Для этого целесообразно воспользоваться помощью наиболее подготовленных обучающихся, вооруженных специальными знаниями и педагогическими умениями.

Участие во внеаудиторной работе по физической подготовке и спорту создает возможность для проявления активности личности, воспитания устойчивой привычки и умений самостоятельно, грамотно применять разные средства физического воспитания. Это способствует превращению занятия физическими упражнениями в жизненную потребность каждого курсанта и слушателя.

Установление и систематическое осуществление органического единства между учебной,

внеаудиторной и вневузовской работой по физическому воспитанию – важное условие воспитания потребности в физическом совершенствовании.

Изучение проблематики дает возможность предположить, что данная потребность становится качеством личности при следующих условиях:

1. Насыщение учебных занятий по физической культуре общественно значимым содержанием, стимулирующим не только двигательную, но и интеллектуальную деятельность, проведение их на высоком методическом и воспитательном уровне.

2. Привлечение курсантов к практической деятельности по организации и пропаганде физической культуры и спорта как внутри образовательного учреждения, так и за его пределами.

3. Установление и систематическое осуществление органического единства между учебной, внеаудиторной и вневузовской работой по физическому воспитанию и спорту.

4. Согласованность воспитательных воздействий курсового руководства образовательного учреждения и преподавателей физической подготовки и спорта.

5. Создание педагогической модели процесса формирования потребности у курсантов вузов ФСИН России в физическом совершенствовании.

Статья рекомендована к опубликованию научно-экспертным советом академии, протокол от 25 апреля 2014 г. № 4.

УДК 159.9:343.8
ББК 88.473
Л13

I.V. LAVRENTYEVA*, T.I. SAVELYEVA**

PSYCHO-CORRECTIVE WORK WITH PERSONS SENTENCED FOR SEX CRIMES

Аннотация: в статье предлагается типология осужденных за преступления против половой неприкосновенности и половой свободы личности, а также рассматриваются особенности психокоррекционной работы с данной категорией осужденных.

Ключевые слова: психокоррекционная работа, осужденные за преступления против половой неприкосновенности и половой свободы личности.

Annotation: in the article the typology of sex offenders is offered, peculiarities of psycho-corrective work with them is considered.

Key words: psycho-corrective work, persons sentenced for sex crimes.

**ИННА
ВАЛЕРИЕВНА
ЛАВРЕНТЬЕВА*,
ТАТЬЯНА
ИВАНОВНА
САВЕЛЬЕВА****

ПСИХОКОРРЕКЦИОННАЯ РАБОТА С ОСУЖДЕННЫМИ ЗА ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ ПОЛОВОЙ НЕПРИКОСНОВЕННОСТИ И ПОЛОВОЙ СВОБОДЫ ЛИЧНОСТИ

По данным ФСИН России за 2012 год¹, в исправительных колониях для взрослых содержатся 14 370 осужденных за преступления против половой неприкосновенности и половой свободы личности. Они составляют особую, наиболее уязвимую группу, поскольку подвергаются различного рода физическому и психическому насилию. В связи с этим данная группа требует постоянного изучения и четкой организации систематического психологического контроля.

Исследование, проведенное психологами межрегиональной психологической лаборатории ГУФСИН России по Самарской области, позволило по индивидуально-типологическим особенностям выделить семь типов осужденных за преступления против половой неприкосновенности и половой свободы личности. К первому типу относятся лица, преступные действия которых отличаются тем, что изнасилование или его попытка совершаются в отношении ранее незнакомых женщин. Они внезапно нападают на них, могут заранее поджидать или искать подходящую ситуацию. Нападение на женщин сопровождается избиением, иногда довольно жестоким, активными попытками физическим путем сломить сопротивление потерпевшей. Вину в совершенном преступлении, как правило, признают, так как не могут, в отличие от других категорий осужденных за изнасилования, сослаться на то, что жертва не оказывала сопротивления и добровольно вступила в половой акт. Мотивом такого рода преступлений чаще всего выступает стремление к преодолению психологического доминирования проти-

* Кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры психологии профессиональной деятельности в УИС;

** кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии профессиональной деятельности в УИС (Академия ФСИН России)
E-mail: editor62@yandex.ru.

воположного пола. Иными словами, они воспринимают женщин как доминирующих, подавляющих, активных по отношению к ним. Это не обязательно осознанная позиция, однако она достаточно легко может быть выявлена в беседе или в процессе психологической диагностики. Личностным смыслом такого преступления является своеобразный протест, попытка обрести психологическое доминирование, самоутвердиться и вместе с тем унижить женщину, прежде всего в своих собственных глазах. Большинство лиц, относящихся к данному типу, имеют семью, детей, и поэтому объяснение причин совершенного ими преступления только сексуальными побуждениями не может являться достоверным, поскольку отношения в их семьях складываются обычно таким образом, что муж занимает подчиненную позицию по отношению к жене. С учетом изложенного их преступное поведение может рассматриваться как своеобразная попытка изменить существующее положение дел, как протест против своей пассивности и доминирования со стороны других (не только жены, но и всех женщин).

Ко второму типу относятся осужденные, отбывающие наказание за изнасилование девочек (в возрасте до 6 лет), а иногда и женщин преклонного возраста (старше 60 лет). Преступления таких лиц часто носят характер фиксированной аффективной вспышки, они обычно не помнят, что совершили, и не могут вразумительно объяснить причин своих действий. Сопутствующими факторами такого рода преступлений обычно бывает сильное алкогольное или наркотическое опьянение. Вину в совершении преступления они часто не признают, ссылаясь на то, что ничего не помнят. Такие лица обычно презираемы другими осужденными, которые подвергают их насмешкам, издевательствам, побоям и т. д. Изнасилование женщин преклонного возраста сопровождается, как правило, жестокими избиениями, иногда со смертельным исходом. Мотивом такого рода преступлений являются проявления аффективных следов, сохранившихся в психике в неосознанной форме (пережитые состояния аффекта оставляют сильные устойчивые «аффективные следы» в долговременной памяти, определяющие избирательность последующего поведения по отношению к ситуациям и их элементам, которые прежде вызывали аффект). Эти аффективные следы остались в связи с психотравмирующими обстоятельствами, связанными со взаимодействиями с конкретными девочками или женщинами в детском возрасте осужден-

ных, и поэтому их преступления носят характер снятия фиксированного аффекта, отсроченного во времени. Внешним поводом или пусковым механизмом при этом могут служить объективно нейтральные по отношению к совершенному преступлению обстоятельства. Имеющийся аффективный след можно образно сравнить с заряженным ружьем, на курок которого может кто-то случайно нажать, и произойдет внезапный для окружающих выстрел. Но этого может никогда и не случиться хотя бы потому, что к этому ружью близко никто не подойдет. Другими словами, наличие аффективного следа, связанного с психотравмирующими обстоятельствами, не обязательно фатально приводит к преступным последствиям. Для этого необходим еще целый ряд субъективных и объективных причин в их взаимосвязи.

К третьему типу относятся лица, осужденные за удовлетворение сексуального влечения с девочками от 6 до 14 лет. Многие из них ранее судимы за развратные действия, и по одному уголовному делу обычно проходит несколько эпизодов. Эти преступники, как правило, не совершают грубых насильственных действий в отношении жертвы, а действуют обманным путем. В основе такого преступления на почве сексуального влечения к девочкам лежат задержка психосексуального развития и нарушения контактов с более старшими лицами противоположного пола. Обычно стремление к удовлетворению полового влечения с девочками связано с ситуацией, когда контакт со взрослыми женщинами не приносит удовлетворения и является психотравмирующим. Кроме того, в детстве у такого субъекта уже имелся опыт сексуального контакта с девочками. Когда он был ребенком, сексуальный контакт со своими сверстницами вызывал у него сексуальное возбуждение. Таким образом, за стремлением к удовлетворению сексуальной потребности с девочками часто выступает неосознанное желание вернуться в прошлое и испытать те острые удовлетворяющие эмоции, которые имели место ранее. В некоторых случаях в основе влечения к девочкам может лежать психологическая компенсация дефектов общения с противоположным полом в подростковом возрасте.

Преступные действия осужденных, относящихся к четвертому типу, отличаются тем, что они направлены вначале не на женщин, а на оказавшихся рядом с ними мужчин (мужа, знакомого и т. д.). Изнасилование женщины здесь как бы вторично, и оно следует после физической расправы с бывшим с ней мужчиной. В ос-

нове подобных преступлений лежат некоторые психологические дефекты, сформированные в подростковом возрасте. В данном случае агрессия направлена не на отдельно взятых мужчину и женщину, а на мужчину и женщину, связанных какими-то отношениями. Мотивом таких преступлений являются негативные эмоциональные переживания подросткового периода, вызванные попаданием в ситуации, в которых его предпочитали кому-то другому. Это сформировало мощную тенденцию к соперничеству и агрессивные реакции, направленные на любые взаимоотношения мужчины и женщины.

Преступные действия осужденных, относящихся к пятому типу, отличаются внезапностью как для потерпевшего, так и для самого преступника. Как правило, изначальные действия преступника были направлены не на изнасилование, а, например, на кражу, грабеж. Мотив на изнасилование возникает ситуативно. Именно поэтому внезапность нападения сочетается с активным физическим насилием при отсутствии каких-либо приготовлений. Для таких преступлений характерны непродуманность действий и чрезмерный риск в плане возможного задержания. В данном случае мотив напрямую связан с сексуальной потребностью. Способствующими факторами являются психологические особенности личности преступника, а именно: импульсивность, низкий самоконтроль, дефекты в морально-нравственной сфере.

К шестому типу относятся лица с психическими и физическими аномалиями, которые являются препятствием для взаимодействия с противоположным полом. Например, это могут быть лица с умственной недостаточностью, а также инвалиды. Наиболее часто они совершают изнасилования подростков. Умысел на изнасилование возникает в связи с невозможностью нормального удовлетворения сексуальной потребности. Способствующий фактор при этом преступлении – постоянный неуспех в общении с женщинами.

Осужденные, которых следует отнести к седьмому типу, обычно полностью не признают своей вины, считая, что изнасилования, как такового, не было. Они достаточно настойчиво утверждают это и приводят массу аргументов. Совершению преступления обычно предшествуют предварительное знакомство и общение между будущим преступником и потерпевшей. Часто женщина сама добровольно идет к нему домой или садится в машину, остается на ночь и т. п. В этих случаях явно имеет место провокационное поведение потерпевшей. Со сторо-

ны женщины осуществляется определенный тип виктимного сексуального поведения, имеющего так называемый игровой характер, смыслом которого является не стремление к сексуальному контакту, а желание флирта. Мотивом преступления является стремление к половой близости в связи с кажущейся доступностью объекта.

Таким образом, общими особенностями для рассматриваемых типов осужденных являются низкий уровень развития интеллектуальной и эмоционально-коммуникативной сферы, эмоциональная дезорганизация мышления, игнорирование общепризнанных моральных норм, недисциплинированность. Учитывая общие и индивидуально-типологические особенности осужденных рассматриваемых типов, психокоррекционную работу с ними целесообразно организовывать по следующему алгоритму.

1. Предварительно необходимо провести психологическую диагностику, направленную на выявление конкретных психологических особенностей, деструктурирующих личность и поведение осужденного, а также являющихся психологической основой для совершения преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы личности. Результаты диагностики позволят составить индивидуальную или групповую программу коррекции данного типа осужденных.

Комплекс психодиагностических методик, как правило, включает в себя следующие тесты и опросники: тест структуры интеллекта Амтхауэра или интеллектуальный тест «Домино-48»; тест невербального интеллекта Кеттелла; опросник склонности к насилию; опросник установок к сексу Г. Айзенка; волевой самоконтроль (ВСК); опросник агрессивности Басса – Дарки; оценка уровня эмпатических способностей В. В. Бойко; шкала манипулятивного поведения; Я-структурный тест Амона (ISTA); Хайнский тест (на прогноз опасности рецидива сексуальных перверсий); MSI – определение степени отрицания мотивации к изменениям и совершенного преступления; АМИЛ (написание личной биографии). Кроме того, для экспресс-диагностики данной категории осужденных рекомендуется проективная методика «Рисунк жертвы», разработанная А. В. Молоствовым².

2. Психологическая коррекция проводится как в индивидуальной, так и в групповой форме. При комплектовании тренинговых групп необходимо учитывать основные правила, характерные для такого рода терапии³, и принцип добровольности. Не рекомендуется включать

в группу осужденных под угрозой дисциплинарных взысканий. Психолог проводит с осужденными индивидуальную разъяснительную работу, убеждая их в необходимости пройти специальную психологическую подготовку. В состав групп не следует включать психопатических личностей, остродепрессивных больных, осужденных, которые под воздействием критики могут становиться слишком тревожными или агрессивными, «взрывных» осужденных, которые в острой ситуации могут оказать физическое воздействие на других участников тренинга. С такими лицами следует проводить индивидуальную работу. Отдельно формируются группы осужденных, имеющих низкий социальный статус. Нежелательно включение в группу лиц с ярко выраженной криминальной зараженностью, ибо их криминальные установки будут сдерживать активность других осужденных.

3. Непосредственная психокоррекционная работа строится с учетом результатов психодиагностики, временных ограничений, условий проведения психокоррекции, а также профессиональной компетентности психолога. Предлагается психокоррекционная программа, состоящая из 11 блоков, которые включают в себя мероприятия, направленные: на осознание себя; формирование чувства эмпатии; развитие коммуникативных навыков; управление негативными эмоциями; формирование уверенного поведения; целеполагание и формирование выбора правопослушного поведения; выработку ответственности за совершенные преступления; формирование навыков сопротивления групповому давлению, ознакомление со способами отстаивания своего мнения (для осужденных с низким социальным статусом); коррекцию эмоционально-чувственной и волевой сфер психичес-

кой жизни (для несовершеннолетних осужденных); выявление и коррекцию психотравмирующей ситуации, связанной с сексуальным насилием (для несовершеннолетних осужденных, ставших ранее жертвами насилия); индивидуальную психологическую коррекцию.

Каждое занятие целесообразно проводить в стандартной форме. С этой целью в него должны быть включены следующие элементы: ритуал приветствия, разминка, основная фаза, рефлексия по поводу данного занятия, в заключение проводятся медитативно-релаксационные упражнения на усмотрение психолога.

4. Дальнейшая работа заключается в повторной психодиагностике лиц, осужденных за преступления против половой свободы и половой неприкосновенности личности, для определения изменений индивидуально-психологических особенностей, психических состояний, ценностно-ориентационной сферы; внесения дополнений в коррекционную программу; взаимодействия с сотрудниками других отделов и служб исправительного учреждения; работы с ближайшим окружением (семья, близкие родственники, друзья и т. п.); составления планов воспитательной и социальной работы с осужденными. Степень участия и эффективность полученных результатов являются основой определения степени исправления осужденного и одним из критериев для применения системы социальных лифтов.

Таким образом, предлагаемые психокоррекционные мероприятия позволят изменить личность, поведение осужденных данной категории, повысить степень их исправления, а в итоге – снизить уровень рецидивной преступности лиц, осужденных за преступления против половой свободы и половой неприкосновенности личности.

Список использованной литературы

¹ См.: URL: <http://www.fsin.su>

² См.: Молоствов А. В. Рисунок жертвы. М., 2007.

³ См., напр.: Осипова А. А. Общая психокоррекция. М., 2003.

Статья рекомендована к опубликованию научно-экспертным советом академии, протокол от 28 марта 2014 г. № 3.

УДК 159.9:343.8
ББК 88.472(4/8)
ЛЗ5

A.E. LEVENETS*

PSYCHOLOGICAL PECULIARITIES OF MAIN MODELS OF COPING BEHAVIOR OF PENAL STAFF

Аннотация: статья посвящена анализу моделей стресс-преодолевающего поведения сотрудников УИС Украины в зависимости от стажа их профессиональной деятельности. Выяснено, что адаптивная модель копинга преимущественно диагностируется у специалистов со стажем больше 10 лет и до 5 лет, дезадаптивная – у сотрудников со стажем от 5 до 10 лет.

Ключевые слова: копинг-поведение, копинг-модель, стресс, сотрудник УИС, профессиональная деятельность.

Annotation: this article is devoted to analysis of stress-overcoming behavior of penal officers of Ukraine depending on their professional experience. It is found out that the adaptive model of coping is mainly diagnosed for officers with experience more than 10 years and till 5 years, disadaptive model – for officers with experience from 5 to 10 years.

Key words: coping behavior, coping model, stress, penal officer, professional activity.

Сотрудники уголовно-исполнительной системы в силу особенностей профессиональной деятельности практически постоянно поддаются влиянию многочисленных стрессовых факторов¹, испытывают депривацию от экстремальных условий своей работы. Это выдвигает повышенные требования к психическим качествам специалиста, его стрессостойкости, наличию адекватных моделей копинг-поведения.

Понятие копинг-поведения в научной литературе определяют в качестве особого вида социального поведения человека, позволяющего справиться со стрессом или трудной жизненной ситуацией с помощью осознанных действий, направленных на взаимодействие с ситуацией, путем ее изменения или приспособления к ней. Это совладающее поведение направлено на устранение или уменьшение действия стрессовых факторов на личность, вырабатывается на основе индивидуального опыта, исходя из наличия наявных личностных копинг-ресурсов.

В психологической литературе представлены различные классификации моделей и стратегий стресс-преодолевающего поведения, являющихся относительно стабильным способом простых совладающих действий, типичных для конкретного человека при столкновении с широким спектром жизненных трудностей, в частности эффективными – неэффективными, адаптивными – дезадаптивными.

В зависимости от степени конструктивности используемые модели копинг-поведения могут способствовать успешности преодоления профессиональных стрессов или усложнять ее,

**АННА
ЕВГЕНЬЕНА
ЛЕВЕНЕЦ***

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ БАЗОВЫХ МОДЕЛЕЙ КОПИНГ-ПОВЕДЕНИЯ СОТРУДНИКОВ УИС

* Кандидат психологических наук,
старший преподаватель кафедры пенитенциарной педагогики и психологии
(Институт уголовно-исполнительной службы, г. Киев, Украина)
E-mail: annafiore@ukr.net.

влиять на сохранение психического и физического здоровья личности.

Несмотря на то что вопросам психологического сопровождения профессиональной деятельности военнослужащих посвящено значительное количество научных работ, проблема эффективного использования моделей стресс-преодолевающего поведения сотрудниками пенитенциарной системы остается недостаточно изученной, в частности, в аспекте выделенных В. С. Медведевым² трех периодов вероятностного развития профессиональной деформации у сотрудников ОВД.

Целью исследования являлось определение у сотрудников УИС с разным стажем профессиональной деятельности: степени выраженности моделей стресс-преодолевающего поведения; частоты использования базовых моделей копинг-поведения. В исследовании приняли участие 226 работников уголовно-исполнительной службы 39 учреждений (персонал исправительных колоний, исправительных центров, следственных изоляторов) в возрасте от 22 до 61 года, со стажем профессиональной работы от 1 до 30 лет. Так как именно общение, взаимодействие с осужденными является одним из ведущих стрессовых факторов в деятельности сотрудников пенитенциарной системы, то выборка исследования представлена работниками, которые имеют наибольшую частоту взаимодействия с осужденными (начальники отделений социально-психологической службы («отрядные»), оперуполномоченные, инспекторы отдела наблюдения и безопасности).

Сотрудники УИС были разделены на три группы в зависимости от стажа профессиональной деятельности в органах, учреждениях исполнения наказаний и следственных изоляторах. В первую группу вошли работники со стажем работы до 5 лет (92 человека), во вторую – специалисты со стажем профессиональной деятельности от 5 до 10 лет (74 человека), в третью группу – сотрудники со стажем работы от 10 до 25 лет (60 человек).

Для определения особенностей базовых моделей копинг-поведения сотрудников УИС использовалась методика «Стратегии преодоления стрессовых ситуаций (SACS)» С. Хобфолла, 1994 (адаптация Н. Е. Водопьяновой, Е. С. Старченковой, 1998), которая позволяет диагностировать 9 моделей копинг-поведения личности.

На первом этапе определялась степень выраженности копинг-моделей сотрудников УИС, что позволило получить результаты, представленные в таблице 1.

Способность в ситуации внешнего давления корректно отстаивать свои интересы и свою линию поведения, спокойно говорить «нет» тому, что не устраивает и продолжать в социально приемлемой форме эффективно настаивать на своих правах, называется ассертивностью. В соответствии с данными таблицы 1 определено, что модель копинга «ассертивные действия» преимущественно представлена у работников УИС с разным стажем профессиональной работы на среднем уровне. Значимых отличий в трех исследуемых группах по критерию Фишера не выявлено.

Качество социального взаимодействия, усилия человека, направленные на кооперацию и совместную деятельность с другими людьми для решения жизненных проблем определяют показатели шкалы «Вступление в социальный контакт». Наиболее профессиональные специалисты УИС с опытом работы более 10 лет характеризуются высокой степенью склонности к социальному взаимодействию в ситуации стресса – 35 % ($p \leq 0,05$ в сравнении со 2-й группой – 18,92). Средний уровень данной модели копинга свойствен сотрудникам пенитенциарной системы с опытом работы до 5 лет – 42,39 % ($p \leq 0,05$ в сравнении с 3-й группой – 26,67 %) и от 5 до 10 лет – 50 % ($p \leq 0,05$ в сравнении с 3-й группой).

Модель копинга «поиск социальной поддержки», отображающая ориентацию человека на практическое взаимодействие с другими людьми с целью сбора необходимой информации или получения эмоциональной поддержки, на низком уровне преимущественно представлена среди работников 2-й группы, с профессиональным стажем от 5 до 10 лет – 43,24 % ($p \leq 0,01$ в сравнении с 1-й группой – 25 % и $p \leq 0,05$ в сравнении с 3-й группой – 26,67 %). Возможно, обращение за социальной поддержкой рассматривается представителями этой группы как проявление слабости, неуверенности в себе, непрофессионализма, а может, это накопление внутренней усталости, неверия в помощь социума, эмоционального выгорания.

«Осторожные действия» – модель копинг-поведения, отражающая желание человека не подвергаться риску, ничего не принимать на веру, тщательно готовиться, прежде чем принять решение. Высокая степень напряженности данного типа копинг-модели диагностируется у специалистов 2-й группы – 43,24 % ($p \leq 0,01$ в сравнении с 1-й группой – 23,91 %), средняя степень – у работников 1-й группы – 66,30 % ($p \leq 0,01$ в сравнении со 2-й группой – 47,30 % и 3-й группой – 35 %). Низкая – у представите-

**Степень выраженности моделей стресс-преодолевающего поведения
сотрудников УИС с разным стажем профессиональной деятельности**

Степень выраженности преодолевающих моделей		1-я группа (%)	2-я группа (%)	3-я группа (%)	Ф (1, 2)	Ф (1, 3)	Ф (2, 3)
Ассертивные действия	Высокий	32,61	27,03	26,67	0,78	0,79	0,04
	Средний	48,91	56,76	46,67	1,00	0,27	1,16
	Низкий	18,48	16,21	26,67	0,38	1,18	1,47
Вступление в социальный контакт	Высокий	27,17	18,92	35,00	1,26	1,02	2,10*
	Средний	42,39	50,00	26,67	0,98	2,00*	2,79**
	Низкий	30,43	31,08	38,33	0,08	1,00	0,88
Поиск социальной поддержки	Высокий	38,04	27,03	38,33	1,51	0,03	1,39
	Средний	36,96	29,73	35,00	0,98	0,24	0,65
	Низкий	25,00	43,24	26,67	2,48**	0,22	2,01*
Осторожные действия	Высокий	23,91	43,24	35,00	2,65**	1,47	0,97
	Средний	66,30	47,30	35,00	2,47**	3,83**	1,44
	Низкий	9,78	9,46	30,00	0,07	3,15**	3,07**
Импульсивные действия	Высокий	28,26	33,78	26,67	0,76	0,21	0,89
	Средний	48,91	33,78	56,67	1,97*	0,94	2,67**
	Низкий	22,83	32,44	16,67	1,38	0,93	2,13*
Избегание	Высокий	40,21	40,54	38,33	0,04	0,23	0,26
	Средний	34,78	29,73	30,00	0,69	0,62	0,03
	Низкий	25,00	29,73	31,66	0,68	0,89	0,24
Манипулятивные действия	Высокий	13,04	21,62	8,33	1,46	0,92	2,20*
	Средний	54,35	37,84	35,00	2,13*	2,36**	0,34
	Низкий	32,61	40,54	56,67	1,06	1,74*	1,86*
Асоциальные действия	Высокий	40,22	39,19	21,67	0,13	2,44**	2,21*
	Средний	40,22	39,19	43,33	0,13	0,38	0,48
	Низкий	19,56	21,62	35,00	0,32	2,10*	1,72*
Агрессивные действия	Высокий	43,48	47,30	16,67	0,49	3,61**	3,89**
	Средний	41,30	29,73	70,00	1,55	3,53**	4,77***
	Низкий	15,22	22,97	13,33	1,27	0,32	1,45

* $p \leq 0,05$, ** $p \leq 0,01$, *** $p \leq 0,001$

лей пенитенциарной системы 3-й группы – 30 % ($p \leq 0,01$ в сравнении с 1-й группой – 9,78 % и 2-й группой – 9,46 %), что объясняется приобретенным жизненным, профессиональным опытом преодоления трудностей, антиципацией возможных последствий сложных ситуаций.

Исследованным сотрудникам УИС характерна средняя степень выраженности совладающего поведения в виде совершения импульсивных поступков на основе собственной интуиции: у 3-й группы – 56,67 % ($p \leq 0,01$ в сравнении со 2-й группой – 33,78 %), у 1-й группы – 48,91 % ($p \leq 0,05$ в сравнении со 2-й группой).

К «манипулятивным действиям» как способу преодоления трудностей в высокой степени склонны сотрудники 2-й группы с опытом работы 5–10 лет – 21,62 % ($p \leq 0,05$ в сравнении с 3-й группой – 8,33 %), в средней – 1-й группы – 54,35 % ($p \leq 0,05$ в сравнении со 2-й группой – 37,84 % и $p \leq 0,01$ в сравнении с 3-й группой – 35 %). Эти данные свидетельствуют о желании молодых специалистов с наименьшими усилиями достигать желаемых целей, об отношении к другим как средству реализации личных целей, что, возможно, воспринимается в качестве показателя «профессионализм».

**Частота использования базовых моделей копинг-поведения
сотрудников УИС с разным стажем профессиональной деятельности**

Базовая модель копинг-поведения	1-я группа (%)	2-я группа (%)	3-я группа (%)	Ф (1, 2)	Ф (1, 3)	Ф (2, 3)
Адаптивная	42,39	22,97	45,00	2,68**	0,31	2,71**
Псевдоадаптивная	20,65	36,49	33,33	2,26*	1,94*	0,18
Деадаптивная	36,96	40,54	21,67	0,47	2,04*	2,37**

* $p \leq 0,05$, ** $p \leq 0,01$

Психологическое здоровье и жизненная мудрость отображена в показателях наиболее опытных специалистов 3-й группы, у которых фиксируется преимущественно низкая степень выраженности данной копинг-модели – 56,67 ($p \leq 0,05$ в сравнении с 1-й группой – 32,61 % и 2-й группой – 40,54 %).

Серия достоверных отличий зафиксирована за шкалой копинг-модели «Асоциальные действия». Выяснено, что к нарушению общественных норм наименее склонны представители 3-й группы сотрудников УИС: в высокой степени – 21,67 %, ($p \leq 0,01$ в сравнении с 1-й группой – 40,22 % и $p \leq 0,05$ в сравнении со 2-й группой – 39,19), в низкой степени – 35 % ($p \leq 0,05$ в сравнении с 1-й группой – 19,56 % и со 2-й группой – 21,62 %), что координируется с предыдущими данными о несклонности их и к манипулятивному совладающему поведению.

Высокая степень склонности к раздражительности, вспыльчивости, агрессивным действиям при решении сложных жизненных, профессиональных ситуаций выявлена у представителей 1-й группы – 43,48 % ($p \leq 0,01$ в сравнении с 3-й группой – 16,67 %) и 2-й группы – 47,30 % ($p \leq 0,01$ в сравнении с 3-й группой). Специалисты пенитенциарной системы с опытом работы более 10 лет (3-я группа) характеризуются средним уровнем данной модели стресс-преодолевающего поведения – 70 % ($p \leq 0,01$ в сравнении с 1-й группой – 41,30 % и $p \leq 0,001$ в сравнении со 2-й группой – 29,73).

Следующий этап исследования – изучение представленности базовых моделей копинг-поведения, выделенных в исследованиях Н. А. Сироты (1994)³, у специалистов УИС. Ассертивные действия, вступление в социальный контакт и поиск социальной поддержки представляют собой адаптивную базовую модель копинга, осторожные, импульсивные и манипулятивные действия – псевдоадаптивную, а

асоциальные, агрессивные и действия избегания – дезадаптивную базовую модель копинг-поведения.

В соответствии с данными таблицы 2 установлено, что адаптивная базовая модель совладающего поведения достоверно определяется у 42,39 % сотрудников УИС со стажем профессиональной деятельности до 5 лет и 45 % специалистов пенитенциарной системы со стажем более 10 лет, меньше всего – 22,97 % у работников со стажем службы от 5 до 10 лет ($p < 0,01$ в сравнении с 1-й и 3-й группами).

Псевдоадаптивная базовая модель преодоления профессионального стресса преимущественно свойственна 2-й группе – 36,49 % и 3-й группе – 33,33 % ($p \leq 0,05$ в сравнении с 1-й группой – 20,65 %).

Деадаптивная базовая модель копинга в наименьшей степени выявляется среди наиболее опытных специалистов со стажем работы более 10 лет (21,67 %), в наибольшей – у работников УИС с опытом работы 5–10 лет – 40,54 % ($p \leq 0,01$ в сравнении с 3-й группой), что может быть репрезентацией процессов профессионального выгорания и профессиональной деформации, происходящих в этот период службы. Анализ данных позволяет предположить, что современные широкие возможности переквалификации и профессиональной переориентации в сочетании с действием большого количества стрессовых факторов в профессиональной деятельности служат основанием специалистам уголовно-исполнительной системы Украины с преобладающей дезадаптивной моделью стресс-преодоления для смены профессиональной среды и выбора других направлений дальнейшей жизнедеятельности.

На основании изложенного можно сделать следующие выводы.

1. Стаж работы влияет на особенности использования копинг-моделей поведения специ-

алистами УИС. Так, выявлено, что у трети сотрудников органов, учреждений исполнения наказаний с профессиональным стажем до 5 лет в ситуации стресса высока вероятность проявления асоциальных и агрессивных действий. Работникам со стажем 5–10 лет свойственна низкая степень поиска социальной поддержки и высокая – осторожных действий в сложных жизненных ситуациях. Наиболее опытные специалисты со стажем более 10 лет решают создавшиеся трудности через вступление в социальный контакт, путем отказа от манипулятивной модели взаимодействия.

2. Деадаптивная базовая модель копинга преимущественно фиксируется у работников со стажем от 5 до 10 лет, что является основанием интенсивности протекания процессов эмоционального выгорания специалиста и профессиональной деформации. Адаптивная модель стресс-преодолевающего поведения преимущественно диагностируется у опытных сотрудни-

ков со стажем более 10 лет и молодых специалистов со стажем до 5 лет.

Полученные данные свидетельствуют о необходимости своевременной внешней поддержки специалистов УИС, которая укрепляла бы личностные ресурсы и способствовала социально адаптивному, эффективному функционированию сотрудника пенитенциарной системы в условиях профессиональной деятельности. В связи с этим возникает практическая необходимость не только в изучении факторов профессиональной адаптации и работоспособности работников УИС, но и в реализации психологическими службами органов, учреждений исполнения наказаний программ, нацеленных на сохранение и активизацию компенсаторных и регуляторных механизмов личности, которые обеспечивают эффективность, работоспособность и развитие личности специалиста УИС в условиях выполнения профессиональной деятельности.

Список использованной литературы

¹ См.: Кренева Ю. А. Профессиональные деформации сотрудников пенитенциарной системы как следствие стрессогенных факторов службы // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский вестник. Психология. Общественные науки. Спецвыпуск. 2006. С. 57–59.

² См.: Медведев В. С. Психология профессиональной деформации сотрудников ОВД : автореф. дис. ... д-ра психол. наук. Киев, 1999.

³ См.: Сирота Н. А. Копинг-поведение в подростковом возрасте : дис. ... д-ра мед. наук. СПб., 1994.

Статья рекомендована к опубликованию научно-экспертным советом академии, протокол от 28 марта 2014 г. № 3.

LEGAL SENSE AS A SUBJECT
OF PSYCHOLOGICAL RESEARCH

Аннотация: в статье рассмотрены подходы к исследованию структуры правосознания, осуществлен анализ элементов правосознания, важных в детерминации социально-правового поведения, выделены общие дефекты правосознания, обуславливающие противоправное поведение, определены методологические подходы к исследованию механизма формирования правосознания.

Ключевые слова: правосознание, социально-правовое поведение.

Annotation: in the article the author considers some approaches to research of structure of legal sense, analyses its elements which are important for determination of socio-legal behavior, marks out the general defects of legal sense which cause the illegal behavior, describes methodological approaches to research of mechanisms of legal sense development.

Key words: legal sense, socio-legal behavior.

Правосознание является важнейшей детерминантой социально-правового поведения (законопослушного и противоправного). Психологический анализ причин противоправного поведения требует изучения криминогенных дефектов правосознания, а также антикриминогенных свойств правосознания, обуславливающих законопослушное поведение.

Большинство исследователей правосознания выделяют следующие его элементы: знания правовых предписаний, оценочные отношения к праву, к правовому поведению людей и собственному правовому поведению, к правоохранительным органам и их деятельности. Данные элементы являются базовыми и, по сути, составляют стержень правового сознания. Вместе с тем выделяют и другие элементы правосознания (либо конкретизируют вышеназванные): правовые установки (П. П. Баранов, А. Р. Барахоева, О. А. Гулевич, Г. Х. Ефремова, А. Р. Ратинов, И. М. Максимова, Л. А. Ясюкова и др.); ценностные ориентации, регулирующие человеческое поведение в юридически значимых ситуациях (Е. М. Еникеев, Г. Х. Ефремова и А. Р. Ратинов, А. Н. Пастушеня, В. А. Щегорцев и др.); представления о законопослушном человеке и преступнике (осужденном) и отношение к ним (А. Н. Пастушеня, О. А. Гулевич и Е. О. Голыничик); социально-правовые ожидания (А. Н. Пастушеня); отношение к выполнению гражданского долга по участию в поддержании правопорядка (В. И. Бегинин, А. Н. Пастушеня); отношение к криминогенным влияниям других лиц (А. Н. Пастушеня); правовые идеи, теории,

**ВИТАЛИЙ
ГРИГОРЬЕВИЧ
СТУКАНОВ***

**ПРАВОСОЗНАНИЕ
КАК ПРЕДМЕТ
ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО
ИССЛЕДОВАНИЯ**

* Кандидат психологических наук, доцент, докторант
(Академия МВД Республики Беларусь)
E-mail: Stukanoff@tut.by.

взгляды (К. Т. Бельский, Н. А. Горбатов, С. С. Пискунова, И. Ф. Покровский, А. К. Уледов, Н. М. Юрашкевич); правовой опыт (П. П. Баранов; Ю. И. Жегусов); правовые чувства, настроения (И. А. Ильин, И. Е. Фарбер, И. Ф. Покровский, К. Т. Бельский, Р. С. Байниязов, Н. А. Горбатов, Е. А. Лукашева); правовые привычки (И. М. Максимова, Ю. К. Погребная); правовые иллюзии (И. Е. Фарбер); правовой менталитет (Р. С. Байниязов, Ю. К. Погребная); правовая идеология (Н. Ю. Евплова); отношение к жертвам преступлений (О. А. Гулевич); отношение к наказанию (О. А. Гулевич); отношение к желаемому праву (Т. В. Синюкова, Н. А. Горбатов); правовая мораль (Н. А. Горбатов); мотивы соблюдения закона (И. М. Максимова, Л. А. Семенко, И. Н. Трушков); мотивы совершения преступлений (О. В. Пристанская и Е. М. Юцкова) и др.

Исходя из этимологии термина «правовое сознание» к его элементам необходимо отнести те психические свойства, которые реализуются в первую очередь в когнитивной сфере личности. Вместе с тем ряд авторов включают в правосознание психические свойства, которые проявляются в том числе в неосознаваемой сфере личности. К ним относятся правовые установки, мотивы социально-правового поведения, правовой опыт, привычки, иллюзии, менталитет и т. д. Так, Т. В. Синюкова считает, что правовая установка как элемент правосознания есть «готовность, предрасположенность субъекта к правомерному или противоправному поведению, складывающаяся под влиянием совокупности социальных и психофизиологических факторов в изменяющихся жизненных условиях»¹. Данная методологическая позиция противоречит устоявшемуся подходу отечественной психологии, в основе которого правосознание понимается как специфическая форма сознания. Соглашаясь с тем, что правовая установка выступает одним из детерминантов социально-правового поведения, необходимо отметить: одной из функций установки является «освобождение субъекта от необходимости принимать решения и произвольно контролировать протекание деятельности в стандартных, ранее встречавшихся ситуациях»², то есть освобождает субъекта от сознательного регулирования своего поведения. В связи с этим Т. Г. Шавгулидзе указывал, что «понятие фиксированной социально-правовой установки шире понятия правосознания и охватывает последнее...»³, с чем мы полностью согласны. Социально-правовая установка проявляется как на осознава-

емом, и тогда она относится к правосознанию, так и на неосознаваемом уровне психического.

А. Н. Пастушеня считает, что правосознание отражает правовое мировоззрение человека и включает в свою структуру те психологические свойства личности, которые относятся к феноменологии сознания, прежде всего к когнитивной сфере личности. В качестве таких свойств выступают знания, представления, убеждения, ожидания, оценочные эталоны, личностные принципы и нормы, отношения⁴. Вместе с тем правосознание – это не продукт сугубо рационального, его свойства реализуются и на эмоционально-чувственном уровне. Так, И. Ф. Покровский, рассматривая правосознание как форму сознания, в своем исследовании убедительно доказывает, что многообразие правовых явлений находит свое отражение в сознании не только в виде правовых понятий, то есть на уровне второсигнальной деятельности мозга, но и в многообразии высших чувств, которые выступают наряду с соответствующими правовыми взглядами в качестве относительно самостоятельных элементов единого процесса отражения действительности. Правовые чувства – это эмоциональная окраска сознательного отношения и оценки правовых явлений. К правовым чувствам людей можно отнести чувство уважения к закону, к суду, к законодательной власти, чувство уважения прав других людей и т. д.⁵

Таким образом, правосознание отражает правовые явления одновременно на рациональном (когнитивном) и эмоциональном (чувственно-эмоциональном) уровнях психической регуляции социально-правового поведения людей. Под правосознанием мы будем понимать систему психологических свойств личности, реализующихся в когнитивной и чувственно-эмоциональной ее сферах и детерминирующих субъективное отражение правовой действительности, а также социально-правовое поведение человека.

Важным представляется психологическое изучение правосознания с точки зрения детерминации социально-правового поведения человека и групп людей. В связи с этим необходимо выделить те элементы правосознания, которые играют первоочередную роль в обусловливании правопослушного поведения человека, его готовности соблюдать закон и следовать его требованиям.

Основываясь на результатах философских, криминологических и психологических исследований содержания правосознания, мы предлагаем выделить следующие базовые структурные компоненты правосознания, существенно детерминирующие социально-правовое поведение

человека и важные для их эмпирического изучения: отношение к закону; отношение к правовому поведению людей; представления о законопослушном человеке и о преступнике; отношение к правоохраняемым социальным ценностям; социально-правовые ожидания (представления о последствиях противоправного поведения); отношение к правоохранительным органам и их деятельности; отношение к выполнению гражданского долга по участию в поддержании правопорядка. Мы не включили в данный перечень такой элемент правосознания, как уровень правовой подготовленности. Комплексные исследования А. И. Долговой, А. Р. Ратинова, Г. Х. Ефремовой, А. М. Столяренко, а также зарубежных авторов свидетельствуют о том, что уровень правовых знаний существенно не влияет на направленность социально-правового поведения человека⁶.

Психологическое изучение детерминант социально-правового поведения личности требует определения дефектов правосознания. Последние могут выражаться в особенностях ее психического склада, специфических характеристиках системы интегративных психических образований, детерминирующих социально-правовое поведение, в социально-правовых ожиданиях, а также в социальной неподготовленности личности (отсутствии необходимых профессиональных, социально значимых умений и навыков, несформированности социально одобряемых личностных норм и принципов поведения и т. д.). Методологической основой исследования дефектов правосознания может явиться концепция криминогенной сущности личности преступника А. Н. Пастушени⁷. Исходя из понимания криминогенности личности такие дефекты общественного правосознания проявляются прежде всего в приемлемости для части членов общества тех или иных преступных способов действий, которые они используют для удовлетворения определенных потребностей или разрешения жизненных проблем.

На основании общих посылок можно сформулировать отношения и представления о тех или иных сторонах правовой действительности и социально-правового поведения человека, в которых выражаются дефекты правосознания (табл.).

Таким образом, предметом эмпирического изучения правосознания должны выступать: отношение к закону, правовому поведению людей, правоохраняемым социальным ценностям, правоохранительным органам и их деятельности, выполнению гражданского долга по участию в поддержании правопорядка, представления о законопослушном человеке и преступнике, а также социально-правовые ожидания. При изучении индивидуального правосознания в первую очередь необходимо обратить внимание на позицию личности по отношению к преступному и правомерному способам удовлетворения потребностей, отношение личности к субъектам правомерного и преступного поведения, индивидуальные представления о такого рода позициях других людей в обществе, представления о состоянии правопорядка, возможностях правомерного удовлетворения потребностей и др.

Исследование правосознания также требует изучения психологических механизмов его формирования. Учитывая то, что правосознание формируется по механизмам формирования других свойств, предметом изучения должны стать механизмы подражания и психологического заражения, научения, подкрепления (стимулирования), анализа и обобщения воспринимаемых социальных явлений, а также механизмы формирования сознания и др. Одним из направлений разработки данной проблемы должно выступить исследование социальных факторов, обуславливающих формирование правосознания. К таковым относятся семья, социальное окружение, условия жизнедеятельности, занятость, средства массовой информации, отношение к криминальной субкультуре, уровень правопорядка в обществе, степень правовой и социальной защищенности и т. д.

Дефекты правосознания

№ п/п	Элементы правосознания	Дефекты правосознания (отношения и представления)
1	Отношение к закону, правовым предписаниям	Отношение к закону, правовым предписаниям отрицательное или противоречивое. Представления о правовых требованиях, правах и обязанностях неадекватные, не обязательные для исполнения, вредные для людей и т. д.
2	Отношение к право- послушному и противоправному поведению людей	Законопослушное поведение, образ жизни считаются неприемлемыми (невыгодными, неправильными). Представления о невозможности законно удовлетворить свои потребности, интересы и притязания. Либо возможно, но потребуются больше усилий и затрат по сравнению с противоправным способом. Противоправное поведение воспринимается как нормальное, выражается положительное отношение (выгодное, правильное) к преступному образу жизни, удовлетворению потребностей и притязаний. Противоправное поведение (способ удовлетворения потребностей и интересов) воспринимается как неправильное, но вынужденно необходимое для решения жизненных проблем. Оправдательное отношение к отдельным преступлениям. Отсутствуют реальные и конкретные представления о том, как законопослушно жить, удовлетворять материальные потребности, взаимодействовать с другими людьми, разрешать конфликты, проводить досуг, развлекаться
3	Представления о законопослушном человеке, о человеке, совершающем противоправное деяние, и отношение к нему	Представления о том, что большинство совершают правонарушения, спокойное к этому отношение. Отрицательное отношение к законопослушному гражданину либо безразлично-пренебрежительное. Положительное отношение к правонарушителю, отсутствие осуждающей позиции к нему. Оправдательное отношение к преступнику
4	Отношение к правоохраняемым социальным ценностям	Отрицательное (пренебрежительное, негуманное, эгоистичное, потребительское, неприязненное и т. д.) отношение к правоохраняемым социальным ценностям
5	Социально-правовые ожидания	Представления о том, что значительная часть преступников избегает ответственности либо что достаточно легко сделать, совершив правонарушение
6	Отношение к правоохранительным органам и их деятельности	Представления об отсутствии в обществе должного контроля за правопорядком. Отсутствие чувства безопасности. Оценка криминогенной обстановки как сложной с высоким уровнем преступности при объективно должном уровне правопорядка. Неадекватная оценка деятельности органов правопорядка. Выраженное неаргументированное отрицательное отношение к органам правопорядка
7	Отношение к выполнению гражданского долга по участию в поддержании правопорядка	Отрицательное отношение к возможности оказывать помощь органам правопорядка. Согласие участвовать в правоохранительной деятельности только при нарушении собственных прав, защите личной собственности либо прав и свобод близких

Список использованной литературы

¹ Теория государства и права: курс лекций / М. И. Байтин [и др.]; под ред. Н. И. Матузова, А. В. Малько. М., 1997. С. 564.

² Психология: словарь / под ред. А. В. Петровского, М. Г. Ярошевского. 2-е изд. М., 1990. С. 419.

³ Общественное мнение и преступление : монография / Г. Х. Ефремова [и др.]. Тбилиси, 1984. С. 16.

⁴ См.: Пастушеня А. Н. Психологическая характеристика индивидуального и общественного правосознания: структурно-содержательный аспект [Электронный ресурс] // Психология и право. 2012. № 1. URL: <http://psyjournals.ru/psyandlaw> (дата обращения: 29.11.2012).

⁵ См.: Покровский И. Ф. Правосознание как относительно самостоятельная форма сознания. Л., 1970. С. 28–32.

⁶ См.: Долгова А. И. Изучение правового сознания несовершеннолетних // Правовая культура и вопросы правового воспитания / под ред. А. Д. Бойкова [и др.]. М., 1974. С. 197–206; Ратинов А. Р. Структура правосознания и некоторые методы его исследования // Методология и методы социальной психологии. М., 1977. С. 201–214; Ефремова Г. Х., Ратинов А. Р. Правовая психология и преступность молодежи. М., 1976. С. 86, 95–97; Столяренко А. М. Правовая психология личности // Энциклопедия юридической психологии / под общ. ред. А. М. Столяренко. М., 2003. С. 58.

⁷ См.: Пастушеня А. Н. Криминогенная сущность личности преступника: методология познания и психологическая концепция. Минск, 1998.

Статья рекомендована к опубликованию научно-экспертным советом академии, протокол от 21 февраля 2014 г. № 2.

УДК 159.9:343.8

ББК 88.472

Т13

N.N. TAVTILOVA*

PSYCHODYNAMIC TYPOLOGY OF PENAL OFFICERS WHICH FORM THE PERSONAL RESERVE

Аннотация: в статье описывается эмпирическое исследование психодинамической типологии и личностного роста сотрудников уголовно-исполнительной системы, состоящих в резерве кадров на выдвижение.

Ключевые слова: сотрудники уголовно-исполнительной системы, резерв кадров на выдвижение, психодинамический тип, личностный рост.

Annotation: in the article the author presents the empirical research of psychodynamic typology and personal growth and development of penal officers which form the personal reserve.

Key words: penal staff, personnel reserve, psychodynamic type, personal growth and development.

Анализ профессиональной деятельности сотрудников уголовно-исполнительной системы (УИС) показывает, что центральным звеном в системе управления персоналом является работа с кадровым резервом.

Необходимость изучения условий и путей развития личностного и профессионального роста сотрудников, состоящих в резерве кадров на выдвижение, служит предпосылкой для успешной реализации кадровой политики УИС.

«Кадровый резерв нужно создавать и воспитывать в своем коллективе из числа наиболее квалифицированных, творчески работающих людей, обладающих организаторскими способностями и пользующихся авторитетом в коллективе», – отмечает В. И. Огородников в монографии «Руководитель в пенитенциарной системе: управление, право, психология»¹. Важной частью этого подхода является информация, которая может быть получена на каждого кандидата-резервиста как при постановке, так и во время нахождения в резерве кадров на выдвижение.

Анализ исследований личностных профилей сотрудников (руководителей) правоохранительных органов показывает множество подходов к его рассмотрению (А. В. Чечкова, 2001; Е. Е. Гаврина, 2004; Г. В. Протасова, 2004; Ю. Н. Кравцова, 2005; И. Е. Реуцкая, 2005; Т. В. Лобанова, 2006; Н. Ю. Портнягина, 2007; О. В. Старикова, 2007; Р. Н. Киселева, 2007; А. М. Раков, 2008).

С позиции психодинамического подхода личностный профиль сотрудников, состоящих в резерве кадров на выдвижение, представлен в интрапсихическом распределении психических факторов (побудителей), направляющих личностно-профессиональный рост и определяющих перспективы его совершенствования.

**НАТАЛЬЯ
НИКОЛАЕВНА
ТАВТИЛОВА***

ПСИХОДИНАМИЧЕСКАЯ ТИПОЛОГИЯ СОТРУДНИКОВ УИС, СОСТОЯЩИХ В РЕЗЕРВЕ КАДРОВ НА ВЫДВИЖЕНИЕ

* Начальник отделения психологического обеспечения УИИ
УФСИН России по Оренбургской области
E-mail: natta2575@yandex.ru.

В проведенном эмпирическом исследовании сотрудников, состоящих в резерве кадров на выдвижение, мы использовали следующий психодиагностический инструментарий: 16-факторный опросник Р. Кеттелла «Многофакторная личностная методика» (вариант «С»), опросник В. В. Синявского, Б. А. Федоришина «Коммуникативные и организаторские склонности», опросник Э. Шейна «Мотивация профессиональной карьеры», опросник Ю. М. Орлова «Потребности в достижениях», метод цветочных выборов М. Люшера, метод расчета психодинамических коэффициентов Д. Сочивко (на основе восьмицветового теста Люшера). Обработка полученных данных проводилась на основе методов уровневого и многомерного анализа (факторного, кластерного), с использованием компьютерной программы Statistika 6.0.

По результатам эмпирического исследования получена факторная психодинамическая структура личностного и профессионально-карьерного роста сотрудников, определяющих личностный и карьерный рост сотрудников в период нахождения в резерве кадров на выдвижение (табл.).

На основе кластерного анализа полученных факторных решений по испытуемым мы получили два кластера, соответствующих двум обобщенным психодинамическим типам личностно-профессионального и карьерного роста (рис.).

Первый психодинамический тип (1-й кластер) представляет группу сотрудников с высокой компетентностью и стабильностью служебных и профессиональных установок, а также с высокими показателями автономии и вызова, несколько более высокими показателями возраста и стажа, с преобладанием большего процента женщин, а также с высокой активностью коммуникативно-организаторской направленности. Этот психодинамический тип мы назвали типом активного личностного роста. На этапе постановки в резерв кадров на выдвижение первый тип представляет собой активно развивающуюся личность сотрудника, которая готова к личностному росту в разных направлениях как на службе, так и в других сферах.

Второй психодинамический тип, полученный на этом же этапе – постановки в резерв кадров на выдвижение, мы назвали застойно-нестабильным типом. Сотрудники второго психодинамического типа представлены низкой профессиональной компетентностью и стабильностью, низкой автономией и вызовом, моложе по возрасту и стажу, с преобладанием большего процента мужчин и слабо сформированной коммуникативно-организационной направленностью.

На основе полученных данных – психодинамических кластеров (типов) сотрудников, состоящих в резерве кадров на выдвижение, мы можем предположить возможные кризисы на пути к профессионально-личностному росту и их коррекционное решение.

В исследовании И. Е. Реуцкой отмечается взаимосвязь основных причин (субъектных, ситуативно-организационных, социально-психологических), вызывающих затруднения профессионального и личностного роста сотрудников.

Среди субъектных причин можно выделить:

- потребностно-мотивационные (отсутствие перспективы, наличие корыстной мотивации, несовпадение мотивов и целей службы, неадекватные карьерные ориентации, направленность на другой вид деятельности и др.);

- операциональные (слабая профессиональная подготовка, недостаточный образовательный уровень, профессиональная деформация личности и др.);

- модуляционные (неэффективный стиль работы, физические и нервно-психические перегрузки).

К ситуативно-организационным причинам относятся:

- отсутствие перспектив служебного роста (по должности или званию);

- возрастные ограничения по службе;

- отсутствие времени для профессионального развития;

- влияние внешних негативных обстоятельств (протекционизм, пьянство и др.).

Социально-психологические причины:

- неблагоприятный морально-психологический климат в служебном коллективе;

- отсутствие объективности со стороны вышестоящего руководства в профессиональной оценке сотрудников².

Для успешной организации работы с сотрудниками, состоящими в резерве кадров, необходимо учитывать причины, вызывающие затруднения профессионального и личностного роста, и стимулировать условия для их совершенствования.

Для активации ресурсов личностно-профессионального роста целесообразно осуществлять:

- актуализацию позитивных качеств, направленных на достижение поставленных целей;

- конкретизацию путей профессионально-личностного роста, планирование карьеры;

- гармонизацию путей профессионально-личностного роста, определение ее непротиворечивости другим личностно значимым целям (моделирование образа желаемой ситуации при отсутствии затруднения профессионально-личностного роста);

**Факторная психодинамическая структура личностного
и профессионально-карьерного роста сотрудников
в период нахождения в резерве кадров на выдвижение
на вышестоящую должность**

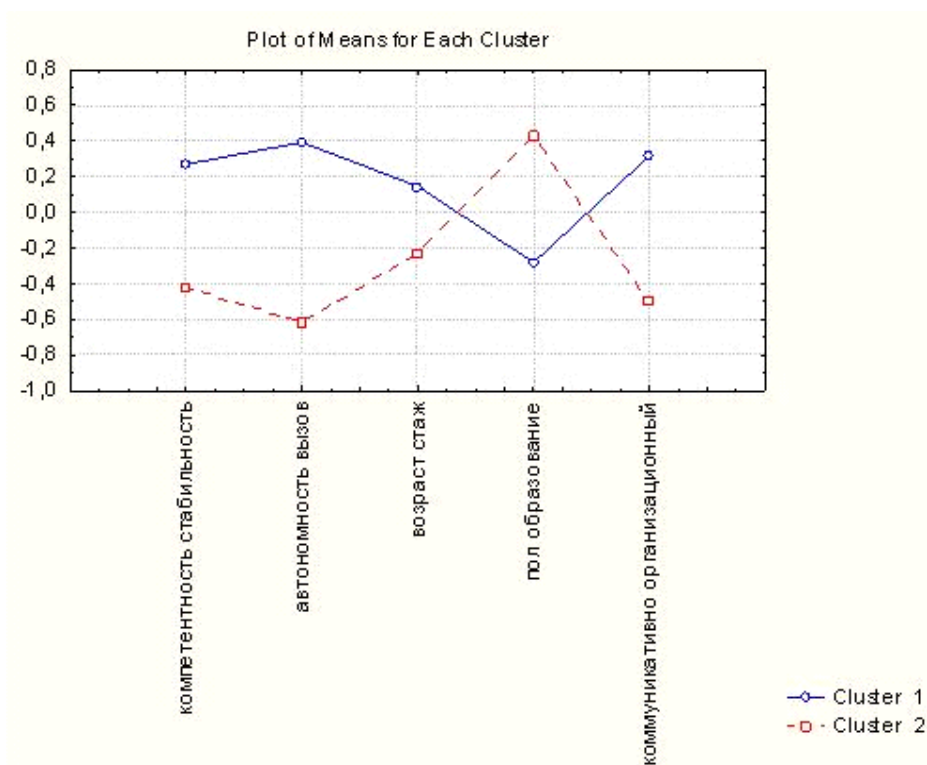
	Фактор 1: Компетентности стабильности	Фактор 2: Автономности вызова	Фактор 3: Возраста стажа	Фактор 4: Пола образования	Фактор 5: Коммуникативно- организационный
Возраст (полных лет)	0,112651	-0,113202	0,782664	-0,306661	0,106665
Стаж (в месяцах)	0,060010	0,003030	0,901496	0,087076	-0,015847
Пол	-0,064191	0,293811	0,099109	0,700411	0,130109
Образование	-0,046520	0,044196	0,231225	-0,462142	0,027731
Профессиональная компетентность	0,401760	0,257452	-0,028745	-0,424885	-0,017171
Менеджмент	-0,061592	0,787952	-0,012488	0,023517	-0,030991
Автономия	0,345368	0,405438	-0,135821	0,327940	-0,190272
Стабильность	0,893759	-0,021182	0,110781	0,012865	-0,113901
Служение	0,221681	0,491401	0,047531	-0,484870	0,141224
Вызов	0,013032	0,815973	-0,005885	-0,075227	0,034422
Интеграция стилей жизни	0,484286	0,319764	-0,178210	-0,241886	0,219842
Предпринимательство	0,123168	0,474613	-0,104334	0,252482	0,206055
Стабильность места работы	0,499522	0,320766	0,178884	-0,206391	-0,009005
Стабильность места жительства	0,851841	-0,163427	0,063694	0,099362	-0,165661
Коммуникативные склонности	-0,136149	0,048835	0,016240	0,009329	0,798758
Организаторские склонности	-0,077797	0,067452	-0,071096	-0,183239	0,718285
Потребность в достижениях	0,023288	-0,004940	0,130187	0,183682	0,640010

Полужирным курсивом выделены значимые по фактору веса признаков.

– конкретизацию образа желаемого будущего³.

Представленная психодинамическая типология сотрудников при постановке в резерв кадров на выдвижение, в период нахождения в

резерве кадров помогает сделать прогноз возможных причин, затрудняющих личностно-профессиональный рост, и научно обосновать организацию психокоррекционных программ по личностно-профессиональному развитию.

Результаты кластеризации факторных решений по испытуемым

Список использованной литературы

¹ См.: Огородников В. И. Руководитель в пенитенциарной системе: управление, право, психология : монография. М., 2006. С. 89.

² См.: Реуцкая И. Е. Психологическое консультирование руководителей органов внутренних дел при затруднениях в профессиональном росте личности : автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 2005.

³ Диагностика и развитие управленческого потенциала руководителя органа внутренних дел : учеб.-метод. пособие / под общ. ред. В. Л. Кубышко. М., 2006. С. 114.

Статья рекомендована к опубликованию научно-экспертным советом академии, протокол от 25 апреля 2014 г. № 4.

ТРЕБОВАНИЯ К СТАТЬЯМ

Требования разработаны с учетом критериев Высшей аттестационной комиссии Минобрнауки России для включения научных изданий в Перечень российских рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук, и являются обязательными к исполнению всеми авторами без исключения.

Каждый автор, подавший статью в редакцию научного журнала «Человек: преступление и наказание», тем самым выражает свое согласие на указание в печатной и internet-версии журнала (в открытом свободном доступе на сайте: www.elibrary.ru) его фамилии, имени, отчества полностью, места работы и должности, контактной информации – E-mail. При этом он несет ответственность за достоверность используемых материалов, точность цитат.

Все поступающие в редакцию материалы проходят обязательное рецензирование, авторам не возвращаются. Авторское вознаграждение не выплачивается. В случае отказа от публикации статьи редакция направляет автору мотивированный отказ.

1. Статьи принимаются по адресу: 390000, г. Рязань, ул. Сенная, 1, редакционно-издательский отдел Академии ФСИН России, тел.: (4912) 93-82-42; 93-46-40 (факс) либо по электронной почте: E-mail: editor62@yandex.ru.

2. Статьи должны быть представлены в **распечатанном и электронном виде** и содержать следующие обязательные элементы:

а) **сведения об авторе** (указываются в начале статьи, с правой стороны): фамилия, имя, отчество полностью; ученая степень, ученое звание; место работы, должность; контактный телефон, E-mail;

б) название на русском и английском языках;

в) **аннотация** (два-три предложения, раскрывающие содержание статьи) на русском и английском языках;

г) **ключевые слова** на русском и английском языках;

д) основной текст;

е) библиографический список (3–4 источника), оформленный в соответствии с ГОСТ 7.1-2003 «Библиографическая запись. Библиографическое описание. Общие требования и правила составления».

3. Объем статей – **до 8 страниц** формата А4, набранных в программе MS Word 14-м кеглем, через 1,5 интервала с полями: верхнее и нижнее – 2 см, левое – 3 см; правое – 1,5 см.

4. Требования, предъявляемые к набору текста статьи: не устанавливать абзацный отступ с помощью знака пробела; вставлять сноски с автоматической нумерацией; ставить пробел между фамилией и инициалами; использовать кавычки типа «елочка»; не ставить принудительные (ручные) переносы.

5. Библиографические ссылки к тексту статьи должны быть оформлены в соответствии с ГОСТ Р7.05-2008 «Библиографическая ссылка».

Научное издание

ЧЕЛОВЕК: ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ

Научный журнал

Редакторы *С.А. Ардашева, С.А. Слепухина*
Корректоры *О.А. Кейзина, Е.В. Одекова,*
Компьютерная верстка *С.В. Ануфриев*
Ответственный за выпуск *П.Н. Нестеров*

Подписано в печать 26.06.2014. Формат 60x84 1/8.
Бумага офсетная. Печать офсетная. Печ. л. 25,3.
Тираж 1500 экз. Заказ № .

Редакционно-издательский отдел Академии ФСИН России
390000, г. Рязань, ул. Сенная, 1

Отпечатано: Отделение полиграфии РИО Академии ФСИН России
390000, г. Рязань, ул. Сенная, 1